

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

РЕЙХА

Тайны СС

«Черный орден» Гитлера

С Е К Р Е Т Н Ы Е

МАТЕРИАЛЫ

РЕЙХА

Тайны СС «Черный орден» Гитлера

Москва
«ЯУЗА-ПРЕСС»
2010

УДК 355/359
ББК 68
Т 12

Оформление серии *П. Волкова*

Т 12   **Тайны СС. «Черный орден» Гитлера** : сборник /
М. : Яуза-пресс, 2010. — 384 с. : ил. — (Секретные
материалы III Рейха).

ISBN 978-5-9955-0125-1

SS (Schutzstaffeln) — охранные отряды НСДАП — не только самая зловещая, но и самая таинственная организация XX века. Многие ее преступления до сих пор скрыты под завесой секретности, мифов, домыслов и лжи. Ее история полна непроницаемых «черных пятен». Недаром сами эсэсовцы называли свою организацию «Черным орденом» (Schwarz Orden). СС контролировала все стороны духовной, научной, политической, экономической и военной жизнедеятельности Третьего Рейха — от самой мощной системы безопасности до загадочной организации «Аненербе», от иностранных дивизий добровольцев, сражавшихся на стороне Гитлера, до «штрафной» бригады Дирливангера, от выпуска фальшивой иностранной валюты до «окончательного решения еврейского вопроса». А после падения Третьего Рейха SS была единственной нацистской структурой, продолжавшей свою деятельность в глубоком подполье.

Эта книга проливает свет на самые запретные, самые тайные и закрытые страницы истории «Черного ордена» Гитлера.

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-9955-0125-1

© ООО «Яуза-пресс», 2010

Дмитрий Жуков

«ВАЛЬХАЛЛА ГИММЛЕРА»

История замка Вевельсбург

Замок Вевельсбург часто показывается в литературе и публицистике, посвященной пресловутому «оккультному нацизму», в качестве «столицы Черного ордена» и даже будущего «центра многонационального государства СС». Известный мистификатор Юрий Воробьевский, кичащийся тем, что он якобы «работал с архивами Аненербе», умело эксплуатируя болезненный интерес своих наивных читателей ко всему мистическому и таинственному, к примеру, интригуяще замечает: *«Под этими сводами, подражая рыцарям короля Артура, за круглым столом собирались тринадцать высших посвященных Черного ордена. Так было и за неделю до нападения на СССР. В замке даже был подготовлен постамент для чаши Грааля. Однако он оказался пустым. Взять власть над миром не удалось...»*¹.

Разумеется, Воробьевский (одним из первых в России начавший эксплуатацию «оккультного мифа» применительно к гитлеризму) и его многочисленные по-

---

¹ Воробьевский Ю. Аненербе — оккультный меч рейха. Третий рейх против «Кремлевского горца». М., 2004. С.139.

следователи¹ оказались не способны придумать что-то новое. Андрей Васильченко справедливо замечает по этому поводу: «Об оккультизме Третьего рейха в последнее время в России выпущено немало книг... Большинство прошлых изданий... походили друг на друга как сиамские близнецы. Оно не удивительно, ведь большая часть из них явилась компиляцией из давно появившихся на русском «Оккультных корней нацизма» (Н. Гудрик-Кларк), «Утра магов» (Повель и Бержье) и «Копья судьбы» (Равенскрофт)»².

Действительно, традиция привязывать национал-социализм к сатанизму, оккультизму и мистике, пришла в Россию с Запада. Интересно отметить, что эта тенденция восходит еще к довоенной пропагандистской публицистике, самым ярким образчиком которой стали «труды» Германа Раушнинга³.

В бесконечном массиве «оккультно-нацистской литературы» нашлось место и для инсинуаций в отношении замка Вевельсбург. При этом подавляющее большинство авторов, интересующихся историей «бюренской крепости», имеют весьма отдаленное представление о действительном положении, отведенном Вевельсбургу в организации СС, и о его подлинном значении в идеологии Охранных отрядов.

---

¹ К их числу в последние годы добавились некие отечественные авторы, скрывающиеся под претенциозными псевдонимами «Ганс-Ульрих фон Кранц» и «Лин фон Паль». Последний, к примеру, подчеркивает, что Вевельсбург был «магическим центром рейха» (Паль Л. фон. Аненербе. Оккультный демарш СС. СПб., 2006. С. 30).

² Васильченко А. Оккультный миф III Рейха. М., 2008. С. 9—10. Указанному автору следует отдать должное в том, что он не пытается мистифицировать читателя в духе эпигонов Повеля и Бержье, и благодаря его работам российская публика получила возможность составить более-менее объективное мнение о проблеме.

³ Как ни странно, сомнительные сентенции Раушнинга до сих пор продолжают цитировать некоторые представители академической науки. О библиографии «оккультного нацизма» подробнее см. нашу работу: «Оккультный рейх». Главный миф XX века. М., 2009. С. 8—38.

Приблизительно с начала 1950-х г. в различных публикациях начали мелькать такие определения, как «монастырь СС», «орденский замок» и «замок Грааля». Вевельсбург назывался «культовым местом», «Вальхаллой Гиммлера», «духовным штабом Ордена СС», «Черным Камелотом» или даже вообще — «центром мира»¹.

В то же время в научной литературе, посвященной истории ведомства Гиммлера, Вевельсбург фигурировал крайне редко и в основном отнюдь не через призму мистики². Чаще всего исследователи упоминали таинственный замок, цитируя известное свидетельство бывшего высшего фюрера СС и полиции Эриха фон дем Бах-Зелевского на Нюрнбергском процессе (в ходе допроса 7 января 1946): *«Я считаю, что здесь имеется очень тесная связь с речью Генриха Гиммлера в начале 1941 года в Вевельсбурге, еще до начала похода на Россию. Гиммлер говорил тогда, что целью похода на Россию является сокращение числа славян на 30 миллионов человек»*³. Заметим, что ряд исследователей утверждают, что Бах-Зелевский искажил подлинные слова своего шефа. Кроме того, как отмечает немецкий историк

¹ См., напр.: *Frischauer W. Himmler — the evil Genius of the Third Reich*. London. 1953. P. 247; *Bronder D. Bevor Hitler kam. Eine historische Studie*. Hannover. 1964. S. 255; *Lichtenstein H. Wo Himmler residieren wollte. Die westfälische Wewelsburg als Zentrale des SS-Staates* / Forst W. Menschen, Landschaft und Geschichte. Köln—Berlin. 1965. S. 115—128; *Ravenscroft T. Der Speer des Schicksals*. Zug. 1974. S. 311, 322; *Kyle D. Black Camelot*. N. Y. 1978. P. 199.

² Редким исключением стала классическая и неоднократно переиздававшаяся работа Хайнца Хене «Орден под мертвой головой. История СС» (*Hohne H. Der Orden unter dem Totenkopf. Die Geschichte der SS*. Gutersloh. 1967; наиболее полное переиздание на русском языке: Хене Х. Черный орден СС. История охранных отрядов. М., 2003), в которой автор посвятил замку несколько страниц (в указ. отеч. издании: С. 146—148).

³ См.: Из протокола свидетеля Э. Бах-Зелевского. Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 7 января 1946 г. / Нюрнбергский процесс: Сб. материалов: В 8 т. Т. 5. М., 1991. С. 267.

Карл Хюзер, указанная в показаниях дата гиммлеровской речи является «ошибочной, поскольку единственное документально подтвержденное совещание Гиммлера с группенфюрерами СС в замке Вевельсбург имело место с 11 по 15 июня 1941 года»¹.

В любом случае о замке Вевельсбург отечественный читатель до сих пор имеет довольно смутное представление. Поэтому для начала следует ретроспективно обрисовать краткую историю этой крепости до того момента, как замком заинтересовались «компетентные службы» СС.

Первописьменное упоминание о замке Вевельсбург принадлежит перу магдебургского аббата Арнольда цу Берге (1173—1190). По сведениям этого саксонского летописца, прославившийся своим чрезвычайно жестоким нравом граф Фридрих фон Арнсберг в 1123 г. решил возвести на месте некогда существовавших здесь саксонских оборонительных валов каменный замок. Однако уже в следующем году граф скончался, и начатые постройки были разрушены озлобленными на графа окрестными крестьянами.

Некоторое время территория замка принадлежала семейству графов фон Вальдек, которые восстановили разрушенные каменные постройки, а позже передали половину замка благородному рыцарю Бертольду фон Бюрену² в качестве ленного владения. Следующее упоминание датировано 1301 г. Оно сообщает о покупке

---

¹ Huser K. Wewelsburg 1933—1945. Stellung und Bedeutung der Burg und des Konzentrationslagers Niederhagen für Himmlers SS-Orden / Wewelsburg 1933 bis 1945. Kult- und Terrorstätte der SS. Berlin. 1982. S. 7.

² Хене называет фон Бюрена «разбойником». Кроме того, он сообщает, что замок был заложен в этих местах еще «во времена гуннов», очевидно путая позднейшие каменные постройки с саксонскими валами. См.: Хене Х. Указ. соч. С. 147.

ке Вевельсбурга падерборнским епископом Отто фон Ритбергом.

В течение следующих столетий замок оставался собственностью падерборнской церкви. В 1589 г., после неоднократных передач в залог состоятельным господам из Бюрена и Бренкена, Вевельсбург был окончательно выкуплен архиепископом Теодором фон Фюрстенбергом (1585—1618). В 1604—1607 гг. он придал замку его сегодняшний облик. В частности, именно тогда были построены три мощные башни, которые составляют с высоты птичьего полета почти равнобедренный треугольник, повторяющий очертания окружающей местности.

В 1646 г. стены и башни замка понесли тяжелый ущерб от огня шведской артиллерии. Лишь спустя десять лет после завершения Тридцатилетней войны архиепископ Теодор Адольф фон дер Рекке сумел ликвидировать разрушения, а его преемник Фердинанд фон Фюрстенберг (1661—1683) увенчал башни замка барочными купольными крышами с изогнутым контуром.

В XVIII веке Вевельсбург считался, наряду с замком Нойхаус, второй резиденцией падерборнских архиепископов, после чего он стал служить в качестве административного здания, в котором разместились местное управление и казначейство. В 1802 г., когда Пруссия завоевала княжеское епископство Падерборн, замок уже выглядел наполовину разрушенным и в дальнейшем продолжал приходить в упадок. В январе 1815 г. мощная северная башня вследствие удара молнии полностью выгорела. Относительно нетронутыми остались только наружные стены толщиной около 2 метров. Прусское государство в течение следующих ста лет содержало в исправности лишь обращенное в сторону деревни южное крыло, половина которого была в 1832 г. предо-

ставлена священнику Вевельсбурга в качестве жилого помещения¹.

Перед Первой мировой войной был осуществлен частичный ремонт крыш, что в некоторой степени затормозило дальнейшие разрушения. Северная же, так называемая Толстая башня (*Dicke Turm*) продолжала по-прежнему оставаться в руинах...

Лишь в 1924 г. ландрат (глава местного правления) округа Бюрен д-р Фогельс запросил вышестоящие инстанции в Миндене о возможности реконструкции замка с целью проведения общественных собраний и помещения на его территории туристической базы. Благодаря инициативе ландрата летом 1924 г. было сформировано «Добровольное общество содействия сохранению замка Вевельсбург». Это свидетельствовало о том, что реконструкция замка стала делом всего населения округа Бюрен. Различные пожертвования позволили успешно вести восстановительные работы в течение следующих лет.

В 1925 г. замок был передан в собственность округу Бюрен, который получал компенсацию в размере 10 000 марок за приведение замка Вевельсбург в исправное состояние. Реставрационные работы в западном крыле замка сводились к обновлению двускатной крыши и к расчистке заваленных мусором подвальных помещений, в которых предстояло обустроить краеведческий музей. На сохранившем свои перекрытия первом этаже еще зимой 1924/25 г. (в примыкающем к северной башне полуразрушенном помещении) был восстановлен бывший рыцарский зал площадью 49×10 м со сценой, способный вместить около пятисот человек.

---

¹ См.: *Huser K. Franz von Loher (1818—1892). Paderborn. 1972 / Studien und Quellen zur Westfälischen Geschichte. Bd. 13). S. 11.* Там же указаны ссылки на литературу по этой теме.

Работы продвигались столь быстрыми темпами, что уже 31 мая 1925 г. состоялась торжественная церемония открытия зала и музея. Одновременно в узком восточном крыле была открыта молодежная туристическая база, первоначально рассчитанная на тридцать спальных мест. В течение следующих лет она расширилась и была готова принять почти сто человек. Помимо этого, в восточном крыле было создано жилое помещение для «хранителя замка», а в юго-западной башне и примыкающих к ней частях южного и западного крыла — открыт ресторан.

Разразившийся экономический кризис привел к тому, что с 1930 г. настроения населения округа Бюрен резко переменились. Жители стали рассматривать все дальнейшие имеющие отношение к замку расходы как абсолютно излишнюю роскошь. В итоге окружной комитет вообще отказался от дальнейшей реконструкции замка. Так, летом 1932 г. комитет отказался выделить хранителю провинциального музея субсидии в размере 12 000 марок на проведение необходимых работ по обеспечению прочности стен северной башни.

Чтобы компенсировать хотя бы часть издержек на необходимое обслуживание Вевельсбурга, ландрат в конце 1932 г. разрешил размещение на территории замка подразделения Добровольной рабочей службы (ФАД)¹ численностью около 70 человек. Личный состав этого подразделения был занят на постройке трассы Вевельсбург—Ахден. 5 мая 1933 г. окружной комитет выдвинул предложение полностью реконструировать до сих пор не использованный верхний этаж западного

---

¹ Добровольная рабочая служба (Freiwillige Arbeitsdienst, FAD) — государственное учреждение, которое занималось устройством безработных на общественные работы и в трудовые лагеря. Создана в мае 1931 г. в связи с экономическим кризисом и ростом безработицы.

крыла с целью размещения на этой площади стационарного лагеря ФАД, рассчитанного на 214 человек¹.

Однако пришедшие к власти (30 января 1933 г.) нацисты «скорректировали» эти планы. Уже 3 ноября 1933 г., во время своего первого визита в замок, Генрих Гиммлер принял стихийное решение использовать Вевельсбург в качестве *Имперской школы руководителей СС*.

Как известно, СС, или Охранные отряды Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП), были развернуты на основе личной охраны Адольфа Гитлера. Вследствие этого в Третьем рейхе они были привлечены к обеспечению государственной безопасности и исполнению полицейских функций. Уже вскоре после своего назначения рейхсфюрером СС (6 января 1929 г.) Генрих Гиммлер призвал своих подчиненных к тому, чтобы они воспринимали себя в качестве расовой элиты всего национал-социалистического движения, и назвал СС «*союзом немцев нордического типа, отобранных по особым критериям*»².

Гиммлер с самого начала воспринимал личную охрану Гитлера и других высокопоставленных партийных функционеров лишь как одну из составляющих стоящего перед СС широкомасштабного задания, которое заключалось в «*создании тех основ, на которых следующие поколения будут строить свою историю*». При этом подчеркивалось, что «*именно чистота крови творит историю. Нордическая раса имеет решающее*

¹ Huser K. Wewelsburg... S. 9—12.

² Цит. по: Идея крови в СС. Охранный отряд как форма отбора людей преимущественно нордического типа / Кормилицын С. СС — мир для ариев. Преступление во имя нации. М., 2005. С. 206. Об орденовой идее СС см. также: Хене Х. Указ. соч. (в особенности главу «Организация СС как ордена». С. 133—152); Нольте Э. Фашизм в его эпоху. Новосибирск, 2001. С. 399—410; главу «Элита» в работе: Manvell R., Fraenkel H. Heinrich Himmler. The sinister life of head of the SS and Gestapo. London. 2007. P. 40—76.

значение не только для Германии, но и для всего мира. Если нам удастся Германию вновь заселить представителями этой чистой нордической расы... тогда мир будет принадлежать нам»¹.

В 1931 г. Гиммлер учредил в составе Высшего штаба СС две структуры. Служба безопасности рейхсфюрера СС (Sicherheitsdienst des Reichsführers-SS, СД), которую возглавил бывший морской офицер Рейнхард Гейдрих, должна была отражать «грозную кровную опасность» путем устранения любого потенциального противника. Расовое управление СС (Rasseamt der SS) отвечало за «отбор и сохранение чистой и наследственно-здоровой в расовом понимании крови»². Главой этого ведомства Гиммлер назначил идеолога расово-аграрного мировоззрения «Крови и почвы» Рихарда Вальтера Дарре, который в Третьей рейхе занял пост Имперского руководителя крестьян (Reichsbauernführer).

В компетенцию Расового управления входил, к примеру, анализ заявлений на бракосочетание, которые эсэсовцы обязаны были подавать на основании отданного рейхсфюрером СС «Распоряжения о вступлении в брак» от 31 декабря 1931 г. В ходе этого анализа изучались родословные членов СС и их избранниц и подтверждалось их арийское происхождение³. Однако главной задачей Расового управления было мировоззренческое обучение и оказание полезной для расово-политических целей СС научной поддержки.

Соображения по поводу тесной взаимосвязи между «расой» и «поселениями» (между этносом и ареалом его проживания), которые как Гиммлер, так и Дарре

---

¹ Цит. по: Пэдфилд П. Рейхсфюрер СС. Смоленск, 2002. С. 103.

² «Распоряжение о вступлении в брак», опубликовано в: «SS-Lei-
heft». № 9. 1943. S. 13.

³ Родословные рядовых эсэсовцев должны были восходить к 1800 г., представителей командного состава — к 1750 г.

почерпнули в юности у народников¹, впоследствии побудили их преобразовать Расовое управление в самостоятельное Управление расы и поселений.

Ввиду быстрого численного роста Охранных отрядов в период с 1930 по 1933 год² возникла необходимость обеспечить единый уровень идеологической подготовки руководителей СС. Поэтому сразу же после прихода национал-социалистов к власти д-ру Хорсту Рехенбаху было поручено заняться организацией Имперской школы руководителей СС (Reichsfuhrerschule-SS). Рехенбах родился в 1895 г. в Страсбурге в семье майора запаса. Так же, как Дарре и Гиммлер, после завершения Первой мировой войны он изучал сельское хозяйство и с 1927 г. занимал должность советника по науке в Эрфуртском специализированном профессиональном сельскохозяйственном среднем учебном заведении, находящемся в ведении Генерального штаба сухопутных войск. Для того чтобы иметь возможность всецело посвятить себя созданию Управления расы и поселений в Мюнхене, в 1932 г. Рехенбах был вынужден уйти в служебный отпуск. После своего назначения руководителем главного отдела в штабе Имперского руководителя крестьян летом 1933 г. он, одновременно с этим, еще целый год руководил администрацией Расового управления СС³. Заметим, что вплоть до своей отставки с поста шефа Главного управления расы и поселений

¹ Подробнее о связях Гиммлера с народническим движением см. нашу работу «Оккультный рейх»... С. 178—191.

² В январе 1929 г. СС насчитывали 280 членов, в 1930 г. — 2000, в 1931 г. — 10 000, в 1932 г. — 30 000 и в январе 1933 г. — более 52 000 человек.

³ В 1938 г. произведенный в звание оберфюрера СС Рехенбах руководил главным отделом вопросов крови в организации «Сословие кормильцев Рейха», во время Второй мировой войны служил в армии и в конце 1943 г. был приглашен в Управление по делам сельского населения Имперского руководства НСДАП в качестве главного руководителя отдела, занимавшегося проблемами «численного увеличения и улучшения расового состава сельского населения».

21 июня 1935 г. Дарре позволял своим подчиненным совмещать работу в этом управлении с исполнением обязанностей в штабе Имперского руководителя крестьян. В этом можно убедиться на примере переговоров, касающихся замка Вевельсбург.

План создания Имперской школы руководителей СС следует расценивать как дальнейший шаг к обособлению от Штурмовых отрядов (СА), которые с 1931 г. располагали собственной Имперской школой руководителей.

Возникает вопрос, почему Гимmlера и Дарре столь заинтересовал именно замок в Вестфалии?

Дело в том, что еще 4 января 1933 г. в ходе предвыборной борьбы нацистов за места в местном ландтаге Генрих Гимmlер сопровождал Гитлера в его поездке в Бесингфельд и Детмольд (округ Липпе). В ходе посещения этих городов личным сопровождением фюрера занимался директор архива города Мюнстер д-р Генрих Гласмайер. Последний возглавлял Объединенные вестфальские дворянские архивы и издавал «Вестфальский дворянский листок». Еще в начале 1932 г. он покинул правое крыло центристов и примкнул к НСДАП, поскольку видел в Гитлере «спасителя Европы от большевистского хаоса»¹. Спустя незначительное время Гласмайер стал курировать в НСДАП вопросы культуры.

В ночь на 5 января он, по поручению своего непосредственного начальника, гауляйтера д-ра Альфреда Мейера, препроводил фюрера и его свиту в замок Гревенбург, расположенный в городке Штайнхейм близ Падерборна. Замок принадлежал члену НСДАП с 1931 г. барону Адольфу фон Оэйнхаузену. Именно в Гревенбурге Гимmlеру и пришла мысль о возможности

---

¹ Гласмайер (1892—1945) был принят в СС 6 января 1933 г. и дослужился до звания оберфюрера СС. Находясь на должности имперского директора Великогерманского радио, пропал без вести под Веной.

приобретения замка для нужд Расового управления СС. Неизгладимое впечатление произвела на рейхсфюрера организованная Гласмайером 6 января поездка к памятнику Герману Херуску (вождю германского племени херусков, некогда разгромившему римскую армию полководца Вара в Тевтобургском лесу). Здесь же Гласмайер был принят в ряды СС.

Оэйнхаузен и Гласмайер, оба получившие по указанию Гитлера высокие должности (первый был назначен начальником окружного правления в Миндене, второй — директором радиостанции Кельна), старались в течение следующих месяцев поддерживать Гиммлера в осуществлении его плана. Сначала барон фон Оэйнхаузен обратил внимание рейхсфюрера на два объекта в ближайших окрестностях Гревенбурга: на Ольденбург — находившееся к тому времени в довольно плачевном состоянии родовое имение его семейства, и на Шваленберг, владелица которого, графиня фон Липпе, была весьма заинтересована в сдаче принадлежащего ей замка в аренду.

Возникла необходимость в специалисте, способном дать компетентные консультации. В качестве такового, по предложению Гласмайера, был привлечен архитектор Герман Бартельс. Появившийся на свет в 1900 г. в городе Минден, Бартельс успешно окончил среднее строительное учебное заведение в Мюнстере и в 1921 г. поступил на службу в отдел охраны памятников вестфальского провинциального союза. Эта организация занималась реставрацией многочисленных древних крепостей и замков Вестфалии. Занимая довольно скромный пост технического земельного оберсекретаря, Бартельс успешно руководил реставрацией замков Рамсдорф и Беверунген. Несмотря на это, в январе 1933 г. администрация союза отклонила представление на его утверждение в должности земельного архитектора.

Будучи глубоко уязвлен тем, что его личная самооценка не соответствует мнению руководства, Бартельс приложил немало усилий для того, чтобы добиться признания своих заслуг с помощью НСДАП, в ряды которой он вступил 1 сентября 1932 г. Преодолевая сопротивление его непосредственного начальства, гауляйтер Мейер летом 1933 г. обратился к главе земельного правительства Кольбову с настоятельной просьбой «в дальнейшем предоставить партайгеноссе Бартельса в полное распоряжение национал-социалистического движения», в котором его основная задача, как «эксперта в области изобразительного искусства», заключалась бы в «приведении находящихся на территории гау древних памятников культуры в надлежащее состояние и передаче этих памятников для использования по усмотрению движения»¹.

Будучи назначенным на пост окружного уполномоченного по культуре НСДАП (Gaukulturwart)², Бартельс весьма охотно согласился стать помощником и консультантом рейхсфюрера СС.

Переговоры вокруг замка Шваленберг поначалу обещали увенчаться успехом. 16 августа д-р Рехенбах в письме капитану в отставке Манфреду фон Кнобельсдорфу³ — деверю Дарре — предложил тому поступить на службу СС в качестве исполняющего обязанности

---

¹ Huser K. Wewelsburg... S. 16.

² При поддержке НСДАП Бартельс 1 сентября 1934 г. добился своего назначения на должность земельного архитектора. 1 июня 1941 г. он стал провинциальным советником по вопросам строительства. Почетным членом СС в звании штурмбаннфюрера Бартельс стал лишь 20 апреля 1938 г. В 1942 г. произведен в звание штандартенфюрера СС.

³ Манфред фон Кнобельсдорф (1892—1965) — кадровый офицер, уволен в запас в звании капитана в 1919 г. В 1919—1934 гг. работал представителем парфюмерной фабрики, сочетался браком с Ильзой Дарре. В 1934—1938 гг. — штатный руководитель СС, затем переведен в «Сословие кормильцев Рейха». В 1939—1945 гг. проходил службу в вермахте. После 1945 г. вернулся к коммерческой деятельности.

коменданта Шваленберга. Кнобельсдорф направил в Управление расы и поселений СС свое согласие на занятие этой должности, но спустя несколько дней получил уведомление о том, что рейхсфюрер СС отказался от заключения договора об аренде Шваленберга, ибо его владелица неожиданно выставила заведомо неприемлемые условия. Кнобельсдорфу также сообщили, что в течение сентября на территории Вестфалии будет выбран другой замок, о чем ему сообщат дополнительно.

В течение следующих недель Бартельс осмотрел еще несколько замков, сосредоточив основное внимание на Вевельсбурге. 3 ноября они вместе с начальником окружного правления и при помощи жены барона фон Оэйнсхаузена Юты чрезвычайно удачно подготовили инспекционное посещение Вевельсбурга рейхсфюрером. В итоге уже тем же вечером Гиммлер поручил Бартельсу еще до конца 1933 г. в сотрудничестве с Окружным строительным ведомством предоставить план проведения необходимых реставрационных работ, включающий предварительную смету предстоящих расходов.

Ландрат Бюрена барон фон Золемахер¹ ожидал от СС реставрации и надлежащего, с точки зрения охраны исторических памятников, обслуживания замка Вевельсбург. Эти мероприятия не обременяли бы местный бюджет, зато обещали получение заказов работниками строительных специальностей и предпринимателями округа. Тем не менее продавать замок Золемахер не хотел.

---

¹ Барон Йоганн фон Золемахер-Антвайлер (1889—1945), д-р юридических наук. После Первой мировой войны сначала исполнял обязанности ландрата в Моншау (Северный Рейн—Вестфалия), затем — правительственного советника в Министерстве оккупированных территорий. С 1925 по октябрь 1934 г. находился на посту ландрата округа Бюрен, начиная с декабря 1934 г. являлся правительственным советником при районном правлении Висбадена.

Гиммлер в свою очередь согласился взять замок в аренду за символическую сумму на длительный срок, но потребовал включить в договор *«весь замок как таковой, прилегающий к нему сад и принадлежащую в настоящий момент общине гору, на которой замок построен»*¹.

23 января в качестве уполномоченного представителя Управления расы и поселений СС в Вевельсбург был советник земельного суда д-р Вильгельм Зауре — руководитель правового отдела в аппарате Имперского руководителя крестьян Дарре. Зауре родился в небольшом городке Раттлар близ Вальдека, был членом СС и летом 1934 г. стал автором «Имперского закона о переходящих по наследству крестьянских дворах»². Накануне переговоров в Вевельсбурге Зауре специальным распоряжением Гиммлера от 15 января был произведен в звание оберштурмфюрера СС. Основанием для ведения переговоров послужил представленный фон Золемахером проект договора.

Партнером округа в заключаемом договоре с правовой точки зрения выступали не СС, а сама нацистская партия (в соответствии с принятым 1 декабря 1933 г. законом «Об обеспечении единства партии и государства» НСДАП получила юридический статус общественно-правового объединения, или «корпорации публичного права»³). Распоряжение от 20 июля 1934 г., придавшее СС положение независимой партийной структуры, ни-

---

¹ Huser K. Wewelsburg... S. 17.

² В. Зауре (род. 1899 г.) в 1935 г. исполнял обязанности министерского советника в Имперском министерстве продовольствия, в 1937 г. принял кафедру в Геттингене, в 1940 г. был переведен в Прагу и занял должность ректора немецкого отделения и комиссара чешского отделения Карлова университета. В СС он поднялся до звания оберфюрера Альгемейне-СС и штандартенфюрера запаса Ваффен-СС.

³ См.: Залесский К.А. НСДАП. Власть в Третьем рейхе. М., 2005. С. 362. Текст закона на русском языке см.: Организация Национал-социалистической немецкой рабочей партии. Riga, 2002. С. 587—589.

чего не меняло — решение всех финансовых и имущественных вопросов партии и ее подразделений входило в компетенцию Имперского казначея НСДАП в Мюнхене.

После отъезда д-ра Зауре ландрат, в соответствии с достигнутыми результатами переговоров, переработал проект договора. Поводом для этого, в частности, послужила одна из формулировок в §11, из которой следовало, что *«отношения, вытекающие из договора аренды, расторгаются в случае... если Национал-социалистическая рабочая партия Германии будет расформирована или эти отношения окажутся запрещены законом»*.

Чтобы устранить возможные недоразумения, эта фраза в §12 второго проекта получила следующее дополнение: *«Если же этот вновь принятый закон будет носить видоизмененное название, что может быть вызвано внешнеполитическими причинами или переходом полномочий НСДАП непосредственно к Германскому рейху, арендатор, по взаимному согласию с арендодателем, переуступает собственные права и обязанности в рамках этого договора своему правопреемнику, обладающему равной с ним экономической надежностью»*. Учитывая длительный, оговариваемый на сотню лет, срок действия договора, ландрат исходил из интересов сохранения права собственности округа Бюрен и намеревался предусмотреть в подготавливаемом документе возникновение всех возможных нюансов.

Окружной комитет принял этот второй проект 31 января 1934 г., высказав при этом пожелание увеличить символическую плату за аренду до ста рейхсмарок в год вместо первоначально оговариваемой суммы в одну рейхсмарку. Вместе с несколькими комментариями Золемахер уже 1 февраля отправил д-ру Зауре измененный текст документа и выразил надежду на быстрое

заключение договора, дополнительно ссылаясь на то, что строительные работы в Вевельсбурге уже начались. Прошло несколько недель, однако ответа из Управления расы и поселений он так и не получил. Зато Золемахер из третьих рук узнал о резких упреках в свой адрес со стороны уполномоченных Гимmlера в Управлении расы и поселений. Последние действительно отвергли текст проекта договора как напичканный «чрезмерно резкими формулировками и ненужными подробностями». В частности, §12 вызывал у них, как у национал-социалистов, «оскорбительные ассоциации»¹.

В результате Золемахер представил третий проект договора. Он отказался от «оскорбительного» пассажа в §12, но в остальном продолжал неуклонно придерживаться прежних формулировок, включив, впрочем, в некоторые из них несущественные изменения — так, например, сумма ежегодной платы за аренду составляла теперь снова одну рейхсмарку.

Этот третий проект по инициативе нового коменданта замка фон Кнобельсдорфа был направлен на экспертную оценку представителю вестфальского провинциального правления Герхарду Боммелю. Последний, будучи эсэсовцем и с 1933 г. лидером фракции НСДАП в городском представительстве столицы провинции Мюнстере, составил совершенно новый и более краткий контрпроект, который фон Кнобельсдорф в начале июля переслал в правление округа Бюрен. Но уже 12 июля он заявил ландрату в телефонном разговоре о том, что рассмотрение этого проекта временно откладывается.

После так известной «Ночи длинных ножей» (в ходе которой активное участие в ликвидации сторонников шефа Штурмовых отрядов Эрнста Рема приняли эсэ-

¹ Huser K. Wewelsburg... S. 19.

совцы) Гиммлер, значительно укрепивший свои политические позиции, лично включился в процесс ведения переговоров. Через коменданта замка он дал знать ландрату, что договор может быть заключен с несколькими несущественными изменениями на основе представленного администрацией округа третьего проекта. Начальник окружного правления в Бюрене также убедительно потребовал принятия скорейшего решения, и уже 27 июля окружной комитет единогласно принял представленный ему текст договора. Однако прошло еще более двух месяцев, прежде чем 11 октября обер-президент получил по телеграфу уведомление Имперского казначея НСДАП Шварца о том, что договор об аренде Вевельсбурга одобрен еще 29 сентября.

Рассматривая вопрос о начале строительных работ, следует отметить, что еще 3 ноября 1933 г. Гиммлер назначил ведущим архитектором запланированного проекта Германа Бартельса (сразу же после своего ознакомительного визита в замок).

Окружное строительное ведомство, задействовав добровольцев из лагеря ФАД, уже подготовило необходимую документацию для первоначально запланированного расширения замка (общий план, исполнительные чертежи, горизонтальные проекции и изображения в разрезе). Поэтому Бартельс уже накануне Рождества смог послать предварительные планы строительства имперскому руководству СС в Мюнхен. Энергичную поддержку Бартельсу оказал районный архитектор Брейтхаупт, составивший, помимо прочего, предварительную смету расходов.

План предусматривал реконструкцию западного и южного крыла, а также обеих сообщающихся юго-западных башен. Наряду с обустройством жилых и спальных комнат для Гиммлера и будущего «капитана замка» предполагалось оборудование библиотечного

зала и книгохранилища. Кроме того, в проекте присутствовал целый ряд напоминающих узкие клетки жилых комнат и помещений для индивидуального обучения, а также площадей, отведенных на хозяйственно-бытовые нужды, на размещение личного состава и обслуживающего персонала замка. При всем этом бросалось в глаза отсутствие поточных аудиторий.

Предварительная смета расходов Брейтхаупта, учитывавшая малые затраты на выполнение вспомогательных строительных работ добровольцами ФАД, составила 93 258, 07 рейхсмарки. Из-за большего, чем было первоначально предусмотрено, объема ремонтно-восстановительных работ калькулируемые затраты на строительство до конца марта 1934 г. выросли до 145 000 рейхсмарок. Эта сумма была четко оговорена в ходе производственного совещания, состоявшегося в Вевельсбурге 26 марта при председательстве гауляйтера д-ра Мейера.

Все присутствовавшие на этом совещании были уведомлены, что отныне рейхсфюрер СС вручает руководство выполнением реставрационных и строительных работ исключительно в руки архитектора Бартельса. Это известие было болезненно воспринято ландратом фон Золемахером, ибо он не видел в Бартельсе того специалиста, который мог бы руководить реставрацией замка, и предполагал сам оказаться на этом посту. Уже в конце ноября 1933 г. он предложил президенту окружного правления привлечь к работе эксперта по строительству крепостей и замков Бодо Эбхардта.

Бодо Эбхардт (1865—1945) до сих пор считается наиболее значительным специалистом по реставрации замков. Его деятельность пришлась на период, предшествовавший началу Первой мировой войны; однако уже в 1920-е гг. его подчеркнуто характерный для эпохи правления Вильгельма II архитектурный стиль стал

вызывать спорные оценки. Так или иначе округ Бюрен приступил к восстановлению замка Вевельсбург согласно соображениям Эбхардта, и Золемахер сознательно отстаивал эту линию. Бартельс же, в противовес этому, представил в земельный отдел охраны памятников в Мюнстере более современное и доминирующее на тот момент видение решения проблемы реставрационных работ. Оно предусматривало не только применение новых строительных материалов, но и осторожные изменения в конструкциях крыш, дверей и окон.

В любом случае своей протекцией Бодо Эбхардта Золемахер нажил себе в лице Бартельса непримиримого противника. Последний при каждом удобном случае интриговал против ландрата. Несмотря на взаимную антипатию, они оба активно содействовали ускорению подготовки строительных работ. Уже 25 января 1934 г. команда добровольцев ФАД в составе 70 человек заняла располагавшееся в восточном крыле замка помещение молодежной туристической базы и приступила к расчистке и углублению крепостного рва.

Тем временем Бартельс, консультируясь лишь с крайслейтером НСДАП из Падерборна Гембрисом и минуя всех посредников, предоставил составленные по собственному усмотрению строительные подряды в размере почти 100 000 рейхсмарок различным строительным фирмам вне округа Бюрен, вообще не информируя об этом окружное правление. В начале июня объяснимая досада бюренских представителей ремесленного сословия достигла такого размера, что ландрат отправил целую серию писем с жалобами Бартельсу, начальнику окружного правления в Миндене и лично Гиммлеру. С письменным протестом к Бартельсу и рейхсфюреру также обратились Комитет объединенных профессиональных корпораций ремесленни-

ков в Бюрене и Промышленно-торговая палата юго-восточной Вестфалии.

Особенное внимание фон Золемахер уделил поставке одностворчатых шкафов и другого имущества для ФАД из соседних Дорстена и Хекстера, а также предоставлению заказа на монтаж электрооборудования (стоимостью примерно 40 000 рейхсмарок) фирме «Сименс-Шукерт» в Мюнстере. Вручение подряда на монтажно-установочные и штукатурные работы двум падерборнским предприятиям, владельцы которых находились в близкородственных отношениях с крайслейтером Гембрисом или с сотрудником Бартельса архитектором Лессманном, Золемахер назвал *«политическим бесчинством и нарушением норм общественной морали»*.

В своем ответе от 27 июня Герман Бартельс отверг все упреки в свой адрес. Архитектор заметил, что он отдал бы подряды предприятиям округа Бюрен в том случае, если *«цены заявок на выполнение подряда были бы приемлемыми, фирмы полностью обеспечивали бы надежность и качество своей работы, рабочие кадры округа Бюрен обладали бы национальным образом мысли и по возможности являлись членами СА и СС, руководство фирм положительно относилось бы к национал-социалистическому движению»*. Бартельс обращался к крайслейтеру ввиду того, что в процессе распределения работ тот обладал способностью дать *«оценку настроенный в округе с политической точки зрения»*.

В свою очередь ландрат в письме начальнику окружного правления фон Оэйнхаузену Золемахер называл аргументацию архитектора *«совершенно абсурдной и полностью запутанной по своему характеру»*¹.

---

¹ Huser K. Wewelsburg... S. 22—23.

После «Ночи длинных ножей» в конфликт смог вмешаться сам рейхсфюрер СС. Он попытался успокоить ландрата и председателя объединенных профессиональных корпораций, а в личной беседе с Бартельсом попросил последнего более тесно сотрудничать как с округом Бюрен, так и с капитаном замка фон Кнобельсдорфом, жена которого Ильза по каким-то причинам испытывала антипатию к архитектору...

22 сентября 1934 г. обитатели окрестностей Вевельсбурга принимали рейхсфюрера СС, лично прибывшего для торжественной передачи замка СС. Для участия в церемонии из Миндена прибыл начальник окружного правления фон Оэйнхаузен, а с ним в качестве представителей органов власти — ландрат барон д-р фон Золемахер с шестью членами бюренского районного комитета, бургомистр д-р Ванд из городской администрации Бюрена и другие. Во дворе замка выстроились рота СС города Бюрен и падерборнский духовой оркестр СС. Собственно церемония передачи замка состоялась в Рыцарском зале.

К слову, спустя несколько дней после этого мероприятия ландрат фон Золемахер был освобожден от должности и уступил свое место члену НСДАП Фердинанду Айкелю. Один из последних официальных актов Золемахера датирован 11 октября. Он касается исполнения решения окружного комитета, принятого по поводу финансовых выплат из общественной кассы округа в размере 87,49 рейхсмарки, израсходованных на прохождение в сопровождении оркестра 82-го штандарта СС Падерборна по случаю торжественной передачи замка Вевельсбург рейхсфюреру СС.

Надо отметить, что Гиммлер и ответственные руководители Расового управления СС к этому моменту не вполне ясно представляли себе будущее предназначение Вевельсбурга. Во всяком случае, речь не шла о том,

чтобы замок стал школой СС или учебным замком в том понимании НСДАП, в каком их учреждали тогда по всей Германии. Потому-то в планах реставрационных работ и не было предусмотрено никакого оборудования учебных залов, а присутствовал лишь ряд узких помещений, которые должны были служить высоким руководителям СС в качестве жилых комнат и мест для мировоззренческих штудий.

Продолжительный путь к принятию унифицированного наименования также в целом указывает на отсутствие твердой концепции проекта СС «Замок Вевельсбург» (по меньшей мере, в 1934—1935 гг.). Во внутренней служебной переписке и делопроизводстве СС практически одновременно использовалось несколько наименований: «Расовая школа СС», «Школа руководителей СС», «Школа мировоззрения СС», «Имперская школа руководителей СС» или «Школа рейхсфюрера СС». На официальных заголовках бланков, печатях и штампах присутствовали следующие обозначения:

— Имперская школа руководителей СС Замок Вевельсбург в Вестфалии (Reichsführerschule SS Burg Wewelsburg i. / W.);

— Школа руководителей СС Замок Вевельсбург в Вестфалии (SS-Führerschule Burg Wewelsburg i. / W), и наконец, с осени 1935 г.:

— Школа-пансион СС Вевельсбург (SS-Schule Haus Wewelsburg).

Использование последнего наименования было предписано распоряжением СС от 6 ноября 1935 г. Одновременно это распоряжение официально заявляло о том, что впредь для именованя коменданта будет использоваться средневековый титул «капитан замка». Наконец, документ строго запрещал посещения Вевельсбурга посторонними лицами. Этот запрет Гимм-

лер продублировал в январе 1939 г., категорически запретив «акулам пера» любые публикации о замке.

Запрет на посещения был издан непосредственно после вывода с территории замка подразделения Имперской трудовой службы (Reichsarbeitsdienst, РАД)¹ численностью 110 человек в специально сооруженный для этого барачный лагерь в лесу общины Обернгу-дорф. После этого караульную службу в замке стали нести эсэсовцы. Сельские жители имели право появляться на территории замка лишь при наличии особого разрешения.

Неприметное и не бросающееся в глаза название «Школа-пансион СС Вевельсбург» должно было, по всей видимости, отвлекать ненужное внимание общественности. Отданное Гиммлером приказание соблюдать строжайшую тайну находится в заметном противоречии с практикой частых репортажей германской прессы о близлежащем Имперском учебном замке Эрвитте, о юнкерских училищах СС, а также о трех крупных «орденских замках» в Померании, Айфеле и Верхней Баварии. Распоряжение СС от 6 ноября 1935 г. разъясняло, что Вевельсбургу предстоит обрести совершенно иную значимость, нежели упомянутым учебным заведениям. Здесь отчетливо проявляются соображения Гиммлера о дальнейшем преобразовании замка в некую таинственную святыню Ордена СС. Некоторые указания на псевдорелигиозное звучание проекта «Вевельсбург» обнаруживаются также в отчетах о проделанной работе и других сообщениях руководителей курсов повышения квалификации.

Первым, кто побудил Гиммлера отказаться от планов превращения Вевельсбурга в обычную школу СС, был личный консультант рейхсфюрера в вопросах ми-

---

¹ Правопреемница ФАД.

ровоззрения Вилигут-Вайстор¹, австрийский полковник в отставке, некогда признанный недееспособным по причине слабоумия. Последнему принадлежит идея создания в стенах замка центра по теоретическому изучению основ расовой теории с целью ее дальнейшего фундаментального обоснования. Помимо этого, на решение Гиммлера повлияло вестфальское сказание о «битве близ Биркенбаума»².

В 1829 г. поэт Фердинанд Фрейлиграт облек это сказание в стихотворную форму. Здесь вновь прозвучали предсказания о том, что в ходе грядущей «последней битвы подле Биркенбаума» бесчисленные орды «с востока» будут наголову разбиты «западным» войском. Национал-социалисты спроецировали это сказание на себя и свою борьбу против «еврейского большевизма». По утверждению некоторых авторов, Гиммлер вознамерился подготовить СС к этому «величайшему столкновению между Азией и Европой», «причем, по расчетам рейхсфюрера, это событие должно будет произойти спустя одну-две сотни лет». Со своей стороны, Вайстор указывал на вестфальский замок Вевельсбург как на бастион, о который разобьется новый «натиск гуннов»³.

Приступивший в начале 1934 г. к организации «школы мировоззрения СС» Манфред фон Кнобельсдорф

---

¹ Карл Мария Вилигут (1866—1946), полковник австро-венгерской армии в отставке. Вследствие слабоумия признан в 1925 г. в Зальцбурге сначала полностью, затем — в 1931 г. — ограниченно недееспособным. С 1933 г. проживал в Мюнхене, занимаясь исследованиями «древнейшей истории и истории готов». Вступив в ряды СС под псевдонимом Вайстор, он вскоре был произведен в звание бригаденфюрера. Лишь в 1939 г. он ушел в отставку: официально — по возрастным причинам, в действительности — из-за окончательного помрачения рассудка.

² Частично приведено Х. Хене (Указ. соч. С. 147) с указанием иезуитского монаха Иоганна Хорриона в качестве автора.

³ Frischauer W. Op. cit. 67; см. также: Ravenscroft T. Op. cit. S. 311.

получил от Гиммлера и своего деверя Дарре в качестве напутствия лишь самые общие и расплывчатые идеологические представления о предназначении «нордической академии». Будучи выдвиженцем Дарре, Кнобельсдорф взялся за работу безотлагательно. Он воспринимал свое дело как задание донести из стен Вевельсбурга и фундаментально закрепить в сознании каждого эсэсовца «идеи Крови и Почвы, Отбора и Расы».

Верная этим же идеалам Ильза фон Кнобельсдорф, урожденная Дарре, смогла в резких дискуссиях с Бартельсом отстоять «соображения» своего брата применительно к внутренней отделке замка. В итоге лестницы, мебель, потолки, стены и полы Вевельсбурга были украшены национал-социалистическими «нордическими» орнаментами. В конце концов своим пониманием «нордического» Ильза настолько «испортила нервы» Герману Бартельсу, что он вплоть до 1939 г. предоставлял право заниматься внутренней отделкой «нордическому архитектору» члену СА Вальтеру Франциусу. С последним Кнобельсдорф познакомился в июле 1933 г. на общественном собрании в Дюссельдорфе. Кнобельсдорф смог заинтересовать его работой, связанной с обучением эсэсовцев. Летом 1934 г. он пригласил Франциуса в Вевельсбург в качестве старшего руководителя курсов повышения квалификации.

Почти одновременно с назначением Франциуса в Вевельсбург прибыл штурмфюрер СС Вальтер Мюллер, назначенный начальником управления Имперской школы СС. Еще пятеро сотрудников были приняты на службу в администрацию Вевельсбурга осенью.

При вступлении в должность все они являлись штатными сотрудниками Управления расы и поселений, но впоследствии были переведены в личный штаб рейхсфюрера.

Одним из первых сотрудников Вевельсбурга стал

друг Кнобельсдорфа Карл-Эрнст Лаш. Незадолго до его назначения Гиммлер выдвинул перед персоналом замка требование организовать «фундаментальное образование». В то же время его изначальная идея — приступить к повышению идеологической подготовки высших руководителей СС — отступила на задний план. Возникла необходимость привлечения «стоящих на прочной идеологической платформе» молодых ученых, специализирующихся на древнейшей и ранней германской истории, истории Средних веков, этнографии и генеалогии — основных дисциплин в понимании национал-социалистов. В октябре 1935 г. фон Кнобельсдорф также тщетно пытался отыскать специалиста по «германской астрономии», дабы подкрепить ею «политико-мировоззренческое обучение».

Лаш, изучавший историю, географию, этнографию и философию в Марбурге и Геттингене, составил письмо, в котором он описал необходимые качества, предъявляемые к кандидатам: *«Молодой сотрудник, которого нам хотелось бы видеть в своих рядах, помимо соответствующей мировоззренческой и воинской ориентации мышления, должен обладать сугубо научной подготовкой, будучи при этом свободным от того, чтобы рассматривать науку в качестве самоцели... Мы не нуждаемся ни в закосневшем догматике, ни в мечтателе-фантасте»*¹.

Этим описанием Лаш охарактеризовал свое понимание науки, а также те критерии, согласно которым он по поручению капитана замка вместе с Франциусом выбирал остальных научных руководителей курсов обучения и повышения квалификации.

1 апреля 1935 г. к исполнению служебных обязанностей в замке Вевельсбург приступил еще один старший

¹ Huser K. Wewelsburg... S. 30.

руководитель курсов повышения квалификации — д-р Ханс Петер де Кудр. Стремясь получить более престижную должность, он оставил пост руководителя администрации в саксонском отделении Имперского ведомства по содействию немецкой письменности и литературе (служебной инстанции, находящейся в подчинении Альфреда Розенберга), чтобы заняться созданием «Библиотеки Охранных отрядов в замке Вевельсбург». В качестве своих помощников де Кудр с сентября 1935 по август 1936 г. привлек к работе трех библиотекарей и высококвалифицированного переплетчика¹.

Тем временем Франциус пытался пробовать себя в качестве археолога. Он обнаружил в саду замка несколько скелетов и приступил к строительству каменной гробницы для них. Чуть позже Франциус возглавил руководство главным отделом древнейшей и ранней истории, поручив непосредственную разработку связанных с этой темой вопросов палеонтологу и специалисту по древней истории Вильгельму Йордану².

Сам же Франциус посвятил себя внутренней отделке так называемых кабинетов для занятий. Исходя из «нордического» понимания мифологии и истории, архитектор закрепил за каждым из них свое символи-

---

¹ Ханс Петер де Кудр (1905—1977), д-р юридических наук, принят в СС в 1935 г. В конце 1944 г. был произведен в звание штурмбаннфюрера резерва войск СС. В 1939 г. был директором земельной библиотеки в Касселе, после войны — директором библиотеки в Гамбурге.

² Вильгельм Йордан (род. в 1903 г.), работал токарным мастером, затем обучался палеонтологии в Марбурге. В СА и НСДАП вступил в 1931 г. В 1934 г. служил в земельном музее Касселя и работал над диссертацией. На службе в Вевельсбурге с 15.10.1935 г. Во время войны был сотрудником военной геологической службы на территории СССР. 20.4.1944 г. был произведен в звание штурмбаннфюрера СС и в качестве специального уполномоченного Гиммлера занимался в Крыму и в Харькове сбором архивных документов для замка Вевельсбург. После войны работал в Центральном музее в Майнце.

ческое название (короля Артура, Грааля, Видукинда, короля Генриха, Генриха Льва, Христофора Колумба). Впрочем, эти кабинеты так и не были задействованы по своему прямому назначению (сам Гиммлер и его почетные гости посещали лишь музей) и своей цели — являться наглядным объектом для мировоззренческого обучения — никогда не служили. К слову, к этому моменту Франциус добился того, что Герман Бартельс (вследствие «отсутствия нордического образа мыслей») вышел у Гиммлера из доверия. Лишь спустя некоторое время Бартельс сумел опровергнуть выдвинутые против него обвинения.

Лаш учредил «Исторический исследовательский отдел» и сразу привлек в качестве его сотрудника двадцатидвухлетнего специалиста по генеалогии Руди Бергманна¹, а полгода спустя — начинающего этнографа и фольклориста Бернгарда Франка². В 1938 г. последний получил степень доктора наук, защитив в Мюнстере диссертацию о топонимике прилегающей к Вевельсбургу местности.

Всего лишь несколько месяцев пробыл в Вевельсбурге в качестве специалиста по средневековым рукописям д-р Ганс Иллих. Уволенный вследствие различных должностных правонарушений, Иллих в дальнейшем работал в «Институте исследований еврейского вопроса» Розенберга во Франкфурте-на-Майне, пока в 1941 г. не был арестован за хищение книг.

За исключением вышеупомянутых людей все остальные сотрудники «научного штаба» замка Вевельсбург принимались на службу лишь при условии всту-

---

¹ Руди Бергманн (1914—1944), погиб в России, находясь в звании гауптштурмфюрера резерва войск СС.

² Бернгард Франк (род. в 1913 г.), д-р философских наук, выпускник юнкерского училища СС в Бад-Тельце. 23.4.1945 г., находясь в звании штурмбаннфюрера резерва войск СС и являясь комендантом Оберзальцберга, получил распоряжение арестовать Геринга.

пления в СС. Как правило, они производились в звание шарфюрера, а в последующем быстро продвигались по службе. Так, трое основных руководителей курсов обучения и повышения квалификации до 1938 г. достигли звания гауптштурмфюрера в Личном штабе Рейхсфюрера СС. Уже 30 января 1936 г. капитан замка фон Кнобельсдорф был произведен в звание штурмбаннфюрера, а 1 января 1937 г. получил дисциплинарную власть с полномочиями командира штандарта СС.

Большинство ученых-гуманитариев, пошедших на службу в Вевельсбург, привлекала возможность профессионального развития и широкая свобода при выборе тематики исследований. Четкие целевые установки на проводимые ими исследовательские работы руководством СС никогда не давались.

Научные сотрудники Вевельсбурга не подвергались и какому-то особому контролю. В качестве примера можно указать на деятельность Ханса Петера де Кудра по созданию библиотеки замка.

В своем отчете «Три года работы библиотеки СС в Вевельсбурге», составленном в апреле 1938 г., Ханс Петер де Кудр отмечал, что в ее фонде числится примерно 16 000 томов, 80 журналов, 6 инкунабул и 5 рукописей. В различных немецких библиотеках де Кудр отбирал книги и документы, причем делал это с невероятной энергией и без каких-либо особенных стеснений. Так, его стараниями в замке Вевельсбург оказалась весьма ценная библиотека бывшей центристской фракции рейхстага. В поле его зрения оказывались и книжные фонды расформированных политических и конфессиональных союзов и общественных объединений, если, на его взгляд, они могли служить обоснованию «теории системы германских ценностей». Помимо этого, используя выделенные рейхсфюрером СС особые средства, он приобретал частные библиотеки, некогда при-

надлежавшие ушедшим из жизни ученым. К тому же в его распоряжении оказались фонды, пожертвованные рядом известных научных издательств, и, наконец, отданные во временное пользование различные исторические экспонаты. К примеру, университет Мюнстера в 1936 г. предоставил библиотеке СС в Вевельсбурге в пользование сроком на 10 лет особую коллекцию из 393 предметов, имеющих отношение к Тевтобургской битве.

Исследованиями Вестфалии как «древней исконно германской земли» занимались также Франциус, Лаш, Франк и Йордан — каждый в сфере своей деятельности. *«Здесь, на земле Германа Освободителя и Видукинда, находятся наиболее ценные свидетельства унаследованного от древних германцев немецкого характера»*, — замечал в обосновании выбора темы своих исследований Бернгард Франк. Те же выражения мы встречаем в статье Вальтера Франциуса «Сокровищница Вестфалии»¹.

Весной 1938 г. Гиммлер посетил Вевельсбург вместе с президентом «Аненербе» д-ром Вальтером Вюстом — профессором Мюнхенского университета, индогерманистом и штурмбаннфюрером СС². В ходе этого визита Гиммлер сообщил Имперскому управляющему делами научно-исследовательского общества «Наследие предков» гауптштурмфюреру СС Вольфраму Зиверсу³ о принятом им решении переместить библиотеку СС в Вевельсбурге в окрестности холма в местечке Хиддезен

¹ Huser K. Wewelsburg... S. 33.

² О Вюсте подробнее см.: Kater M.H. Das «Ahnenerbe» der SS: 1935—1945. Ein Beitrag zur Kulturpolitik des Dritten Reiches. Heidelberg, 1966. S. 43. См. также: Васильченко А. Указ. соч. С. 46—49.

³ Подробную биографию Зиверса см.: Kater M.H. Op. cit. P. 28—36. Также: Жуков Д. Указ. соч. С. 222—226 и соответствующую главу в работе: Pringle H. The Master Plan. Himmler's scholars and the Holocaust. N. Y., 2006. P. 177—192.

близ Детмольда. Здесь предусматривалось осуществить постройку комплекса, состоящего из восьми грандиозных сооружений и увековечивающего триумф НСДАП на выборах в Липпе 15 января 1933 г. Авторами проекта были Герман Бартельс и его друг Феликс Гантефюрер, которые одержали победу в архитектурном конкурсе, объявленном руководством Липпе (жюри возглавлял Альберт Шпеер, в коллегия входили Гиммлер и гауляйтер Мейер, а санкцию на осуществление проекта дал лично Гитлер). В планируемом комплексе по личному желанию Гиммлера было также предусмотрено сооружение здания, в котором намечалось создать «очаг германологии» — будущий центр «Аненербе».

Еще одним достижением подчиненных Кнобельсдорфа явилось создание музея древнейшей истории. Инициатива принадлежала Вильгельму Йордану. Его личная обширная и ценная коллекция минералов и ископаемых окаменелостей образовала фундамент для геолого-палеонтологического отделения. Став центральным, это отделение музея впоследствии сгруппировало вокруг себя целую экспозицию, включавшую несколько выставочных витрин с разнообразными предметами, связанными с историей развития человеческой культуры от эпохи каменного века до XIX столетия. Все эти предметы были приобретены Йорданом по случаю или были обнаружены им самим в процессе ведения археологических раскопок. Дополняли коллекцию гипсовые копии экспонатов различных немецких музеев.

«Иностранные экспонаты» в одной из выставочных витрин несколько выходили за тематические рамки экспозиции. Тем не менее они представляли для Гиммлера известную ценность, поскольку были преподнесены различными государственными деятелями в качестве подарков. Одним из таких экспонатов являлся «тяже-

лый изогнутый самурайский меч» — подарок японского посла. В замке оказались также жертвенные чаши и кубки из нефрита, бронзы и фарфора — тибетского, китайского и японского происхождения, и несколько украшенных орнаментом погребальных урн из древнего лонгобардского захоронения.

В мае 1937 г. Йордану удалось продемонстрировать рейхсфюреру СС итоги своих археологических изысканий в государственном лесу Беддекен (на территории общины Вевельсбурга). Ученый обнаружил руины т.н. *пфостенхауса* — строения каркасной конструкции площадью около 17×6 м. Сооружение относилось к эпохе ранней Римской империи, подтверждением чему являлись найденные поблизости монеты данного исторического периода.

Вильгельм Йордан, продолжавший свои исследования вплоть до начала Второй мировой войны, снискал уважение не только Кнобельсдорфа, но и местного населения, а также отраслевых комитетов Вестфальского патриотического союза. Глава земельной администрации Кольбов в 1938 г. приглашал его занять в этом общественном объединении должность руководителя специализированного отдела древней истории.

Весной 1937 г. Генрих Гиммлер, помимо ознакомления с успешными результатами археологических раскопок, начал проявлять живой интерес к своей собственной родословной. Ответственным за ее составление был назначен Руди Бергманн. Хотя в этой работе перманентно принимали участие практически все научные сотрудники Вевельсбурга, до 1945 г. она так и осталась незавершенной.

Ранее, в 1934—1935 гг., капитан замка фон Кнобельсдорф счел нужным лично возглавить исследования в сфере генеалогии и в качестве первого продукта этой работы опубликовал список предков своего девера

Рихарда Вальтера Дарре. Однако язвительная рецензия, опубликованная в «Архиве исследований истории древних родов», охладила пыл дилетантствующего исследователя и послужила поводом привлечь к этой деятельности Бергманна. Самому же Кнобельсдорфу осталось проявлять заботу о том, чтобы находящийся под его началом личный состав был исполнен национал-социалистического духа. Он праздновал вместе со своими подчиненными выдаваемый за «исконно германский» псевдорелигиозный праздник Юль и дни солнцестояния, по случаю свадеб своих людей устраивал в замке эсэсовские церемонии освящения брака и, наконец, с подачи Карла Вайстора стремился возродить так называемую древнюю германскую прарелигию, название которой связано с именем бога Ирмина¹.

Ниже мы обратимся к событиям 1937 г. и уделим внимание подлинной цели состоявшегося в указанное время визита Гиммлера в Вевельсбург — освящению построенного Франциусом «национал-социалистического дома деревенской общности». Однако прежде всего необходимо подробнее рассмотреть отношения, сложившиеся между СС и местным населением.

Еще в 1933 г. окрестности Вевельсбурга, как и все па-дерборнские земли, были объявлены новыми хозяевами Германии «внутренней национал-социалистической диаспорой». Население деревни в год прихода Гитлера к власти насчитывало 932 жителя, 98 % из которых придерживались католического вероисповедания. Помимо фамильных имений дворянских семейств Граффайн и Беддекен, социальная структура деревни определялась мелкими и средними крестьянскими хозяйствами.

Как почти повсюду в Германии, жители Вевельсбурга в 1933 г. внешне быстро приспособились к но-

---

¹ Подробнее о попытках возрождения культа Ирмина см., в частности: А. Васильченко. Указ. соч. С. 530—559.

вым условиям. Вместе с тем, вследствие чрезвычайно медленно растущего числа «партайгеноссе», самостоятельную местную партийную организацию удалось образовать лишь в октябре 1938 г., и, если не учитывать нескольких человек, вступивших в СС еще до прихода нацистов к власти, ни один житель Вевельсбурга не пополнил ряды Охранных отрядов вплоть до 1945 г.

Тем не менее планы Гиммлера по учреждению в замке Школы руководителей СС были накануне наступающего нового 1934 г. встречены в деревне с практически единогласным одобрением, поскольку представители всех слоев местного населения ожидали от этого события подъема уровня своей жизни. Не прошли даром и энергичные действия Франциуса, который во что бы то ни стало решил добиться лояльности местного населения по отношению к национал-социализму. Он пытался вдохнуть новую жизнь в известные крестьянскому сословию с незапамятных времен праздники, мифы и символы, одновременно используя их в осуществлении своих замыслов.

Впервые эсэсовский персонал замка и население деревни встретились во время организованного Франциусом совместного празднования Дня труда 1 мая 1935 г., сопровождавшегося танцами и играми. Праздник открыло торжественное шествие, а выступление известного далеко за пределами округа ансамбля народного танца стало его кульминацией. По подобию весеннего Дня труда был проведен и осенний праздник урожая — так называемый День крестьянина.

Праздник стрелков в 1936 г. случайно выпал на 21 июня — день летнего солнцестояния. Этим не преминул воспользоваться Франциус. Зажигательная речь, которую он произнес, стоя в колеснице, украшенной изображениями солнечного колеса, свастики и различных рун, равно как и факельное шествие, сопрово-

ждаемое торжественными звуками духового оркестра и фанфар, очевидно, произвели на присутствующих столь глубокое впечатление, что пастор Франц Йозеф Туш, исполнявший в Вевельсбурге с 1934 по 1958 г. обязанности священника, ощутил необходимость выступить перед жителями. В присутствии Франциуса, лично приглашенного им в церковь, пастор дал свое истолкование языческого праздника летнего солнцестояния, сопоставив его с христианским обычаем зажжения «огней святого Йоханнеса».

В принципе, пастору удалось сохранить свою общину от многочисленных искушений, исходящих от новых хозяев замка. С другой стороны, и Франциус фактически сплотил вокруг себя практически все местное население под лозунгом превращения Вевельсбурга в образцовый населенный пункт в рамках провозглашенной в масштабах Рейха «кампании по благоустройству села».

Основной своей задачей Франциус определил создание так называемого Дома сельской общности. В октябре 1935 г. Гиммлер, поддержав идею архитектора, приобрел у семейства Тиле пребывавшее в довольно плачевном состоянии крестьянское хозяйство. По замыслу Франциуса, «Дому сельской общности» предстояло сыграть роль своего рода «ответного дара» деревне, жители которой получали взамен ставшего недоступным для их посещения замка новый культурный центр.

Благодаря грамотному планированию и умелым рукам строителей восстановление построенного около трехсот лет назад дома и почти столь же древнего амбара на подворье крестьянского хозяйства было проведено в течение полутора с небольшим (с ноября 1935 по май 1937 г.) лет.

Ввиду постоянного дефицита финансовых средств, необходимых для строительства «Дома сельской общности», Франциус постоянно изобретал все новые и новые обоснования для получения денежных и других материальных пожертвований как от органов власти, так и от потенциальных частных покровителей.

Так, благодаря искусно проведенной в начале 1937 г. комбинации он раздобыл оборудование и инвентарь для просторного «Свадебного зала» в мансарде здания. Затем он неожиданно заявил о своем решении преобразовать это помещение в «Вестфальский гербовый зал» и настоял на том, чтобы округа, города и общины Вестфалии взяли на себя издержки за изготовление стульев с вырезанными на их спинках гербами.

8 мая 1937 г. Гиммлер лично присутствовал на торжественной церемонии открытия «Дома сельской общности», которому предстояло стать «средоточием мирной жизни, центром, объединяющим деревню и замок в единое целое»¹.

Вместе с тем буквально за несколько дней до этого «общность деревни и замка» была неожиданно нарушена. Во время первомайского праздника оберштурмфюрер СС Деммель нанес оскорбившему его столяру Йозефу Хювелю побои, повлекшие двойной перелом челюсти, а затем несколько раз ударил его ногами. Травмы были столь серьезны, что стационарное лечение потребовало более семи недель.

В итоге уже во время приготовлений к ежегодному празднику стрелков, который в 1937 г. отмечался 13 и 14 июня, многие молодые люди выражали свое намерение не допустить пребывания эсэсовцев на праздничной площади. Сельский жандарм, стремясь воспрепятствовать возможным беспорядкам, незамедлительно

---

¹ *Huser K. Wewelsburg... S. 40.*

обратился к своим коллегам из Ахдена с просьбой прибыть ему на подкрепление в праздничное воскресенье.

Праздник шел как обычно до тех пор, пока около 11 часов воскресного вечера возле стрелкового тира не появился капитан замка фон Кнобельсдорф в сопровождении нескольких офицеров СС, среди которых находился и Деммель. Гости были встречены ледяным молчанием. Распорядители праздника дали знак музыкантам оркестра продолжать играть дальше, рассчитывая хоть как-то разрядить напряженную ситуацию. Но в тот момент, когда Деммель попытался пригласить на танец одну из местных девушек, кто-то из молодых стрелков отвесил оберштурмфюреру увесистый пинок. Деммель схватился за пистолет, но в этот момент в дело вмешался бдительный жандарм. Он отдал распоряжение остановить музыку и соблюдать спокойствие, а затем отвел капитана замка и сопровождающих его эсэсовцев подальше от танцевальной площадки. Возмущенный Кнобельсдорф завел речь о «крестьянском бунте» и потребовал от жандарма, чтобы тот немедленно вызвал на подмогу из Арользена усиленное подразделение СС. Однако тот указал на отсутствие у капитана замка каких-либо полицейских полномочий. Поскольку фон Кнобельсдорф пригрозил жандарму дисциплинарным воздействием, последний был вынужден позвонить ландрату и пригласить, как своего непосредственного начальника, прибыть в Вевельсбург.

Через какое-то время в замок прибыл вызванный по сигналу Кнобельсдорфа отряд эсэсовцев из Арользена. Праздник был безотлагательно завершен, и жители Вевельсбурга стали расходиться по домам. Помимо этого, Кнобельсдорф отправил Имперскому руководству СС телеграмму следующего содержания: *«Воспользовавшийся праздником католический союз поднял бунт. Жандармерия находится на стороне мятежников».*

Тем временем на месте происшествия появился ландрат Фердинанд Айкель. Представившись, он предъявил свои полномочия шефа полиции округа. Поскольку эсэсовцы из Арользена не обнаружили ни одного «мятежника», им ничего не оставалось, как с руганью забраться обратно в кузов своего грузовика и убыть к месту постоянной дислокации.

Однако на следующее утро из Билефельда прибыли служащие гестапо, которые, расположившись в деревенской школе, распорядились о немедленной явке всех молодых жителей Вевельсбурга на допрос. Пятерым из них избрали мерой пресечения «превентивное» заключение под стражу и препроводили в билефельдскую тюрьму временного содержания. Четыре человека были выпущены на свободу до 8 июля, последний — 23 сентября. Жандарм был отстранен от исполнения своих служебных обязанностей на три недели, но затем был реабилитирован и восстановлен в своей должности.

В процессе длительного расследования, которым руководил сам шеф Личного штаба рейхсфюрера СС Карл Вольф, действия капитана замка были признаны неадекватными сложившейся ситуации и ошибочными. Союз стрелков Вевельсбурга получил денежную компенсацию. Кнобельсдорф в начале 1938 г. добровольно сложил с себя полномочия капитана замка и, получив предписание исполнять новые служебные обязанности в подконтрольном его деверю Дарре ведомстве «Сословие кормильцев Рейха», убыл в Гослар.

В 1935 г. у Гиммлера под влиянием Вайстора постепенно созрел план превратить Вевельсбург в «духовно-интеллектуальный бастион» своего Ордена СС. Однако для осуществления этих замыслов следовало поставить проект реконструкции замка на более солидную финансовую основу и одновременно избавить себя от

обязанности отчитываться перед основными кредиторами: Землей Пруссия и Имперским казначейством НСДАП.

Как уже говорилось, СС не обладали правами юридического лица и поэтому не располагали собственными основными и оборотными финансовыми средствами. Однако должностные лица юридического отдела Личного штаба рейхсфюрера СС серьезно задумывались о способах обретения финансово-экономической независимости. Уже начиная с 1934 г. они основывали различные торговые общества, в основном используя организационно-правовую форму *общества с ограниченной ответственностью* (GmbH). Для учреждения предприятий, имевших культурную, мировоззренческую или социальную направленность, избиралась правовая форма *зарегистрированного союза* (e.V.).

1 февраля 1936 г. в Мюнхене был основан зарегистрированный союз «Общество содействия заботе о немецких памятниках культуры». Гиммлер занял должность председателя этого общества, а за ведение всех дел вплоть до самого крушения Третьего рейха отвечал начальник Административного управления СС (впоследствии — Главное административно-хозяйственное управление СС) Освальд Поль. Последний сделал «Общество содействия заботе о немецких памятниках культуры» штатным подразделением своего управления. Целью учрежденного Союза было «обеспечение достойного содержания замка Вевельсбург в Вестфалии и содействие заботе о других немецких памятниках культуры».

Надо сказать, что финансовые расходы на замок Вевельсбург намного превосходили субсидии на все остальные памятники культуры, вместе взятые. Начиная с 1936 г. Общество приобретало земельные участки, выступало в качестве владельца строящихся объектов

и заказчика строительных работ. Так, в Вевельсбурге была учреждена собственная строительная контора, в которой к 1942 г. были заняты 54 сотрудника, включая рабочих и служащих, в том числе — пять архитекторов.

Обязанность представлять Общество во всех правовых сделках Поль возложил на руководителя юридического отдела своего управления, д-ра юридических наук Вальтера Зальпетера, в то время как решение особых задач, связанных с собственно административно-управленческой работой, Гиммлер перепоручил своему доверенному экономисту Бруно Гальке.

В 1938 г. Зальпетера и Гальке сменил двадцативосьмилетний юрист Хорст Кляйн. Он исполнял свои обязанности до октября 1944 г., пока Поль не подверг его домашнему аресту вследствие его «политической неблагонадежности» (в конце 1943 г. старшая сестра Кляйна была взята под стражу гестапо Билефельда и в начале 1944 г. отправлена в женский концентрационный лагерь Равенсбрюк).

«Общество содействия заботе о немецких памятниках культуры» с момента своего основания было вынуждено опираться почти исключительно на займы и кредиты, поскольку собственные регулярные доходы, которыми оно располагало, составляли до смешного незначительную сумму — 240 ежегодно поступавших в качестве членских взносов рейхсмарок. Основными кредиторами были Германский трудовой фронт (1,5 млн рейхсмарок), Германский Красный Крест (700 000 рейхсмарок) и Банк Германского труда (800 000 рейхсмарок). Дополнительно к этим довоенным кредитам Дрезднер Банк предоставил в 1940 г. кредит наличными в размере 3 млн рейхсмарок.

В конце 1941 г. последовал кредит в размере 11 млн рейхсмарок, который должен был гарантировать удо-

влетворение «потребности Вевельсбурга в деньгах», включая расходы на выплату процентов и платежи в счет погашения задолженностей. Хорст Кляйн предостерегал: «Задолженности по процентам покрываются посредством взятия новых кредитов, это — сомнительное дело, которому конца не видно, но конец этот, так или иначе, непременно наступит». Интересно, что в качестве документа, подтверждающего безопасность выданных Дрезднер Банком кредитов, выступало лишь «гарантийное обязательство Рейхсфюрера СС». Подобный способ обеспечения кредита было совершенно не характерным в те годы, однако директора банка Эмиль Мейер и Карл Раше — два члена так называемого Кружка друзей Гиммлера — буквально насаждали в правлении Дрезднер Банка практику его применения. Итоговая сумма кредитов банка различным предприятиям СС в конце войны составляла примерно 30 млн рейхсмарок, из которых лишь на долю «Общества охраны памятников» пришлось более 13 млн рейхсмарок¹.

При этом Герман Бартельс совершенно безоговорочно требовал от Кляйна получения средств, не считая нужным при этом указывать на такие частности, как их целевое назначение. Он мог свободно распоряжаться деньгами, ухватившись за выпавший шанс иметь возможность проектировать и строить, не оглядываясь на издержки.

Ниже мы коснемся деятельности Бартельса на посту архитектора Вевельсбурга.

Герман Бартельс официально поступил на службу в «Общество содействия о заботе немецких памятников культуры» в апреле 1936 г., при этом в ряды СС он был принят лишь спустя два года по распоряжению Гиммлера. Он был сразу же произведен в звание штурмбанн-

---

¹ Meyer H. Wewelsburg. SS-Burg, Konzentrationslager, Mahnmal, Prozess. Padeborn, 1982. S. 34.

фюрера и до 1943 г. дослужился до штандартенфюрера СС.

Зимой 1938/39 г. он приступил к строительным работам сразу в нескольких местах Вевельсбурга, при этом вообще не предоставив планов строительства на утверждение. Лишь несколько резких возражений начальника окружного правления в 1939 г. принудили его в конце концов предоставить 9 февраля 1940 г. необходимые документы.

Поскольку оштукатуренные наружные стены Вевельсбурга не соответствовали национал-социалистическим идеалам красоты, Бартельс распорядился эту штукатурку удалить. В результате трудоемкой кропотливой ручной работы внешний облик фасада предстояло определять обтесанному природному камню. Тем не менее оказалось, что освобожденная от штукатурки площадь резко выделялась на общем фоне, и обновлению пришлось подвергнуть все стены полностью. Между тем эта отнявшая много времени дорогостоящая работа сослужила памятнику культуры сомнительную службу, ибо мягкий известняк оказался лишенным всякой защиты от атмосферных условий.

Помимо этого, в двускатные крыши замка были встроены многочисленные оконные проемы (для того чтобы использовать чердачное помещение в качестве мансарды).

В процессе оборудования интерьера замка первое время между Бартельсом и Франциусом дело доходило до конкурентной борьбы, исход которой Гиммлер, в конце концов, определил в пользу первого, и с конца 1936 г. первоначальная относительно простая отделка была заменена практически полностью. Разрушение замка в 1945 г. пережили лишь несколько кресел и сундуков и, разумеется, такие предметы, как кованые перила лестниц, дверные ручки, подсвечники, лампы

и другие работы трех молодых мастеров художественной ковки.

К 1943 г. внутренний облик замка Вевельсбург был сформирован благодаря подлинным шедеврам художественной ручной работы — достаточно указать лишь на обшитые панелями стены, оконные занавесы, разнообразное оформление полов и потолков, мебели и светильников.

Отчетливо выделяющаяся на фоне всего замка северная, самая мощная из трех башен замка, при толщине стен 2,40 м имеет наружный диаметр почти 21 м. В те времена, когда в стенах Вевельсбурга размещалась резиденция архиепископа, на первом этаже башни находилась часовня замка. Теперь, согласно плану Бартельса, в подвале башни предстояло оборудовать увенчанный куполом «торжественный зал», а на ее первом этаже — «колонный зал». Находящийся над ним второй купольный зал должен был целиком занимать остальное внутреннее пространство башни вместо трех ее прежних этажей. Поверх купола этого зала предполагалась залитая железобетоном площадка, а в подвальный этаж башни был предусмотрен расположенный на глубине примерно 9,50 м вход, к которому вела спускающаяся из внутреннего двора наружная лестница.

Из-за этого вмешательства, изменяющего облик внутреннего двора, замыслы Бартельса встретили возражение государственного хранителя д-ра Гикке, состоявшего в итоге на разработке нового плана.

30 декабря 1941 г. Бартельс представил второй проект, предусматривающий доступ к подвальному этажу через лестницу во всю ширину восточного крыла. Внутренний же диаметр зала над первым этажом был теперь расширен примерно на 4,60 м. На самой вершине башни предполагалось возвести купол с фонарем. В январе 1943 г. документация с полученным

согласием государственного хранителя поступила в Вевельсбург.

К этому моменту обстановка на фронте уже настолько ухудшилась, что работы, направленные на обеспечение доступа в подвальный этаж через восточное крыло, более не предпринимались.

Оба перестраиваемых этажа башни, в которых оставалось произвести некоторые заключительные работы, получили наименования «склеп» и «зал обергруппенфюреров». Купольный зал над первым этажом, построить который так и не было суждено, упоминается как «зал группенфюреров».

При реконструкции подвала башни и оборудовании в нем «зала мертвых» (Totenhalle) заключенным концентрационного лагеря пришлось опустить уровень пола на 4,40 м. Потолок сохранившегося до наших дней помещения с максимальной высотой 9,50 м и диаметром около 14 м представляет собой отлитое из бетона куполообразное перекрытие в виде чаши, облицованной изнутри природным камнем. Посреди выложенного черным известняком пола располагается углубление, имеющее на своем дне выемку в форме чаши и по своему виду напоминающее купель, в которую ведет лестница из трех ступеней. На равномерном расстоянии друг от друга возле стены установлены 12 круглых каменных цоколей. Стилизованная свастика в центре купола образует единственное архитектурное украшение. Внутреннее пространство освещается благодаря четырем окнам в наружной стене башни. Потоки падающего через них света сходятся ниже уровня пола в означенной «купели», и это центральное в зале место визуально выделяется при естественном освещении, поскольку оказывается единственным непосредственно освещенным участком. Незатертые швы деталей купола указывают на досрочную отмену работ.

Очевидно, что «склеп» в том состоянии, в котором он сохранился до наших дней, не мог использоваться для сжигания в нем деревянных щитов с гербами ушедших из жизни группенфюреров, как это часто утверждает-ся в литературе¹. О назначении 12 каменных цоколей также никаких достоверных данных не имеется.

Отделка пола в колонном зале была выполнена дорогостоящими материалами, и поэтому в самых разных источниках встречается еще одно название этого помещения — «мраморный зал». Отсюда можно предположить, что здесь предстояло собираться по особенно торжественным случаям представителям высшего руководящего состава СС.

В середине отделанного зеленым мрамором пола выложено из черного камня символическое солнечное колесо. Сегодня мы видим перед собой в его центре черный мраморный диск, однако, по некоторым данным, здесь должна была находиться золотая пластина. Каждая из имеющих форму зиг-руны 12 спиц колеса указывает на одну из связанных аркадами колонн, по кругу опоясывающих внутреннее пространство зала².

Между колоннами и стеной — круговой проход со сходящимися вверх крестовыми сводами из местного камня. Колонны и оконные проемы отделаны зеленым песчаником.

Окна и двери установлены в 12 нишах наружной стены. Неясным остается назначение грубо обтесанного каменного блока над дверью, находящейся, если смотреть изнутри, слева от входной двери. Указывает ли это строго выдерживаемое число «двенадцать» на то, что Гиммлер, по образцу короля Артура, стремился

---

¹ Так, упомянутый Л. Фон Паль пишет, что «по замыслу Гиммлера после смерти тела группенфюреров должны были быть сожжены, а пепел выставлен в двенадцати урнах» в «зале группенфюреров». (Указ. соч. С. 31.)

² *Pringle H.* Op. cit. P. 42.

собирать здесь вокруг себя, наподобие «рыцарей круглого стола», 12 особо избранных высших руководителей СС? Может быть, оно имеет какое-то отношение к количеству Главных управлений СС? Никаких вариантов решения данных вопросов мы предложить не можем. С уверенностью можно судить лишь о том, что в действительности внутренняя отделка никогда не была окончательно завершена и здесь...

Правовой основой расширения строительного проекта явился «Указ фюрера и рейхсканцлера о проведении архитектурно-строительных мероприятий на территории Вевельсбурга» от 12 июля 1940 г. Благодаря постановлению от 18 октября 1940 г. о порядке исполнения этого указа Гиммлер окончательно обретал практически неограниченную возможность определять судьбу Вевельсбурга.

Тем временем Бартельс с помощью нескольких способных архитекторов, откликнувшихся на опубликованные им в специализированных профессиональных журналах объявления о приглашении к участию в руководимом им проекте, создал базовый макет нового широкомасштабного обустройства замка и распорядился приступить к подготовке процесса переселения всех жителей деревни.

Бартельс представлял свою концепцию планирования следующим образом: *«Исходным пунктом всего проекта является центр северной башни замка Вевельсбург, горизонтальная проекция которого образует равнобедренный треугольник. Высоту этого равнобедренного треугольника образует двухкилометровый прямолинейный участок ведущей в замок в северо-северо-западном направлении главной транспортной магистрали, имеющий вид усаженного четырьмя рядами деревьев величественного проспекта. На юге этого проспекта предусмотрен выезд на имперский автобан*

Ринерн—Кассель. Собственно территория замка занимает 3/4 площади круга радиусом 430 м и завершается стеной с 18 башнями. В пределах этой территории сооружено большое количество строений, служащих исключительно целям Имперского руководства СС.

Главная улица будущей деревни описывает дугу радиусом 635 м вокруг центра северной башни замка, на территорию которого через специальные входные ворота ведут связанные с главной улицей деревни три радиальные дороги. Поселок СС будет находиться на северо-западе, центр собственно деревни — на севере, казарма личного состава СС — на западе территории замка. Между казармой и деревней — в принадлежащем в настоящее время общине Вевельсбурга лесу — предусмотрено разместить колонию вилл для высших руководителей СС. На юго-западе территории замка планируется расположить крупные крестьянские хозяйства, в частности — наследственные крестьянские дворы, которые в дальнейшем предполагается сгруппировать в поселения разбросанной застройки, примерно по три-четыре хозяйства у перекрестков дорог.

Находящуюся в ведомстве окружного правления дорогу, которая после пересечения долины реки Альме в настоящее время по большей части представляет собой петляющую мимо восточного края старой деревни кривую линию, в будущем намечается провести примерно в 350 м к северу от железнодорожной станции Вевельсбург через возведенный над долиной реки и железной дорогой виадук. Далее, описывая полукруг радиусом 1115 м, она будет служить в качестве объездной дороги вокруг деревни, связанной с именем Беддекен ответвляющейся от нее проселочной дорогой первого класса и с уже упоминавшимся выездом на имперский автобан»¹.

¹ Huser K. Wewelsburg... S. 65.

Руководство строительства в течение всех следующих лет последовательно придерживалось указанного здесь принципа возведения сооружений на территории нового замка. В окончательном варианте плана, который Гиммлер утвердил в 1944 г., также наблюдается строгое равенство всех объектов на образованный старым замком равнобедренный треугольник и, в частности, на ось с севера на юг в середине, что при взгляде на очертания Вевельсбурга с высоты птичьего полета способствует возникновению ассоциаций с формой наконечника копья.

Наконец, следует коснуться вопроса об идеологическом значении замка Вевельсбург для Гиммлера.

В письме от 26 февраля 1944 г. Гиммлер поделился своими мыслями с капитаном Вевельсбурга, обергруппенфюрером и генералом войск СС Зигфридом Таубертом по поводу того, что замок в послевоенное время можно будет называть «Вевельсбург — Имперская палата группенфюреров СС» (Reichshaus der SS-Gruppenführer). Таким образом, рейхсфюрер видел Вевельсбург в качестве будущего центрального представительства высших руководителей СС. Эта задача и ложилась на З. Тауберта, назначенного 24 января 1938 г. капитаном замка после описанной нами выше драматической отставки Кнобельсдорфа.

Зигфрид Тауберт родился 11 декабря 1880 г. Он был девятым ребенком в семье евангелического священника в Браллентине (Померания). После окончания реальной гимназии Шиллера в Штеттине он отправился в Везель, где в 1899 г. поступил на службу в армию и 18 января 1901 г. был произведен в звание лейтенанта. С 1904 г. Тауберт находится в браке с уроженкой Голландии. Незадолго до начала Первой мировой войны он был представлен на должность офицера Генерального штаба, но с началом боевых действий его назна-

чили командиром роты. В этом качестве он прослужил до 1916 г., был награжден Железным крестом 1-го и 2-го класса, а также знаком за ранение. Лишь после этого Тауберта перевели в Генеральный штаб. Через некоторое время после окончания войны — 22 февраля 1919 г. — Тауберт был уволен с военной службы в звании майора. В течение нескольких лет он исполнял обязанности коммерческого директора «Померанского земельного союза», будучи одновременно местным руководителем «Стального шлема». В 1924—1925 гг. он являлся руководителем «Фронтбана» — организации, основанной в Берлине Куртом Далюге, ставшим впоследствии высокопоставленным руководителем СС. Осенью 1925 г. Тауберт получил должность коммерческого представителя мастерской по изготовлению фортепьяно в Берлине. В апреле 1929 г. ему пришлось сменить роддеятельности, и до 1 октября 1931 г. он служил страховым агентом в берлинском филиале Швейцарской страховой компании, пока не потерял и это место. 1 апреля 1931 г. он вместе со своей супругой вступил в НСДАП и одновременно был принят кандидатом на зачисление в СС. Здесь под руководством Курта Далюге ему удастся сделать карьеру. До 1935 г. Тауберт исполнял обязанности начальника штаба оберабшнитта «Ост». Затем его назначают начальником штаба Главного управления СД.

В 1938 г. Тауберт был направлен в замок Вевельсбург в качестве полномочного представителя рейхсфюрера СС. Новый капитан замка в феврале 1938 г. при своем вступлении в должность видел себя стоящим перед необходимостью решить ряд важных задач. По его мнению, было необходимо навести порядок в администрации замка, вернуть доверие населения деревни Вевельсбург после описанного выше конфликта на празднике стрелков и, наконец, достойно представить перед

лицом высших руководителей СС замок Вевельсбург в качестве будущего центра Ордена СС.

Проведенная в 1937 г. проверка кассовых книг установила «вопиющую бесхозяйственность во всех делах администрации». На этом основании руководитель администрации замка, гауптштурмфюрер СС Вальтер Мюллер, был безотлагательно снят с занимаемой должности при одновременном понижении в звании до гауптшарфюрера СС. Против капитана замка фон Кнобельсдорфа было открыто дисциплинарное дело (его обвиняли, в частности, в пользовании «черной кассой»), которое, правда, без указания причин вскоре было прекращено.

Тауберт смог в скором времени преодолеть внутренние трудности. Вместе со своим начальником штаба Эльстерманном фон Эльстером он также довольно успешно вернул доверие жителей деревни. Праздник стрелков в 1938 г. стал своеобразным «днем примирения и согласия» (хроника общины напрямую отмечает: *«Место натянутых отношений между замком и деревней заняло взаимное понимание и мирное сотрудничество»*). Пастор Туш впоследствии даже отмечал: *«Если он и не был в силах предотвратить все имевшиеся несогласия, то лично сам он вплоть до самого крушения рейха был неизменно корректен»*.

Совершенно очевидно, что в замке Вевельсбург Тауберт старался действовать как прусский офицер старой школы. При этом, разумеется, он оставался убежденным эсэсовцем. Так, он являлся помимо всего прочего общественным членом «народного трибунала». Сохранились многочисленные смертные приговоры, на которых стоит и его подпись. Кроме того, так называемый подвал ведьм замка Вевельсбург в связи с событиями «хрустальной ночи» послужил в ночь с 10 на 11 ноября 1938 г. местом заключения для примерно двух десятков

евреев из города Зальцкоттен, транспорт с которыми был отсюда отправлен в концентрационный лагерь Бухенвальд.

В отличие от своего предшественника Тауберт был лишен каких-то «научных» амбиций. В итоге во время войны он полностью отказался от плана осуществления в замке целевых научных исследований. По указанию Тауберта в 1942 г. Бартельс распорядился складировать книги библиотеки в новом здании штаба, а затем отправить упакованные в ящики экспонаты созданного Йорданом музея в Беддекен.

Для того чтобышний раз подчеркнуть будущее идеологическое значение замка Вевельсбург для Ордена СС, Гиммлер уже 11 сентября 1938 г. присвоил Тауберту звание группенфюрера СС. Примерно тогда же Гиммлер заявил о своем желании проводить ежегодные совещания группенфюреров и церемонии вручения высших званий СС именно в Вевельсбурге.

В начале 1939 г. рейхсфюрер провел в замке три дня (с 15 по 18 января). Особенное внимание он уделил «залу судебных заседаний» в западном крыле, где, по его мысли, предстояло проводить церемонии принятия торжественной клятвы группенфюреров. Для этого помещения Генрих Гиммлер распорядился написать картину, изображающую древо жизни, изготовить из керамики государственный герб в виде имперского орла, а также устелить пол этого зала большим ковром из штапельного волокна серого цвета с красным орнаментом по краям.

Из-за начавшейся войны планы проведения торжественных церемоний с участием группенфюреров в Вевельсбурге оказались неосуществленными. В замке было проведено лишь одно совещание группенфюреров, состоявшееся, как об этом уже было сказано выше, в 1941 г.

Уже 18 февраля 1937 г. на состоявшемся в Бад Тельце заседании группенфюреров Гиммлер объявил о своем распоряжении *«вывешивать в зале группенфюреров... гербы наших ушедших из жизни соратников, чтобы те, кто придет вслед за нами, глядя на щиты с нашими гербами, всегда сверяли свои поступки с нашими и в любой ситуации всегда действовали именно так, как на их месте действовали бы мы»*.

Очевидно, миссия замка Вевельсбург должна была заключаться в предоставлении группенфюрерам СС всемерной возможности осознания самих себя избранной элитой. Этому служило и всемерное возрождение в Вевельсбурге средневековых традиций. К примеру, женский обслуживающий персонал замка высокопарно именовался «девами замка» («Burgmaiden» или «Burgmadel»). С этой же целью рейхсфюрер высказал пожелание оборудовать в замке специальное помещение для хранения запасов золота и серебра, *«что необходимо сделать, во-первых, следуя древней традиции, а во-вторых, для того, чтобы в трудные времена иметь под рукой заранее отложенные на черный день средства»*.

Помимо этого, Гиммлер отдал Вилигуту распоряжение спроектировать кольцо «Мертвой головы» (SS-Totenkopfring). Уже в 1938 г. рейхсфюрер определил местом хранения колец «Мертвой головы» замок Вевельсбург (после смерти его владельца каждое кольцо должно было быть возвращено Гиммлеру). Рейхсфюрер говорил: *«Почему я требую возвращения этих колец? На это имеются свои особенные причины — оставаясь на вечном хранении в специальном ларце, они воплотят в себе память о каждом отдельном командире и воине СС, и я верю, что для всех грядущих поколений знание об этих бережно хранимых кольцах будет неслыханно светлым напоминанием о тех поколениях*

офицеров СС, что пронесли кольца «Мертвой головы» через все горести и радости, уготованные им судьбой в хорошие и плохие времена. Я верю, что из этой памяти постепенно разовьются ростки замечательной традиции. Искусственно создать ее невозможно, но для этого мы и будем оставлять свои кольца, которые вместе с нашими праздниками, вместе с нашей вновь пробудившейся здесь внутренней жизнью явятся ярким свидетельством того, что, создавая Охранный отряд с его образцовой организацией, его марширующими в безупречном строю полками и его великолепными спортивными достижениями, мы сделали для Германии, возможно, самое главное из того, что можно было сделать. Я верю в то, что продиктованное нашими сердцами и нашим чувством чести, живущее в наших душах по-прежнему глубокое мировоззрение и является в конечном счете тем, что не только дает нам силу, так необходимую нам сегодня, но и наполнит нас мощью, которая поможет выстоять в любом противостоянии и в любой судьбоносный час, который пробьет в следующие 30, 50 или 100 лет для Германии а, быть может, и для нас самих»¹.

В апреле 1945 г. американские солдаты присвоили в выгоревшем замке сотни колец «Мертвой головы», которые были в качестве «сувениров» увезены ими в США².

В соответствии с замыслом Гимmlера замок Вевельсбург должен был апеллировать не столько к разуму высших руководителей СС, сколько к их «сердцам и душам». Поэтому вплоть до последнего года войны рейхсфюрер отдавал распоряжения оборудовать интерьер замка самыми изысканными ценностями. Его ничуть

¹ Huser K. Wewelsburg... S. 70.

² Подробнее см., напр.: C. Gottlieb. The Totenkopf Ring. An illustrated History from Munich to Nuremberg. Atglen, PA. 2008.

не беспокоило, что под «подарками и приобретениями» для Вевельсбурга (речь шла о коврах, тончайшем фарфоре, предметах антиквариата и букинистических раритетах немислимой стоимости) подразумевалось награбленное практически из всех оккупированных немецкими войсками стран Европы имущество.

Ни одна из целевых установок Гиммлера и ни один существенный строительный проект в Вевельсбурге до конца доведены так и не были. 31 марта 1945 г. рейхсфюрер отдал распоряжение взорвать замок, дабы он не достался войскам союзников.

Дошедшие до нас источники не содержат никаких сведений о характере и оформлении планируемых в замке торжеств. Бытующее до сих пор мнение по поводу того, что Гиммлер, уподобившись королю Артуру, планировал собирать здесь вокруг себя, по примеру «рыцарей круглого стола», двенадцать особенно преданных высших руководителей СС, остается голой спекуляцией.

Дмитрий Жуков

СС И ОККУЛЬТНЫЕ МИФЫ

Третий рейх был порождением сил абсолютного зла. Целью нацистов являлось искоренение целых народов и государств, упразднение христианства и других традиционных религий, варваризация общества, низведение человечества до уровня мрачного Средневековья, тотальный контроль над личностью. Одним из важнейших инструментов этой политики были СС, или Охранные отряды нацистской партии. В ходе воплощения своих абсурдных замыслов в жизнь коричневые активно пользовались методами магии и оккультизма и были, по сути, проводниками воли дьявола...

Вот вкратце тот «необходимый минимум» знаний о Третьем рейхе, который некоторые нечистоплотные писатели и горе-исследователи настойчиво вбивают в головы читателей, падких на сенсационные «открытия». Возможно, наиболее простодушным из этих авторов окажется, что для развенчания преступной сущности нацизма недостаточно исторических фактов. Однако большинство подобных писак, очевидно, руководствуется элементарной жадой наживы либо поиском известности, в данном случае крайне сомнительной.

В этом небольшом очерке мы попытаемся развенчать целый пласт инсинуаций и искажений истории

национал-социализма, представленный так называемой «оккультной теорией». Поскольку чаще всего звучат версии о том, что в авангарде «Оккультного рейха» шли СС, мы сфокусируем внимание именно на «Черном ордене» Гиммлера.

Для начала зададимся вопросом, как возник «оккультный миф» и каков его генезис?

Первые шаги в этом направлении были предприняты еще в предвоенные годы политическими противниками нацистского режима. Наряду с традиционными приемами пропагандистской борьбы (дискредитация лидеров Германии, нагнетание страха перед возможностью нацистской агрессии, высмеивание национал-социалистической идеологии и проч.) ряд авторов выдвинули идею о демоническом и оккультном характере коричневой диктатуры. Казалось бы, подобные уловки из арсенала средневековой инквизиции едва ли могут найти отклик в умах «прогрессивной» публики. Однако действительность показала, что подспудная тяга ко всему иррациональному продолжает жить в народных массах. Рассчитанные на плебейские слои газетные «утки» парадоксальным образом приобрели со временем характер неоспоримых истин.

Наиболее известным автором, «разоблачавшим» «сатанинский гитлеризм», был Герман Раушнинг, который издал целую серию памфлетов самого сомнительного, почти детективного толка. Перу Раушнинга (интересно, что некоторое время он состоял в СС) принадлежат такие опусы, как «Говорит Гитлер» (1939), «Революция нигилизма» (1939), «Голос разрушения» (1940), «Зверь из бездны» (1940) и «Время исступления» (1946).

Фигура самого Раушнинга представляет собой образ типичного дельца-авантюриста. Он родился в Торне 7 августа 1887 года в семье кадрового офицера прусской армии. Будущий фальсификатор поначалу также

решил посвятить себя военной карьере, некоторое время учился в кадетском корпусе Потсдама, но затем неожиданно забросил это занятие и начал заниматься музицированием. Еще через какое-то время его увлекла германская история, однако тут разразилась Первая мировая война, и Раушнинг бросился в пучину грозных батальей. Ему удалось получить звание лейтенанта пехоты, но дальше по служебной лестнице ему продвигаться не удалось.

После войны Раушнинг поселился в Данциге, возглавил Германское культурное общество в Польше, а в 1932 году примкнул к стремительно набиравшей политическую силу нацистской партии. После абсолютной победы национал-социалистов на выборах в местный ландтаг Раушнингу удалось стать его председателем. Будучи крайне амбициозным человеком, он стал требовать для себя широких властных полномочий и новых высоких постов. На пути у него встал гауляйтер вольного города Альберт Форстер, член НСДАП с 1923 года. В конце концов Раушнинг перессорился со всеми местными руководителями, а глава Штурмовых отрядов Эрнст Рём даже исключил его из СС за нарушение субординации. В 1934 году Раушнинга вовсе исключили из партии, и он, «разочаровавшись» в национал-социализме, эмигрировал в Швейцарию.

Там он быстро нашел общий язык с левацкими литераторами (главным образом еврейскими), также покинувшими Германию. Летом 1939 года, нуждаясь в деньгах, Раушнинг принял предложение антифашистского активиста Имре Ревеса написать в рекордный срок пропагандистскую книгу, разоблачающую нацизм под видом «мемуаров». Надо отметить, что Ревес возглавлял в то время антигерманскую пропаганду в мировой печати в тесном контакте с Черчиллем и «военной партией» в Лондоне. Обладая практически неограниченными

средствами, этот агитатор предоставил в помощь Раушнингу большой штат своих сотрудников-переводчиков. В результате и появилась книга под заглавием «Гитлер сказал мне. Доверительные сообщения фюрера о его планах завоевания всего мира». Книга была тут же издана в 20 странах Европы и Америки огромными тиражами. После этого из-под пера Раушнинга на свет появилось еще несколько текстов столь же сомнительного рода.

В России указанный «труд» (под названием «Говорит Гитлер») в полном виде вышел в 1993 году и с тех пор активно цитируется как источник, причем не только какими-то недалекими публицистами, но и, что удивительно, вполне уважаемыми и добросовестными исследователями, такими, например, как Олег Пленков...

«Произведения» Раушнинга были окончательно разоблачены как фальсификация швейцарским историком Вольфгангом Хенелем еще в 1983 году (хотя задолго до этого рядом исследователей высказывались серьезные сомнения в их достоверности). Хенель убедительно доказал, что утверждение Раушнинга о том, что он «более ста раз» лично беседовал с Гитлером, является ложью чистой воды. Согласно многочисленным мемуарам и документам германских архивов, Раушнинг встречался с фюрером всего четыре раза, исключительно по рабочим вопросам, постоянно в присутствии третьих лиц и ни разу с ним лично не беседовал!

Раушнинг дезинформирует читателя, что приводимые разговоры, состоявшиеся в первые два года господства национал-социалистов, аутентичны. Кроме того, здесь же звучит сентенция о том, что у нацизма есть некое «тайное учение», которое разрабатывается в «определенных кругах весьма малочисленной элиты». Далее автор нескромно называет себя одним из «посвященных» (правда, он нигде не объясняет, поче-

му он, занимающий в партии не самый значительный пост, удостоился такой чести?). Характерны названия глав памфлета: «Мистический треугольник», «Анти-христианин», «Магия, знание и совесть», «Черная и белая магия» и т.п.

По мнению южноафриканского исследователя Айвора Бенсона, книги Раушнинга «не имеют ни малейшей исторической ценности», они наполнены искаженными цитатами из «Майн кампф», приписанными Гитлеру чужими словами и выдумками противников национал-социалистов. Памфлетист рисует фюрера как яростного противника христианства, создателя новой религии, которым движут некие потусторонние силы дьявольского характера, внушившие нацистскому вождю идеи мирового господства и уничтожения целых этнических групп. Немецкий историк и мыслитель Кристофер Линденберг отмечает, что «пассажи» Раушнинга «вполне можно отнести на счет военной пропаганды». В аналогичном ключе высказывается и наиболее авторитетный и объективный биограф Гитлера Вернер Мазер: «Данные Раушнинга базируются на стилизованной оценке имеющихся второстепенных источников и для исторического исследования абсолютно не представляют ценности».

Говоря о литературе, отстаивающей «оккультную» версию происхождения национал-социализма, нельзя не коснуться такой знаковой работы, как «Утро магов» Луи Повеля и Жака Бержье (впервые опубликована в 1960 году). Надо отметить, что Повель был в свое время учеником известного «мага» Георгия Гурджиева, а Бержье, по его собственному утверждению, — «террористом и политическим ссыльным». После войны Бержье стал одним из идеологов так называемого «оккультного авангардизма», или неооккультизма, в 1956 году основал коммерческий оккультный журнал «Planete», пу-

бликации которого спекулировали на интересе публики ко всему «таинственному и необъяснимому».

Книга «Утро магов» вскоре превратилась для некоторых «исследователей» в источник для бесстыдных компиляций и ссылок. Пятая часть «труда» — «Несколько лет в абсолютно ином» — посвящена различным аспектам потустороннего влияния на «медиума» Гитлера и верхушку нацистской партии. Авторы отмечают: «Мы принимаем самые странные факты при том условии, что сможем удостоверить их подлинность. Порой мы предпочитали показаться искателями сенсации или людьми, позволяющими увлечь себя вкусом к странному, чем пренебречь тем или иным аспектом, который может показаться безумным... Объектом нашего изучения была серия фантастических событий».

По прочтении работы действительно приходишь к выводу, что единственной целью Повеля и Бержье была погоня за сенсацией. «Утро магов» и вправду стала сенсацией, но... для людей, абсолютно несведущих в подлинной истории нацизма. Французские авторы изрядно потрудились на ниве самой вольной трактовки событий, зачастую опускаясь до прямого подлога. Скажем, они совершенно неоправданно рисуют геополитика Карла Хаусхофера «магом», оказывающим на фюрера небывалое влияние еще со времен заключения Гитлера в крепости Ландсберг, необоснованно проводят прямую связь между псевдомасонскими организациями (Германенорден, Общество Туле) и рождением нацистской партии, безапелляционно заявляют о том, что в Германии «процветала» теория полой Земли.

«Утро магов» переполнено рассказами самого низкого пошиба. К примеру: «23 февраля 1957 года в Богемии водолаз искал тело студента, утонувшего в Чертовом озере. Он всплыл на поверхность, бледный от ужаса, не в состоянии вымолвить ни слова. Когда к

нему вернулся дар речи, он сообщил, что увидел под холодными тяжелыми водами озера призрачную шеренгу немецких солдат в форме, обоз запрыженных телег».

Достоверность всех этих «фактов» авторы, вопреки собственному утверждению, никак не доказывают и доказать не могут, поскольку главным источником их в высшей степени сомнительной «теории» являются пасквили Германа Раушнинга — книга просто пестрит пространными цитатами из «Разговоров с Гитлером». Факт многочисленных искажений и прямой лжи Повеля и Бержье блестяще доказал немецкий историк Кристофер Линденберг.

Одна из глав «Утра магов» («Черный орден») полностью посвящена СС. Авторы утверждают, что тайная доктрина Охранных отрядов основывалась на «вере в существование Властителей, бесконечно более могущественных, чем это можно себе представить». В орденских замках якобы проводились так называемые «церемонии густого воздуха» (?), которые представляли собой не что иное, как черную мессу в чисто сатанинской традиции. Посвятительные занятия нацистской магией происходили и в концентрационных лагерях, массовое же уничтожение узников названо «жертвоприношением, чтобы добиться благосклонности Могуществ делу Черного ордена». Целью СС было, разумеется, завоевание мирового господства. Рядовые эсэсовцы и солдаты войск СС являлись при этом просто «бездумными машинами, роботами-исполнителями». Совершенно абсурдны сентенции о том, что легендарному диверсанту Скорцени было поручено организовать экспедицию с целью похищения святого Грааля, что Германия израсходовала на работы института «Наследие предков» куда больше средств, чем США — на производство атомной бомбы, что совещания Генерального штаба начинались сеансами йогического сосредоточения и т.п.

«Утро магов» повлекло за собой целую волну работ, посвященных все той же тематике. О том, что нацизм был спровоцирован и руководился «дьявольскими» силами, пишет, к примеру, Дитрих Бреннан в книге с многообещающим заглавием «Черная магия Адольфа Гитлера». Цель «исследования» — доказательство «сатанического аспекта оккультизма Гитлера». Названия глав говорят сами за себя: «Черный посвященный», «Корни зла», «Зловещий символ», «Жертвоприношение сатане». Бреннан безоговорочно называет Гитлера и Гимmlера магами и сатанистами: «Гитлер решился на договор. Он решил просить о помощи Сатану, просить чуда такой мощи, которое могло бы переменить внешние физические условия и восстановить прежние позиции его ученика... Мы изучили его карьеру — это карьера мага. Мы можем изучить его действия. Это действия сатаниста. Короче говоря, то, как Гитлер думал и поступал, — именно тот способ, каким живут, думают и поступают сатанисты».

Бреннан предлагает читателю и совершенно оригинальные объяснения ряда исторических событий этой эпохи. К примеру, он убежден, что «ведьмы производили специальные действия, чтобы воспрепятствовать высадке Гитлера после падения Франции... Они собрались, создали колоссальный резервуар силы и послали в мозг Гитлера мысль: «Ты не сможешь пересечь море, не сможешь». Из этого мы можем сделать вывод, что Бреннан сам не до конца определился, на чьей же стороне выступали «силы зла» (судя по приведенному отрывку — все же на стороне союзников).

Большое внимание автор уделяет демонизации СС («магический орден избранных»), почти дословно повторяя то, что нагородили Повесть и Бержье. По мнению Бреннана, гитлеровская Германия была сатанинским

государством, что отражалось в «черной форме вездесущих СС с их колдовской эмблемой — черепом».

Подобные примеры можно приводить бесконечно. Совершенно справедливо «оккультная теория» охарактеризована оксфордским историком Николасом Гудрик-Кларком: «Книги, написанные об оккультном нацизме, по большей части сенсационны и необоснованны. Большинство авторов совершенно невежественны относительно первичных источников, и дикие вымыслы исправно дублируются каждым новым неопитом писанины подобного жанра».

В России оккультная версия происхождения нацизма начала распространяться с начала 1990-х годов в связи с выходом на телевидении цикла передач «Тайны века» и публикацией брошюры Валентина Пруссакова «Оккультный мессия и его рейх». Множество авторов, спекулирующих на этой тематике (Ю. Воробьевский, А. Первушин, В. Телицын, Н. Непомнящий и т.д.), фактически не смогли предложить читателю ничего нового: все они занялись элементарной компиляцией уже известных нам работ Раушнинга, Бреннана, Повеля и Бержье. Разнятся лишь трактовки «оккультного рейха».

Так, «православный» автор Олег Платонов в своей книге «Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации» пишет: «Фашистские Германия и Италия считались иудейско-масонскими лидерами орудиями окончательного разрушения России. Сатанинская направленность Третьего рейха как нельзя больше отвечала духу масонской элиты Западного мира. Гитлеровское нашествие на нашу страну было попыткой иудейских владык уничтожить главное препятствие на пути к мировому господству».

Неоязычник Владимир Истархов, напротив, положительно относится к национал-социализму, трактуя последний как «новую религию, один из вариантов

неоязычества». Одна из глав его книги «Удар русских богов» частично повторяет фактуру работы «Путь к апокалипсису» Юрия Воробьевского. Эту книгу Истархов почему-то считает «серьезной и интересной», хотя и жалеет, что Воробьевский «не сумел вырваться за пределы христианской западни и жидовской антиязыческой пропаганды». Истархов похвально отзывается и о В. Пруссакове, книга которого «Оккультный мессия и его рейх» якобы «объективно показывает суть нацизма».

Для того чтобы читатель получил представление о творчестве Истархова, приведем несколько характерных пассажей: «За спиной Гитлера стояли неординарные религиозные мистики. И даже не мистики, а цепочки мистиков»; «Хаусхофер прошел выучку у тибетских лам и у адептов японского тайного общества Зеленого дракона»; «Идеологи нацизма активно собирали древние языческие рукописи со всего мира через специальную организацию «Аненербе». Эта организация собрала множество старинных книг, в том числе и древнерусских. «Аненербе» вывезла из России после революции по различным каналам и «Велесову книгу» и множество других древних религиозных источников»; «После Второй мировой войны огромная часть архива Аненербе попала в руки советских коммунистов и где-то сейчас тайно хранится, но где, власти не афишируют. К этим архивам и коммунисты, и сегодняшние «демократы»-жидократы не подпускали и не подпускают никого, кроме особо посвященных»; «Идеология нацизма — это удар языческих Богов по иудохристианству, коммунизму и сионизму. Но удар этот был недостаточным, и сатанисты использовали его в своих целях».

Почему «оккультная теория» столь популярна? По мнению историка Бориса Соколова, многие связывают

действия коричневых с влиянием потусторонних сил из-за того, что их потрясли преступления, совершенные созданным Гитлером государством, и они просто отказываются видеть в деяниях нацистов здравый смысл.

Другой отечественный исследователь, Олег Пленков, полагает, что рациональное истолкование нацизма осложняет то, что и в западной, и в отечественной историографии не сформировалось ясной и определенной линии в трактовке мистического фактора нацизма. Поэтому «при соприкосновении с этой сферой велика опасность ненароком свести нацизм к авантюристической, неясной, фантастической и вызывающей раздражение интерпретации, как-либо связанной с мистикой». Пленков справедливо подчеркивает, что сами нацисты полностью отрицали какое-либо значение для их идеологии неких «тайных доктрин», а Гитлер прямо осуждал все проявления мистики и оккультизма. Историк пишет: «Не опьянение массовых ритуалов, не пресловутый нацистский мистицизм и оккультизм, не различные нацистские пропагандистские трюки, не символика нацистов создали гитлеровскому режиму популярность, но его бесспорные экономические и внешнеполитические успехи».

Существует и мнение, согласно которому «оккультная теория» намеренно провоцируется агентами «нового мирового порядка» с целью недопущения возрождения нацизма. К примеру, публицист Сергей Яшин пишет: «Явно инспирированный подрывными центрами, хлынул грязевой поток несусветной лжи, связывающий национал-социализм с оккультными, темными, inferнальными силами. Всего не перечислишь. Да и зачем?.. Цитировать эти опусы не имеет смысла. Большинство этих текстов напоминают психиатрические документы. Некоторые положения этих произведений упоминать просто недопустимо ввиду их богохульно-

сти. Как не вспомнить здесь русскую поговорку о том, что «держи вора, громче всех кричит сам вор».

Но чем бы ни руководствовались авторы подобной стряпни, факт остается фактом: средства массовой информации, книги, брошюры и кинофильмы зачастую показывают публике то, чего в реальности никогда не существовало.

Ниже мы постараемся ответить на следующие вопросы: являлся ли рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер оккультистом и сатанистом, каково было отношение руководства СС к христианству, в чем состояла цель возрождения эсэсовцами элементов традиционной германо-скандинавской мифологии? Небесполезно будет также коснуться символики и ритуалов СС. Из числа персоналий мы также рассмотрим фигуры Вальтера Дарре, Карла Виллигута, Германа Вирта, Вольфрама Зиверса и некоторых других эсэсовцев (все они сознательно демонизируются и представляются в качестве представителей «круга посвященных» внутри СС). Наконец, попытаемся развенчать миф о научном обществе «Наследие предков» («Аненербе») как об «оккультном мече рейха». Однако прежде всего будет небесполезным кратко осветить историю оккультизма и неоязычества в германском мире (это позволит нам выявить некоторые источники «оккультной теории»).

Разнообразные «герметические», эзотерические и оккультные идеи в гуманистических кругах средневековых европейских государств носили характер довольно влиятельных доктрин. В Германии, которая продолжительное время была духовной провинцией Запада, стремление к обладанию тайными практиками всегда было относительно высоким. При этом необходимо отметить, что так называемое «оккультное возрождение» в Германии и Австрии в XIX веке было связано в основ-

ном не с собственными эзотерическими традициями, а с теософией, основанной Еленой Блаватской.

Система теософии претендовала на выявление «эзотерической квинтэссенции» всех религий и соединила в самой вульгарной форме элементы спиритизма с различными доктринами восточных религий. Гудрик-Кларк отмечает: «Ирония ситуации состоит в том, что ранняя теософия воодушевлена главным образом английской литературой, отчасти художественной, отчасти популярной, и факт этот с очевидностью доказан сравнительными исследованиями». К «художественным» истокам теософии относится, к примеру, фантастический и иронический роман Эдварда Бульвер-Литтона «Раса, которая нас превзойдет» (1871 год). Литтон описал подземную расу людей, далеко продвинувшихся психически по сравнению с человеческими видами. Этой расе, названной романистом «вриль», приписывались необычные свойства в духе розенкрейцерских мифов. Подземные люди обладают властью над миром и над собой, эта власть равняет их с богами. Вскоре они должны выйти на поверхность и занять место обычных людей.

Повель и Бержье в «Утре магов» сообщают о берлинской секте «Общество Вриля» («Сверкающая ложа»), которая якобы обладала статусом важной нацистской организации. Неумный полет фантазии двух французских мистификаторов свидетельствует о том, что они также были знакомы с творчеством британского романиста.

Крупнейший европейский традиционалист и мыслитель Рене Генон относился к теософии с нескрываемым презрением, считая ее адептов «опасными людьми» из-за их претензий на «эзотеризм», «которым они вовсе не владеют, но который они жульнически симулируют, чтобы привлечь к себе умы, ищущие чего-нибудь дру-

гого, кроме «профанных спекуляций», и не знающие, куда обратиться посреди существующего хаоса».

В Германию теософия проникла примерно в начале 1880-х годов. Первое Немецкое теософское общество создал Вильгельм Губбе-Шлейден в июле 1884 года в Эльберфельде, где в тот момент находилась и сама Блаватская. Необходимость распространения теософами своих сомнительных идей на немецкий мир была связана с чередой скандалов в США, Великобритании и колониальной Индии, где одно время находилась штаб-квартира шарлатанов. Ученая элита обвинила Блаватскую в плагиате, мошенничестве и обмане, в том, что ее сочинения — компиляция, сделанная без всякой системы, главным образом по французским источникам.

Привлечение новых сторонников в Австро-Венгрии, Германии и ее колониях имело для Блаватской, таким образом, стратегическое значение. Немецкий мир с большим вниманием отнесся к теориям теософов, ведь для этого имелись внутренние предпосылки. Распространение капиталистических отношений, чуждых патриархальному германскому обществу новаций, рост городов и расовое смешение воспринимались большинством немцев как враждебные тенденции, угрожающие подорвать национальную идентичность. По мнению довольно значительного числа националистических деятелей, католицизм оказался неспособен противостоять наступающему хаосу. В условиях широкого протеста против техницизма, индустриализации, демократизации и прогресса вообще псевдоэзотерические сочинения «мадам» Блаватской вызвали в определенных кругах неподдельный интерес.

Помимо Блаватской, многие авторы представляют в качестве родоначальников нацизма таких деятелей «окультичного немецкого возрождения», как Гвидо фон Лист, Ланц фон Либенфельс и Рудольф фон Зеботтген-

дорф. Все они принадлежали к так называемому народническому, или «фёлькиш», движению, довольно тесно связанному с теософией.

Фелькишская идеология зародилась во второй половине XIX века как расово-биологическое и религиозно-реформационное мировоззрение. Народническая идея, социальной базой которой была провинциальная интеллигенция и молодежь, подразумевала под собой национальное единство, одушевляемое общей творческой энергией. Большинство народников было язычниками, многие увлекались эзотерикой, оккультизмом и мистикой, атеистов в движении практически не было. Немаловажными особенностями немецкого народничества были антисемитизм и романтическая реакция на современность. Фёлькиш-теоретики, создавая свой миф, обращали взоры к древнегерманской истории, не останавливаясь при этом перед самыми фантастическими и абсурдными толкованиями немецкого прошлого («фантазии на германские темы», — охарактеризовал народническую идеологию расолог Ганс Гюнтер). Хотя в политическом плане большинство народников придерживалось националистических и шовинистических взглядов, к началу XX века в рядах фелькиш можно было встретить демократов и социалистов, а в 1920—1930-е годы — даже сторонников национал-большевизма (в последнем случае место расизма заняли бредовые социальные утопии...).

На рубеже веков существовало несколько сотен фелькиш-организаций, преимущественно построенных по квазимасонскому типу. Известное «Общество Туле» было лишь одной из них.

Первым публицистом, соединившим фелькиш-идеологию с теософией и оккультизмом, был Гвидо фон Лист (1848—1919 гг.). Свою карьеру «мистическо-го гуру» народников Лист начал с этнологических зари-

совок об альпийской деревне, окрашенных в неоязыческие тона. Несколько позже он приступил к написанию прославляющих Вотана романов, пьес и псевдонаучных опусов. Его привлекала практика и история масонства, еврейская Каббала (в ней он умудрился отыскать элементы нордической традиции), геральдика, фольклор, средневековые алхимические тексты. Больше всего на формирование идей Листа повлияли «труды» Блаватской, некоторые работы Ницше и творчество Вагнера.

Одним из наиболее известных сочинений Листа стала работа о нордическом праязыке — «Тайна рун». По словам Гудрика-Кларка, этот текст «содержал идею грандиозной псевдонауки, объединяющей немецкую лингвистику и симвокологию: первая его попытка проинтерпретировать средствами оккультного откровения буквы и звуки рун, алфавит с одной стороны и эмблемы и знаки древних надписей — с другой». Отечественный популяризатор творчества этого мистика (вернее, мистификатора) Антон Платов признает, что «большинство исследований и выводов Гвидо фон Листа не могут быть признаны полностью обоснованными с научной точки зрения. Это относится и к предложенному им Арманическому Футарку¹. На данный момент нам не известно ни одного памятника, содержащего древнегерманский рунический строй в том виде, который имеет Футарк фон Листа».

Весной 1908 года было образовано «Общество Листа», объединившее представителей австро-немецкой буржуазии и интеллигенции, увлеченных поисками «национальной идентичности». Некоторые члены этого объединения стали впоследствии создателями таких организаций, как «Имперский союз молота» и «Германский орден». По единодушному мнению сторонников

---

¹ Футарк — так называется (по фонетическим значениям первых рун) классический древнегерманский рунический строй.

«окультного мифа», эти организации являются непосредственными «предтечами» нацистской партии.

В 1911 году Лист создал внутри общества своего имени внутренний круг посвященных под названием «Высший орден арманов». В него вошли многие увлеченные оккультными концепциями Листа представители высшего австро-немецкого общества. Арманы, по Листу, — высшая древнегерманская каста. Уже упомянутый нами Ганс Гюнтер, называя идеи Листа «бредовыми фантазиями», подчеркивал, что «арманы» — миф, о них «никто никогда не слышал», и они «никогда не существовали».

Одним из соратников Листа был Йорг Ланц фон Либенфельс (1874—1954 гг.). В отличие от Листа он не отрицал и даже отстаивал христианство, опираясь на радикальную теологию, выводимую им из традиций древнего нордического мира. Работы Ланца отличались от опусов Листа также большей степенью наукообразности.

В юности Ланц был монахом цистерианского аббатства недалеко от Вены, одновременно занимаясь преподавательской деятельностью в духовной семинарии. Именно в этот период Ланц приобрел глубокое знание Библии, апокрифов и средневековой мистики. В 1899 году Ланц по политическим мотивам покинул монастырь и примкнул к протестантизму. В Австрии этого времени католицизм воспринимался некоторыми немецкими националистами как враждебная германскому духу сила, и те из них, кто не нашел себя в неоязычестве, обратили взоры на лютеранство.

Через некоторое время Либенфельс, однако, вновь вернулся в лоно католицизма и оставался верен ему до самой смерти (он даже стал доктором теологии). В своих работах Ланц трактовал Церковное Предание в расовом ключе, привлекая в качестве источников сугубо

научные исследования. Он старался быть в курсе открытий современной ему естественно-научной мысли, стал сподвижником известного расолога Людвига Вольтмана и даже защитил диссертацию по антропологии.

Корпус идей Либенфельса отличался от ортодоксального христианского богословия тем, что нес на себе значительный отпечаток гностицизма. Человечество Либенфельс рассматривал через призму дуалистичности. Мир, по его мнению, делился на «свет» в лице арийцев и «тьму», представленную неарийскими демоноподобными ублюдками: неграми, монголоидами, жителями Средиземноморья. Первые были источником всякого блага и аристократизма, вторые связывались с хаосом и разложением. Изначальный источник подобных утверждений Ланца находился в сочинениях теософов.

Либенфельс создал теорию теозоологии (в 1903 году он опубликовал книгу «Теозоология, или Гримасы Содома и Божественные энергии»), согласно которой падение человечества в объятия хаоса обусловлено смешением нордической расы со звероподобными племенами. Основная цель Ветхого Завета, по Ланцу, заключается в «предупреждении избранных людей (арийцев) о последствиях этой скотской практики».

Рассматривая Новый Завет, Либенфельс сосредоточился на пришествии Христа и его миссии по спасению «избранных людей, а именно арийцев. Чудеса Христа, Его... способности и, наконец, само Преображение — все это рассматривалось как верное доказательство того, что Он обладает утраченными к тому времени обычным человеком способностями... Страсти Христа Ланц интерпретировал как попытку насилия, предпринятую пигмеями, сторонниками сатанических бестиальных культов».

С конца 1905 года Ланц начал издавать журнал «Остара», посвященный расовым, политическим и экономическим проблемам Габсбургской империи. Поскольку ряд авторов были членами «Общества Листа», некоторые материалы издания носили оккультный характер. Однако в целом журнал носил научный характер: в числе основных тем были философия, история и расология. Будучи приверженцем рыцарской мистики, Либенфельс в 1907 году решил основать организацию орденового типа. Поскольку наибольший интерес Ланца вызывали тамплиеры, он назвал свое детище Орденом новых тамплиеров. В орден могли вступить только «лица с преобладанием чистой крови».

Организация благополучно пережила войну, после которой укрепила свои позиции в среде интеллектуалов-националистов и повлияла тем самым на развитие австрийского фашизма (не имевшего, кстати, пангерманской направленности). Что касается национал-социалистов, то они всегда считали деятельность ордена сектантской, поэтому после аншлюса 1938 года орден был фактически поставлен вне закона, а многие его члены — репрессированы гестапо.

Отечественный публицист Антон Первушин пишет: «Идеи Ордена новых тамплиеров были взяты на вооружение национал-социалистической партией». Однако согласиться с подобным утверждением довольно сложно. Идеология нацистского движения никаким образом не впитала в себя оккультные и псевдомистические «наработки» народников, а расистские и антисемитские элементы вовсе не были изобретены фелькишскими теоретиками. Аристократическая направленность Ордена новых тамплиеров входила в противоречие с национал-социалистической идеей народного государства, одной из главных целей которого

было национальное единство, создание общества без чинов и классов.

С другой стороны, идеи и устройство Охранных отрядов НСДАП на первый взгляд действительно напоминают концепции Либенфельса (с той поправкой, что СС никогда не были религиозной организацией). Можно допустить и то, что некоторые руководители СС (но отнюдь не большинство) были знакомы с работами Ланца и Листа и разделяли их воззрения. Однако надо учитывать, что организация Ланца была всего лишь маргинальной немногочисленной группой, действующей в соседнем с Германией государстве. Сомнительно, чтобы Гиммлер ориентировался именно на эту группу. Впрочем, в Охранные отряды партии попало некоторое число сторонников фелькишской идеологии.

Но являлся ли сторонником фелькишских идей и оккультизма сам руководитель «Черного ордена» Генрих Гиммлер? Каково было мировоззрение главы Охранных отрядов?

Известно, что будущий рейхсфюрер родился в католической семье. Немецкий историк Гвидо Кнопш пишет, что отец Гиммлера «был человеком набожным, в определенной степени остроумным, но безгранично педантичным». Кстати, Гиммлер-старший был наставником принца Генриха Баварского, который затем стал крестным отцом будущего рейхсфюрера. Юный Гиммлер был частым гостем при дворе королевского дома Виттельсбахов. Воспитание юного Генриха соответствовало консервативным традициям Южной Германии, важнейшим элементом которых было неукоснительное следование религиозным догматам и соблюдение католических обрядов, — дневник юного Генриха полон записей о регулярных посещениях церковных церемоний, причем воскресная месса была для него не внешним ритуалом, а внутренней потребностью. Бри-

танский исследователь Питер Пэдфилд подчеркивает, что «Генрих всегда был серьезным ребенком и глубоко верил в Бога».

Его духовный мир складывался под влиянием германского романтизма и католицизма (узнав, что его возлюбленная причащается каждый день, Гиммлер записал в своем дневнике: «Это было самое радостное известие, которое я получил за последние восемь дней»). В мировоззрении юного Генриха переплелись истории о крестоносных рыцарях, эпические сказания о нордических воинах, героические мотивы творчества Рихарда Вагнера.

Мечта Гиммлера стать офицером не осуществилась — Германия проиграла войну. В эти годы Гиммлер зачислился в Мюнхенский фрайкор (добровольческий корпус), чтобы бороться с «внутренними предателями» — коммунистами, социалистами и «ноябрьскими преступниками», подписавшими капитуляцию и лишившими Германию законной монархической формы правления. С этого момента началась политическая деятельность Гиммлера, которую он совмещал с учебой на сельскохозяйственном отделении высшего технического училища при Мюнхенском университете.

В этот период в библиотеке будущего рейхсфюрера появляется расистская и антисемитская литература. Возможно, что интересу Гиммлера к расовым вопросам способствовала специфика самого учебного заведения. Отечественный исследователь Сергей Кормилицын отмечает: «Полученное образование серьезно повлияло на его мировоззрение. Дело в том, что в университете преподавались основы генетики, а также читался весьма основательный курс, посвященный селекции. В сочетании с охватившей тогда германскую интеллигенцию модой на евгенику... это дало весьма интересный эффект: молодой баварец самостоятельно пришел

к выводам, вполне вписывавшимся в расовое учение, проповедовавшееся идеологами НСДАП».

В круг чтения Гиммлера входили труды Хьюстона Стюарта Чемберлена («Это истина, которая убеждает: она объективна и антисемитски нейтральна! Поэтому она так убедительна. Это ужасное еврейство!»), «Справочник по еврейскому вопросу», сочинения по древней истории. По поводу памфлета под названием «Бездумное кровосмешение — гибель Германии» Генрих пишет: «Великолепная брошюра. Особенно ее заключительная часть, поясняющая, как снова улучшить расу. Просто чудесная и величественная с нравственной стороны вещь». Гиммлер отдает себя и изучению источников, таких, как «Германия» Тацита, «Старшая Эдда», «Песнь о Нибелунгах» и древнеиндийские трактаты. У Тацита юноша позаимствовал образ «нравственно чистых и благородных» германских предков, у древних индусов — преклонение перед кастовым строем. Гиммлер вообще интересовался различными проявлениями элиты у различных народов. Он восхищался не только древнеиндийскими кшатриями, но и японскими самураями, а также римскими преторианскими гвардейцами...

Определенный интерес представляют такие прочитанные Гиммлером книги как «Спиритизм», благодаря которой он «по-настоящему поверил в спиритизм», и «Второе зрение» профессора Бозена, посвященная парапсихологическим явлениям, астрологии и гипнозу. В конце 1924 года Гиммлер прочел два романа Германа Гессе: «Демиян» и «Сиддхартха». К слову, в «Сиддхартхе» описывается индуистская доктрина кармы и реинкарнации, интересовавшая будущего главу СС. Конечно, Гиммлер открыл для себя эти идеи не после прочтения Гессе, а в ходе глубокого изучения первоис-

точников — Вед и Бхагават-гиты, крупнейших памятников индоевропейской цивилизации.

При всем этом Генрих оставался «благочестивым католиком, глубоко верующим молодым человеком, регулярно посещавшим церковь, и искренним патриотом, восторженно преклонявшимся перед солдатской доблестью. Он верил в предназначение германской расы, но антисемитом был не в большей степени, чем считалось нормальным для представителей его класса и эпохи» (П. Пэдфилд). Во время рождественских каникул Генрих проявлял христианскую добродетельность: пек пирожки для старушек, читал книги слепым, играл на самодеятельных представлениях для бедных детей, жалел французских военнопленных, наблюдая, как грубо с ними обращаются бюргеры. 24 ноября 1921 года он записал в своем дневнике: «Визит к фрау Кернбургер. Бедная старушка... Вот истинная нищета. От голода и усталости она так слаба, что почти не может ходить... Как жестоки и безжалостны люди... Я принес ей булочек и, когда она отвернулась, добавил еще и маленькое пирожное».

Однако с определенного момента будущий рейхсфюрер перестает быть столь набожным. Показательна следующая запись в его дневнике: «Что бы ни случилось, я всегда буду любить Бога и молиться Ему, оставаясь преданным католической церкви и защищая ее, даже если буду от нее отторгнут». Эта реплика свидетельствует о некоторых религиозных сомнениях Генриха. Причиной этих сомнений, видимо, явилось активное участие Гимmlера в бесшабашной студенческой жизни. Дуэли на шпагах (церковь их не одобряла), возлияния, светские рауты, фашинги (традиционные немецкие карнавалы) — все это явно не способствовало благочестию... Некоторые авторы пишут о том, что Гимmlер в этот период вообще стал антихристианином,

поскольку он стал участником ряда неоязыческих молодежных союзов, тесно связанных с народниками...

Действительно, в период своей студенческой жизни в Мюнхене Гиммлер вступил в огромное количество всевозможных организаций и обществ, таких, как Объединение друзей германской гимназии, стрелковое общество «Баварский путь», мюнхенская секция Альпийского общества, Немецкий клуб туризма, студенческое братство «Аполлон», Немецкое общество разведения домашних животных и т.д. — всего свыше полутора десятков наименований. Некоторые из этих групп и вправду можно уличить в симпатиях к народнической идеологии.

Но Генриха Гиммлера никак нельзя назвать активным участником фелькишского движения, по крайней мере, в первой половине 1920-х годов. Если его что-то и привлекало в деятельности подобных организаций, то это были не народнические профанации, а туризм и этнологические изыскания. Кроме того, у будущего рейхсфюрера вряд ли было много свободного времени для неоязыческих штудий. С 1919 года Гиммлер был также членом Баварской народной партии, которая отстаивала католическое мировоззрение (Генрих покинет ее ряды лишь в 1923 году для того, чтобы вступить в молодую национал-социалистическую партию). Кроме того, основную часть своего досуга он посвящал деятельности в добровольческом движении (кроме Мюнхенского фрайкора, Генрих вступил в союз «Оберланд» и добровольческий отряд «Ландсхут»). В послевоенные годы будущего рейхсфюрера привлекало прежде всего прямое действие, а не отвлеченные умозрительные изыски фантазеров-народников и оккультистов.

Что касается идеологии, то, как типичный представитель своего слоя, Гиммлер имел в начале 1920-х годов вполне определенное националистическое миро-

воззрение. В религиозном отношении он не порывал с христианством (и, скорее всего, даже не задумывался над этим), хотя и, как мы отметили, его душеспасительное рвение было ослаблено.

Гиммлер продолжал регулярно посещать церковь, по крайней мере, до 1924 года. В дневниковой записи от 17 февраля этого года он пишет: «Посещение собора. Прекрасная проповедь на тему «Почему Господь сотворил мир». В это же время он прочел книгу Эрнста Ренана «Жизнь Иисуса», которая позволила ему сделать вывод, что «христианство было и остается самой выдающейся формой протеста арийцев против еврейства, добра против зла». К этому времени Гиммлер был уже глубоко убежден в том, что «Христос не мог быть евреем».

Сближение Гиммлера с нацистским движением также проходило не по линии «фелькиш», а посредством участия во фрайкорах. Он достаточно тяжело переживал неудачу с военной карьерой («Наверное, я каким-нибудь образом все же попаду на службу. Я же по натуре — солдат»), поэтому возможность хотя бы на короткое время погрузиться в атмосферу войскового братства чрезвычайно импонировала ему.

Вместе с тем к концу 1920-х годов, когда Гиммлер уже занял в нацистской партии достаточно серьезное положение (рейхсфюрером СС он стал 6 января 1929 года), он был довольно хорошо знаком с фелькишскими идеями и отчасти симпатизировал им. Как отмечалось, немецкие народники были широким движением, представленным сотнями групп, союзов, фрейнов и партий. Были они и в НСДАПе. Некоторое время Гиммлер исполнял обязанности секретаря у видного партийного деятеля Грегора Штрассера, который вместе со своим братом Отто принадлежал к левацкому направлению фелькиш. Круг идей братьев Штрас-

серов (антагонистов гитлеровской линии) базировался на принципах почвенного национализма, радикального социализма (неприятия буржуазных ценностей и капитализма вообще вплоть до готовности физически уничтожать имущие классы), аграрного экстремизма (крестьянскому сословию левые народники придавали тотальный характер). Присутствовала также антима-сонская и антисемитская терминология.

Отметим, что лидер партии Адольф Гитлер крайне негативно относился к народникам (и яростно критиковал их в «Майн кампф»). Главным приоритетом своей политики будущий диктатор сделал курс на национальное единство и борьбу с большевизмом. Однако идеологические разногласия между группировками Гитлера и Штрассера поначалу не мешали их сторонникам идти в одном строю. Так и Гиммлер, который органически не мог согласиться с левыми убеждениями своего начальника, до поры до времени старался не вникать в дебри идеологии, а просто «работал на общее дело». Немецкий историк Хайнц Хене пишет: «Позже многие историки утверждали, будто бы Гиммлер... был искренним приверженцем идей Грегора Штрассера. На самом же деле будущий рейхсфюрер СС никогда не был его духовным соратником и всегда ощущал себя лишь конторским служащим правления партии».

Другое направление фелькишской идеи представлял Рихард Вальтер Дарре. Он придавал категориям крови и почвы сакральный характер, выступал за возрождение традиционной германской религии и за вытеснение христианства. Дарре был апологетом крестьянского сословия, но никогда не заходил так далеко, как братья Штрассеры. Для него проблема сельского хозяйства носила не экономический характер, а была прежде всего «проблемой крови». Штрассеры же относились к расовой идее скорее скептически. Свои идеи

Дарре обосновал в книгах «Крестьянская община как источник жизни нордической расы» и «Новая аристократия крови и почвы».

Гиммлер познакомился с Дарре в середине 1920-х годов, когда вступил в организацию, также отстаивающую крестьянские идеалы. Молодежный союз «Артаманы» был объединением сторонников анти-урбанистических идей. Мистический интерес к почве совмещался у артаманов с изучением этнографии, германо-скандинавской мифологии и немецкой истории. Лидер организации Георг Кенстлер разделял фелькиш-идеи Гвидо фон Листа. Конечно, активное участие Гиммлера в национал-социалистическом движении делало его членство в союзе «Артаманов» чисто формальным. Вместе с тем именно в недрах этой группы он нашел целую плеяду своих будущих соратников по «Черному ордену». Привлекая народников в Охранные отряды, Гиммлер был убежден, что эти люди лучше других способны создать вокруг СС ауру элитарности (то есть внимание рейхсфюрера к фелькишским теоретикам носило налет прагматизма). В этот период Гиммлер разделял некоторые положения народнической идеологии (прежде всего расовые и аристократические принципы). Лишь гораздо позднее он понял, что фелькишские теоретики фактически являются врагами национал-социализма.

Можно с уверенностью сказать, что Гиммлер никогда не разделял интересы некоторых радикальных народников к оккультизму (вопреки распространенному мнению) и вовсе не был настроен уничтожать христианские церкви, как об этом твердят эпигоны «оккультного мифа». Конечно, к концу 1920-х годов Гиммлер подчас резко критиковал Ватикан, видя в нем некую интернациональную силу, стремящуюся к политическому господству. Интересовался рейхсфюрер

и древними индоевропейскими и германскими формами религиозности (введение характерных ритуалов в СС было обусловлено желанием придать организации характер элитарного ордена). При этом Гиммлер явно не собирался выдумывать какую-то «новую религию». Другими словами, хотя он и перестал быть набожным человеком, но вовсе не превратился в воинствующего антихристианина. Гиммлер очень не любил, когда его называли агностиком. Для определения собственного мировоззрения он изобрел специальный термин *gottglubig* (буквально — «полагающийся на Бога»). Ему нравилось встречаться с немецкими учеными-религиоведами, устраивать дружеские споры на ту или иную религиозную тему.

Многочисленные свидетельства и документы говорят о том, что Гиммлер как до прихода НСДАП к власти, так и после 1933 года неоднократно публично выражал уважение в адрес христианских конфессий.

Лояльность к верующим людям и христианству была не только показателем своеобразного «демократизма» Гиммлера, но и данью идеалам тевтонских рыцарей (как мы покажем ниже, СС создавались в соответствии с орденскими принципами немецких крестоносцев).

Выступая перед профессорско-преподавательским составом офицерских школ СС осенью 1934 года, Гиммлер заявил: «Я категорически запрещаю вам проявлять не только бестактность, но даже невнимание по отношению к представителям всех без исключения конфессий». В выступлении перед той же аудиторией (в июне 1937 года) он подчеркнул, что «абсолютно недопустимы какие-либо нападки на Христа как личность». Однажды школьник Фриц Брюггеман обратился к рейхсфюреру с письмом, в котором фигурировал вопрос: были ли Иисус евреем? Гиммлер ответил: «Безусловно, мой дорогой мальчик, Иисус не был евреем».

Неоднократно высказывался Гиммлер и против атеизма: «Если я требую от эсэсовцев, чтобы они были верующими людьми, то мое требование рассматривают подчас как маскировку или прикрытие настоящего положения дел. Я требую этого вполне осмысленно и твердо. Людей, которые не признают Высшего Существа или предопределения — назовите это как угодно, — в своем окружении я не потерплю». В ноябре 1935 года в выступлении перед крестьянами и сельскохозяйственными рабочими рейхсфюрер заявил: «Мы верим в Господа и отвергаем атеистов как самоуверенных, дерзких глупцов, с которыми нам не по пути. Будьте уверены, никто не может быть звеном в вечной цепи, протянувшейся от наших предков к нашим детям, если он не верит с глубочайшим смирением в Божественного Правителя и данный Богом порядок».

В статье «Богом данный порядок» Гиммлер отмечал: «Все, что было и есть на этой земле, создано и одухотворено Богом. Злобные глупцы сочинили сказку о том, что наши праотцы поклонялись идолам и деревьям. Нет, они были уверены — в соответствии с вековым знанием и вековым учением — в существовании Богом данного порядка для всей земли, всего растительного и животного мира».

Разработанная лично Гиммлером эсэсовская присяга оканчивалась словами: «Да поможет мне Бог». Кроме того, глава Охранных отрядов любил отмечать вместе с солдатами войск СС Рождество и никогда не отказывал своим друзьям и подчиненным в просьбе быть крестным отцом их детей¹. П. Пэдфилд пишет, что Гиммлер «всегда с симпатией относился к людям, говорившим

---

¹ В марте 1943 года Гиммлер стал крестным отцом сына командира дивизии «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» Й.Дитриха. Сын этого эсэсовского генерала в 1943 и 1944 годах получал от рейхсфюрера и подарки на Рождество.

ему: «Принимая во внимание взгляды родителей, я должен крестить своего ребенка».

Все это, однако, не свидетельствует о том, что подчиненный Гиммлеру карательный аппарат не занимался гонениями на представителей христианских конфессий. Факты преследования клириков и паствы, несомненно, имели место. В Главном управлении имперской безопасности (РСХА) существовал реферат по исследованию политических церковных организаций (им руководил католический священник доктор теологии оберштурмфюрер Фридрих Муравски). Целью реферата был надзор за «неблагонадежными служителями церкви».

К таковым относились, к примеру, члены сектантской «Исповедальной церкви», которую возглавлял преподобный Мартин Нимелер. В 1935 году «исповедальники» заявили о том, что только они являются единственной законной церковью в стране. Более того, в мае 1936 года «Исповедальная церковь» подала меморандум Гитлеру. В этом документе «исповедальники» заявили о своем осуждении нацистского режима в связи с его антисемитизмом. До сих пор не вполне ясны причины этой акции, ведь до определенного момента сам Нимелер состоял в нацистской партии, декларировал свою верность «национал-социалистической революции» и публично восторгался Гитлером (не надо и говорить о том, что нацисты никогда не скрывали свой антисемитизм). В ноябре 1933 года Нимелер приветствовал решение о выходе Германии из Лиги Наций и в поздравительной телеграмме Гитлеру назвал это событие национальным подвигом.

27 июня 1937 года Нимелер, обращаясь к своим прихожанам, сказал: «Мы не больше древних апостолов помышляем о применении силы для спасения от руки властей. И не больше их готовы молчать... когда сам

Господь повелевает нам говорить». Спустя несколько дней пастора арестовали и заключили в берлинскую тюрьму Моабит. Репрессии коснулись и других «исповедальников».

Не только часть протестантских клириков, но и некоторые католические священники публично заявляли о своем несогласии с нацизмом. К примеру, 23 октября 1941 года был арестован настоятель берлинской католической Хедвигскирхе Б. Лихтенберг, который с ноября 1938 года ежедневно публично молился о евреях.

Согласно данным историка церкви Михаила Шкаровского, всего за годы войны было рассмотрено около 9 тысяч дел по обвинению католиков в антигосударственной деятельности, 4 тысячи священников — политических врагов режима погибли.

При этом большинство клириков Германии старались не вступать в конфронтацию с режимом. Современный американский исследователь Д. Гольдхаген отмечает даже, что католическая церковь «в гитлеровские времена была настроена расистски и антисемитски и не покаялась в этом до сих пор»...

А как после прихода нацистов к власти складывались отношения Гиммлера с народниками, значительная часть которых, напомним, была чрезвычайно увлечена эзотерикой?

Известно, что после 30 января 1933 года национал-социалисты начали масштабные гонения на «обладателей тайных знаний» — оккультистов и масонов. Сам Гитлер неоднократно резко отрицательно отзывался по поводу неоязычников и оккультистов. Когда в 1933 году крейсляйтер Аугсбурга Карл Валь, ревностный католик, в разговоре с Гитлером недоуменно спросил, почему новые язычники все еще продолжают вести свою пропаганду, фюрер заверил его, что «в свое время обязательно наведет порядок». 10 мая 1933 года

перед зданиями университетов Мюнхена и Берлина запылали костры, в которые студенты и штурмовики с ненавистью кидали «марксистские», «антинемецкие» и «вырожденческие» книги. В числе последних оказались «труды» теософов и оккультистов.

Тогда же оккультистам было запрещено выступать и публиковаться, масонские и эзотерические организации были распущены. В 1934 году шеф берлинской полиции Курт Далюге объявил о запрете всех форм предсказания судьбы. По всей Германии прошла конфискация оккультной и астрологической литературы.

Что касается Гимmlера, то он начал вычищать сторонников «нетрадиционных знаний» из СС лишь с 1935 года, а до этого привлекал некоторых из них к разработке символики и ритуалов своего ордена. Вероятно, многие из этих людей использовали интерес Гимmlера к германским древностям и мистифицировали его для того, чтобы приобрести значительные властные полномочия. Рейхсфюрер сумел распознать деструктивный характер их деятельности достаточно поздно. Один из наиболее показательных примеров — история с Карлом Мария Виллигутом (1866—1946).

Виллигут был типичным фелькиш-оккультистом. В 22 года Карл, наследуя семейной традиции, стал офицером австро-венгерской армии. На рубеже веков он обнаружил в себе дар литератора, опубликовал сборник стихов и националистический трактат в духе идей Гвидо фон Листа. Тогда же он сблизился с оккультными кругами Вены. В Первую мировую войну Виллигут был офицером штаба 30-го пехотного полка и принимал участие в боевых действиях против русской армии в ходе кампании в Карпатах (надо отметить, крайне плачевной для австрийцев). К концу войны он дослужился до полковника. Однако после падения монархии Виллигут был уволен с военной службы.

Крушение надежд на военную карьеру сказалось на душевном здоровье отставного полковника. Он начал утверждать, что «владеет родовой памятью, которая позволяет ему помнить события из жизни его племени более чем тысячелетней давности». Несмотря на то что большинство своих идей Виллигут заимствовал у Листа, его сложно назвать противником христианства. Правда, последнее он трактовал довольно оригинально. В частности, Виллигут полагал, что Библия в действительности была написана в Германии, а Вотан вовсе не был изначальным германским богом. По теории Виллигута, около 12500 года до н.э. была провозглашена религия Христа (впоследствии заимствованного христианской религией и превращенного в Спасителя), и именно она стала верой для германцев до тех пор, пока ее авторитет не был подорван отколовшимися вотанистами.

Показательно, что в ноябре 1924 года Виллигута против собственной воли отправили в клинику для душевнобольных и квалифицировали как психопата. Здесь он находился на излечении в течение трех лет. В отчет о его состоянии входили сообщения о его жестокостях дома, угрозах убить жену, грандиозных проектах, эксцентричном поведении и увлечении оккультизмом. На основании всех симптомов Виллигуту поставили диагноз шизофрении с мегаломанией и параноидальными расстройствами, а суд Зальцбурга признал его неспособным к ведению собственных дел.

С Гиммлером Виллигута познакомил его старый друг офицер СС Рихард Андерс. Это произошло в 1933 году, сразу после прихода нацистов к власти. Уже в сентябре Виллигут вступил в СС под псевдонимом Вейстхор и начал активно мистифицировать рейхсфюрера в отношении «протоистории». В конце концов Виллигут-Вейстхор сумел дослужиться до бригаденфю-

пера. Вейстхор приложил руку к разработке атрибутики СС (к примеру, создал дизайн почетного кольца — Totenkopfring).

Однако со временем выяснились подробности личной жизни Виллигута до 1933 года. Один из главных недоброжелателей «мага» в генеральском звании, прагматично мыслящий начальник личного штаба Гиммлера обергруппенфюрер Карл Вольф разыскал в Зальцбурге бывшую жену Виллигута и получил от нее документы, свидетельствовавшие о душевной болезни проходимца, в числе которых был и упомянутый диагноз. Вольф также доложил Гиммлеру о том, что «маг» пристрастился к алкоголю и наркотикам. Точку в истории с Виллигутом поставил инцидент с девицей Габриелой Дехенд. Ссылаясь на личное желание рейхсфюрера, шарлатан потребовал от нее родить ему ребенка. Возмущенная Габриела отказала Виллигуту и пожаловалась на поведение «мага» Гиммлеру.

Прозревший наконец рейхсфюрер уволил Виллигута, гневно потребовав при этом вернуть почетное кольцо, кинжал и шпагу. Служба, которую Вейстхор возглавлял в Управлении расы и поселений, была упразднена.

Постепенно из СС были вычищены или понижены в должностях и многие другие народники. К примеру, в 1935 году был снят с поста руководителя Главного управления расы и поселений Рихард Вальтер Дарре (в 1942 году он также потерял должность министра сельского хозяйства и имперского руководителя крестьян). Дарре вызывал подозрения с политической точки зрения: он был против войны и возглавлял «англофильский клан». После освобождения от своих постов идеолог «крови и почвы» жил под наблюдением гестапо в Шорфхайде.

С середины 1930-х годов Гиммлер и руководство СС начали все больше прислушиваться не к фантазерам-народникам, а к голосам представителей объективной науки, таких, как уже упоминавшийся расолог Ганс Гюнтер. В одной из своих работ Гюнтер писал: «Чувство реальности предохраняет нордическое движение от «фантазий на германские темы», которым периодически предаются в Германии определенные круги. Признаком отдельных групп, не сведущих или мало сведущих в расовых вопросах, но заботящихся о «германской» сути, является то, что они не задумываются над тем, что настоящая любовь к германскому началу меньше всего может выражаться в громких криках фанатиков и безвкусной рекламе. Такие группы носят с бредовыми фантазиями, вроде выдумок Гвидо фон Листа и его «учеников», касающихся общества особо посвященных «арманов», о которых никто никогда не слышал и которые никогда не существовали. Есть много других свидетельств исторического и лингвистического невежества, которые могут лишь оттолкнуть специалиста по германским древностям, так много здесь не выдерживающего критики, перегибов, путаницы, в конечном счете просто нездорового. Для науки все это просто оскорбительно и в конце концов будет выставлено на посмеище, но игры с нелепостями для «особо посвященных» продолжают привлекать умы отдельных людей с соответствующей предрасположенностью». А Эрнст Крик, ректор Гейдельбергского университета и эксперт сектора науки СС, отмечал, что методика антропософии, теософии и спиритизма «не производит ничего, кроме сиреневого тумана».

Таким образом, если к моменту прихода нацистов к власти рейхсфюрер еще испытывал некоторое влияние народников, то к середине 1930-х годов он начал разочаровываться в «обладателях тайных знаний», а к на-

чалу Второй мировой войны — практически полностью избавился от них. Романтизм и мистицизм окончательно уступили место прагматизму...

Наиболее подробным свидетельством о духовном мире главы «Черного ордена» в период войны являются воспоминания личного врача Гиммлера — Феликса Керстена. Впрочем, с этим именем связывается огромное количество инсинуаций, особенно в популярной и фантастической литературе о Третьем рейхе. К примеру, отечественный «исследователь» Антон Первушин почему-то именует этого доктора «массажистом-мистиком», безапелляционно заявляя: «Гитлеровское «сатаническое» влияние на Гиммлера встретило противодействие «белого» оккультиста Феликса Керстена».

Несомненный интерес представляют свидетельства Керстена о взглядах Гиммлера на религию. По словам мемуариста, Гиммлер довольно настороженно относился к католической церкви, обвиняя ее в двойной игре. Рейхсфюрер полагал, что в Ватикане сильно распространены антигерманские настроения, а некоторые немецкие клирики «представляют собой крайне эффективную разведывательную службу». При этом к самой христианской вере он относился с уважением. «Я не имею ничего против христианства как такового, — говорил рейхсфюрер Керстену, — несомненно, оно основывается на возвышенных нравственных идеалах». В соответствии с собственными идеями Гиммлер трактовал личность Богородицы: «Связывать женственность с религией — благородная идея. Она соответствует нашему германскому мировоззрению. В Древнем Риме именно девственницы — весталки — были хранительницами священного огня в храме Весты; кроме того, многие народы почитали своих «мудрых женщин». Я сам бываю очень тронут, когда вижу, как

женщины и дети обращаются к Богоматери со своими горестями».

Керстен не отрицает, что Гиммлер был суеверен и проявлял интерес к астрологии, хотя «в принципе не верил в нее». Его увлекали древние религиозные памятники индоевропейцев: обе Эдды, Веды и Ригведы, а также Бхагават-гита. Рейхсфюрер говорил: «Я восхищаюсь мудростью тех индийских религий, которые требовали, чтобы цари и высшие чиновники ежегодно на два или три месяца удалялись в монастырь для медитации... Как вы думаете, Риббентроп или Лей способны на монашескую жизнь? Хотелось бы мне взглянуть на лицо Лея, когда ему предложат кислое молоко и черный хлеб в качестве пищи для тела и Бхагават-гиту — для души».

Очевидно, что Гиммлер не пытался навязывать свои собственные религиозно-мировоззренческие представления своим подчиненным и близким. В этом смысле показательно свидетельство, согласно которому Гиммлер не воспрещал своей дочери Гудрун читать перед обедом христианскую молитву. Рейхсфюрер объяснял свою позицию так: «Неправильно вырывать детей из знакомого им мира и ставить их перед проблемами веры до того, как они станут взрослыми... Когда повзрослеют, они смогут решать за себя. Вера должна вырасти сама по себе; можно лишь расчистить для нее путь, но нельзя ее навязывать».

Глава, посвященная взглядам Гиммлера на масонство, способна пролить свет на причины борьбы нацистского режима против «всех анонимных сил». К таковым относились не только «классические» масонские организации, но и многочисленные фелькишские группы и «ордена», имевшие на первый взгляд национальный (националистический) характер. Напомним, что многочисленные организации подобного толка, ко-

которые по недоразумению некоторые «исследователи» до сих пор считают «предтечами» нацизма («Общество Туле», «Германский орден» и проч.), имели масонскую структуру и ритуалы. В этом — причина резко негативного отношения к этим группам Гитлера, а впоследствии и самого рейхсфюрера.

По мнению Гиммлера, «в каждой ложе есть тайные вожди, которые управляют теми вождями, что появляются открыто. Пусть председатель ложи — какой-нибудь достойный врач, но откуда мне знать, кому он в действительности повинуется? Мы должны последовательно действовать в этом отношении и безжалостно искоренять любые слабые места, где может появиться враг. По этой причине мы не допустили малодушия и не позволили ни снять запрет на так называемые три национальные великие ложи Пруссии, ни дать их членам возможность альтернативной организации, хотя они утверждают, что среди их представителей были прусские короли и принцы королевской крови. Перед вами — характерный пример тех тонких методов, к которым прибегают вожди масонов. Они основывают национальные ложи, те приобретают большую независимость, провозглашают принципы, совершенно противоположные тем, которых обычно придерживаются масоны... Однако масоны тем временем тихо и незаметно расширяют свое влияние: читаются лекции на темы, дорогие масонам; обеспечиваются связи с другими ложами, и желаемый результат налицо — сперва нейтралитет, а затем и союз со всемирным масонством».

Далее Гиммлер отдает должное католической церкви, которая «остается безжалостным врагом масонства». На вопрос Керстена, не являются ли Охранные отряды тоже своего рода масонской ложей, рейхсфюрер отвечает, что «у нас нет ни тайных вождей, ни системы масонских званий». «СС — это орден с хорошо

известными руководителями и открыто провозглашенными целями. Если вам нужно сравнение с кем-то, то сравнивайте СС с немецкими рыцарями».

Объективности ради следует признать, что полностью нивелировать влияние «анонимных сил» в СС Гиммлеру так и не удалось. Действительно, с середины 1930-х годов из рядов Охранных отрядов постепенно вычищались фигуры, связанные с народничеством, оккультизмом, эзотерикой и «национальным» масонством (Дарре, Виллигут). Однако некоторое число эссовских функционеров, которые вели «двойную игру» (так называемая «внутренняя оппозиция» в СС), продолжало занимать высокие посты.

Таким образом, Генриха Гиммлера можно назвать одним из наиболее прагматичных руководителей нацистского рейха, несмотря на его увлечение древней и средневековой историей, интерес к германоскандинавской мифологии и рыцарству. Практически все его мероприятия можно объяснить с рациональной точки зрения. Создавая Охранные отряды, Гиммлер не планировал культивировать среди своих подчиненных какое-то новое религиозное учение. Главной его задачей всегда оставалось формирование элиты в расовом и интеллектуальном плане (сначала — внутри партии, затем — в Германии, а с началом войны — в европейском масштабе).

В течение всей своей жизни Генрих Гиммлер неоднократно корректировал свое мировоззрение (но никогда не менял его на 180 градусов). До середины 1920-х годов Гиммлер, безусловно, был искренне верующим католиком, затем испытал некоторое увлечение идеями фелькиш-теоретиков, но уже в 1930-е годы фактически отошел от народников и «религиозных реформаторов» и даже достаточно настойчиво боролся с ними, воспринимая их в качестве опаснейших врагов. Совершенно

необоснованно называть рейхсфюрера оккультистом, сатанистом или атеистом.

Многие эпигоны «оккультного мифа» представляют эсэсовский замок Вевельсбург в качестве центра, в котором проводились оккультные и сатанинские ритуалы. Так ли это?

Действительно, Гимmlера увлекла идея создания церемониального центра СС по образцу Мариенбурга — столицы Тевтонского ордена. 3 ноября 1933 года рейхсфюрер осмотрел с этой целью замок Вевельсбург (он был построен в XVII веке на месте древней крепости) в Падерборне и остановил свой выбор на нем. Работы по реконструкции сооружения начались в январе 1934 года и должны были закончиться во второй половине 1960-х годов. Руководил реконструкцией архитектор из Личного штаба рейхсфюрера штандартенфюрер СС Герман Бартелс. Дошедшие до нас планы указывают на глубокую религиозно-символическую выдержанность всего комплекса. Подъездная дорога к замку напоминает древко копья. Острием же этого копья должен был стать сам Вевельсбург. Что же это за копьё?

В числе важнейших христианских святынь, наряду с Туринской плащаницей, находится так называемое Копье Лонгина. Этим оружием римский легионер Гай Кассий нанес «удар милосердия» распятому Христу. Об этом повествует Евангелие от Иоанна: «Но один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода» (От Иоанна. 19, 34). Впоследствии Кассий уверовал, принял имя Лонгин и был причислен к лику святых.

До 1938 года Копье Лонгина хранилось в Вене, а после воссоединения Австрии с рейхом было доставлено в Нюрнберг. Копия святыни находилась в Вевельсбурге. После окончания реконструкции центра СС замок должен был обрести и оригинал. После оккупации Гер-

мании, в 1946 году Копье Лонгина было возвращено в Вену. Некоторые авторы утверждают, что подлинная реликвия наряду с множеством других не найденных до сих пор культурных ценностей замурована во льдах Антарктиды. Разумеется, цена такого рода «сообщения» и «свидетельствам» невысока. Сплошной инсинуацией следует назвать и бульварную книжонку Тренора Равенскрофта «Копье судьбы» (1972 год). Согласно Равенскрофту, Гитлер увидел Копье Лонгина еще перед Первой мировой войной и задался целью заполучить эту реликвию якобы для того, чтобы реализовать свои претензии на мировое господство. Для того чтобы получить полное представление об уровне этого «исследования», достаточно привести лишь небольшую цитату: «Дитрих Эккарт решил развить в астральном теле Гитлера центры, ответственные за выход в макрокосм и контакт с силами тьмы». Николас Гудрик-Кларк называет книгу Равенскрофта «сенсационной и необоснованной». Еще более абсурдно звучат психопатические сентенции Олега Платонова, позиционирующего себя как православного автора. В книге «Иудаизм и масонство против христианской цивилизации» Платонов договорился до того, что Копье Лонгина является «символом зла». Однако вернемся к Вевельсбургу...

Комплекс в виде гигантского копья, острие которого указывало на Восток, символизировал продолжение борьбы Тевтонского ордена. В качестве нового языка, по мысли Гимmlера, теперь выступал большевизм.

Антураж замка явно напоминал центр Тевтонского ордена. К примеру, магистры хоронили выдающихся рыцарей под клиросом церкви. В Вевельсбурге также имелась подобная усыпальница. Оформление помещений крепости свидетельствовало о желании создателей проекта наглядно воплотить образ жизни рыцарства

(мечи, доспехи, гербы, мебель и даже одежда). Известно, что Гиммлер планировал культивировать в Охранных отрядах нормы средневековой элиты — самопожертвование на поле боя, способность без колебаний отдать свою жизнь, «управление другими людьми в соответствии с божескими заповедями». Гиммлер лично разработал «15 боевых правил войск СС», в числе которых были и следующие: «Будь рыцарем, веи себя так, как подобает в бою и жизни; победитель всегда скромн; в бою будь жесток, но благороден».

В трапезной находился массивный круглый стол (как у короля Артура), вокруг которого должны были заседать сам рейхсфюрер и двенадцать обергруппенфюреров — начальников двенадцати Главных управлений СС (Франц Ксавьер Шварц, «Зепп» Дитрих, Фриц Вайтцель, Курт Далюге, Вальтер Дарре, Вальтер Бух, Удо фон Войрш, Фридрих-Вильгельм Крюгер, принц Иосиас Адольф фон Вальдек-Пирмонт, Макс Аманн, Карл Фрайхер фон Эберштейн и Филипп Булер). Кстати, символика числа «двенадцать», присутствующая в замке повсюду, говорит о том, что создатели комплекса руководствовались мотивами, имеющими христианское происхождение (двенадцать апостолов, двенадцать рыцарей Святого Грааля...).

Вопреки распространенному мнению, в замке СС никогда не проводились какие-то «сатанинские» ритуалы. Комендант Вевельсбурга группенфюрер СС Зигфрид фон Тауберт (сын пастора) находился в прекрасных отношениях с местной католической общиной. Другими словами, все заявления об «Анти-Ватикане» применительно к Вевельсбургу представляют собой не что иное, как досужие вымыслы падких на сенсации людей.

Многие авторы утверждают, что в СС «возрождался культ Вотана», практиковались ритуалы «крещения

кровью» неопитов, запрещалось празднование Рождества и других христианских праздников. Другими словами, Охранные отряды якобы были неким псевдо-религиозным либо неоязыческим или даже сатанинским орденом, одной из целей которого являлось искоренение христианства. Некоторые «исследователи» заходят в своих фантазиях чересчур далеко. Антон Первушин, к примеру, утверждает, что эсэсовская газета «Черный корпус» «подзуживала членов «Черного ордена» к совокуплению со своими женами на старых кладбищах, ибо так становилась возможной «реинкарнация древних германских героев». Вывод один — немецкий эсэсовец не мог быть христианином! Так ли это?

До прихода нацистов к власти НСДАП осознанно демонстрировала положительное отношение к христианству с помощью резких нападков на атеистический марксизм и одобрения народно-христианского школьного воспитания. Охранные отряды (совместно с штурмовиками) часто привлекались для пропагандистских демонстраций, призванных показать лояльность нацистов к христианству (особенно к протестантизму). Немецкий историк Мартин Броскат пишет о том, что в годы решительной борьбы за власть до 1933 года эсэсовцы получали приказы «целыми отрядами ходить в церковь». В СС вступили даже некоторые высокопоставленные священнослужители. Членов «Черного ордена» никак не ограничивали в выборе вероисповедания.

Ситуация не изменилась и после «коричневой революции». Хайнц Хене пишет, что в Охранных отрядах Рождество продолжало отмечаться. Явно христианские мотивы прослеживаются в брошюре «Тебя зовут СС». Вот лишь несколько цитат из этого издания:

«Вера — священное слово. Поэтому его не стоит употреблять всуе... Вера создает человека, безверие губит его»;

«Мы не верим в слепую судьбу, управляющую людьми. Однако мы верим в Божественное Провидение, вдохнувшее осмысленность в каждую жизнь, избравшее нас орудием Божественной Воли... Вы сами вольны решать, каким путем пойдете в этой жизни. Вами не управляет слепой рок. Вы выбираете по собственной воле — следуйте наставлению совести, ибо это путь к Богу. Это путь из вечности в вечность»;

«Никогда не проси награды — трудись во исполнение долга. Тот, кто требует от нас быть добрыми и набожными за сребреники, искушает нас и уводит от Бога. Он посланник дьявола, даже если сулит нам рай».

Конечно, с учетом известного «плюрализма» в СС существовали и иные взгляды. Некоторые идеологи критиковали христианство как «ложную доктрину всеобщего равенства, которая усердно насаждалась в течение веков». Иными словами, Охранные отряды никогда не были религиозным орденом. Выбор вероисповедания был личным делом каждого эсэсовца. Известный диверсант Отто Скорцени в своих мемуарах писал: «Наверное, некоторых удивит тот факт, что в войсках СС царила свобода совести. В наших рядах были и агностики, и протестанты, и католики».

Весьма показательны следующие статистические данные. В 1940 году 54,2% личного состава СС называли себя протестантами и 23,7% — католиками. Таким образом, свыше двух третей эсэсовцев были христианами. В иностранных соединениях войск СС этот процент был еще выше. Кроме того, там, как правило, служили священники, представлявшие вероисповедания своих народов. Особенно хорошие отношения складывались у войск СС с католиками (несмотря на то что в руководстве Охранных отрядов имели место негативные оценки Ватикана).

Большой интерес представляет в этом смысле личность папского прелата монсеньора Жана графа Майоля де Люпе, окормлявшего французские формирования СС. Он родился в 1873 году, в 16 лет вступил в монашеский орден Святого Франциска и, пройдя затем обучение у иезуитов, в 1900 году был рукоположен в священники бенедиктинского ордена. В Первую мировую войну Майоль пошел военным священником во французскую армию и попал в немецкий плен. Вынесенные из плена впечатления изменили в положительную сторону его отношение к Германии и немцам. После войны Майоль стал капитаном французской армии, затем командором Почетного легиона и, наконец, главным военным священником Иностранного легиона в чине генерала.

После поражения республиканской Франции Майоль стал частым гостем в немецком посольстве. В 1941 году как убежденный антикоммунист он пошел военным священником во Французский антибольшевистский добровольческий легион, воевавший на Восточном фронте. Перед принесением легионом присяги 5 октября 1941 года Майоль отслужил торжественный полевой молебен и, подняв Святые Дары, призвал Божье благословение на добровольцев как на «защитников христианской цивилизации». В 1944 году священник перешел вместе с уцелевшими легионерами в войска СС — сначала в бригаду «Франция», а затем в 33-ю войсковую гренадерскую дивизию СС «Карл Великий»¹. Этот клирик был удостоен чина штурмбаннфюрера СС. Показательно, что де Люпе был близким

¹ Кроме французов в этой дивизии служили швейцарцы, бельгийцы, русские и даже представители французских колоний. Отечественный историк Константин Семенов пишет: «Наличие во французской дивизии цветных солдат дало повод «историкам-фантастам» писать о мертвых «тибетских ламах» в эсэсовской форме, найденных в руинах Берлина советскими войсками».

другом Пия XII и заявлял: «Церковь никогда не осуждала национал-социализм и объединяла нашего святого отца Папу и нашего прославленного фюрера».

Неукоснительно придерживались католической веры и военнослужащие 28-й добровольческой гренадерской дивизии СС «Валлония». Ее командир — оберштурмбаннфюрер Леон Дегрелль, сын католического священника, до войны руководил бельгийской правой партией «Христос Царь». После войны Дегрелль вспоминал: «Я был первым, у кого в войсках СС был католический священник. Позднее священники различных вероисповеданий имелись у всех».

В 14-й украинской дивизии войск СС «религиозным командиром» был униатский священник отец Василий Лаба, а духовником украинских подразделений, входящих в состав 5-й танковой дивизии «Викинг», был назначен отец Юлиан Габрусевич. Соответственно, у скандинавских и североевропейских частей войск СС были протестантские пасторы, а в 29-й дивизии и других русских частях и подразделениях СС — православные священники. Так, в 1-й Русской национальной бригаде СС священником был отец Гермоген (из Русской православной церкви за рубежом), незадолго до войны окончивший богословский факультет Варшавского университета.

Интересным, на наш взгляд, выглядит свидетельство православного пастыря отца Никифора (фон Рихтер-Меллина) о том, как он в ходе Второй мировой войны лично крестил 45 немецких военнослужащих, в том числе и эсэсовцев. По воспоминаниям другого православного клирика — архимандрита Нектария (Чернобыля), солдаты войск СС достаточно лояльно относились к православию. В своих мемуарах этот пастырь приводит произошедший с ним в оккупации случай: «Однажды эсэсовцы схватили меня, приняв из-за моей

борода за еврея, и хотели тут же расстрелять. К счастью, при мне оказалась справка, выданная мне в Харькове местным архиереем о том, что я служу псаломщиком». О том, что высокопоставленные эсэсовцы нередко оказывали православным помощь, свидетельствует протоиерей Александр Киселев, военный священник Русской освободительной армии. Он вспоминает, что в Нюрнберге некий офицер СС помог ему организовать курсы православных проповедников.

Разумеется, многие мероприятия, проводившиеся под патронажем Охранных отрядов, никак нельзя называть совместимыми с христианством. Наиболее явный пример — политика стерилизации «расово неполноценных или малоценных» людей. В уже упоминавшейся брошюре «Эсэсовец и вопрос крови» отмечалось: «Извращенно толкуемая «любовь к ближнему», которая тем не менее усиленно навязывается так называемым «культурным народам», весьма способствует отрицательному отбору. Некоторые деятели церкви вступают в конфликт с природой и разумом. Существует церковная точка зрения, будто всякое, пусть даже и разумное, вмешательство в любое, сложившееся на данный момент, положение вещей есть нарушение божественного миропорядка. Более чем удивительно в таком случае, почему с этих же позиций не выступают против забоя скота или, скажем, врачебной деятельности. Согласитесь, нельзя же всерьез утверждать, что Богу угодны все те жуткие реалии неполноценной наследственности, о которых говорилось выше. Далее пришлось бы, вероятно, признать неправомерным лишение убийц и прочих преступников свободы, предоставив, таким образом, всех остальных, нормальных людей в полное распоряжение этих негодяев. Познание законов природы, однако, расставляет все по своим местам: жизнь нашего народа и сохранение чистоты его крови много

важнее поддержания любой ценой существования неполноценных индивидуумов с сильно отягощенной наследственностью. Масштаб заботы о своем личном «я» не должен перекрывать собой масштаба заботы о благе всего своего народного целого».

Интересно, что некоторые протестантские теологи вполне соглашались с подобными сентенциями, оправдывая стерилизацию и эвтаназию тем, что «Бог создал такие надличностные и надчеловеческие организации, как семья, раса и нация, с тем умыслом, что они будут стоять выше, чем отдельный человек; их существование и процветание является поэтому более важным, чем благополучие отдельных людей». В 1934 году ряд богословов выступил даже за принудительную стерилизацию глухих и слепых. Католическая церковь тоже не была полностью свободна от влияний идей евгеники.

Показательно, что непосредственно перед окончанием войны Ватикан предпринял действенные меры по спасению высокопоставленных эсэсовских чинов (как немцев, так и представителей других наций) от расплаты и мести со стороны союзников. Монсеньор Монтини (будущий Павел VI) при прямой поддержке папы дал указания Государственному секретариату Ватикана и Бюро по работе с беженцами выдать паспорта Ватикана целому ряду бежавших из Германии эсэсовцев. Спасением беженцев и военных преступников от мести союзников занимался, в частности, епископ Гудал, служивший в Ватикане. Гвидо Кнопп называет его «откровенным сторонником нацистов» («епископ мечтал о своего рода христианском национал-социализме»). Гудал скрывал в римской больнице «Святого духа» бывшего вице-губернатора Польши штурмбаннфюрера СС барона фон Вехтера, которого повсюду разыскивали еврейские и союзные органы разведки. Существует

версия, что Гудал заключил с итальянской полицией своеобразное соглашение, по которому разыскиваемые властями нацисты и эсэсовцы не арестовывались, а доставлялись в те церкви и монастыри, на которые указывал Гудал.

Кнопп пишет, что с помощью католических организаций только в Латинскую Америку сумели бежать сотни эсэсовцев, «среди которых находились и крупные военные преступники. Разыскивавшийся по всему миру Адольф Эйхман позже свидетельствовал на суде, что ему удалось уехать за океан в 1950 году с помощью священника-францисканца в Генуе... Эсэсовец Вальтер Кучман, обвинявшийся в уничтожении тысяч евреев и их депортации из Франции, смог перебраться в Аргентину через Испанию в 1948 году с помощью испанского Ордена монахов-кармелитов в одеждах скромного монаха... Вальтер Рауф скрылся в направлении Сирии и, видимо, не без участия генуэзского епископа Сири. И гауптштурмфюрер СС Эрнст Прибке получил удостоверение личности на имя Отто Папе в Папской комиссии помощи... Церковь оказывала самую действенную помощь таким беглым преступникам, как врач концлагеря Йозеф Менгеле и пособник Эйхмана Алоис Бруннер, «лучший специалист» по депортациям евреев».

Все это говорит о том, что никакого тотального антагонизма Охранных отрядов с христианством не было. Кстати, нынешний папа Бенедикт XVI в конце войны служил добровольным помощником ПВО в организации «Воспитанники СС» (SS-Zöglinge) и носил на правом рукаве эсэсовские руны.

Теперь коснемся символики Охранных отрядов, которая, по распространенному мнению, была призвана показать «человеконенавистническую, дьявольскую и антихристианскую сущность» СС. К примеру, Н. Непомнящий в своей книге «Тайны оккультного рейха»

утверждает, что Германия была «сатанинским государством», и отмечает: «К этому выводу приводит черная униформа вездесущих СС, некрофильским символом которых был человеческий череп» (сентенция почти дословно повторяет вывод Д. Бреннана). Подобную трактовку атрибутики СС сложно назвать иначе как бредом. Руководствуясь этой логикой, в сатанизме можно легко обвинить суворовцев и белогвардейцев генерала Корнилова.

Больше всего вопросов у недалеких «исследователей» возникает по поводу черного цвета эсэсовской формы и одной из главных эмблем Охранных отрядов — «Мертвой головы» (Totenkopf).

«Мертвая голова» была, пожалуй, единственной деталью униформы СС, которая присутствовала на протяжении всей истории организации (не считая, разумеется, общепартийной свастики). Когда первые эсэсовцы выбрали этот символ в качестве своей эмблемы, они совершенно не преследовали цель «напугать» или «устрашить» своих политических противников. Напротив, «Мертвая голова» считалась в тогдашней Германии исключительно положительным знаком. Как пишет английский военный историк Робин Лумсден, «немцы воспринимали мертвую голову прежде всего как историческую эмблему некоторых элитарных частей имперской Германии». Немецкий исследователь Гвидо Кнопп также констатирует, что «эмблему мертвой головы они [СС. — Д.Ж.] позаимствовали у войсковых элитных частей, так как эта эмблема в течение столетий служила знаком особой преданности военачальнику».

Кроме того, нельзя забывать, что «Мертвая», или «Адамова голова» — древнейший символ. Ник Уорвол отмечает: «Во многих древних культурах череп и кости как наиболее стойкая к разложению и наименее разрушаемая органическая ткань символизировали способ-

ность к телесному возрождению, жизненную энергию и силу духа». «Адамова голова» не имеет прямого отношения и к сатанизму. Более того, она является важнейшим христианским символом, ее можно обнаружить на некоторых изображениях Креста, под самым Распятием, что обозначает поправление, преодоление смерти. «Адамова голова» использовалась и используется на одеяниях монахов-схимников.

В 1740 году во время церемонии похорон прусского короля Фридриха-Вильгельма I зал с телом почившего был задрапирован черными полотнищами с вышитыми на них серебряной тканью черепами. Черепа были немного повернуты вправо и не имели нижней челюсти. С тех пор «Мертвая голова», как и черный цвет униформы, стала принадлежностью прусской армейской элиты — эта эмблема (по мнению отечественного исследователя В. Акунова, она означала «мистическое единство войны и смерти на поле битвы») украшала кивера и штандарты Королевских лейб-гусар. В 1809 году 17-й гусарский полк и 3-й пехотный батальон 92-го пехотного брауншвейгского полка также получили «Мертвую голову» в качестве почетной эмблемы (у названных частей череп был развернут анфас, а кости располагались под ним).

В годы Первой мировой войны «Мертвая голова» отличала ударные части германской армии, в частности штурмовые батальоны, огнемётные роты и танковые батальоны. Огнемётчикам символ «Мертвой головы» в 1916 году присвоил лично наследный принц, охарактеризовав эмблему как высший знак доблести, который «будет постоянно стимулировать дальнейшее повышение боевого духа, презирающего смерть». В качестве своих персональных эмблем «Мертвую голову» использовали и некоторые пилоты военно-воздушных сил (к примеру, ас Георг фон Хантельман). Добровольческие

корпуса Веймарской Германии — Фрайкоры, сражавшиеся с большевизмом, также использовали череп с костями, что символизировало презрение к смерти и готовность идти в своей борьбе до конца. К слову, «Адамова голова» была также распространенным символом в ряде частей Русской армии в конце Первой мировой и во время Гражданской войны.

Привлечение «Мертвой головы» в качестве символа СС в 1923 году легко объясняется тем, что большинство первых эсэсовцев состояло во Фрайкорах, носивших антибольшевистский, консервативный и антилиберальный характер. Первоначально за основу была взята «Мертвая голова» прусского образца (интересно, что прусских лейб-гусар называли не иначе как «Черные Мертвоголовые Гусары», «Schwarze Totenkopfhussaren»). Эмблема использовалась Охранными отрядами на протяжении 11 лет. В 1934 году череп этого образца стал эмблемой танковых войск Германии, а для СС был разработан новый дизайн символа (обладавший большей анатомической достоверностью).

«Мертвая голова» образца 1934 года выпускалась в разных вариантах: повернутой вправо, влево и анфас. Эту эмблему все члены СС носили на головных уборах. Кроме того, «Мертвой головой» украшались эсэсовские кольца, кинжалы, горжеты, флаги, штандарты, барабаны и трубы. Служащие подразделений по охране концлагерей (впоследствии 3-й танковой дивизии Войск СС «Тотенкопф») носили черепа на своих правых петлицах (вместо сдвоенных зиг-рун). Как отмечает Константин Залесский, «Мертвая голова» должна была напоминать члену СС, что он должен быть готов в любой момент пожертвовать жизнью во благо своего народа». Череп с костями использовался не только в СС и танковых войсках рейха. «Мертвую голову» носили также 5-й кавалерийский и 7-й пехотный полки

вермахта, а также 4-я авиагруппа специального назначения люфтваффе.

Черную форму и основные цвета СС — белый и черный (исторические цвета Тевтонского ордена) ввел в употребление оберфюрер СС профессор Карл Дибич (1899—1985), возглавлявший в личном штабе рейхсфюрера СС управление, ведавшее вопросами искусства. Профессор учитывал, что черный цвет традиционно отличал мундиры ряда элитных частей старой имперской Пруссии. Дибич был также автором личных гербов наиболее влиятельных руководителей Охранных отрядов (идея опять же позаимствована у тевтонских рыцарей). Личный врач Гиммлера Феликс Керстен в своих воспоминаниях пишет о том, как сам рейхсфюрер оценивал черную форму эсэсовцев: «Он открыто признался мне, что людям нравится красивая униформа, она льстит их самолюбию и превращает в верных слуг Гиммлера. Воплощением этой идеи служит форма, придуманная им для так называемых почетных вождей, которые получают звания, соответствующие их административному положению».

Необходимо отметить, что немцы всегда относились к униформе (равно как и ко всему военному) с невероятным пиететом, мало характерным для других европейских наций. Это, несомненно, одно из проявлений наиболее типичной «немецкой национальной черты» — едва ли не патологической страсти к порядку милитаристского образца. Еще в конце XVIII века романтический писатель и мыслитель Фридрих фон Гарденберг (Новалис) в своем цикле афоризмов «Вера и любовь» писал: «Нужно, чтобы государство было зримо во всем, чтобы каждый был отмечен как его гражданин. Не ввести ли мундиры и знаки отличия для всех? Кто подобные вещи считает малозначащими, не знает существенной своеобразной черты человеческой при-

роды». Забегая вперед, заметим, что эта «типично немецкая» мысль была почти полностью осуществлена в Третьем рейхе, когда в униформу со сложной системой знаков отличия были облачены даже такие категории государственных служащих, как кондуктора общественного транспорта или шахтеры.

Исследователь нацистской форменной одежды Брайан Ли Девис констатирует: «Практически все население Германии было поделено на всевозможные военные и полувойсковые формирования, каждое из которых имело свою символику, набор знаков различия, покрой и цвет униформы... Несмотря на исключительно сложную систему званий, должностей и уровней ответственности немцы весьма охотно согласились с введением формы и с удовольствием носили ее».

Первые национал-социалисты, как правило, носили либо мундиры, в которых они воевали в годы Первой мировой войны (или сражались во Фрайкорах), либо — обычную гражданскую одежду, дополненную нарукавной повязкой со свастикой. Традиция ношения нарукавных повязок в Германии восходит к временам Тридцатилетней войны (1618—1648), когда солдаты одного полка носили повязки одного цвета (собственно единая форма для немецких военнослужащих была введена только в конце XVII века по примеру французской армии). Члены непосредственных предшественников Охранных отрядов — «Штабной стражи» и Ударного отряда «Адольф Гитлер» отличались от штурмовиков и прочих соратников партии «Мертвой головой» на головном уборе.

В конце 1924 года нацисты закупили крупную партию коричневых рубашек. Они-то и стали отличительной особенностью членов движения в последующие годы. Когда в апреле 1925 года были сформированы Охранные отряды, эсэсовцы также получили коричневые

рубahi. Чтобы отличить СС от СА, члены нового подразделения стали носить не коричневые, а черные головные уборы, брюки и галстуки. Еще одним отличием стала черная кайма на повязке со свастикой. Черно-серебристые (для рядовых — черно-белые) петлицы с обозначением звания и номера штандарта (полка) были введены в СС 9 ноября 1926 года (знаменитые сдвоенные зиг-руны, разработанные гауптштурмфюрером СС Вальтером Хеком, появились на петлице лишь в 1934 году).

В конце 1931 года Охранные отряды получили изготовленные фирмой Оверхоффа пряжки ремня, украшенные девизом «Моя честь зовется верность» («Meine Ehre heisst Treue»). До 1945 года дизайн этих пряжек (существовали солдатская и офицерская разновидности) не менялся.

В мае 1933 года в СС было введено ношение погона на правом плече. Погон определял не звание (которое указывалось на петлице), а принадлежность к той или иной иерархической группе (рядовой, унтер-офицер, офицер и т.д.).

Собственно черная униформа (китель, брюки, фуражка) появилась в Охранных отрядах непосредственно перед приходом нацистов к власти. Специфическими особенностями кителя был отложной воротник (в рейхсвере и вермахте он был глухим), накладные верхние и прорезные нижние карманы. Под китель надевалась все та же коричневая рубаша с черным галстуком. По торжественным случаям полагалось ношение белой сорочки. С 1936 года офицеры получили черный смокинг для неформальных вечерних мероприятий, а в 1939 году — белый летний вариант повседневной униформы (ее полагалось носить с 1 апреля по 30 сентября). Черная форма подчеркивала элитарность Ордена Гиммлера. Как отмечает Хайнц Хене, «люди из СС

носили излюбленную немцами шикарную форму: ее черный цвет искоренял плебейский коричневый... Вся их внешность должна была демонстрировать принадлежность к элите, гвардии строгих пуритан, радеющих о благе государства, и выражать беспрекословное послушание и готовность к выполнению любых приказов фюрера».

К началу войны черная форма стала носить почти исключительно парадный характер. Ее продолжали носить лишь члены Общих СС (Allgemeine-SS), находящиеся в тылу. Поэтому абсурдно выглядят некоторые образчики кинематографа, в которых эсэсовцы воюют в черной форме. Единственным исключением была черная униформа танкистов СС, представлявшая собой короткую двубортную куртку с потайными пуговицами. Впрочем, к 1942 году танкистов также переодели в форму серого или серо-зеленого («фельдграу») цветов.

Излишки черного обмундированиягодились: их использовали формирования коллаборационистов в оккупированных странах (к примеру, вспомогательная полиция на Востоке). С 1935 года в СС стала появляться светло-серая униформа. В 1938 году было введено ношение двух погон, а повязку со свастикой на левом рукаве заменил орел. Как отмечает К. Залесский, замена черной формы на серую была вызвана «желанием руководства СС придать своим членам более «военный» вид. С началом военных действий все больше немцев призывалось в армию, и отношение населения к сотрудникам СС, «просиживавшим штаны» в тылу, стало резко ухудшаться. Больше напоминавшая военный мундир светло-серая униформа должна была сгладить это отношение».

В своей книге по униформе рейха Брайан Дэвис совершенно справедливо задавал следующие риторические вопросы: «Смогли бы немцы добиться таких во-

енных успехов, если бы не были объединены всякого рода нашивками, значками и знаками, не только подчеркивающими их заслуги, но и стимулирующими их на большее? Как вам кажется, удалось бы немцам добиться столь ошеломляющих побед, будь они одеты в унылые одинаковые костюмы вроде тех, что в пятидесятые годы повально носили в Китае?»

Следует рассказать об истории происхождения служебного кинжала СС (Dienstdolch). Историки-фантасты и публицисты-мистификаторы очень любят писать о том, что кинжал СС точно соответствовал кинжалу на эмблеме пресловутого «Общества Туле». Это должно якобы говорить о «преемственности» между баварскими оккультистами и эсэсовцами. К примеру, Ю. Воробьевский пишет, что символом «Общества Туле» «стал кинжал на фоне дубовых листьев. Позднее ежегодно 9 ноября в память «Хрустальной ночи» точно такие же кинжалы с надписью «Моя честь — верность» будут вручаться посвященным в СС». Совершенно непонятно, о каких «посвященных» идет речь (это оружие по статуту носили все члены Общих СС). Не ясен и «смысл» указания на «Хрустальную ночь».

Рукоятка и гарда оккультной эмблемы совершенно отличаются от эсэсовского варианта. За основу партийных служебных кинжалов (их носили не только в СС, но и в СА и НСКК — национал-социалистическом автомобильном корпусе) была взята не какая-то оккультная картинка, а вполне реальный прототип — шведский охотничий кинжал XVII века (так называемый Гольбейновский кинжал), который, в свою очередь, восходил к изображению оружия на колонне Траяна в Риме.

Кинжалы были введены 15 декабря 1933 года. На черной рукоятке помещался металлический орел со свастикой, а на лезвии был выгравирован девиз СС. Ножны изготавливались из сине-черной анодированной стали.

Кинжалы СС действительно выдавали только 9 ноября (в годовщину «Пивного путча») на торжественной церемонии производства кандидатов в члены СС. После «Ночи длинных ножей» 1934 года Гиммлер подарил 200 кинжалов с надписью «В знак сердечной дружбы, Г. Гиммлер» («In herzlicher Kameradschaft, H. Himmler») непосредственным участникам расправы над оппозиционной верхушкой СА. Существовали и наградные варианты кинжала, изготовленные из дамасской стали и более богато украшенные. Их Гиммлер вручал своим соратникам в знак особого расположения (но опять же, ни о каких «посвященных» речи идти не может).

Избранным офицерам и выпускникам офицерских школ рейхсфюрер вручал также парадные сабли для ношения в особо торжественных случаях. При награждении этим оружием Гиммлер произносил следующую фразу: «Я вручаю вам саблю СС. Никогда не обнажайте ее без необходимости. Никогда не вкладывайте ее в ножны без славы!»

Статусом личного подарка рейхсфюрера обладало и серебряное кольцо с «Мертвой головой» (Totenkopfring der SS). Первое время кольцо считалось едва ли не высшей наградой СС и отмечало личные достижения владельца, а также его преданность службе. Изначально кольца вручались в основном ветеранам Охранных отрядов, но уже к 1939 году любой добросовестный офицер, прослуживший в СС три года, стал получать его автоматически.

Как уже отмечалось, дизайн кольца по просьбе Гиммлера разработал бригаденфюрер СС Карл Вейстхор (Виллигут). Символика кольца восходит к германско-скандинавской мифологии. Согласно преданию, бог Тор носил кольцо из чистого серебра, на котором люди приносили клятву. Кольцо СС представляло собой массивный дубовый венок, увенчанный «Мертвой го-

ловой», двумя зиг-рунами, свастикой, хагаль-руной и группой рун Хайльцахен. На внутренней стороне кольца находилась выгравированная надпись «S.lb» («моему дорогому»), фамилия владельца, дата вручения и факсимильная подпись Гиммлера.

Каждое кольцо сопровождалось наградным листом с текстом следующего содержания: «Я награждаю вас кольцом с Мертвой головой СС. Это кольцо символизирует нашу лояльность Фюреру, наше непреклонное послушание и наше братство и товарищество. Мертвая голова напоминает нам то, что мы должны быть всегда готовы отдать наши жизни во имя блага немецкого народа. Руны напротив Мертвой головы символизируют наше славное прошлое, которое будет восстановлено через национал-социализм. Две Зиг-руны символизируют аббревиатуру СС. Свастика и Хагаль-руна означают нашу нестигаемую веру в неизбежную победу нашей философии. Кольцо охватывает дубовый венок, дуб — традиционное немецкое дерево. Кольцо с Мертвой головой нельзя купить или продать. Это кольцо никогда не должно попасть в руки того, кто не имеет права держать его. Если вы покинете ряды СС или погибнете, то кольцо должно вернуться к рейхсфюреру СС. Незаконное приобретение или копирование этого кольца строго запрещено и преследуется по закону. Носите это кольцо с честью! Г. Гиммлер».

Кольцо с «Мертвой головой» носилось только на безымянном пальце левой руки. Вручение колец было приурочено к памятным датам: 30 января, 20 апреля, 9 ноября и т.д. При увольнении из СС владелец должен был сдать свое кольцо. Кольца погибших эсэсовцев хранились в «орденском замке» Вевельсбурге. Выпуск и выдача колец были прекращены в октябре 1944 года. К этому моменту было вручено 14 500 колец.

Сотрудники научного эсэсовского общества «Наследие предков» («Аненербе») носили несколько иные кольца. Они были увенчаны сдвоенными рунами Эйваз, читавшимися как А-Э (Анен-Эрбе).

Надо коснуться некоторых аспектов использования в символике Охранных отрядов рунических знаков. Идея привлечения рун к атрибутике СС принадлежит Вальтеру Хеку и отчасти Карлу Вейстхору. Ответим на вопрос, что же скрывается за интересом высокопоставленных эсэсовцев (и прежде всего самого рейхсфюрера) к рунологии. Означает ли использование рун само по себе антихристианство эсэсовцев? Практиковалась ли в недрах «Черного ордена» руническая магия?

В популярной и псевдонаучной литературе ответы на эти вопросы решаются однозначно положительно. Сергей Зубков пишет: «Фюрер был абсолютно уверен в существовании тайного еврейского заговора... Поскольку война велась преимущественно магическими средствами, то руны должны были противостоять кабалистической традиции... Во время Второй мировой войны часто применялись рунические гадания. Наверное, это делалось для того, чтобы уравнять шансы в борьбе против союзников».

Содержание термина «runa», буквально означающего «письменный знак», выросло из значения слова «тайна». Таким образом, руны — это «таинственные, нуждающиеся в истолковании знаки». По версии основателя научной рунологии Вильгельма Гримма, смысл слова «руна» мог появиться и из слов «надрез», «насечка» (ср. русск. «рана»). Область распространения рунических знаков простирается с востока на запад от Волыни до Ирландского моря и с юга на север от Герцеговины до Гренландии. Памятники датируются промежуток времени около тринадцати столетий.

Рунический буквенный ряд носит название «Фугарк» (по первым шести знакам, аналогично древнегреческому алфавиту). Древнейшим немецким рядом букв является общегерманский фугарк. Рунические надписи, сделанные с его помощью, появляются между 200—700 гг. н.э. Общегерманский рунический ряд состоит из 24 знаков, 16 из которых обозначают согласные звуки, 6 — гласные и 2 — полусогласные.

Фактический создатель Аненербе профессор Герман Вирт отмечал: «Руны — это не поздний искаженный вариант латинского шрифта, занесенного на Север. И латинское, и финикийское, и этрусское письмо — разные ветви нордического Священного Ряда, и северные руны — одна из наиболее полноценных его форм, сохранившая наибольшую связь с оригиналом».

Надо отметить, что рунические знаки в понимании использовавших их людей обладали могуществом, некой священной силой. Овладеть искусством рун означало приобрести способность управлять заключенной в этих знаках энергией. Рунические символы можно было использовать как для обороны, так и для разрушения. Выдающийся отечественный филолог Михаил Стеблин-Каменский отмечает, что руническая магия могла «защитить могилу от ограбления или разрушения, отогнать от нее злые силы, защитить живых от мертвеца, обеспечить месть за него, принести счастье владельцу предмета».

Отношение христианства к рунам было неоднозначно. С одной стороны, некоторые миссионеры видели в рунах враждебное языческое наследие (в 1626 году в Исландии один человек был сожжен лишь за то, что среди его писем были найдены рунические знаки), с другой — известно активное привлечение и использование рун в богослужебной практике. Еще в IV веке вестготский епископ Ульфилла ввел специальный руни-

ческий буквенный ряд (готский, или готический) для записи переводов Священного Писания. Отдельные готские племена использовали его алфавит вплоть до X века. При обращении Норвегии и Швеции в христианство наряду с немецкими значительную роль играли английские священники. В древней Англии католическое духовенство не отличалось неприятием рунического письма и позволяло использовать его, в том числе в христианских надписях на каменных крестах. Скандинавские резчики рун не оставляли попыток привести рунический ряд в соответствие с латинским алфавитом. Так возник «младший рунический ряд» («руны Вольдемара»). С XII по XIV век руническими надписями были снабжены многие предметы из церковной утвари (купели, кадила, церковные колокола, раки с мощами и проч.).

В XIX веке зародилась наука рунология. В 1821 году вышла книга Вильгельма Гримма «О немецких рунах». Спектр рунологических исследований был необычайно широк — от чисто научных до оккультных. Руны стали одним из главных объектов спекуляций фелькиш-теоретиков. Скажем, Гвидо фон Лист назвал одну из своих работ «Тайна рун» (1908 год). Несмотря на то что в нацистской Германии рунология достигла своего расцвета, «произвольные толкователи» рун из народнических кругов до поры до времени пытались активно мешать объективному научному процессу.

Ведущий немецкий рунолог профессор Гельмут Арнц, получивший мировую известность в 1930-е годы, с горечью писал: «К несчастью, в этой области встречается слишком много «профессоров всяческих наук», которые не могут удержать полет своей неумемной фантазии... Им нужны чудеса, они ищут повсюду мистику и волшебство и создают мудреные теории. Чем меньше они знают, тем больше им хочется высказаться по это-

му поводу. Я считаю своим долгом выступить против них». Руководителем Отделения рунологических исследований при научном обществе СС «Наследие предков» был профессор кельтской филологии Вольфганг Краузе, также ученый с мировым именем, совершенно далекий от фантазеров-народников.

Попытки пробудить руны к новой жизни в условиях Третьего рейха обуславливались, по словам национал-социалистического историка Эдмунда Вебера, «стремлением вновь обрести древнее отеческое наследие» и «осознанием немецким народом своих корней и собственных достижений».

Некоторые руны стали эмблемами управлений СС и дивизий Войск СС. К примеру, руна «Тейваз» была символом группы воспитания Главного управления СС, а также 32-й добровольческой гренадерской дивизии войск СС «30 января»; руна «Одал» — эмблемой Главного управления расы и поселений и 7-й добровольческой горной дивизии «Принц Евгений»; «Вольфсангель», или «волчий крюк», был символом 23-й добровольческой танковой гренадерской дивизии «Недерланд»; «Хагаль» — 6-й горной дивизии «Норд»; руна «Альгиз» обозначала принадлежность к медицинской службе. При этом сообщения некоторых «исследователей оккультного рейха» о том, что «во время Второй мировой войны» в СС «часто применялись рунические гадания», являются полным вздором.

Подчеркнем, что интерес к рунологии, а также эсэсовские рунические эмблемы отнюдь не подразумевают антихристианства, ведь руническим знакам не придавалось, вопреки досужим домыслам, какое-то магическое значение. Итальянский мыслитель-традиционалист Юлиус Эвола отмечал, что «интерес национал-социализма к рунам... должен быть расцелен как чисто символический, без какого-либо эзоте-

рического значения, примерно так же, как фашисты использовали некоторые римские символы». В другой своей работе Эвола пишет еще более категорично: «В области понимания символов непреодолимым препятствием стало неприятие трансцендентного измерения, что привело, в частности, к пренебрежению древним «магическим» аспектом рун». Таким образом, использование рун в СС было данью памяти германской исторической традиции, а также носило эстетический характер.

Руны практически не использовались в формированиях негерманских добровольцев войск СС. На своих петлицах они носили не сдвоенные зиг-руны, а символы, указывающие на национальную принадлежность. Так, эмблемой 14-й украинской дивизии войск СС был галицийский лев, 28-й валлонской — бургундский «суковатый» крест, 29-й русской — Георгиевский крест с мечами, 30-й русской — двойной крест или трезуб св. Владимира и т.д.

Таким образом, символика Охранных отрядов партии вовсе не была призвана показать антихристианский характер СС. Форма эсэсовцев несла в себе элементы эмблематики элитных армейских частей кайзеровской армии, а основные цвета Охранных отрядов восходили к средневековому Тевтонскому ордену. Эсэсовская атрибутика, как правило, уходила корнями в христианский символизм, за исключением рун, использование которых, как мы показали выше, было свидетельством уважения к собственной истории.

Рассмотрим ритуалы «Черного ордена». Имели ли они неоязыческий, или оккультный, характер? Где следует искать их корни?

Ритуалы нацистской партии, точно так же, как ее атрибутика и символика, преследовали цели произвести на массы необычайное впечатление, возбудить

чувство единства, потрафить эстетическим запросам немецкого обывателя. Как уже отмечалось, одной из характерных «национальных черт» немцев является любовь к военизированному порядку (в настоящий момент, впрочем, эта черта искусственно изживается). Исходя из этого, политические партии, общественные движения и кружки сознательно создавали милитаристские структуры и вооруженные отряды. У НСДАП это были Штурмовые отряды (Бросчат пишет: «СА вдохнули в политику НСДАП фронтовой дух»), у коммунистов — Союз борцов Красного фронта, у социал-демократов — «Черно-красно-золотое имперское знамя» и т.д. Все подобные организации имели собственную форму, знаки различия, атрибутику и обрядность. В целом церемониал этих структур восходил к военным традициям германской армии. Впрочем, со временем вырабатывались и ритуалы, связанные с собственной партийной мифологией.

Все сказанное относится и к СС. Поначалу Охранные отряды были лишь небольшой частью СА и каких-то специфических церемоний не практиковали. Лишь с момента назначения Гимmlера рейхсфюрером роль «Черного ордена» повысилась. В соответствии с идеей, по которой СС должны были стать гвардией партии (а после и государства), появилась необходимость культивирования собственной системы ритуалов. Олег Пленков отмечает, что «до войны все эти организационные новшества, особый церемониал, инсценировка обрядов и прочие ухищрения обеспечили СС особое место как в системе власти в Третьем рейхе, так и в немецком обществе. Особенно притягательными СС стали для немецкой молодежи».

Так же, как и форма, некоторые ритуалы СС восходили к ритуалам Тевтонского ордена. Британский историк Робин Лумсден пишет: «Гимmlер апеллировал к

средневековым традициям. Мистика церемонии «знамени крови» (оно прикладывалось к штандартам СС, тем самым как бы «освящая их». — Д.Ж.) напоминала рыцарскую инициацию, в ходе которой феодал касался мечом до плеча вассала. Для эсэсовцев сюзереном был Гитлер».

Большинство ритуалов СС было просто скопировано у армии, ведь Охранные отряды были в первую очередь военизированной структурой. К примеру, присяга эсэсовца производилась следующим образом: знамя полка знаменосец держал горизонтально (древко параллельно земле), трое новобранцев возлагали свои левые руки на древко, а правые поднимали в «немецком приветствии» и произносили слова клятвы: «Я клянусь вам, Адольф Гитлер, как фюреру и рейхсканцлеру, в верности и храбрости. Клянусь, не щадя самой жизни, повиноваться вам и тем, кому вы поручите командовать мною, и да поможет мне Бог!» Некоторые исследователи видят в подобной личной клятве едва ли не нарушение веками установленного порядка. Между тем во всех традиционных (монархических) державах присяга, или торжественный обет, давалась каждым военнотружущим при вступлении на престол нового государя. Было бы, наверное, очень странно, если бы в авторитарном Третьем рейхе военнотружущие присягали бы на конституции.

Ритуалы были тесно увязаны и с партийной мифологией: важное значение имели такие даты как 30 января (приход к власти), 20 апреля (день рождения Гитлера), 9 ноября (годовщина национальной революции в Мюнхене). К примеру, члены частей усиления СС приносили присягу 9 ноября в 10 часов вечера в присутствии фюрера и на том самом месте, где в 1923 году колонна национал-социалистов была расстреляна полицией.

Процесс подготовки к присяге занимал целый год. 9 ноября кандидата объявляли новобранцем СС с правом ношения формы с чистыми (без сдвоенных зигрун) петлицами. 30 января кандидат получал предварительное удостоверение. 20 апреля новобранец получал эсэсовские петлицы и удостоверение. После клятвы фюреру молодые эсэсовцы сдавали нормативы на спортивный значок и отправлялись отбывать трудовую повинность, после чего — 9 ноября они становились полноправными членами «Черного ордена». Очевидец описывал ритуал торжественной присяги так: «Полуночное принятие присяги перед Залом полководцев в Мюнхене. Красивые молодые люди, серьезные, с великолепной выправкой и осанкой, с оружием в идеальном порядке. Элита. У меня навертывались слезы на глаза, когда тысячи их в отблесках факелов хором произносили слова присяги на верность фюреру».

У кайзеровской армии Гиммлер позаимствовал и традицию дуэлей, которые были формально запрещены в рейхсвере и вермахте.

При этом, разумеется, не стоит отрицать, что ряд эсэсовских ритуалов действительно носил языческий оттенок (к примеру, торжественные церемонии в дни летнего и зимнего солнцестояния). Это объяснимо, ведь некоторые ритуалы были разработаны народниками-неоязычниками. В первой половине 1930-х годов они предпринимали неоднократные попытки отделить членов СС от официальной церкви. Однако примерно с 1935 года, когда народников начали отстранять от дел, вся активность подобного рода резко пошла на убыль.

К активистам этого рода относится прежде всего уже упоминавшийся Карл Виллигут (Вейстхор). Еще одним влиятельным фелькиш-теоретиком в «Черном ордене» был обергруппенфюрер СС Фриц Вейтцель (1904—1940). Его биография довольно показательна. Будучи

учеником слесаря, после окончания Первой мировой войны Вейтцель вступил в марксистский кружок, а к середине 1920-х годов примкнул к Штурмовым отрядам (в то время в СА левацкие взгляды не были чем-то из ряда вон выходящим). По всей видимости, тогда же молодой человек познакомился и с идеями народников. В 1927 году Вейтцель переходит в СС. Здесь его карьера стремительно пошла в гору. До прихода НСДАП к власти он командовал крупными частями Охранных отрядов, а в 1933 году стал полицей-президентом Дюссельдорфа. После оккупации Норвегии в 1940 году Вейтцель был назначен высшим руководителем СС и полиции «Сервер» (штаб-квартира в Осло), но спустя уже два месяца погиб во время британской бомбардировки.

В 1930-х годах Вейтцель был в числе разработчиков некоторых псевдоязыческих церемоний «Черного ордена», опубликовав две книги: «Празднование ежегодных торжеств в семье эсэсовца» и «Церемонии в СС». В ритуалах, описанных Вейтцелем, большая роль отводилась огню. Церемонии празднования солнцестояния проводились в ночное время. Пленков отмечает, что «нацистские пропагандисты приняли во внимание ощущения людей, собиравшихся ночью у огромного костра: сама атмосфера такого собрания побуждала к мыслям о бренности существования, о величии и т.д.».

Можно вспомнить и о том, какое значительное внимание национал-социалисты придавали факельным шествиям. Справедливости ради отметим, что традиция возжигания ночных костров и факелов имеет глубокие народные (в т.ч. христианские) корни. Она связана с обычаем так называемого «пасхального огня» (немцы любили жечь костры и устраивать факельные шествия также на Вальпургиеву ночь, с целью отпугнуть ведьм, пытающихся помешать приходу весны). Таким обра-

зом, ничего изначально «зловещего» в факельных шествиях нет.

Не все однозначно и с похоронными церемониями Охранных отрядов. Известно, что на могилах павших в боях эсэсовцев вместо христианского креста нередко устанавливали lebens-руну (руну жизни). Но сам ритуал едва ли серьезно отличался от похорон военнослужащих вермахта. Почетный караул, траурный марш «Был у меня товарищ», возложение цветов... Кроме того, многочисленные фотографии зафиксировали, что на могилах погибших воинов СС ставились и традиционные христианские кресты. Причем речь идет не о захоронениях иностранных добровольцев (для них христианские похороны были само собой разумеющимися), а о могилах бойцов и командиров таких соединений Ваффен-СС как «Рейх», 4-я Полицейская дивизия и даже «Мертвая голова», то есть формирований, из которых «христианский дух» якобы «выбивался» особенно настойчиво. Поэтому заявления некоторых авторов о том, что в Охранных отрядах «с началом войны христианская символика почти исчезает», являются совершенно ошибочными.

Иными словами, в вопросе похорон (так же, как и в случае с церемонией бракосочетания или крещения ребенка) в СС существовал известный плюрализм. В силу того что две трети эсэсовцев в начале Второй мировой войны называли себя христианами, фактически никому не возбранялось участвовать в ритуалах, основанных на христианских традициях.

По мнению Х. Хене, путем возрождения «исторических псевдогерманских народных обычаев» Гиммлер хотел «укрепить корпоративный дух», кроме того, «культ предков и германизма был необходим для придания СС идеологического единства, которого у организации не было». Так или иначе, в вопросе использо-

вания символики и церемониала нацисты и, в частности, эсэсовцы добились поставленной задачи.

Настал черед развенчать пласт мифов о «явно оккультном» характере «Немецкого общества по изучению древней германской истории и наследия предков» («Аhnenerbe»). Начиная с книги Повеля и Бержье «Утро магов», в соответствующей литературе господствует точка зрения, согласно которой «Аненербе» являлось «внутренним кругом посвященных внутри СС» и «оккультным мечом Третьего рейха».

Здесь же упомянем и другой перегиб в оценке общества. Многие историки и публицисты (безусловно, руководствуясь самыми благородными побуждениями) стараются вычлениить из мероприятий этой гигантской научно-исследовательской структуры то, что отвечает планам разоблачения преступной сущности Охранных отрядов (прежде всего факты бесчеловечных экспериментов нацистских медиков в концлагерях). При этом научные наработки в областях, никак не связанных с военными преступлениями, эти авторы вовсе «не замечают» либо поспешно объявляют «Аненербе» «рассадником всевозможных подозрительных псевдонаук». Указанная тенденция восходит к практике Нюрнбергского трибунала. Однако известно, что во всей работе «Аненербе» медицинские эксперименты над узниками составляли лишь 1 процент.

На данный момент на отечественном книжном рынке появилось лишь одно исследование, полностью посвященное «Аненербе», которое с некоторыми оговорками можно назвать добросовестным и объективным. Речь идет о работе Андрея Васильченко «Аненербе. Наследие предков без мифов и тайн». К сожалению, и этому автору не удалось до конца избавиться от некоторых штампов, абсурдных догм и оценок.

Важно подчеркнуть, что «Наследию предков» так же, как и Охранным отрядам в целом, невозможно дать какую-то универсальную и обобщающую оценку, выраженную в одной фразе. Генезис общества отражал все тенденции, которые происходили и в самом «Черном ордене». Руководители «Аненербе» часто менялись, сторонники народнической идеи уступали место прагматикам от чистой науки, оппозиционеры сосуществовали с фанатичными нацистами, романтики соперничали со скептиками и т.д.

Основатель и первый руководитель «Аненербе» профессор Герман Вирт (1885—1974) был представителем народнического лагеря. Выходец из Голландии, Вирт в 1910 году получил степень кандидата наук за диссертацию, посвященную голландским народным песням. В 1920-е годы он сблизился с фелькиш-кругами Германии, в 1924 году вступил в нацистскую партию, затем присоединился к марксистским кружкам, потом, в 1926-м, снова оказался в рядах национал-социалистов.

В эти годы Вирт издал несколько работ, некоторые из которых не были признаны научными кругами (в частности, он стремился обосновать подлинность поддельной фризской хроники, в которой говорилось о гибели Атлантиды — так называемой «Хроники Ура-Линда»). При этом, как отмечает Александр Дугин, Вирт «не разделял многочисленных предрассудков оккультистов, которые своей поспешностью дискредитируют серьезные исследования». Васильченко также пишет, что «в отличие от многих публицистов того времени, находившихся в лагере фелькиш, Вирт старался, чтобы его теории имели достаточное научное обоснование».

Основой теории Германа Вирта являлась идея о полярном, нордическом происхождении человечества. На Севере некогда находился континент Арктогея, который населяли сверхлюди-гипербореицы. Здесь

появилась цивилизация, монотеистическая прарелигия, праязык и вообще все то, что впоследствии подверглось десакрализации, извращению и искажению. Причиной этих деструктивных процессов, согласно Вирту, явилось расовое смешение гиперборейцев с бессловесными и безмозглыми звероподобными существами, населявшими другой континент — Гондвану. В связи с похолоданием и ухудшением климата северная раса начала движение на Юг, где и произошло смешение. Те, кто оставался в Арктогее дольше всех, дали в мезолите и неолите начало нордической расе в современном ее понимании.

Два тысячелетия известной нам истории — это последняя агония цивилизации и триумф «гондванических» южных сил хаоса: «все современные языки и религиозные учения являются мертвым сплетением более непонятных символов и знаков, ключ к которым безвозвратно утерян вместе с полярной землей и полярной расой». Последней формой нордического языка был язык рунического алфавита (вернее, футарка). Из проторунических знаков развились все современные виды письменности (обоснованию этой концепции Вирт посвятил книгу «Священная протописьменность человечества»).

Как мы отметили, Вирт считал, что прарелигия жителей Арктогеи носила монотеистический характер («Прарелигия северной расы была чистым монотеизмом, но не философским и отвлеченным, а конкретным, опытно переживаемым в непосредственном ритме Божьего Мира, Божьего года и Божьего человека»). На основании этого он предпринял попытку «расшифровать» Ветхий Завет, дать объяснение сюжетам, названиям, именам, событиям, фрагментам. Вирт считал, что «Ветхий Завет — это безусловно гиперборейское зна-

ние, очень чистое, очень индоевропейское, но изрядно трансформированное (особенно в VI веке до н.э.)».

Исходя из своей теории, он пытался объяснить «не-суразности» палеоантропологии и древнейшей истории, почему нет останков нордического человека: «во-первых, форма захоронения нордических людей была другой (само качество жизни было иным), а потом те земли, на которых они пребывали, либо сместились, либо затонули».

Вирт полностью отрицал теорию эволюции, настаивая на принципе инволюции (вырождения). Кроме того, он выступал за циклическую концепцию времени, основываясь на том факте, что во всех культурах так или иначе присутствует Миф о Вечном Возвращении.

Отношения Вирта с германским научным миром складывались неоднозначно. С одной стороны, представители академических кругов неоднократно критиковали его за использование псевдонаучных методик, с другой — некоторые общепризнанные научные авторитеты (Альфред Боймлер, Гюстав Некель) отдавали Вирту должное за независимую позицию и уникальную интуицию. Нацисты поначалу в целом поддерживали изыскания Вирта. «Нацистский философ» Альфред Розенберг в своем «Мифе XX века» отмечал, что Вирт «дал сильный толчок исследованию истории Древнего мира», хотя и подвергал сомнению некоторые пункты его теории. Внимательно следил за работами ученого и Генрих Гиммлер. После прихода НСДАП к власти Герман Вирт стал профессором Берлинского университета Фридриха-Вильгельма.

В 1933 году профессор организовал в Мюнхене выставку «Германское наследие» («Deutsche Ahnenerbe»). Именно здесь Вирт и познакомился с Дарре и Гиммлером. Дарре предложил неортодоксальному ученому сотрудничество и поддержку. После создания общества

«Аненербе» Вирт (он стал гауптштурмфюрером СС) получил пост президента организации, целью которой стало изучение истории древней духовности (прарелигии, которой уделялось столь большое внимание в теории Вирта). Имперский секретарь общества Вольфрам Зиверс на послевоенном допросе показал, что первоначальной задачей «Наследия предков» было «провести полное исследование доисторического периода и древней истории с целью связать достижения индогерманских племен с достижениями современной Германии».

Во время своего непродолжительного президентства Герман Вирт успел организовать экспедиции общества в Скандинавию (осенью 1935 и летом 1936 гг.), лично возглавить отдел по изучению письменности и символики, подготовить к публикации внушительный по объему труд, посвященный обычаям немецкого крестьянства. В этот период Вирт поддерживал очень тесные контакты с Вальтером Дарре, помогая тому углубить теорию «крови и почвы». Дарре пытался всячески расширить свое влияние в «Наследии предков», щедро снабжая общество финансовыми средствами из бюджета своего министерства сельского хозяйства, ввел в состав «Аненербе» своих многочисленных последователей. Профессор сблизился и с Альфредом Розенбергом.

При Вирте в «Аненербе» довольно активно привлекались представители народнической идеологии, а научно подготовленных кадров и высококвалифицированных специалистов, напротив, не хватало (Вирт мало способствовал их появлению). Это вскоре и сыграло главную роль в том, что рейхсфюрер разочаровался в Вирте. «Ученые» фелькиш-направления, как выяснилось, отличались оппозиционной по отношению к нацизму политической активностью. Это особенно видно на примере Фридриха Хильшера.

Еще в 1920-е годы левацки настроенный фелькиш-теоретик и неоязычник-сектант Хильшер примкнул к движению консервативной революции, параллельно пытаясь создать «Независимую Свободную Церковь». Андрей Васильченко подчеркивает, что Хильшер всегда резко отрицательно относился к национал-социализму: «Он был романтиком, и ему был чужд тоталитарный настррой нацистов. Сам он считал необходимым вернуться в историю, «изжив государство до уровня племен и ландшафтов»... Отрицая все современные структуры, он предлагал воскресить немецкую империю, управляемую немецкими племенами... Созданный на основе того или иного племени союз должен был поклоняться характерным для данной народности священным символам. Племенные союзы должны были создать «сакральные объединения», из которых бы и сложилась будущая элита Германии. Идеал новой элиты существенно отличался от образа обычного немца, на которого делали ставку нацисты».

С 1931 по январь 1933 года Хильшер собрал вокруг выпускаемого им журнала «Империя» целый ряд видных народников социалистической направленности и консервативных революционеров. Все они рассматривали Гитлера и нацистскую партию как своих политических противников. Скажем, один из идеологов этого направления национал-большевик Эрнст Никиш опубликовал книгу «Гитлер — злой рок для Германии», в которой обвинил национал-социализм в использовании романо-христианского, католического арсенала. Никиш называет и признаки этой «западной» природы нацизма: «одержимость расовыми проблемами, абсолютистский культ вождя, симпатии к западным державам и особенно к Англии, компромиссы с католической церковью и финансовыми магнатами, национальный мессианизм и мелкобуржуазное желание стабильно-

сти». В 1937 году Никиш был арестован гестапо и до конца войны находился в застенках Маутхаузена, после чего поселился в ГДР.

С приходом нацистов к власти Хильшер сделал ставку на подпольную борьбу с режимом. В качестве главной цели своей группы он поставил внедрение своих единомышленников и последователей в структуры Третьего рейха, в частности в СС. Благодаря некоторым симпатиям Гимmlера к народническим идеям, а также поддержке ряда влиятельных фигур вроде Дарре такая возможность вскоре появилась. Будучи другом Германа Вирта, он получил пост в «Аненербе».

Сразу после окончания войны (июль 1945 года) Хильшер составил для союзников документ, озаглавленный «Доклад о подпольной деятельности, направленной против национал-социализма. Секретная помощь преследуемым евреям (Группа Хильшера)». Хильшер пишет:

«До 1933 года между национал-социалистами и коммунистами существовало несколько промежуточных и немногочисленных течений и групп, которые замыкали собой, с обратной стороны, полукруг, образуемый в мире политики истеблишмента справа налево «национал-германцами», Народной Германской партией, Центром, демократами и социал-демократами. В большинстве случаев эти группы не имели специального названия. Их общим знаменателем было отвержение крупного капитала и крупной земельной собственности. Можно упомянуть группы капитана Эрхардта, Эрнста Юнгера, Эрнста Никиша, Беппо Ремера, капитана Штеннеса, Отто Штрассера, Августа Виннига, Ганса Церера. Наша группа входила в это многообразное движение...

В 1933 году, когда Гитлер пришел к власти, все эти группы, легко пережившие запрет на партии, избра-

ли каждая свой путь борьбы с режимом... Мы решили работать в условиях полного подполья и не заявлять о себе как о группе, сделав вид, что все существовавшее ранее разлетелось вдребезги перед лицом успеха победившей стороны. Следуя разработанному заранее плану, мы проникли в партию, где старались занять важные стратегические посты, позволяющие накапливать контакты, помогать друзьям, собирать информацию».

Юрий Воробьевский переписывает из «Утра магов» утверждения о том, что Фридрих Хильшер неким загадочным способом влиял на национал-социалистических руководителей. Повель и Бержье пишут о том, что Хильшер «играл важную роль в выработке тайной доктрины, вне которой позиция нацистских вожakov остается непонятной». Далее приводится дневниковая запись консервативно-революционного философа Эрнста Юнгера от 14 октября 1943 года о том, что Хильшер посетил его в оккупированном Париже. Запись подтверждает, что Хильшер (Юнгер зашифровывает его под псевдонимом «Бого», а Гитлера называет «Кньеболо») основал тайную языческую секту. При этом указанные авторы не только путают дату (на самом деле запись датирована 16 октября), они не говорят и о самом существенном. Обратимся к самому источнику.

Действительно, Юнгер (в это время он был офицером оккупационных войск во Франции) сообщает о том, что вечером к нему в гостиницу зашли Бого вместе с неким Хуссером. Философ отмечает, что «многие из одухотворенных молодых людей — может быть, даже большинство из того поколения, что выросло в Германии после войны, — прошли через его (Хильшера. — Д.Ж.) влияние и через его школу» (подразумевается важная роль Хильшера в консервативно-революционных кругах Веймарской республики). Далее Юнгер пишет, что Хильшер «укрепил мое давнишнее подозрение, а имен-

но, что он учредил какую-то церковь. Теперь, успешно справившись с литургией, он углубился в догматику, показав мне целый ряд песнопений и праздничный цикл «Языческого годового круга», содержащий иерархию божеств, праздников, цветовых оттенков, животных, кушаний, камней и растений».

После этого говорится самое главное: «Он высказал мнение, что после того как эти остолопы не сумели взорвать Кнэболо (то есть Гитлера. — Д.Ж.), расправа с ним должна стать задачей специальных групп. Он дал также понять, что при сложившихся обстоятельствах сам вынужден все подготавливать и организовывать, — как некий хозяин горы, рассылающий своих молодцев по дворцам. Основная политическая проблема сегодня, как он ее понимает, звучит примерно так: «Как, захватив с собой оружие, на пять минут проникнуть в бункер номер один?»

Фелькиш-теоретик Хильшер был уволен из «Аненербе» в 1936 году за неблагонадежность и неоязыческие фантазии. После неудачного покушения на Гитлера 20 июля 1944 года он был арестован. Хильшер не мог быть «тайным учителем» нацистских лидеров, поскольку боролся с режимом. Повелю и Бержье невыгодно показывать Хильшера оппозиционером и подпольщиком (это бы нарушило их «теорию»), поэтому они и не приводят указанную часть дневниковой записи Юнгера. Воробьевский же просто не знаком с первоисточником.

До тех пор пока «Аненербе» контролировалось неортодоксальными исследователями и лично Виртом и пользовалось поддержкой Дарре (на первых порах общество финансировалось министерством сельского хозяйства), Хильшер чувствовал у себя под ногами достаточно твердую почву. Однако вскоре ситуация начала решительно меняться.

В ноябре 1936 года Гиммлер интегрировал «Наследие предков» в СС, структурно подчинив общество Отделу культурных исследований своего Личного штаба, при этом он задался целью превратить «Аненербе» в мощный научный институт. Штаб-квартира общества располагалась в престижном районе столицы — Далеми.

К этому моменту резко обозначились разногласия Гиммлера с Дарре и другими народниками по научным и идеологическим вопросам. Это привело к назначению специальным представителем рейхсфюрера в «Аненербе» штандартенфюрера Бруно Галке, перед которым Гиммлер поставил задачу дискредитировать фелькиш-теоретиков и их покровителя Дарре. Под огонь критики попал и Герман Вирт. Большинство ученых, которых Галке пригласил вступить в «Аненербе», публично заявили о своем несогласии с методами Вирта: его называли «фальсификатором и фантазером», а профессор лингвистики Вольфганг Краузе охарактеризовал его как «профана». Помимо этого Галке обвинил Вирта в нерациональном использовании финансовых средств общества, в том числе — необоснованных займах и личных растратах. После этого рейхсфюрер отправил Вирта (а вместе с ним и подозрительного с политической точки зрения Хильшера) в отставку.

Президентом «Аненербе» стал влиятельный в научных кругах профессор Мюнхенского университета индогерманист и доктор философии Вальтер Вюст (1901—1991), получивший чин оберфюрера СС (до этого он занимался в обществе лингвистическими исследованиями). Летом 1937 года президентом общества стал лично Гиммлер, Вюст был назначен руководителем Попечительского совета и отвечал за научную деятельность, а Галке стал казначеем.

С этого момента большинство научных сотрудников

общества получили эсэсовские звания. Это не было простой формальностью. Исследователи «Аненербе» должны были теперь руководствоваться нормами служебной иерархии СС, пройти проверку личных качеств по линии СД, а в своей деятельности — руководствоваться нормами представителя «Черного ордена». Впрочем, относительная свобода академических взглядов в «Аненербе» была сохранена. Васильченко констатирует: «Большинство современников считало, что, только будучи эсэсовцем, можно сохранить хоть какую-то свободу научных исследований».

За короткое время «Аненербе» практически полностью избавилось от фелькиш-наследия: были упразднены отделение исследований по оккультным наукам, учебно-исследовательские отделы по народной медицине, по народным легендам, сказкам и сагам.

К слову, именно существование отделения исследований по оккультным наукам в послевоенное время дало повод всяким шарлатанам трактовать «Аненербе» как «оккультный меч рейха» и «сборище черных магов». Между тем подразделение фактически так и не начало свою работу и значилось только на бумаге, да и то в течение короткого времени. Позднее в системе СС действительно существовал реферат, изучавший масонство, хиромантию, астрологию и оккультизм, но он подчинялся не «Наследию предков», а СД. Основное предназначение этой группы состояло в изучении политической опасности, исходившей от оккультных и астрологических кругов, а также «еврейства». Возглавлял отдел (группа В Второго управления РСХА) гауптштурмфюрер СС Ганс Рихтер, а затем (группа В Седьмого управления РСХА) — штурмбаннфюрер СС Эрих Элерс.

Сотрудники подразделения занимались также изучением средневековых процессов инквизиции над

ведьмами. Целью этих исследований было собрать подтверждения теории, высказанной А. Розенбергом в «Мифе XX века». Согласно мысли «главного партийного философа», преследование ведьм на самом деле носило характер намеренного уничтожения нордического слоя, нордической культуры и веры. Гиммлер поддерживал эту идею: «Судебные процессы зажигали костры, на которых обращались в пепел тысячи женщин и девушек нашего народа».

В конце 1937 года Гиммлер определил цель «Аненербе» следующим образом: «Изыскания в области древней истории, путем изучения фактов с научной и идеологической точки зрения, в объективном ключе и без фальсификаций». Подобная постановка вопроса способствовала активному притоку в «Наследие предков» многих ученых с мировым именем, таких как этнограф Генрих Гарамянец и физик Вернер Гейзенберг.

Почти все народники были окончательно вычищены из общества, а их «труды» дезавуированы. В 1938 году общество отвергло работу народника Гюнтера Киркгоффа о церкви, назвав автора «фантазером самого худшего толка», а его работы «вздором». Сотрудники «Аненербе» отмечали, что данные Киркгоффа абсурдны, что его «библиотека содержит множество оккультной литературы, но ничего из того, что имеет отношение к научному исследованию древней истории». В ответ Киркгофф гневно обвинил «Наследие предков» в пособничестве католическому заговору. Псевдонаучное влияние фелькиш-фантазеров окончилось, зато их политические связи с некоторыми высокопоставленными сотрудниками общества парадоксальным образом сохранились.

Один из учеников и последователей Хильшера и Вирта штандартенфюрер Вольфрам Зиверс (1905—1948), занимавший кресло секретаря (управляющего

делами) «Аненербе», сумел избежать «чистки рядов» и даже упрочить свое положение (возможно, из-за того, что нового президента «Аненербе» Вюста с Гиммлером познакомил лично он). Зиверс, обладающий широкими административными полномочиями, «получил в свои руки почти все нити управления».

Выходец из протестантской семьи, Зиверс уже в юности присоединился к движению фелькиш. Он состоял, в частности, в уже упоминавшейся организации «Артаманы». В НСДАПе Зиверс вступил в 1929 году. При этом, подобно другим народникам, он «никогда не был убежденным национал-социалистом — он не мог найти в нацистском мировоззрении достаточно развитых мистически-религиозных моментов».

С Хильшером Зиверс познакомился в 1931 году в Штутгартском университете, будучи руководителем ячейки национал-социалистического студенческого союза. Найдя в молодом партийном функционере благодарного слушателя, Хильшер сделал его убежденным сторонником своих сомнительных идей. Вскоре последовала и встреча с Виртом. Некоторое время Зиверс даже был личным секретарем профессора, помогая тому в проведении исследований и организации выставок.

После прихода НСДАП к власти Зиверс подвизался в издательском деле, а в 1935 году — принял приглашение Вирта вступить в «Аненербе», получив пост имперского управляющего делами общества. Зиверс поддержал действия Галке и Вюста по исключению Вирта из «Аненербе» (впрочем, в 1943 году он заявил, что этот ученый «указал нам путь в исследовании истории индогерманского духа, его древнейшей и древней истории»). Однако с учетом известных сегодня фактов такое его поведение надо считать четко рассчитанной стратегией. Зиверс был членом законспирированной

подпольной организации Фридриха Хильшера и влиятельным ее агентом в Охранных отрядах. Для того чтобы эффективно решать задачи, которые ставило перед ним движение Сопротивления, Зиверс вынужден был не только создавать видимость полной поддержки линии рейхсфюрера и руководства «Наследия предков», но и быть участником известных преступлений, в которые было вовлечено общество (прежде всего медицинских экспериментов над узниками концлагерей).

Надо сказать, что фигура Зиверса до сих пор трактуется в литературе крайне неоднозначно. Так, исследователи «оккультного рейха» стремятся показать его «магом». Юрий Воробьевский вслед за Повелем и Бержье ссылается на допрос секретаря «Аненербе» на Нюрнбергском процессе (Зиверс выступал как свидетель обвинения). По словам Воробьевского, Зиверс неожиданно начинает говорить о Шамбале, Асгарте, пользуется мистическими терминами. Когда же он упоминает имя одного из основателей общества — Хильшера, допрос якобы резко обрывают. Обратимся к протоколу допроса Зиверса (8—9 августа 1946 года).

Допрос связан с применением опытов над заключенными концентрационных лагерей. Зиверс не упоминает ни Шамбалу, ни Асгарт, не употребляет ни одного мистического термина. Имя Хильшера действительно звучит, но вот в каком контексте. Когда представитель обвинения от Великобритании Джонс уличает Зиверса в причастности к медицинским экспериментам, тот признается, что он «вступил в конфликт со своей совестью», и изъявляет желание сделать особое заявление, чтобы «лично оправдаться». После этого Зиверс говорит, что вступил в партию и СС как видный член движения Сопротивления, от которого получил задание. Пост в «Наследии предков» давал ему возможность «вести подпольную борьбу против нацистской

системы». Здесь он и упоминает Хильшера, который был арестован в связи с событиями 20 июля 1944 года. Далее он довольно пространно пытается доказать свое несогласие с методами работы в лагерях. Лишь после этого (а вовсе не резко) Джонс прерывает его для того, чтобы задать вопросы по существу.

Воробьевский ошибочно полагает, что Зиверса судили вместе с главными военными преступниками («Нюрнбергский трибунал приговорил его, обыкновенного полковника, к смертной казни наряду с главарями рейха»). Хотя, наверное, даже ребенку известно, что на указанном процессе никакого Зиверса не судили. Председатель «Аненербе» был, повторим, свидетелем. Его действительно приговорили к смертной казни, но это случилось в 1947 году на процессе Американского военного трибунала по делу нацистских медиков.

После войны Хильшер подтвердил, что Вольфрам Зиверс был одной из фигур, помогавших Сопротивлению: он снабжал Хильшера информацией о деятельности СС, выписывал фальшивые паспорта и пропуска, организовывал фиктивные официальные поездки, финансировал деятельность группы Хильшера из бюджета «Аненербе». К примеру, Зиверс выдал Хильшеру служебный паспорт руководителя личной службы штаба рейхсфюрера СС. Хильшер пишет, что подобные агенты «прекрасно сознавали, что, если их деятельность будет раскрыта, их высокое положение только усугубит все дело и их наказание будет ужасным, и одновременно в лагере союзников их посты принесут им только вред, так как там их примут за убежденных нацистов».

В случае с Зиверсом так и получилось. Александр Дугин замечает: «Кажется удивительным тот факт, что одна из ключевых фигур в антигитлеровском подполье — Вольфрам Зиверс, рисковавший всем, чтобы спа-

сти от нацистских преследований многих выдающихся деятелей, в том числе еврейско-хасидского философа Мартина Бубера (который, кстати, был близким другом Хильшера), был жестоко казнен как «военный преступник»... Хильшер и Зиверс были продолжателями ариософской традиции, отношения которой с национал-социализмом были очень сложными. Формально Зиверсу вменили в вину, что тот якобы отправил сумасшедшему нацистскому ученому доктору Хирту группу заключенных из концлагеря для «гомицида в научных целях и для измерения черепов». Вся история представляется крайне странной, так как для измерения черепов людей совсем не обязательно убивать, и вместе с тем концлагеря могли предоставить сколько угодно готовых черепов».

Факт причастности Зиверса к движению Сопротивления, как ни странно, подвергает сомнению Андрей Васильченко. Впрочем, его собственная версия выглядит абсолютно натянутой и сумбурной. Исследователь выстраивает малоправдоподобную конструкцию, согласно которой Зиверс «пришел в «Аненербе» восторженным романтиком с идеалистическими представлениями о будущей элите Германии» и «открытым, не определившимся с жизненными ориентирами юношей». Однако затем он почему-то «стал меняться», превратился в «холодного эсэсовского технократа», «расчетливого функционера», который руководствовался «лишь своим ненасытным честолюбием». Все эти домыслы и умопостроения фактически опровергает и сам Васильченко, когда приводит конкретные факты: «на защиту Зиверса (на процессе медиков. — Д.Ж.) **добровольно** пришло множество уважаемых людей, которые свидетельствовали в его пользу»; «после освобождения Хильшера (19 декабря 1944 года. — Д.Ж.) Зиверс вернул его в состав «Аненербе», и тот проработал в отде-

ле новостей исследовательского общества (этот отдел почти полностью состоял из людей, оппозиционно настроенных в отношении режима)». По мнению автора, люди из кружка Хильшера сознательно сфабриковали легенду об участии секретаря «Аненербе» в движении Сопротивления. Однако исследователь не объясняет, с какой целью им это понадобилось. Другими словами, выводы Васильченко в отношении Зиверса совершенно надуманны.

Вернемся к довоенному периоду развития «Аненербе». К концу 1930-х годов общество состояло из трех управлений (административного, хозяйственного и научных исследований) и более двух десятков институтов, отделов и отделений, охватывавших широчайшую область научных знаний от археологии и лингвистики до биологии и генетики. Археологическими раскопками, в частности, занимались доктор Рольф Хёне (он искал в области Кведлинбурга останки Генриха Птицелова), профессор Ганс Шлиф (проводил раскопки в Тевтобургском лесу, где в IX веке германцы разбили римские легионы), профессор Герберт Янкун (обнаружил следы викингов в Шлезвиге). «Аненербе» организовало множество экспедиций в Австрии, Хорватии, Чехословакии, Греции, Польше, Сербии и Южной России. Учебно-исследовательский отдел по Центральной Азии в 1938—1939 годах организовал три экспедиции в Тибет (ими руководил штурмбаннфюрер доктор Эрнст Шефер, которого Зиверс на допросе назвал «искателем приключений»), для того чтобы сделать открытия в области альпинизма и этнологии. Не надо даже говорить о том, что согласно фантастическим толкованиям эпигонов оккультной теории эти экспедиции искали Шамбалу и контакты с таинственными «Высшими Неизвестными».

Во время Второй мировой войны немецкая наука не была полностью поставлена на военную службу, но ученые, которые хотели получить хорошее финансирование, в большинстве случаев вынуждены были посвящать себя прикладным исследованиям на пользу армии. Все это относится и к «Аненербе». Рейхсфюрер начал ориентировать исследователей «Аненербе» на цели, имевшие военный (или околвоенный) характер, еще в 1938 году. Даже такие, казалось бы, отвлеченные научные отрасли, как археология и антропология, были призваны дать научную поддержку немецким территориальным притязаниям на Востоке.

Помимо традиционных для «Аненербе» изысканий в области древней истории, в годы войны общество плотно занималось медицинскими исследованиями, а также техническими дисциплинами, имевшими военноприкладное значение. Кроме этого, перед «Наследием предков» была поставлена задача мировоззренческого контроля над научными и интеллектуальными кругами оккупированной Европы.

В 1942 году было создано подразделение «Германский научный потенциал», призванное охранять памятники и оказывать помощь в научной и культурной деятельности европейским нордическим народам. Было подписано соглашение об обмене учениками и студентами, о назначении стипендий и оказании помощи одаренным студентам. В подразделении было семь подразделов: «Нидерланды», «Фландрия», «Валлония», «Норвегия», «Дания», «Швеция», «Швейцария».

В годовом отчете подотдела «Фландрия» (начальник — оберштурмфюрер СС доктор Августин) говорилось: «Следуя германской линии, которая представлена только в лице СС, необходимо:

1. Прорвать фронт либерально-гуманистического просвещения путем привлечения на свою сторону лиц,

занимающих ключевые позиции в интеллектуальной жизни страны.

2. Выступить против великогерманского мифа с идеей создания великогерманского имперского сообщества.

3. Содействовать возрождению германского культурного и национального самосознания... перед лицом французских притязаний на культуру и фламандского комплекса неполноценности».

С медицинским аспектом деятельности «Аненербе» связано подавляющее число преступлений, которые были предъявлены обществу после войны. Весной 1942 года под руководством Эдварда Мая был создан Институт энтомологии (ставший составной частью Научного института целевых военных исследований), с целью выработки эффективных средств борьбы с эпидемиями.

С октября 1939 года в СС был прикомандирован врач люфтваффе Зигмунд Рашер. Он проводил свои бесчеловечные опыты по переохлаждению и эксперименты в барокамере над узниками концлагерей.

Профессор Страсбургского университета штурмбаннфюрер СС Август Хирт формировал коллекцию черепов «еврейско-большевистских комиссаров», а гауптштурмфюрер СС Йозеф Менгеле в Аушвице проводил эксперименты по «выведению» расы чистых нордических немцев. Все эти злодеяния были неоднократно описаны в литературе.

В годы войны «Аненербе» также курировало такой сектор научных изысканий, как разработка «чудооружия», а конкретно — баллистических ракет. Любительское ракетостроение расцвело еще в Веймарской республике, скорее, как хобби, чем как серьезное занятие. Вскоре после прихода нацистов к власти контроль над ракетными исследованиями захватила армия.

В первые годы войны руководители проекта Вальтер Дорнбергер и Вернер фон Браун воздвигли в Пенемюнде военно-индустриальный комплекс и крупное секретное производство, заключили важные контракты и принялись реализовывать свою программу. Зимой 1941/42 года, когда положение на фронте стало неблагоприятным для Германии, министр вооружения и боеприпасов Альберт Шпеер, а затем и сам Гитлер стали горячими сторонниками ракетного оружия. Успех Дорнбергера и Брауна привлек пристальное внимание Гиммлера, который убедил фюрера в том, что проект по созданию ракет «Фау-1» и «Фау-2» должно контролировать именно его ведомство.

В итоге Вернер фон Браун продолжил свои изыскания уже в чине штурмбаннфюрера СС. После покушения на фюрера 20 июля 1944 года Гиммлер назначил общим руководителем проекта группенфюрера СС Ганса Каммлера. В самый активный период своей деятельности группа в Пенемюнде насчитывала примерно 6000 сотрудников, в том числе около 100 инженеров и 600 рабочих и разнорабочих, включая узников концентрационных лагерей.

По мнению американского исследователя Марка Уолкера, немецкий ракетный проект «ускорил окончание войны, но в пользу союзников». Сама идея создания «чудо-оружия» была стратегической и даже психологической ошибкой, поскольку это оттянуло огромные ресурсы из других секторов военной экономики. Ракетный проект обошелся примерно в четвертую часть средств, потраченных в США на атомную бомбу. Поскольку в этот период немецкая военная промышленность была значительно менее развита, чем американская, «бремя ракетного проекта, которое армия взвалила на Третий рейх, было равноценно бремени Манхэттенского проекта для Соединенных Штатов».

Таким образом, все версии о том, что в обществе «Наследие предков» культивировались какие-то «тайные знания», сенсационны и необоснованны. Действительно «Аненербе» было создано группой лиц, имевших непосредственное отношение к идеологии фелькиш, одним из элементов которого является интерес к неортодоксальным псевдонаучным методикам. Однако, в связи с резко обозначившимися разногласиями между Гиммлером и народниками, всякое научное влияние последних было фактически сведено на нет. После того как «Аненербе» было интегрировано в структуру Охранных отрядов (через год после своего образования), практически все народники и оккультисты были уволены, а их место заняли представители объективной науки и академической элиты (исключение составляет законспирированная группа Зиверса—Хильшера).

Перейдем к выводам. Охранные отряды нацистской партии представляли собой своеобразный «орден». В этом качестве организация, возглавлявшаяся Генрихом Гиммлером, исповедовала несколько иные, чем сама НСДАП, принципы: прежде всего аристократизм. Для того чтобы сделать членство в СС действительно почетным и престижным (даже невзирая на такую малопривлекательную функцию, как охрана концлагерей), Гиммлеру требовалось создать вокруг своего «Черного ордена» ауру элитарности. С этой целью были разработаны характерные ритуалы, символика, атрибутика и поведенческий кодекс. При этом, руководствуясь мнением Гитлера, рейхсфюрер не планировал превращать СС в религиозную (или псевдорелигиозную) структуру. В этом плане существовал определенный плюрализм. За исключением ряда случаев, эсэсовцы не подвергались давлению с целью добиться от них тотального отказа от традиционных христианских форм верований. СС никогда не были ни оккультной, ни сатанинской, ни

антихристианской организацией в буквальном смысле этих понятий.

Все это, разумеется, не способно оспорить того факта, что Охранные отряды являлись преступной структурой, если и не достигшей масштаба преступлений ЧК— ОГПУ— НКВД, то вплотную приблизившейся к кровавому большевизму. При этом ради исторической объективности надо помнить и о том, что внутри гигантской машины СС существовали организации, не имевшие ни малейшего отношения к пенитенциарной системе Третьего рейха.

Важно отметить и то, что для осуждения нацизма вовсе не надо прибегать к таким жалким уловкам, как указание на «оккультный» и «сатанинский» характер гитлеризма. Не секрет, что для некоторых это как раз и делает коричневую идею привлекательной. Все, кто пытается разрабатывать оккультную тематику применительно к истории нацизма, вольно или невольно потакают разрастанию гидры неонацизма и заслуживают самого сурового порицания.

Иван Ковтун

БРИГАДА СС СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

В рамках организации Охранных отрядов были созданы не только части усиления СС (SS-Verfügungstruppe), составившие костяк войсковых соединений Гиммлера, но и формирования, предназначенные для решения широкого круга задач, в том числе для проведения карательных акций в тылу немецкой армии. Организация этих формирований началась в период аншлюса Австрии и закончилась перед вторжением в СССР.

Основой для этих частей послужили штандарты СС «Мертвая голова» (SS-Totenkopf-Standarten), охранявшие концентрационные лагеря. По секретному приказу Гитлера от 17 августа 1939 г., части «Мертвая голова» (SS-Totenkopfverbände) в случае мобилизации переводились в войска СС¹. Этот приказ позволил шефу СС отправить на войну в Польшу первые три полка охранников («Верхнюю Баварию», «Бранденбург» и «Тюрингию») и расширить свои боевые формирования². Переводя своих людей из караульных батальонов в войска СС, Гиммлер, пользуясь непосредственным на-

---

¹ Нюрнбергский процесс: Сб. материалов: В 8 т. М., 1997. Т. 7. С. 147.

² TOTENKOPF на Восточном фронте // Солдат на фронте. Белорецк, 2005. № 1. С. 2.

бором, сформировал 19 номерных полков (17 пехотных и 2 кавалерийских)¹.

Штандарты «Мертвая голова» организовывались в основном на оккупированных территориях (в Польше — 7 полков, в Чехословакии — 1, Норвегии — 1, Австрии — 2) в период 1938—1941 гг.². Эти силы подчинялись Гиммлеру и первоначально к войскам СС не относились; на них возлагались охранные, полицейские и карательные функции. Уровень боевой подготовки в полках «Мертвая голова» был на тот момент невысоким, однако с личным составом постоянно занимались тактикой и стрельбой, много внимания уделялось изучению национал-социалистической идеологии.

Незадолго до нападения на Советский Союз Гиммлер отдал приказ о создании на базе штандартов «Мертвая голова» мобильных соединений СС. Целеобразность их создания обосновывалась тем, чтобы помочь оперативным группам полиции безопасности и СД (*Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD*) при выполнении «специального задания», порученного рейхсфюреру СС на основании Инструкции об особых областях к директиве № 21 (план «Барбаросса»). 21 апреля 1941 г. приказ Гиммлера был выполнен — в этот день завершилось формирование 1-й мотопехотной бригады СС (*1 SS-Infanterie-Brigade [mot.]*).

В 1-ю бригаду СС включили 8 и 10-й штандарты частей СС «Мертвая голова», их история началась 11 ноября 1939 г.

8-й полк СС «Мертвая голова» (8. *SS-Totenkopf-Standarte*) сформировали в Кракове из подразделе-

¹ Залесский К.А. Охранные отряды нацизма. Полная энциклопедия СС. М., 2009. С. 500—503; См. также: *Mooney P. Waffen-SS Knights and their Battles: The Waffen-SS Knight's Cross Holders. Vol. 1: 1939—1942. Schiffer Military History. Atglen, PA., 2008. P. 54.*

² *Klietmann K-G. Die Waffen-SS. Eine Dokumentation. Osnabruck, 1965. S. 345—356.*

ний 4-го штандарта СС «Остмарк». Полк состоял из 3 штурмбаннов (батальонов), командовал частью обер-фюрер СС Лео фон Йена. Под его руководством полк с 30 марта по 4 апреля 1940 г. участвовал в специальной операции против повстанческих отрядов майора польской армии Хенрика Добжаньского («Хубаля»). В июле 1940 г. численность полка достигла 2799 человек. В январе 1941 г. в полку появились 13-я рота пехотных орудий, 14-я противотанковая рота и зенитная батарея. 25 февраля 1941 г. штандарт переформировали в 8-й пехотный полк СС (8. SS-Infanterie-Regiment)¹.

Создание 10-го полка СС «Мертвая голова» (10. SS-Totenkopf-Standarte) проходило на территории концлагеря Бухенвальд (недалеко от Веймара). Личный состав набирался из персонала концлагеря — 3-го штандарта СС «Тюрингия», а также батальонов дивизии СС «Мертвая голова». 24 апреля 1940 г. полк перебросили в Данциг, где он нес охранную службу. 22 мая штандарт перевели в Краков. В июле 1940 г. полк насчитывал в своем составе 2753 человека. В сентябре 1940 г. все подразделения полка получили бронетранспортеры и грузовики. В январе 1941 г. были сформированы 13-я рота пехотных орудий, 14-я противотанковая рота, 16-я инженерная рота и зенитная батарея. 25 февраля 1941 г. штандарт переформировали в 10-й пехотный полк СС (10. SS-Infanterie-Regiment)².

Первое время соединением командовал бригаденфюрер СС Карл-Мария Демельхубер, переведенный на должность командира боевой группы «Норд»³. Затем, в течение месяца (с 25 мая по 25 июня 1941 г.), бригадой командовал высший фюрер СС и полиции в

¹ Ibid. S. 307.

² Ibid.

³ Дивизии СС. 1. SS-Panzer Division LSSAH — 10. SS-Panzer Division Frundsberg // Военно-исторический альманах «Новый солдат». Артемовск, 2002. № 30. С. 25.

Генерал-губернаторстве обергруппенфюрер СС Фридрих Вильгельм Крюгер¹. В первые дни войны против СССР соединение возглавил бывший командир боевой группы «Норд» бригаденфюрер СС Рихард Герман. Сменились и полковое начальство: 8-м полком стал руководить штандартенфюрер СС Ганс-Вильгельм Закс, 10-м — оберштурмбаннфюрер СС Карл Заттлер².

До конца июня 1941 г. соединение находилось в Кракове, но затем его перевели на полигон в Дебице (Восточная Польша), где личный состав занимался боевой подготовкой. В середине июля занятия завершились и 1-ю мотопехотную бригаду СС (общая численность на тот момент 5178 человек; в середине сентября 1941 г. — 6071 человек) прикомандировали к Командному штабу рейхсфюрера СС (Kommandostab Reichsführer-SS)³. В тактическом отношении бригада поступила в распоряжение высшего фюрера СС и полиции на Юге России (HSSPF «Russland — Sud») обергруппенфюрера СС Фридриха Еккельна. В то же время, по соглашению, подписанному 28 марта 1941 г. между Гиммлером и генерал-квартирмейстером ОКХ генералом Эдуардом Вагнером, соединение подчинялось военному командованию группы армий «Юг».

Гиммлер поручил Еккельну, как и другим высшим фюрерам СС и полиции, «особо важную задачу» — уничтожение всех «враждебных элементов», в первую очередь евреев, политкомиссаров, сотрудников НКВД, наиболее фанатичных офицеров РККА и партизан. Сначала в распоряжении Еккельна, кроме штабной роты (240 человек), находился только полицейский полк

¹ Залесский К.А. Указ. соч. С. 140, 655.

² Семенов К.К. Дивизии войск СС. История организации, структура, боевое применение. М., 2007. С. 117—118.

³ Unsere Ehre heisst Treue. Kriegstagebuch des Kommandostabes RF SS. Tätigkeitsberichte der 1. Und 2. SS— Inf. Brigade, der 1. SS-Kav. Brigade und von Sonderkommandos der SS. Frankfurt/Main-Wien-Zurich, 1965. S. 19—20.

«Юг» в составе трех батальонов (45, 303 и 314-го) общей численностью около 2000 человек. 22 июля 1941 г. к этому полку добавилась 1-я мотопехотная бригада СС¹.

К слову сказать, для выполнения таких же «мероприятий», только в тыловых районах групп армий «Центр» и «Север», привлекались 2-я мотопехотная и 1-я кавалерийская бригады войск СС. По представлениям Гиммлера, эти соединения должны были двигаться за оперативными группами полиции безопасности и СД и принимать участие в «решении еврейского вопроса», образуя, таким образом, «вторую волну», после которой в тылу вермахта не должно остаться в живых ни евреев, ни партизан². Порядок использования соединений СС в «специальных мероприятиях» Гиммлер обозначил в приказе от 21 мая 1941 г., где, в частности, отмечалось: *«На части войск СС в общем возлагаются такие же задачи, как и на части полиции порядка, и специальные задачи, которые они получают от меня по мере надобности»*³.

Прибыв на оккупированную территорию Украины, части 1-й мотопехотной бригады СС сразу были задействованы в крупной акции по чистке лесных массивов севернее Шепетовки, где еще оказывали сопротивление бойцы советской 124-й стрелковой дивизии. Эта операция проводилась по просьбе командующего 6-й армией генерал-фельдмаршала Вальтера фон Рейхенау.

¹ Krausnick H. Hitlers Einsatzgruppen. Die Truppe des Weltanschauungskrieges 1939—1942. Frankfurt/Main, 1985. S. 164. С 19 августа 1941 г. в распоряжение Еккельна поступили еще два полицейских батальона, 304 и 320-й, общей численностью около 1000 человек.

² Hohne H. Der Orden unter dem Totenkopf. Die Geschichte der SS. Augsburg, 1998. S. 333.

³ Цит. по: Buchheim H., Broszat M., Jacobsen H.-A., Krausnick H. Anatomie des SS-Staates. Olten-Freiburg im Breisgau, 1965. Bd.2: Konzentrationslager. Kommissarbefehl. Judenverfolgung. S. 220. См. также: Война Германии против Советского Союза 1941—1945. Документальная экспозиция под ред. Р. Рюрупа. Берлин, 1994. С. 100—102.

25 июля Еккельн подписал оперативный приказ, определив задачи для вверенных ему сил. 1-я бригада СС получила задание «зачистить» район Звягеля, долины реки Случь, Нового Мирополя, Шепетовки, Заславля, Острога, долины реки Горыни, Гощи. В приказе говорилось, что в ходе операции в живых оставлять только украинцев, захваченных в плен в военной униформе. Как военнопленных, их следовало отправлять в лагерь. Что касается других плененных солдат и офицеров РККА, обладающих разведывательной информацией, их следовало направлять для краткого допроса в штаб Еккельна. С евреями, захваченными в плен, необходимо было поступать решительно и *«соответствующим образом»*¹.

Операция 1-й бригады СС проходила с 28 по 30 июля 1941 г. В течение двух дней, 28 и 29 июля, «за поддержку большевистской системы» и партизан части бригады расстреляли около 800 евреев в возрасте 16—60 лет. Так, 8-й полк расстрелял 100 человек из села Барановка (Житомирская область), 10-й полк уничтожил 200 евреев в Аннополе и Киликиеве. 29 июля подразделения 10-го полка, очищая дорогу южнее Ровно—Звягель, убили в Кривне (Хмельницкая область) всех взрослых евреев. Тем временем 8-й полк уничтожил несколько сот евреев в Звягеле (Новоград-Волинский)².

После завершения акции части бригады передислоцировались в район Староконстантинова, куда 2 августа прибыли штаб командующего частями обеспечения тыла группы армий «Юг» генерала Карла фон Рока и штаб Еккельна. По приказу фон Рока Еккельн должен был собрать свои силы в районе Староконстантинова, Любара, Полонного, Шепетовки с задачей охранять

¹ Холокост на территории СССР: Энциклопедия. М., 2009. С. 174.

² Крутлов А.И. Хроника холокоста в Украине 1941—1944 гг. Днепрпетровск; Запорожье, 2004. С. 17—18.

«ось связи ОКХ западнее линии Староконстантинов—Шепетовка».

Несение охранной службы не мешало эсэсовцам заниматься «решением еврейского вопроса». К примеру, 8-й полк провел 3 августа «специальную операцию» в Староконстантинове. Были схвачены 1404 еврея, из них 489 были расстреляны. Поводом для проведения акции послужил якобы саботаж со стороны евреев. Этот «саботаж» в донесении СД (№ 59 от 21.08.1941 г.) представлен следующим образом:

«В Староконстантинове, нынешней резиденции высшего фюрера СС и полиции и командующего частями обеспечения тыла, после вступления немецких войск евреи были привлечены к чистке казарм. Так как в последнее время евреи на работу не выходили, военные органы были вынуждены уже в начале дня ловить для себя еврейскую рабочую силу. Во время работы евреи вели себя нагло и даже отказывались работать. Из около 1000 привлеченных к полевым работам евреев на следующий день явилось только 70. Кроме того, были установлены акты саботажа в отношении уборочных машин. Еврейский совет старейшин даже распустил слух о наступлении русских, что евреи немедленно использовали как повод для того, чтобы публично угрожать и поносить украинцев. Наконец, было установлено, что евреи бойко торгуют похищенным скотом и товарами. Поэтому в качестве мероприятия возмездия 1-я бригада СС провела акцию против евреев, в ходе которой были расстреляны 300 евреев мужского и 138 женского пола»¹.

4 августа 10-й полк уничтожил евреев в нескольких населенных пунктах. Так, I батальон полка (командир — оберштурмбаннфюрер СС Роберт Кистлер) за-

¹ The Einsatzgruppen Reports. Selections from the Dispatches of the Nazi Death Squads Campaigning against the Jews July 1941 — January 1943. N. Y., 1988. P. 100.

нимался расстрелами в селах Грицеве, Куневе и Радогоще. Военнослужащие подразделения ликвидировали 427 человек¹.

¹ Крутлов А.И. Уничтожение еврейского населения Украины в 1941—1944 гг. Хроника событий. Могилев-Подольский, 1997. С. 14—15. Спустя 25 лет командир 1-го батальона 10-го полка СС Роберт Кистлер вспоминал о проведении «специальной операции» в Грицеве: «Я полагаю, что акция была проведена в понедельник. Понедельник сохранился в моей памяти потому, что мы днем раньше, в воскресенье, в рамках штаба батальона во второй половине дня сидели в хорошей компании, возможно, отмечали какое-то событие (день рождения). Вечером из полка пришел приказ, согласно которому батальон на следующий день должен произвести чистку села и принять меры против гражданских лиц. При поступлении приказа мне было известно, что это должно означать. Дословно приказ я, конечно, уже не помню. Возможно, в нем речь шла о «ликвидации» [...] На следующий день со своим адъютантом Шварцбахом я обсудил акцию против жителей села [...] Военнослужащие моего батальона — какая рота или какие роты участвовали, я уже не помню — собрали жителей села и доставили их в одно здание, которое, по моему мнению, было школой. Я еще говорил со Шварцбахом о том, что сбор русских, по возможности, должен занять много времени, чтобы выиграть время. Была вероятность, что в то же самое время может поступить приказ о выступлении батальона, и я не смогу осуществить акцию. Однако поскольку такой приказ не поступил, люди на грузовике батальона были отведены к оврагу в 1—2 км от села [...] Расстрелы начались вскоре после полудня; они могли быть закончены между 15 и 16 часами. Это происходило так: один грузовик вновь и вновь привозил людей из школы на место расстрела. Стрелки стояли в нескольких метрах от жертв. Они стреляли из карабинов. Жертвы стояли спиной к стрелкам, за вырытым рвом. Когда в них попадали, они падали вперед в ров [...] Возраст жертв я точно указать не могу. В общем, я считаю, что их средний возраст колебался между 30 и 50 г-ми. Среди расстрелянных были также женщины. Насколько я помню, расстреляно было больше мужчин, чем женщин, возможно, в соотношении 2/3:1/3. Я еще помню, что были расстреляны лица в возрасте 12—14 лет, причем я не могу сказать, были ли среди них также девочки. По моему убеждению, расстрелянные были евреями [...] Были расстреляны не все жители села. Я еще помню, что производился отбор, но как именно он происходил, уже не знаю [...] Количество расстрелянных я сегодня точно назвать не могу. Думаю, что их было 200—300 [...] Люди, которые были расстреляны, вели себя спокойно. Попыток к бегству я не помню. Я также не помню, чтобы кто-нибудь из стрелков отказался стрелять [...] Был только один ров для расстрела. Его длину я сегодня оцениваю метров в 15. В нескольких случаях люди не были сразу убиты. Кажется, унтершарфюреры их добивали...». Цит. по: Boll B. «Aktionen nach Kriegsbrauch». Wehrmacht und 1. SS-Infanteriebrigade 1941 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft 48. Jahrgang 2000, Heft 9, S. 782—783.

III батальон 10-го полка (командир — оберштурмбаннфюрер СС Эмиль Затор) убивал евреев в Остроге. Было уничтожено 957 евреев. Число жертв могло быть и больше, если бы не вмешательство военного коменданта города, приказавшего остановить расстрелы, благодаря чему 1000 человек были освобождены. Перед расстрелом командир 1-й роты III батальона оберштурмфюрер СС Шторх построил подразделение и приказал выйти из строя тем, кто не в состоянии расстреливать евреев. Из строя вышли 15 человек. Этот поступок не имел для них серьезных последствий¹.

Помимо расстрелов, 8 и 10-й полки СС вели бои с разрозненными группами красноармейцев. Действия эсэсовцев были успешными, в результате командование 6-й армии выразило 1-й мотопехотной бригаде СС *«благодарность и признание в связи с чрезвычайными успехами во время проведения операции»*².

5 августа бригада, пройдя через Бердичев, Житомир, Шепетовку и Звягель, достигла районов Емильчино (8-й полк СС) и Черняхов-Фасова (10-й полк СС). Здесь соединение приняло участок фронта, который удерживали один из полицейских батальонов 454-й охранной дивизии и 192-й пехотный полк. 8-й полк СС получил задачу оборонять крайний северный фланг XVII армейского корпуса, препятствуя проникновению в район партизан и отдельных групп солдат и офицеров РККА. 10-й полк должен был совместно с украинской милицией «очистить» район Черняхов — Фасова — Буда Рыжанская — Дворище от красноармейцев, прорвавшихся через образовавшуюся брешь между 260-м пехотным полком и XVII корпусом³.

¹ Крутлов А.И. «Schießt ihn Tot»: роль штаба Еккельна и подчиненных ему подразделений в истреблении евреев Украины летом и осенью 1941 г. // Проблемы історії Голокосту: Науковий журнал. Дніпропетровськ, 2006. Вип. № 3. С. 35.

² Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941—1944). М., 1974. С. 143.

³ «Unsere Ehre heisst Treue». S. 98—100.

Основные события развернулись в районе Черняхов-Фасова, куда прибыл 10-й полк. В ходе «зачистки» эсэсовцы совместно с украинской милицией расстреляли 339 евреев: 7 августа — 232 в Черняхове и 9 в Малых Горошках, 9 августа 98 евреев в Володарск-Волинском районе Житомирской области¹.

С 3 по 9 августа 1-я бригада СС уничтожила 2212 человек. Эти данные были направлены в Командный пгтаб рейхсфюрера СС. Гиммлер остался недоволен тем, как действуют подчиненные Германа. Причина недовольства была в том, что в это же время в Южной Белоруссии проводилась операция «Припятские болота», и 1-я кавалерийская бригада СС, принимавшая в ней участие, уничтожила с 1 по 10 августа 10 844 «грабителя и солдата в штатском». 11 августа адъютант Гиммлера гауптштурмфюрер СС Гротман послал через Еккельна радиogramму Герману:

«Рейхсфюрер СС... недоволен неудовлетворительным поступлением оперативных донесений. Поскольку назначенные в Припятские болота кав. полки ежедневно докладывают о положении и деятельности, рейхсфюрер СС считает это возможным также для 1-й бригады СС. Рейхсфюрер СС ожидает немедленный обстоятельный отчет, а также точные сведения о выполненных до сих пор и запланированных на следующий день заданиях»².

12 августа Гиммлер потребовал от Еккельна сводный отчет о 1-й бригаде СС. Еккельн прибыл с докладом к шефу «Черного ордена» в Минск и выслушал много нелестных слов. Гиммлер приказал активизировать действия против евреев и партизан, поставив в пример «работу» 1-й кавбригады СС, которая успела ликвидировать еще 3000 «враждебных элементов». На совеща-

¹ Ibid. S. 103—105.

² Цит. по: Круглов А.И. «Schiesst ihn Tot». С. 35.

нии 13 августа рейхсфюрер потребовал, чтобы бригады СС ежедневно отчитывались о своей деятельности, а 14 августа он приказал трем высшим фюрерам СС и полиции (Еккельну, фон дем Бах-Зелевски и Прютцману) ежедневно докладывать о состоянии дел не только ему, но и шефу полиции порядка (Далюге), шефу полиции безопасности и СД (Гейдриху) и начальнику своего штаба (Кноблауху)¹.

Тем временем пока происходили эти события, 10-й полк СС с 10 по 15 августа проводил «специальные мероприятия» юго-западнее Коростеня (район Ушомира). Эсэсовцы вступили в бой с советскими частями, оказавшимися в окружении. В ходе боя полк понес первые значительные потери — 41 человек убитыми и 49 ранеными (потери противника — 200 убиты, 862 попали в плен). В качестве возмездия за ожесточенное советское сопротивление были расстреляны 72 еврея².

16 августа 1-я бригада СС была задействована в спецоперации по «чистке» от партизан деревень между Звягелем и Житомиром. Во время боестолкновения дозорная группа бригады потеряла убитым 1 человека, 4 получили ранения. 18 августа части бригады вступили в бой с советскими войсками. В районе Белокозовичей 8-й полк СС попал под артобстрел. После этого подразделения полка отбили серию атак советской пехоты, перешли в контратаку и отбросили противника на исходные позиции. Вечером 19 августа 8-й полк прикрывал

¹ Der Dienstkalender Heinrich Himmlers 1941/42. Im Auftrag der Forschungsstelle für Zeitgeschichte in Hamburg bearbeitet, kommentiert und eingeleitet von Peter Witte, Michael Wildt, Martina Voigt, Dieter Pohl, Peter Klein, Christian Gerlach, Christoph Diekmann und Andrej Angrick. Hamburg, 1999. S. 191; См. также: *Pohl D.* Die Einsatzgruppe C 1941/42, in: Klein P. (Hg.). Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941/42. Die Tätigkeits- und Lageberichte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD. Berlin, 1997. S. 74.

² Сб. документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины в 1941—1944 гг. Киев, 2002. С. 238.

левый фланг XVII армейского корпуса. В ходе боев солдаты СС взяли 91 пленного, захватили 32 станковых и 16 ручных пулеметов. Потери полка составили: 3 убитыми, 9 ранеными¹.

Самой тяжелой потерей для эсэсовцев стала смерть командира 8-го полка штандартенфюрера СС Закса. Во время рукопашной схватки ему нанесли два удара штыком. Закса вынесли с поля боя и доставили в полевой госпиталь в Звягеле. 20 августа госпиталь посетил командир XVII армейского корпуса генерал пехоты Вернер Кинитц, наградивший офицера СС шпагой к Железному кресту 1-го класса, что, впрочем, не улучшило состояния здоровья Закса — 27 августа он скончался от полученных ранений (29 августа Закса похоронили на кладбище при госпитале, Рихард Герман возложил на его могилу венок от имени рейхсфюрера СС). На должность командира 8-го полка временно назначили оберштурмбаннфюрера СС Роберта Кистлера, вскоре его сменил штандартенфюрер СС Хейно Хиртес².

С 19 по 22 августа части бригады занимались охраной шоссе Звягель—Соколов. 23 августа Герман получил приказ произвести чистку территории севернее линии Коростень—Белокоровичи, следуя за частями 11-й танковой дивизии. По данным разведки, в этом районе находилось около 10 батальонов РККА, попавших в окружение. Борьба с этими частями параллельно сопровождалась расстрелами евреев и коммунистов, задержанных в населенных пунктах. Так, 24 августа 10-й полк захватил в плен 85 человек и расстрелял 283 еврея. 65 из них являлись членами компартии³.

С 25 по 31 августа бригада преследовала отходящие

---

¹ Сб. документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины в 1941—1944 гг. С. 240.

² «Unsere Ehre heisst Treue». S. 28—29.

³ Ibid. S. 114—117.

советские части. В ее донесениях отмечалось, что отступающий противник, не останавливаясь ни перед чем, сжигал деревни, оказывал серьезное сопротивление. 26 августа соединение вышло на линию Михайловка — Рудня Выгранка — Степановка — участок Жерев. Бригада взяла в плен 145 человек, захватила 2 артиллерийских орудия, 3 станковых и 6 ручных пулеметов, попутно расстреляла 98 евреев¹.

28 августа соединение продолжало операцию, достигнув линии Игнатополь — Малаховка — Усово. Саперные взводы бригады ремонтировали мосты, подорванные партизанами, а пехотные подразделения захватили 18 пленных и уничтожили 77 евреев².

30 августа в штаб Гиммлеру была отправлена радиogramма:

«Продолжение акции по чистке севернее дороги Игнатополь — Малаховка — Усово в северном направлении. Предписанная цель достигнута. Арестованы 7 партизан, в том числе 1 лейтенант. Начато преследование 18 бежавших партизан. Они имели задание по взрыву в Емильчине. Собственные потери: нет. Грузовик 8-го пехотного полка СС наехал на мину. 1 человек тяжело ранен, грузовик полностью разрушен. Командный пункт бригады и бригадные части переведены в Овруч... Намерения: продолжение акции по чистке до общей линии Гаевичи — Можары — Рудня — Сырница»³.

С 1 по 9 сентября соединение продолжало «очищать» Овручский и Лугинский районы Житомирской области. Пока 10-й полк ремонтировал технику и нес охрану важных военных объектов, батальоны 8-го пехотного полка занимались расстрелами евреев и борьбой с партизанами. В частности, с 1 по 3 сентября было

---

¹ Ibid. S. 123 — 124.

² Ibid.

³ Цит. по: Сб. документов и материалов. С. 247.

уничтожено 78 человек. 4 сентября к акции подключились батальоны 10-го полка. В тот день они отражали яростные атаки красноармейцев, пробивавшихся из окружения. Бои шли в труднопроходимой местности, дороги из-за сильных дождей развезло, что не позволило подтянуть артиллерию. В районе Лельчицы эсэсовцы отбили атаку 300 бойцов РККА. В ходе дальнейших боев очаги советского сопротивления были подавлены. В качестве «возмездия» 8-й полк расстрелял 686 евреев¹.

12 сентября бригадные части охраняли дорогу Овруч—Чернобыль. Охраной занимался I-й батальон 8-го полка, усиленный моторизованными дозорными группами. 13 сентября эти группы уничтожили в селе Хабное 391 еврея и 6 партизан. Эти действия мотивировались нарушением со стороны гражданского населения «особого режима». 14 сентября взвод охраны штаба бригады уничтожил 12 евреев в Овруче. К охранным мероприятиям 8-го полка присоединился приданный соединению ремонтный взвод унтерштурмфюрера СС Макса Тэубнера. Только его подчиненные в сентябре — ноябре 1941 г. расстреляли 1000 евреев².

15 сентября бригада получила приказ передислоцироваться в район Кировограда, а 18 сентября — новый приказ — о передислокации в район Кривого Рога. Находясь под Кировоградом, соединение, как обычно, проводило акции по истреблению «враждебных элементов». Так, 18 сентября 8-й полк расстрелял 17 человек в Большой Виске. 20 сентября в Панчево 10-й полк уничтожил 2 евреев. В самом Кировограде состоялось уничтожение 1000 евреев, казнь которых руководили представители штаба бригады³.

¹ «Unsere Ehre heisst Treue». S. 139—140.

² Круглов А.И. «Schießt ihn Tot». С. 47—48.

³ «Unsere Ehre heisst Treue». S. 142—144.

21 сентября бригада выдвинулась в район Кривого Рога и Никополя с заданием: охранять участок Днепра в районе Никополь, уничтожать партизан, охранять марганцевые шахты в Шолохово и Марганце, охранять дороги Кривой Рог — Никополь. Задание также предусматривало «обезъевреивание» (Entjudung) района дислокации бригады¹.

25 сентября соединение, находившееся на охранном участке в изгибе Днепра, восточнее Никополя, вступило в бой с рассеянными группами красноармейцев численностью до батальона. С 26 по 30 сентября бригада отражала атаки советских частей, прорвавшихся на южный берег Днепра. Причем эта задача выполнялась во взаимодействии с подразделениями, выделенными из состава моторизованной (на тот момент) бригады «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер».

1 октября прорыв советских войск был ликвидирован, и 1-я бригада СС приступила к чистке днепровских островов от партизан². Зачищая днепровские острова, а также населенные пункты недалеко от Никополя, полевая жандармерия бригады 3 октября расстреляла 130 евреев. С 4 по 10 октября 8 и 10-й полки уничтожили еще 570 евреев. Кроме этого, были расстреляны 28 партизан и 6 коммунистов³.

10 октября бригада получила приказ передислоцироваться в район Конотопа (Сумская область), что означало перевод соединения из тылового района группы армий «Юг» в тыл группы армий «Центр». Бригада поступила в распоряжение высшего фюрера СС и полиции в Центральной России обергруппенфюрера СС фон дем Бах-Зелевски. Марш соединения к новому месту дислокации длился более 10 суток. Быстрому продви-

¹ Круглов А.И. «Schießt ihn Tot». С. 47.

² Сб. документов и материалов. С. 267.

³ Там же. С. 272.

жению полков помешали дождь и снегопад, сделавшие дороги непроходимыми. Большинство транспортных средств бригады, начиная от грузовиков и заканчивая мотоциклами, увязли в грязи. В первые дни марша был практически полностью израсходован запас горючего. Только 24 октября штаб соединения и последние подразделения 8-го полка добрались до Конотопа.

27 октября бригада приступила к «специальным мероприятиям». 8-й полк зачищал район Глухов — Путивль — Смелое, 10-й полк — район Воронеж — Глухов — Новгород-Северский. Согласно отчету оперативного отдела штаба бригады 28 октября 8-й полк уничтожил 20 партизан, 30 октября — 7. В самом Конотопе эсэсовцы расстреляли партизанского агента и коммуниста, а также одного еврея и одну еврейку как «опасных функционеров»¹.

При проведении спецоперации части бригады на своих участках оборудовали опорные пункты. Например, на участке 8-го полка они располагались в следующем порядке: Глухов (штаб полка), Путивль (штаб I батальона и 3-я рота), Кролевец (штаб II батальона, 6-я и 8-я роты), Смелое (штаб III батальона и 11-я рота), Подлинное (1-я рота), Свечкино (2-я рота), Гвинтовое (4-я рота), Ярославец (5-я рота), Спасское (7-я рота), Терны (9-я рота), Хоружевка (10-я рота), Хмелев (12-я рота), Батурин (13-я рота)².

Оборудование опорных пунктов было вызвано нападениями партизанских отрядов. По приказу Германа части бригады в конце октября — начале ноября 1941 г. занимались «умиротворением» тех населенных пунктов, где могли быть партизаны. В частности, 8-й полк на своем участке «зачистил» 43 села, 10-й полк — 22.

¹ Сб. документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины в 1941—1944 гг. С. 277.

² Там же. С. 278—279.

В бригадном донесении от 4 ноября 1941 г. отмечается, что к югу от Ямполья наблюдалось движение партизан, которые, проникнув в Путивль, минировали улицы и взрывали мосты. К югу от Шувавки части 8-го полка атаковали партизан и разбили несколько отрядов. Свыше 200 человек эсэсовцы захватили в плен, 94 из них расстреляли¹.

Специальная операция проводилась и в Конотопе (с 31.10 по 7.10.1941 г.). В городе действовало несколько подразделений 10-го полка и рота полевой жандармерии бригады. Уже 1 ноября взвод жандармов расстрелял 153 еврея. При проверке документов эсэсовцы задержали еще несколько десятков евреев и передали их жандармам.

С 14 по 28 ноября части 1-й бригады СС снова принимали участие в акции по уничтожению евреев и партизан. В основном «специальной обработке» было подвергнуто гражданское население Орловской и Черниговской областей. Эти операции проводились 10-м полком. 20—22 ноября I-й батальон полка расстреливал евреев в Трубчевском и Погарском районах Орловской области. За три дня эсэсовцы ликвидировали 229 евреев. Начиная с 25 ноября операция по «усмирению» велась в селах Гремяч и Семеновка Черниговской области. Силами II и III батальонов было ликвидировано 58 евреев. О столкновениях с партизанами в донесениях бригады ничего не говорилось.

Следует отметить, что еще 21 ноября в Командный штаб рейхсфюрера СС был отправлен отчет о деятельности соединения с 14 по 21 ноября 1941 г. В отчете, кроме общих данных, говорилось:

«...За период с 10.9.1941 по 10.11.1941 были проведены «Акции по обычаям военного времени».

---

¹ «Unsere Ehre heisst Treue». S. 149—152.

Взрослые:

Муж. пола 4143

Жен. пола 1033

Дети:

Муж. пола 126

Жен. пола 92

Итого: 5397

...В отчетное время были расстреляны:

a) в бою 59

b) осуждены 47

c) военнопленные 164...»¹.

25 ноября 1941 г. в соединении произошла смена командира. Бригаду временно (с 25.11 по 12.12.1941 г.) возглавил оберфюрер СС Вильгельм Хартенштейн. Под его руководством соединение в начале декабря (с 1.12. по 5.12. 1941 г.) расстреляло в Конотопе 95 евреев и 103 еврея в Серединой-Буде. Операция проводилась 2-й ротой I батальона 8-го полка².

Во второй половине декабря 1941 г. положение группы армий «Центр» резко ухудшилось. Началось советское контрнаступление под Москвой. Красная Армия прорвала фронт на стыке 2-й армии и 2-й танковой армии в районе Орла³. 1-ю бригаду СС решили использовать в операции по деблокированию «котла», в котором оказалось несколько соединений 2-й армии вермахта. 12 декабря соединение, насчитывавшее к тому времени 5950 человек, подчинили 56-й пехотной дивизии. В составе смешанной боевой группы военнослужащие бригады вели бои в районе Тула—Елец—Ливны. В ходе самоотверженных действий эсэсовцев кольцо окруже-

¹ Ibid. S. 164—165.

² Сб. документов и материалов. С. 305.

³ Хаупт В. Сражения группы армий «Центр». Взгляд офицера вермахта. М., 2006. С. 150.

ния было прорвано, и части бригады соединились с 45 и 134-й пехотной дивизиями. Во время боев по деблокированию соединений 2-й армии был убит командир бригады Рихард Герман (27.12.1941 г.). Его место занял В. Хартенштейн, получивший 1 января 1942 г. звание бригаденфюрера СС¹.

С 28 декабря 1941 г. бригада вошла в состав боевой группы «Мозер» (299-я пехотная дивизия), подчиненной LV армейскому корпусу, и сражалась в районе Лазаревки. Понесла существенные потери, соединение в январе 1942 г. было выведено из зоны боевых действий и направлено на борьбу с партизанами на стыке Орловской и Курской областей².

С января по август 1942 г. бригада ничем себя не проявила, кроме участия в антипартизанских операциях. К июню 1942 г. потери соединения составили убитыми 326 человек, больными и ранеными 842, пропавшими без вести 123, в результате несчастных случаев погибли 14 военнослужащих³.

В августе 1942 г. бригада получила пополнение и была направлена в генеральный округ «Белоруссия». Соединение, которое возглавил бригаденфюрер СС Карл фон Троенфельд (с 4.7. по 3.12.1942 г.), решили привлечь к крупномасштабной операции «Болотная лихорадка» (Sumpffieber).

Помимо 1-й бригады, к специальным мероприятиям привлекли части 23-го и 24-го полицейских полков СС, 16, 18 и 26-й латышские полицейские батальоны, 2-ю роту 266-го латышского охранного батальона, 3 и 15-й литовские полицейские батальоны, моторизованные

---

¹ Залесский К.А. Указ. соч. С. 738.

² Kletmann K.-G. Die Waffen-SS. S. 309. С 1 июля по 31 декабря 1941 г. бригада потеряла убитыми 136 человек, ранеными 378 и пропавшими без вести 16. См.: Круглов А.И. «Schiesst ihn Tot». С. 56.

³ Семенов К.К. Дивизии войск СС. С.117.

взводы полевой жандармерии 6, 7, 11, 12, 13, 19, 21, подразделения бронетехники из состава III танкового корпуса¹. Операция проводилась (с 21.8. по 21.9 1942 г.) в районах Белоруссии, некоторые из которых входили в Даугавпилсский округ рейхскомиссариата «Остланд». В связи с этим борьба с партизанами велась как по линии специальных структур высшего фюрера СС и полиции на Севере России (Hoherer SS-und Polizeiführer Ostland und Russland-Nord), старого знакомого 1-й бригады СС — Фридриха Еккельна (с 12.12.1941 по 5.1945 гг.), так и по линии высшего фюрера СС и полиции в Центральной России обергруппенфюрера СС фондем Баха.

1-я бригада СС приняла самое активное участие в операции «Болотная лихорадка». Части соединения прочесывали Лепельский район Витебской; Логойский, Смолевичский, Вилейский, Узденский, Столбцовский районы Минской; Барановичский, Березовский, Иванцевичский и Ляховичский районы Брестской областей. В ходе операции уничтожались не только партизаны, но и местное население, особенно евреи. Деревни и хутора, сотрудничавшие с народными мстителями, сжигались, а люди, проживавшие в них, передавались представителям СД².

Итоги операции подвел в своем отчете Ф. Еккельн:

---

¹ *Campbell St. Police battalions of the Third Reich*. Schiffer Military History. Atglen, PA. 2007. P. 119; «Уничтожить как можно больше...»: Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии, 1941—1944 гг. Сб. документов. М., 2009. С. 75.

² Насколько видно из документов, операция «Болотная лихорадка» подразделялась на ряд локальных по своему значению специальных акций: «Болотная лихорадка — Север Троенфельд I», «Болотная лихорадка — Север Троенфельд II», «Болотная лихорадка — Север Бинц», «Болотная лихорадка — Север Баркхольдт», «Болотная лихорадка — Север Троенфельд III», «Болотная лихорадка — Запад», «Болотная лихорадка — Юг-Запад». См.: Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии 1941—1944. Минск, 1984. С. 246. См. также: *Campbell St. Police battalions of the Third Reich*. P. 119.

«а) очищено и разрушено 49 партизанских лагерей, укрепленных точек и опорных пунктов, а также несколько населенных пунктов в заболоченной местности, служивших убежищем для партизан;

б) убито в бою 389 вооруженных бандитов, осуждено и расстреляно 1274 подозрительных лица, казнено 8350 евреев;

с) выселено 1217 человек»¹.

В октябре 1942 г. 1-я бригада СС дислоцировалась в селе Выдрица, к востоку от Борисова (Минская область). С 10 по 26 октября соединение участвовало в операции «Карлсбад» (Karlsbad), которая проводилась в Круглянском, Толочинском, Оршанском и Шкловском районах Могилевской области. Бригада действовала совместно с особым батальоном СС Дирлевангера, 14-м полицейским полком СС, 255-м латышским охранным батальоном, 638-м французским пехотным полком, специальной командой высшего фюрера СС и полиции фон дем Баха². Цель операции заключалась в

¹ Цит. по: Einsatz im «Reichskommissariat Ostland». Dokumente zum Volkermord im Baltikum und in Weissrussland 1941—1944. Berlin, 1998. S. 240. См. также: Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии, 1941—1944. Документы и материалы. Минск, 1965. С. 42. Отчет Гиммлеру об этой операции поступил и от обергруппенфюрера СС фон дем Баха, в котором он написал: «В результате моторизованного налета жандармерии и роты шутцманов 15-го батальона в бою расстреляно 70 бандитов. Во время проведения мероприятий убито 389 бандитов, осуждено и расстреляно 1274 подозреваемых, приведены в исполнение смертные приговоры в отношении 8350 евреев, эвакуировано 1217 человек». См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. От обороны к наступлению. 1 июля — 31 декабря 1942 г.. М., 2003. Т. 3. Кн. 2. С. 588. См. также: Станкерас П. Литовские полицейские батальоны. 1941—1945. М., 2009. С. 181.

² Boll B. Chatyn 1943, in: Orte des Grauens. Verbrechen in Zweiten Weltkrieg. Darmstadt, 2003. S. 20; Kosak K.I. Franzosen in den Verbänden der Wehrmacht, in: Tater im Vernichtungskrieg. Der Überfall auf die Sowjetunion und der Volkermord an den Juden. Berlin-München, 2002. S. 160—163.

том, чтобы разбить народных мстителей (8, 24, 28, 30-й отдельные отряды) под командованием С.Г. Жунина (8-я Круглянская бригада) и партизанское соединение «Чекист» (1, 5, 10 и 20-й отдельные отряды)¹.

Белорусские партизаны упорно сопротивлялись. По словам участников тех событий, отряды бригады «Чекист» *«понесли серьезные потери. Погибли командиры И.Н. Суворов и Б.Н. Колюшников, комиссар 20-го отряда Н.И. Массюров, Д.И. Сиянин, секретарь парторганизации отряда Л.Ф. Носович, А.Д. Воронков... Это заметно отразилось на настроении партизан... Картина омрачилась еще тем, что»* эсэсовцы *«сожгли деревни Березку, Гоенку, Заозерье, Клеву... Вскоре партизаны узнали еще одну печальную весть — убит командир отряда А.С. Денисов, который с группой партизан оказался вне блокады. Его группа остановилась в Рацевском лесу, недалеко от деревни Ореховка. Каратели напали на ее след и ночью окружили землянку. Вспыхнул бой. Партизаны погибли, в их числе и командир...»*

..Блокада Рацевского, а затем и Крупского лесов тяжело отразилась на боеспособности бригады («Чекист». — Прим. авт.). Потери ее были значительными»².

Однако полностью уничтожить партизан не удалось, в результате военнослужащие 1-й бригады и особого батальона Дирлевангера устроили расправу над местным населением. В деревнях Падар, Валковщина, Задний Бор, Казел прошли расстрелы мирных граждан (было убито более 1 тыс. человек). В ходе операции бригада потеряла 24 человека убитыми и 65 ранеными.

¹ Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944): Краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе. Минск, 1983. С. 560—567.

² Цит. по: Севостьянов Г.Н., Жуковская В.И. За линией фронта. Минск, 1981. С. 96—97.

С 5 по 9 ноября соединение Троенфельда участвовало в операции «Фрида» (Frieda), проводившейся против партизанских бригад «Разгром», им. Щорса, «За Советскую Белоруссию» к югу от Борисова (Березинский, Смолевичский, Червенский районы Минской области). В акции также участвовали 14 и 16-й полицейские полки СС и особый батальон Дирлевангера. Но и на этот раз уничтожить партизан не удалось. Части бригады потеряли двух солдат убитыми и 10 пропавшими без вести¹.

После непродолжительной передышки соединение было задействовано в операции «Нюрнберг» (Nurenberg) с 22 по 28 ноября. Операция проходила на территории Браславского, Поставского и Шарковщинского районов Витебской области. Для проведения операции были привлечены силы 14-го и 16-го полицейских полков СС, 75-го пехотного полка и моторизованные взводы полевой жандармерии. 1-я бригада СС была включена в состав боевой группы бригаденфюрера СС Курта фон Готтберга (Kampfgruppe «von Gottberg»).

Операция «Нюрнберг» проводилась против партизанских бригад «Неуловимые», им. К.Е. Ворошилова, групп особого назначения ЦК КП (б) Литвы и Латвии, а также отдельного отряда «Спартак». За ходом боевых действий следили обергруппенфюреры СС фон дем Бах и Еккельн. Части СС разгромили отряд «Спартак» и основательно потрепали соединения им. К.Е. Ворошилова и «Неуловимые». Партизаны были вынуждены уходить от преследования карателей. За сотрудничество с «бандитами» эсэсовцы сожгли 30 деревень и расстреляли 2975 человек².

---

¹ MacLean F.L. The cruel hunters. SS-Sonderkommando Dirlwanger. Hitler's most notorious anti-partisan unit. Schiffer Military History, Atglen PA, 2009. P. 93.

² «Unsere Ehre heisst Treue». S. 175—181; Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» ... С. 249.

За деятельное участие в операции «Нюрнберг» командир 1-й бригады СС Карл фон Троенфельд был переведен на новую должность. 3 декабря 1942 г. соединение возглавил оберфюрер СС Карл Герман, выполнявший до этого обязанности командира 10-го полка.

На 9 декабря 1942 г. личный состав бригады насчитывал 6135 солдат и офицеров. Учитывая тяжелую ситуацию на фронте, соединение перебросили в район города Великие Луки, где попала в окружение 83-я пехотная дивизия и еще несколько немецких частей. Получив в качестве усиления Датский добровольческий легион СС (SS-Freikorps Danmark), бригада вошла в состав боевой группы Шевалери (Kampfgruppe «von Chevallerie»), организованной для прорыва к окруженным. Понеся потери, боевая группа тем не менее выполнила поставленную перед ней задачу.

Но обстановка на этом участке фронта оставалась нестабильной, и 1-ю бригаду СС задержали на передовой, включив ее в состав LXI армейского корпуса 3-й танковой армии. В то же время некоторые части бригады снимались с фронта и отправлялись на борьбу с партизанами. В частности, 8-й полк СС участвовал в феврале 1943 г. в операции «Заяц-беляк» (Schneehase), целью которой была ликвидация партизанского края, возникшего на стыке трех советских республик (РСФСР, Белоруссии и Латвии), а также в операции «Хорнунг» (Hornung) в составе боевой группы «Запад» (Kampfgruppe «West»).

В конце мая — начале июня 1943 г. соединение было заменено и вернулось к проведению антипартизанских операций в Белоруссии¹. 1-я бригада СС была введена в состав боевой группы (тогда уже) группенфюрера СС и генерал-лейтенанта полиции фон Готтберга. С 7 июля по 11 августа соединение участвовало в крупномас-

¹ Kletmann K-G. Die Waffen-SS. S. 310.

штабной акции «Герман» (Hermann). Операция проводилась на территории Ивьевского, Кореличского, Новогрудского районов Гродненской области; Воложинского, Столбцовского районов Минской области¹. Кроме 1-й бригады СС, в операции участвовали особый батальон СС Дирлевангера, 2 и 30-й полицейские полки СС, 15, 57, 115 и 118-й батальоны вспомогательной полиции, подразделения полевой жандармерии².

Результаты операции «Герман» подробно освещались фон Готтбергом в отчете, составленном на имя рейхсфюрера СС. В отчете, в частности, говорилось:

«а) потери противника: убито в бою 4280 человек, в том числе 6 бандитских командиров и 2 комиссара;

б) взято в плен — 654 (в том числе 1 командир польского движения сопротивления);

с) захвачено рабочей силы: мужчин — 9065, женщин — 7701, детей — 4178»³.

Начиная с осени 1943 г. 1-ю бригаду СС, вошедшую в состав 4-й полевой армии, стали привлекать к разрешению кризисных ситуаций на центральных участках Восточного фронта. Соединение вело оборонительные бои на территории Смоленской области (в районе Ельни, Ярцево и Духовщины), до 24 сентября участвовало в обороне Смоленска⁴.

22 октября 1943 г. в бригаде произошли изменения, — ее вспомогательные службы получили номер 51. К 12 ноября произошла смена номеров у частей соединения: 8-й и 10-й мотопехотные полки стали 39-м и 40-м

¹ Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» ... С. 255.

² MacLean F.L. The cruel hunters. SS-Sonderkommando Dirlwanger. P. 130. См. также: Ковтун И. Белорусы на службе в СС // Эхо войны. М., 2008. № 2. С. 46.

³ Цит. по: Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии, 1941—1944... С. 106.

⁴ Kletmann K-G. Die Waffen-SS. S. 310.

панцергренадерскими полками (39. SS-Panzergranadier-Regiment und 40. SS-Panzergranadier-Regiment).

В октябре 1943 г. бригада отражала советское наступление под Рогачевом. На базе бригады была создана боевая группа, названная по имени последнего командира соединения — штандартенфюрера СС Августа Вильгельма Трабанда (Kampfgruppe «Trabandt»). Действуя совместно с частями 36-й пехотной дивизии, эссы удерживали одну из переправ через Днепр¹.

В конце декабря 1943 г., когда 1-я бригада СС входила в состав XXXV армейского корпуса и участвовала в операции «Николаус», высшее руководство СС приняло решение развернуть соединение в полноценную дивизию. Как только наступила стабилизация на Восточном фронте, бригаду вывели на переформирование в 18-ю Добровольческую панцергренадерскую дивизию СС «Хорст Вессель» (18. SS-Freiwilligen-Panzergranadier-Division «Horst Wessel»)².

За время своего существования 1-я моторизованная бригада СС не раз доказывала, что в ее частях служат люди, способные выполнять любые задачи, поставленные рейхсфюрером СС и германским военным командованием. Однако эти задачи часто носили не столько военный, сколько карательный характер, поэтому соединение завоевало самую «зловещую репутацию на Восточном фронте»³. Только с июля по ноябрь 1941 г. 1-я моторизованная бригада СС расстреляла свыше 20 тыс. евреев⁴.

¹ Ibid. S. 311.

² Дивизии СС. 11. SS-Division Nordland — 23. SS-Division Nederland // Военно-исторический альманах «Новый солдат». Артемьев, 2002. № 74. С. 20—21. См. также: Семенов К.К. Дивизии войск СС... С. 118.

³ Бишоп К. Иностранные дивизии III Рейха. Иностранные добровольцы в войсках СС 1940—1945. М., 2006. С. 47.

⁴ Холокост на территории СССР: Энциклопедия. С. 175.

Путь соединения был отмечен многочисленными преступлениями против гражданского населения оккупированных областей СССР, что, впрочем, неудивительно, поскольку первоначальный костяк пехотных полков бригады составлял бывший персонал из батальонов охраны концлагерей «Мертвая голова». Контингент этих батальонов прошел суровую подготовку под руководством Теодора Эйке, создавшего тюремную империю СС, поэтому ни о каком гуманном отношении к гражданскому населению, и тем более к вооруженному противнику, не могло быть и речи.

Касаясь боевой и антипартизанской деятельности бригады, необходимо сказать, что соединение неплохо воевало как на фронте, так и в тылу. Причем бригада умела быстро переключаться с одного вида боевых действий на другой, чем могло похвастаться не каждое соединение войск СС. Конечно, подобного рода «универсальность» бригады часто оценивалась скептически, так как акции против партизан неизменно сопровождались истреблением местного населения, в первую очередь евреев, что не всегда вызывало энтузиазм даже у самих эсэсовцев. Однако было бы ошибкой не замечать боевую силу бригады, которую она не раз демонстрировала в ходе войны. И если по числу боевых заслуг соединение недотягивало до «классических» дивизий СС, то по боевому опыту оно было далеко не последним.

Командиры 1-й моторизованной бригады СС:

бригаденфюрер СС Карл-Мария Демельхубер (24.4. — 25.5. 1941 г.);

обергруппенфюрер СС Фридрих Вильгельм Крюгер (25.5. — 25.6. 1941 г.);

бригаденфюрер СС Рихард Герман (25.6. — 25.11; 12.12. — 27.12. 1941 г.);

оберфюрер СС (с 1.1.1942 г. бригаденфюрер СС) Вильгельм Хартенштейн (25.11. — 12.12.1941 г.; 27.12.1941 г. — 4.7.1942 г.);

бригаденфюрер СС Кард фон Троенфельд (4.7. — 3.12.1942 г.);

оберфюрер СС (с 21.6.1943 г. бригаденфюрер СС) Карл Герман (3.12. — 29.12.1942 г.; 21.6. — 18.10.1943 г.);

бригаденфюрер СС Фриц фон Шольц (29.12. 1942 г. — 15.9. 1943 г.);

штандартенфюрер СС Герберт фон Обвурзер (15.9. — 18.10.1943 г.);

штандартенфюрер СС Август Вильгельм Традандт (18.10.1943 г. — 24.1. 1944 г.). С 24 января 1944 г. Трабандт возглавил 18-ю Добровольческую панцергренадерскую дивизию СС «Хорст Вессель».

Основные части 1-й моторизованной бригады СС (на конец октября 1943 г.):

8-й мотопехотный полк СС (8. SS-Infanterie-Regiment [mot.]);

10-й мотопехотный полк СС (10. SS-Infanterie-Regiment [mot.]);

артиллерийский дивизион СС (SS-Artellerie-Abteilung);

противотанковая рота СС № 51 (SS-Panzerjäger-Kompanie Nr. 51);

мотоциклетная рота СС № 51 (SS-Kradschützen-Kompanie Nr. 51);

зенитная рота СС № 51 (SS-Flak-Kompanie Nr. 51);

батарея штурмовых орудий СС № 51 (SS-Sturmgeschütz-Batterie Nr. 51);

санитарный батальон СС (SS-Sanitäts-Abteilung).

Сергей Неподкосов

СИМВОЛ «МЕРТВОЙ ГОЛОВЫ» В СС

Символика Охранных отрядов (Schutzstaffeln, СС) зачастую рассматривается в публицистике через призму сенсационности и однозначно увязывается с якобы изначальной «сатанинской сущностью» «лейб-гвардии фюрера». Разумеется, характер и масштаб преступлений нацизма, и в частности ведомства Гиммлера, окрашивают все, что связано с эпохой коричневого Рейха, в зловещие тона.

Одним из наиболее известных атрибутов СС стал символ «мертвой головы» (Totenkopf), казалось бы, неопровержимо свидетельствующий о разрушительной сути гитлеризма. Между тем в момент своего появления на головных уборах эсэсовцев «мертвая голова» была лишена подобных интенций. Ниже мы попытаемся ответить на вопрос о подлинном значении, которое придавалось «символике смерти» в СС.

Надо сказать, что в индоевропейской мифологии череп выступал в качестве символа, дающего жизнь. Согласно преданию за смертью и расчленением некоего первородного существа следует формирование вселенной. Происходит самовоссоздание материи и жизни: череп прародителя-демиурга становится небосводом, тело — землей. Мертвая плоть, став землей, порождает

новую жизнь. Аналогичные процессы совершаются на уровнях космоса, общества и человека¹.

В христианстве, согласно Священному Преданию, место для казни Спасителя промыслом Божиим было выбрано как раз там, где покоились останки праотца Адама. Кровь и вода, чудесным образом истекшие из ребер распятого Христа — «нового Адама», пролившиеся на череп и кости «ветхого Адама», чудесным образом омыли его от греха, что явилось символическим прообразом сошествия Сына Божьего в ад и победы над смертью. Икона Распятия представляет собой череп Адама у подножия Креста. В приделе Адама в храме Гроба Господня в Иерусалиме есть надпись: «Место черепа стало раем»². Череп украшает не только распятия, но и нательные кресты, и облачения схимников — монахов, принявших сугубый постриг, как бы «заживо легших в гроб», чтобы возродиться из него к жизни вечной.

Таким образом, череп вошел в христианскую символику как символ жертвенного искупления грехов во имя грядущего спасения через воскресение.

Ритуал хранения черепов святых практикуется в православии, в частности в Афонском монастыре в Греции и Киевско-Печерской лавре. В костехранилище и убранстве уникального древнего костела Всех Святых на территории Чехии использованы костные останки 40 000 воинов. Из черепов и костей сооружены фамильный герб, подсвечники (фиалы), чаши, кресты, дароносицы и даже алтарь³. В данном случае череп слу-

¹ *Lincoln B. Myth, Cosmos and Society. Indo-European Themes of Creation and Destruction.* Cambridge. 1986.

² *Евдокимов П. Этапы духовной жизни: От отцов-пустынников до наших дней* М., 2003. с.175.

³ *Струков Ф. Храм из... черепов и костей // Реванш, № 3(7), П., 2006. С. 65.*

жит символическим напоминанием о бренности земной жизни.

Во многих первобытных племенах череп считался вместилищем души. Голову убитого врага не хоронили вместе с телом, а ставили на почетное место в жилище, объясняя это тем, что отныне она принята в семью и не должна никому в этом доме делать ничего плохого. Череп поверженного красили в яркие цвета, чтобы он не чувствовал себя «обиженным». Сходные обряды производились и над черепами умерших родственников¹. Важное значение в качестве воинского символа придавалось черепу в племенах майя, ацтеков, кельтов и скифов.

Учитывая тот факт, что шеф СС Гиммлер позиционировал свою организацию как воинский орден, традиция использования в Охранных отрядах символа «мертвой головы» имеет древние корни. По версии исследователя Вольфганга Акунова, еще во второй половине XII века в Иерусалиме существовал духовно-рыцарский Орден Благой Смерти, члены которого носили поверх доспехов черные плащи с белым черепом и костями на правом плече².

Однако особую популярность символика «мертвой головы» приобретает в прусских воинских формированиях с середины XVIII века. С этого же периода можно вести отсчет двухвековой преемственности использования «totenkopf» в СС.

В 1740 г. во время траурной церемонии похорон короля Пруссии Фридриха-Вильгельма I Рыцарский зал королевского дворца был задрапирован черными полотнищами с вышитыми на них серебряной нитью черепом и скрещенными костями. Изображение чере-

---

¹ Неподкосов С. Символика смерти // Братишка, № 10 (139), М., 2009. С. 74.

² Акунов В. Дивизия СС «Рейх», М., 2006. с. 22.

па было слегка повернуто вправо и не имело нижней челюсти. Спустя год в память о монархе были сформированы регулярные 1 и 2-й полки Королевских лейб-гусар, носившие черную униформу (чикчиры, доломан и ментик) и черный кивер (Flugelmuetze) с выполненной в прусской манере серебряной эмблемой — черепом с костями¹. Символике смерти придавалось особое сакральное значение, отнюдь не связанное с некой воинской бравадой, желанием выделить свою часть среди прочих или запугать противника. Более того, ее использование послужило основанием для наименования полка как «Черные мертвоголовые гусары» («Shwarze Totenkopfhüsaren»). По словам В. Акунова, в метафизическом смысле использование «мертвой головы» обозначало единство войны и смерти.

Полковая песня лейб-гусар, между прочим, содержала следующие строки:

Мы в черное одеты,
Мы кровью залиты,
На шлемах наших — черепа.
Ура! Ура!
Мы стоим непоколебимо!

Отличительным воинским символом второго полка лейб-гусар стало изображение самой Смерти в образе лежащего скелета с косой и песочными часами. Употребление подобной символики смерти в европейских армиях не имеет аналогов.

Череп и кости в этих двух гусарских полках, несмотря на все реорганизации прусской, а затем и германской армий, использовались не только до 1918 г., но и были унаследованы армиями Веймарской республики и Третьего рейха.

В 1809 г. символика смерти появилась на триум-

---

¹ Залесский К. СС: Охранные отряды НСДАП. М., 2004. с. 346.

фальном штандарте 17-го Брауншвейгского гусарского полка и 3-го батальона 92-го пехотного полка. Однако в данном случае «мертвая голова» несколько отличалась по дизайну от прусского варианта. Череп был развернут анфас, а кости располагались под черепом¹. «Черный легион» герцога Брауншвейгского, сражавшийся вплоть до 1815 г. с войсками Наполеона, также имел в качестве воинской эмблемы «мертвую голову».

В годы Первой мировой войны «мертвая голова» стала эмблемой элитных штурмовых частей германской армии, огнеметных рот и танковых батальонов. В 1916 г. символ смерти был присвоен огнеметчикам лично наследным принцем в качестве высшего знака доблести, который «будет постоянно стимулировать дальнейшее повышение боевого духа, презирающего смерть»². «Тотенкопф» была личной эмблемой летчика-аса германских люфтваффе Георга фон Хантельмана. После 1918 г. «мертвая голова» появилась на униформе добровольческих корпусов Веймарской Германии — Фрайкоров, сражавшихся против немецких большевиков (спартаковцев), что символизировало презрение к смерти и готовность идти в своей борьбе до конца. Символика смерти появилась также на машинах и касках членов «черного рейхсвера».

По мнению отечественного историка Дмитрия Жукова, привлечение «мертвой головы» в качестве символа Охранных отрядов легко объясняется тем, что большинство первых эсэсовцев состояло во Фрайкорах, боровшихся за сохранение консервативных ценностей против большевизма и либерализма. Первоначально за основу была взята «мертвая голова» прусского образца (там же, с. 617).

---

¹ Д. Жуков. Оккультизм в Третьем рейхе. М., 2006. с.180.

² Жуков Д. СС и оккультные мифы. Цит. по сб.: Тайны черного ордена СС. М., 2006. С. 616.

В период Первой мировой войны «адамова голова» получила широкое распространение и в Русской армии. В воинских формированиях времен Гражданской войны, использовавших символику смерти, следует отметить отряды генерала Лавра Корнилова, «Женскую боевую команду смерти» Марии Бочкаревой, Западную добровольческую армию генерала князя Авалова (Бермондта), отряды Пунина, атамана Булак-Балаховича, анненковцев, дроздовцев, Сибирскую штурмовую бригаду полковника Пепеляева и другие.

Члены «штабной охраны» Адольфа Гитлера в качестве своей эмблемы в 1923 г. также выбрали именно «то-тенкопф», используя в первое время небольшое число эмблем, оставшихся со времен Первой мировой. Когда запасы были исчерпаны, руководство СС заказало на мюнхенской фирме Дешлера большое число «мертвых голов» прежнего образца¹.

«Мертвая голова» была одной из деталей униформы СС (наряду со свастикой), которая присутствовала на протяжении всей истории организации. Выбор этого символа в качестве эмблемы не был обусловлен «устрашением» политических противников эсэсовцев. Напротив, «totenkopf» воспринималась в тогдашней Германии как положительный знак. По словам британского военного историка Робина Лумсдена, «немцы воспринимали мертвую голову прежде всего как историческую эмблему некоторых элитарных частей имперской Германии»².

Подобного мнения придерживается и немецкий исследователь Гвидо Кноп, полагая, что «эмблему мертвой головы они позаимствовали у войсковых элитных

¹ Непогосов С. Указ соч. с. 77.

² Lumsden R. The Allgemeine SS. London, 1994. P. 46.

частей, так как эта эмблема в течение столетий служила знаком особенной преданности военачальнику»¹.

Между тем не стоит приписывать СС «монопольного права» на использование «мертвой головы». Стоит упомянуть о том, что помимо Охранных отрядов символику смерти использовали в качестве своей эмблемы и некоторые части вермахта: танковые, 5, 41-й кавалерийский и 7-й пехотный полки, авиагруппа специального назначения в люфтваффе *Schleppgruppe 4* и ударная *Kampfgruppe 54*. По одной из версий в связи с тем, что полки «черных гусар» продолжительное время стояли в Данциге (современном Гданьске), традицию ношения «мертвой головы» у них переняли бойцы местного народного ополчения, городская полиция и подразделения береговой охраны с одноименным названием «Данциг».

В 1934 г. эмблема прусского образца появилась на штандартах танковых войск Германии. А в СС был разработан и утвержден эскиз «мертвой головы» с нижней челюстью. Новый образец также отличался большой анатомической достоверностью². С этого же времени эмблема выпускалась в нескольких вариантах: с черепом, развернутым направо, налево и анфас (два последних варианта использовались реже, чем первый).

Череп (в форме штампованной алюминиевой кокарды или вышитой эмблемы) на головных уборах носили члены всех без исключения дивизий СС. Согласно исследованию отечественного историка Ивана Ковтуна, «мертвая голова» размещалась на полевом кепи «*Einheitsfeldmütze*», бескозырках «*Kraetzchen*» (для рядового состава, 1933—1934 гг.), пилотках «*Feldmütze*» (с 1934 г.) и «*Fliegermütze*» (для офицерского состава — с 1939 г.), фуражках «*Schirmmütze*» и беретах танкистов

---

¹ Кнопл Г. СС: черная инквизиция. М., 2005. С. 347.

² Жуков Д. Указ. соч. с. 180—181.

«Baskenmutze» (1938—1940 гг.)¹. «Мертвая голова» использовалась в качестве петлиц на воротниках курток танкистов, а в летний период — на воротниках верхних рубашек с карманами и пристегнутыми погонами².

По традиции, заимствованной СС от именитых предшественников — полка «Черных мертвоголовых гусар», спустя два века символика смерти легла в основу наименования 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова» (3. SS-Panzer-Division «Totenkopf»). Отечественный униформист П. Липатов утверждает, что в этом знаменитом соединении практиковалось сразу пять вариантов ношения «мертвой головы» (в том числе — на обеих петлицах).

Служащие подразделений по охране концлагерей (впоследствии 3-й танковой дивизии войск СС «Тотенкопф») вместо сдвоенных зиг-рун носили черепа на своих правых петлицах³. Символика смерти ассоциировалась в организации с воинским мужеством и самопожертвованием, а в политическом отношении — с борьбой против большевизма и либерализма.

«Мертвая голова» с небольшими изменениями использовалась в Охранных отрядах на протяжении последующих 11 лет. Как отмечает историк Константин Залесский, «мертвая голова должна была напоминать члену СС, что он должен быть готов в любой момент пожертвовать жизнью во благо своего народа»⁴.

Вместе с головными уборами «мертвой головой» украшались эсэсовские кольца, кинжалы, цепочки горжетов, флаги, штандарты, барабаны и трубы, значки подразделений и полиции, ведших борьбу с пар-

¹ Ковтун И. Дивизия СС «Мертвая голова». М. С. 353—355.

² Липатов П. Униформа Красной армии и Вермахта. М., 1995. С. 33—66.

³ Жуков Д. Указ. соч. С.181.

⁴ Залесский К. Указ. соч. С.347.

тизанскими формированиями. Этим шеф СС Генрих Гиммлер хотел добиться, чтобы члены его организации гордились своей эмблемой, поэтому об ее истории рассказывалось при каждом удобном случае¹. В знаменитом боевом гимне «Все мы СС» есть следующие слова: «Мы всегда готовы к битве, если нас зовут в бой руны и мертвая голова...»

Символика смерти активно использовалась во многих армиях мира: отряды чернорубашечников-«сквадристов» Бенито Муссолини, английский подводный флот, польские танкисты, некоторые американские отряды специального назначения, финские кавалеристы, французские полицейские из службы безопасности и другие.

---

¹ Непогкосов С. Указ. соч. С. 77.

Клаус Дробаш

«КРУГ ДРУЗЕЙ ГИММЛЕРА»

Поддержка Национал-социалистической партии
крупной буржуазией до 1933 года

Поддержку Национал-социалистической рабочей партии Германии немецкими промышленными магнатами можно проследить еще с 1923 года, когда Фриц Тиссен в разгар инфляции пожертвовал НСДАП 100 тысяч золотых марок¹. В том же году интерес к гитлеровской партии проявил и Эмиль Кирдорф. В 1927 году он встретился с Адольфом Гитлером и занялся пропагандой нацистских идей в брошюре, которую сам выпустил и распространял среди промышленников. Результатом этого явился ряд встреч Гитлера с ведущими монополистами, устроенных Кирдорфом².

В 1929 году Гитлер заключил союз с Альфредом Гугенбергом. Через посредство Гугенберга гитлеровцы получили часть крупных сумм, которые союзы предпринимателей предоставляли Германской национальной народной партии Гугенберга. В своих органах

---

¹ Allan Bullock, Hitler. Eine Studie über Tyrannei, Düsseldorf, 1954, S. 81. (В дальнейшем: Bullock.)

² «Preussische Zeitung», 3.1.1937. Цит. по: Норген Альберт, Уроки германской истории. М., 1948. С. 161—162.

издательский концерн Гутенберга особое внимание отводил выступлениям Гитлера, предоставив, таким образом, национал-социалистам широкую трибуну¹.

Часть финансовой олигархии полагала, что «социальные» мотивы гитлеровской программы были лишь демагогией, и возлагала надежды прежде всего на антибольшевизм Гитлера. Поэтому в 1931 году представители финансовой олигархии стали все чаще прибегать к помощи НСДАП. Так, в январе 1931 года при посредстве Тиссена Адольф Гитлер и Герман Геринг встретились с Ялмаром Шахтом. Кирддорф тем временем также не сидел сложа руки, и по его инициативе в кассу НСДАП потекли крупные суммы из угольного синдиката.

С середины 1931 года Вальтер Функ, будущий имперский министр экономики, стал издавать специальный экономико-политический пресс-бюллетень НСДАП — «Виртшафтсполитишер прессединст», имевший около шестидесяти щедрых абонентов. Функ называл имена многих людей, поддерживавших нацистскую партию, с которыми он имел контакт. Среди них были Дин из калийного синдиката, Дуисберг из «ИГ Фарбен», Касль и банкир Фишер-Херле из Имперского союза промышленности, Хильгард, представитель страховых обществ, Келлерман (сталелитейные заводы «Гутехофнунгсхютте»), Клекнер, Кнеппер из Гельзенкирхенского горно-рудного объединения, Крупп, Пенсген из «Ферейнигте штальверке», Рейнхарт из «Коммерц-унд приватбанк», Ростерг из акционерного общества «Винтерсхаль», Шмитт, представитель страховых обществ, Тенгельман из концерна Флика, Тиссен, Феглер из «Ферейнигте штальверке», Винтерфельд из концерна Сименса². Из-

¹ Bullock, S. 142 ff.

² Показание Функа. Цит. по: Норден Альберт. Уроки германской истории. С. 164—166.

за переплетения концернов названные лица представляли еще целый ряд других обществ и концернов.

В январе 1932 года в клубе промышленников в Дюссельдорфе с речью выступил Гитлер, встреченный бурными аплодисментами. Гитлер издевался над демократией и требовал диктатуры, обещал искоренить «марксизм до последнего корешка» и требовал отмены Версальского мирного договора и предоставления Германии «нового жизненного пространства». Он откровенно ратовал за вооружение и военную агрессию, с особенной ненавистью обрушившись на Советский Союз¹. Программа Гитлера пришлась весьма по вкусу аудитории, и, чтобы добиться осуществления этих целей, промышленники оказали нацистской партии финансовую поддержку.

Надо отметить, что представители крупного бизнеса были озабочены тем, что на ноябрьских выборах 1932 года НСДАП потеряла часть голосов, а коммунистическая пропаганда воспринималась все более значительным числом немецких граждан. В этой связи в ноябре 1932 года промышленники обратились с письмом к президенту Гинденбургу, в котором требовали создать президентский кабинет под руководством Гитлера. В числе авторов письма, в частности, были будущие члены «круга друзей Гимmlера»: Геккер, Гельферих, Кругман, Рейнхарт, Ростерг, Шахт и фон Шредер².

За несколько дней до захвата власти нацистами кельнский банкир барон Курт фон Шредер устроил встречу нацистского лидера с Францем фон Папеном. Сам Папен еще 10 декабря 1932 года выразил желание вести переговоры с Гитлером. Шредер в этой связи позонди-

¹ *Adolf Hitler, Vortrag vor westdeutschen Wirtschaftlern im Industrieklub zu Düsseldorf am 27.1.1932, München, 1932.*

² *Albert Schreiner, Die Eingabe deutscher (?) Finanzmagnaten, Monopolisten und Junker an Hindenburg für die Berufung Hitlers zum Reichskanzler. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 2/1956, S. 366.*

ровал почву в промышленных кругах, а затем вместе с экономическим советником Гитлера Вильгельмом Кепплером организовал 4 января 1933 года эту встречу. Папен выдвинул предложение возглавить правительство вместе с Гитлером. Последний же потребовал единоличной власти, но обещал Папену включить в состав правительства его сторонников. Затем он развил свою программу и обещал изгнать с занимаемых постов всех коммунистов, социал-демократов и евреев и разгромить левацкие организации и их союзников¹.

Регулярная поддержка национал-социалистов германским крупным капиталом

После создания кабинета во главе с канцлером Адольфом Гитлером 30 января 1933 года коммунисты призвали к всеобщей стачке². В своих прокламациях они твердили: «Фашизм у власти — это открытая террористическая диктатура самых реакционных, шовинистических и империалистических элементов финансового капитала»³.

20 февраля 1933 года, за неделю до поджога Рейхстага, двадцать пять промышленных и банковских магнатов встретились у Геринга. Гитлер обратился к собравшимся с речью о коммунистической опасности и заявил, что решил покончить с ней если не путем выборов, то другими средствами. Далее он обещал приступить к вооружению Германии и, теперь уже как глава правительства,

---

¹ Документы двенадцати процессов, проведенных американскими военными властями в Нюрнберге после процесса главных немецких военных преступников (в дальнейшем: ND), Нюрнбергский документ NI 7990, показание Шредера.

² «Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands», Berlin, 1954, S. 2.

³ «Rundschau über Wirtschaft, Politik und Arbeiterbewegung», Basel 1/1934, S. 353.

заявил, что его прежние обещания будут выполнены. Геринг дополнил речь Гитлера и просил финансовую буржуазию оказать поддержку НСДАП. Геринг был даже более откровенен, чем Гитлер. Он заявил: «Жертва эта будет более легкой, если учесть, что эти выборы будут безусловно последними не только на ближайшие десять лет, но, вероятно, и на будущие сто лет»¹.

Руководители концернов с энтузиазмом восприняли эти заявления. В итоге в избирательные фонды НСДАП и партии Гугенберга было пожертвовано 3 миллиона марок. После выборов и запрета левацких организаций немецкие промышленники стали регулярно субсидировать национал-социалистическую партию. 29 мая 1933 года Густав Крупп написал Ялмару Шахту от имени Имперского союза германской промышленности, что представители всех отраслей экономики единодушно решили создать специальный «фонд Гитлера», на что дано согласие самого фюрера². На следующий день Крупп писал Шахту, что тот должен со всей энергией содействовать «этому фонду, который будет выражением благодарности вождю нации»³.

Главный циркуляр о «пожертвованиях немецких предпринимателей в фонд Адольфа Гитлера» от 14 июня 1933 года подписали Густав Крупп от Имперского союза германской промышленности и Карл Кеттхен от Объединения союзов немецких предпринимателей. В этом циркуляре отмечалось, что образован совет под председательством Круппа, предлагающий ежегодно перечислять на счет НСДАП определенную сумму поквартальными долями. Пожертвования не должны быть ниже 5 процентов от годового жалованья за 1932 год. В качестве минимального взноса была уста-

---

¹ «International Military Tribunal» (в дальнейшем: IMT), Bd XXXV, S. 48, Dokument D 203.

² ND D 151.

³ IMT, Bd XXXV, S. 21, Dokument D 151.

новлена сумма 6 марок. Циркуляр «настойчивейшим образом» призывал всех предпринимателей принять участие в этом фонде¹.

За 1933—1945 годы химический концерн «ИГ Фарбен» оказал национал-социалистическому движению и Третьему рейху следующую финансовую помощь, включая отчисления в «фонд Гитлера», на «зимнюю помощь», на сборы в пользу нацистских организаций и т.д. (в марках):

1933 г.	3 584 070	1939 г.	7 539 857
1934 г.	4 020 205	1940 г.	7 471 620
1935 г.	4 515 039	1941 г.	8 057 982
1936 г.	4 960 636	1942 г.	13 436 201
1937 г.	5 467 626	1943 г.	8 588 650
1938 г.	8 156 315	1944 г.	8 402 152

Эта сумма, достигающая 84 миллионов марок, не включает отчислений заводов «ИГ Фарбен» в Лойне и Буне, а также акционерного общества «Калле и К°»².

О причинах, побудивших крупную буржуазию столь щедро финансировать гитлеровцев, барон фон Шредер писал:

«Предпринимателей объединял страх перед большевизмом и надежда, что национал-социалисты, придя к власти, установят в Германии прочные политические и экономические порядки... Надеялись, что раздача крупных государственных заказов приведет к хорошей экономической конъюнктуре».

В этой связи Шредер, упоминая о заказах на вооружение, о строительстве автострад, оборудовании для железных дорог, производстве автомобилей и самолетов, однако, оговаривался: «Возможно, что отдельные предприятия приветствовали эти стремления... не из

¹ NDD 151.

² ND NI 7366, показание Германа Бесслера.

идеалистических побуждений, а из голой страсти к наживе, видя в них возможность расширить свою сферу влияния»¹.

Действительно, в сейфы магнатов тяжелой индустрии потекли миллиарды марок от заказов на вооружение и других государственных заказов. Никто не сомневался, что предстоящая война сулит еще большие деньги. 17 декабря 1936 года в этом их еще раз совершенно откровенно заверили Гитлер и Геринг:

«Война, навстречу которой мы идем, требует огромных ресурсов. Вооружение будет безграничным. Все решит победа или гибель. Если мы победим, предприниматели получают достаточную компенсацию... мы живем в эпоху, когда близятся последние схватки. Мобилизация уже началась, война уже идет, хотя пока еще не стреляют»².

Возникновение «круга друзей»

Избранная группа монополистов и банковских магнатов оказывала поддержку не только гитлеровской партии, но также СС — Охранным отрядам национал-социалистической партии. Эта группа стала известна как «круг друзей рейхсфюрера СС»³.

¹ ND NI 7990, показание Шредера.

² Ibid.

³ Не путать с организацией «членов-жертвователей» СС. С 1925 г. СС имели право вербовать членов-жертвователей (официальное письмо Гитлера от 15 марта 1929 г. имперскому командованию СС), которые должны были вносить «средства, необходимые для формирования и несения службы». По другой версии, средства эти будто бы тратились на дорогостоящую переброску эсэсовцев на сборы. Однако деньгами распоряжался начальник административного отдела СС. Члены-жертвователи должны были платить твердые месячные взносы, размер которых устанавливали они сами (от 50 пфеннигов до 50 марок). Масштабы этой организации жертвователей СС оценить трудно.

После прихода к власти на пост советника Гитлера по экономическим вопросам был назначен Вильгельм Кепплер, член НСДАП с 1927 года. Кепплер был тесно связан с рурскими промышленными кругами и играл роль связного между ними и национал-социалистами. В этом качестве он и содействовал организации встречи с нацистскими лидерами, которая состоялась 4 января 1933 года.

Кепплер сформировал в 1932 году «круг друзей по вопросам экономики», куда вошли двенадцать представителей крупного капитала. По поручению Гитлера Кепплер заслушивал мнения промышленников о мировом экономическом кризисе, о путях его преодоления и безработице. «Круг друзей» должен был вносить свои предложения по этим вопросам.

Сначала в «круг друзей» входили Ялмар Шахт¹, Курт фон Шредер, Август Ростерг, граф Готфрид фон Бисмарк, Отто Штейнбринк, Альберт Феглер, Генрих Шмидт, Эвальд Геккер, Рудольф Бингель, Эмиль Гельферих, Эмиль Майер и Фридрих Рейнхарт². Эти лица представляли крупные банки и страховые компании, стальную, электрическую и калийную промышленность и другие отрасли тяжелой индустрии. Они-то и стали первыми, кто вошел в «круг друзей рейхсфюрера СС».

---

¹ На процессе Флика в 1947 г. Шахт отрицал, что он был членом «круга друзей» («Telegraf», 22.7.1947). Однако через несколько дней на том же процессе фон Шредер назвал Шахта первым членом этого кружка («Neues Deutschland», 29.7.1947). Правда, в своих мемуарах Ялмар Шахт признает, что еще до июля 1932 г. Кепплер посетил его как экономический советник Гитлера, чтобы «спросить совета» («76 Jahre meines Lebens», Bad Worishofen 1953, S. 355), но он умалчивает о собственном членстве в «круге друзей Гиммлера», более того, даже подчеркивает много раз свои разногласия с Гиммлером (ibid., S. 410, 436).

² Louis P. Lochner, *Die Mächtigen und der Tyrann*, Darmstadt, 1955, S. 127 f. (в дальнейшем: *Lochner*).

Гитлер при посредстве Генриха Гиммлера приглашал членов этого кружка на нюрнбергские съезды нацистской партии и другие мероприятия. Трудно сказать, когда Гиммлер наладил тесные связи с этим кружком, однако твердо установлено, что адъютант Гиммлера Карл Вольф стал его членом в 1933 или 1934 году¹.

Окончательно этот кружок как таковой получил свое наименование, по-видимому, на съездах НСДАП в связи с тем, что зарезервированные за его членами места на трибунах занимались посторонними лицами. Впоследствии на этих местах был установлен щит с надписью: «Круг друзей рейхсфюрера СС». Затем это название стало официальным².

Надо полагать, что описанный факт соответствует действительности. Но причины создания «круга друзей Гиммлера» гораздо глубже. Гиммлер хотел заручиться опорой предпринимателей, чтобы добиться большей власти для себя лично и для СС. Отто Олендорф, член «круга друзей» с 1942—1943 годов, так объясняет намерения Гиммлера: у него были «также непосредственные экономические интересы... и поэтому ему было удобно объединить этих людей, важных для него, в подвластный ему кружок»³.

Интересы Гиммлера вполне соответствовали стремлениям магнатов индустрии: они сделали ставку на человека, которому подчинялись СС, гестапо и вся полиция, на человека, который после Гитлера был самой могущественной фигурой во всей нацистской иерархии. Они были готовы с радостью сотрудничать в «круге друзей Гиммлера» и считали особой честью быть включенными туда. Они видели в этом средство еще лучше

¹ ND NI 6025, показания Вольфа; см. также *Joachim Hellwig* und *Gunther Deicke*, *Ein Tagebuch für Anne Frank*, Berlin, 1959, S. 54.

² *Lochner*, S. 129.

³ ND NI 12456, показание Олендорфа.

обеспечить собственные экономические и политические интересы. Освальд Поль, руководитель главного административно-экономического управления СС, сообщает:

«Мне кажется неправдоподобным, чтобы кто-либо когда-либо отклонил предложение вступить в члены кружка, и я ни разу о таком факте не слышал. Напротив, промышленники наперебой добивались принятия в «круг друзей» в расчете на выгоды, которых они ожидали от установления личных отношений с Гиммлером и другими руководящими деятелями НСДАП, а также с виднейшими промышленниками»¹.

Члены «круга друзей»

Многие промышленники и банкиры жаждали дружбы Гиммлера и верхушки СС с целью расширить сферу своего влияния. Но решающим условием для включения в «круг друзей рейхсфюрера СС» был ранг и политическая лояльность магната. О том, как производился отбор, свидетельствует Поль: «Отбор членов производился Кранефусом, особо доверенным сотрудником Гиммлера [и членом правления акционерного общества «Браунколе-бенцин». — К. Д.]. Кранефус, как промышленник, вращался среди представителей капиталистической верхушки. Представители делового мира приглашались Гиммлером вступить в члены «круга друзей»; это делалось по инициативе Кранефуса, а также по рекомендациям членов «круга друзей». В любом случае проверка лояльности и политической благонадежности проводилась Кранефусом. Он обращал особое внимание на то, чтобы будущие члены этого «кру-

---

¹ ND NI 399, показание Поля.

га» соответствовали по своим убеждениям Шредеру, Гиммлеру, Кранефусу, Гансу Керлю и мне».

Если отвлечься от преувеличенного самомнения Поля, это означает попросту, что члены «круга друзей» из числа капиталистов были надежными национал-социалистами. Ненадежных людей из членов «круга друзей» исключали¹.

«Круг друзей» быстро вырос с двенадцати до сорока и больше человек². В нем были представлены следующие концерны³:

Концерн Флика — д-ром Фридрихом Фликом (фюрер военной экономики, член наблюдательных советов двадцати акционерных обществ угольной и стальной промышленности; в 1947 г. приговорен к десяти годам тюрьмы, через три года освобожден; в 1958 г. член наблюдательных советов восьми акционерных обществ).

«Ферейнигте штальверке» — Отто Штейнбринком (член НСДАП и СС; в 1933 г. бригаденфюрер СС при штабе рейхсфюрера СС, член десяти наблюдательных советов, преимущественно в стальной промышленности; умер в 1949 г.).

Угольная промышленность — Эвальдом Геккером (член НСДАП и СС; в 1939 г. оберфюрер СС при штабе рейхсфюрера СС, фюрер военной экономики, член наблюдательных советов двенадцати акционерных обществ, преимущественно в черной металлургии и банковской сфере) и д-ром Генрихом Шмидтом (член

¹ Ibid.; см. показание Вольфа, а также *Lochner*, S. 129 f. По вопросу отбора членов см. ND NI 8118, 8119, 8120; по вопросу исключения членов — NI 8131.

² ND 9971, письмо Кранефуса Эмилю Майеру от 30 ноября 1939 г.; показания Вольфа, а также *J. Hellwig* и *G. Deicke*, op. cit., S. 54; ND NI 9101, пометка имперского секретаря «генеалогического бюро» от 19 мая 1942 г.

³ В приводимом ниже списке указаны лишь главные посты членов «круга друзей Гиммлера». Рассказать о переплетении связей из-за экономии места невозможно. — *Прим. ред.*

одиннадцати наблюдательных советов преимущественно в горнорудном деле).

Концерн «Герман Геринг Верке» — Гербертом Герингом (член СС; в 1939 г. оберштурмбаннфюрер при штабе главного отдела СС, член наблюдательных советов десяти акционерных обществ, преимущественно в машиностроении и страховой сфере) и д-ром Вильгельмом Фоссом (в 1939 г. штурмбаннфюрер СС при штабе рейхсфюрера СС; фюрер военной экономики, член четырнадцати наблюдательных советов, прежде всего в металлообрабатывающей промышленности протектората Богемия и Моравия; после войны — экономический советник в Египте).

«ИГ Фарбен» — д-ром Генрихом Бютефишем (член СС; в 1939 г. гауптштурмфюрер СС, фюрер военной экономики, член наблюдательных советов четырех акционерных обществ; в 1958 г. член двух наблюдательных советов).

Концерн «Винтерсхаль» — Августом Ростергом (фюрер военной экономики, член восьми наблюдательных советов в калийной и химической промышленности).

Акционерное общество «Браунколе-бенцин» — Вильгельмом Кепплером (член НСДАП и СС; в 1939 г. группенфюрер СС при штабе рейхсфюрера СС, статс-секретарь по особым поручениям в министерстве иностранных дел, имперский уполномоченный в Австрии, член наблюдательных советов четырнадцати акционерных обществ в различных отраслях промышленности; в 1949 г. приговорен к десяти годам тюрьмы, в 1950 г. освобожден; получал в ФРГ пенсию министерияль-директора) и Фрицем Кранефусом (член НСДАП и СС; в 1939 г. штандартенфюрер СС в штабе рейхсфюрера СС, член шести наблюдательных советов).

Германо-американская керосиновая компания — Эмилем Гельферихом (член наблюдательных советов

пяти акционерных обществ, видный деятель нефтяной промышленности).

Концерн Сименса — д-ром Рудольфом Бингелем (член наблюдательного совета).

Акционерное общество «Рейнметалл-Борзиг» — Гельмутом Ренертом (член Совета по делам вооружений; координировал деятельность концернов «Герман Геринг» и «Квандт»; член наблюдательных советов двадцати акционерных обществ, главным образом в металлообрабатывающей промышленности).

Акционерное общество «Портланд-цемент» — Отто Хойером (член наблюдательных советов четырех акционерных обществ в цементной промышленности).

Предприятия «Атлас» — Карлом Линдеманом (член наблюдательных советов четырнадцати акционерных обществ, преимущественно в легкой промышленности и страховом деле).

Предприятия «Бош» — Гансом Вальцем (член НСДАП и СС; в 1938 г. унтерштурмфюрер СС одного из отделов при штабе СС, член наблюдательных советов десяти акционерных обществ, в основном в финансовой сфере).

Выше перечислены представители тяжелой индустрии. Легкая промышленность была представлена в «круге друзей» следующими концернами:

Акционерное общество по морскому рыболовству «Нордзее» — Карлом Блессингом (до 1939 г. — член дирекции Рейхсбанка, член наблюдательных советов семи акционерных обществ в области пищевой промышленности; с 1958 г. президент Федерального банка, член правления одного акционерного общества и компаньон издательской фирмы «Альгемейне ферлагсгезельшафт» во Франкфурте-на-Майне, владел контрольным пакетом акций в газете «Франкфуртер альгемейне цайтунг»).

Концерн «Эткер» — Рихардом Казеловски (член пяти наблюдательных советов).

От финансовых кругов в «круг друзей Гиммлера» входили следующие лица:

От Рейхсбанка — Герман Вальдгеккер (директор Рейхсбанка).

От Немецкого банка — д-р Карл Риттер фон Хальт (представитель Германии в Международном олимпийском комитете; с 1944 г. был имперским руководителем спорта; в 1950-х гг. президент западногерманского Олимпийского комитета).

От Дрезденского банка — д-р Эмиль Майер (член НСДАП и СС; в 1939 г. штурмбаннфюрер СС одного из отделов при штабе СС; профессор Высшей экономической школы в Берлине, член девятнадцати наблюдательных советов, преимущественно в машиностроении и страховом деле) и д-р Карл Раше (в 1939 г. гауптштурмфюрер СС, член наблюдательных советов двадцати четырех акционерных обществ, в основном в тяжелой промышленности и финансовой сфере).

От «Коммерц-унд приватбанка» — Фридрих Рейнхарт (фюрер военной экономики, член восемнадцати наблюдательных советов, преимущественно в угольной и стальной промышленности и банковской сфере).

От Имперского кредитного общества — д-р Альфред Ольшер (член двадцати одного наблюдательного совета, главным образом в металлургической промышленности и в электротехнических компаниях).

От банковского дома Штайна — барон Курт фон Шредер (член НСДАП и СС; в 1938 г. бригаденфюрер СС при штабе рейхсфюрера СС; член двадцати семи наблюдательных советов преимущественно в банковской сфере и тяжелой промышленности; в 1948 г. приговорен к трем месяцам тюрьмы и 500 тысячам марок штрафа; после многочисленных кассаций в 1950 г.

штраф сокращен до 60 тысяч марок, из которых половина аннулирована, учитывая пребывание Шредера в заключении).

От страховых обществ — д-р Франц Гайлер (член НСДАП и СС; в 1939 г. штандартенфюрер СС при главном отделе СД; фюрер военной экономики, член наблюдательных советов трех акционерных обществ, преимущественно в финансовой сфере; член ряда других экономических объединений) и д-р Курт Шмитт (член НСДАП и СС; в 1939 г. бригаденфюрер СС при штабе рейхсфюрера СС; в 1933—1934 гг. имперский министр экономики, фюрер военной экономики, член наблюдательных советов шестнадцати акционерных обществ, преимущественно в страховой сфере).

Юнкерские круги были представлены в «круге друзей» графом Готфридом фон Бисмарк-Шенгаузенем (член НСДАП и СС; в 1938 г. оберштурмфюрер СС при штабе главного отдела СС; регирунгс-президент Потсдамского округа; Рихард Тюнгель и Ханс Рудольф Берндорф в своей книге «Ты должен ползать на брюхе...» (*Richard Tüngel u. Hans Rudolf Berndorff, Auf dem Bauche sollst du kriechen...* Hamburg, 1958) утверждают, что хотя граф Бисмарк-Шенгаузен занимал важные посты, но «никогда не был гитлеровцем по духу» (S. 322).

Из государственного аппарата в «круг друзей» входили следующие лица.

От имперского министерства экономики — министр и президент Рейхсбанка д-р Ялмар Шахт и генеральный референт Ханс Керль (член НСДАП и СС; в 1939 г. унтерштурмфюрер СС при штабе главного отдела СС, член девятнадцати наблюдательных советов, преимущественно в тяжелой и текстильной промышленности; в 1949 г. приговорен к пятнадцати годам тюремного заключения, через два года освобожден).

От имперского министерства труда — министерияль-

директор Вильгельм Бергер (член НСДАП и СС; в 1938 г. бригаденфюрер СС при штабе главного отдела СС по вопросам расы и поселений; особый уполномоченный по горнорудному делу).

От имперского министерства транспорта — статс-секретарь Вильгельм Клейнман (член НСДАП и СС; группенфюрер СА; в 1937 г. оберштурмфюрер СС при штабе рейхсфюрера СС, член четырех наблюдательных советов).

От имперского министерства просвещения и пропаганды — личный референт Геббельса д-р Вернер Науман (член НСДАП и СС; в 1938 г. оберфюрер СС при штабе рейхсфюрера СС; после войны вернулся к политической деятельности и с 1959 г. занимал руководящие посты в неофашистской Германской имперской партии).

Генеральный комиссар по финансово-экономическим вопросам Ганс Фишбек (член наблюдательных советов четырех акционерных обществ).

Правящий бургомистр города Гамбурга Карл Крогман (в 1948 г. был приговорен к штрафу в 10 тысяч марок, в счет которого было зачтено интернирование).

Из аппарата СС в «круг друзей» входили следующие лица:

От личного штаба рейхсфюрера СС — Карл Вольф (член НСДАП и СС; обергруппенфюрер СС, начальник личного штаба Гиммлера и его главный адъютант).

От главного административно-экономического отдела СС — Освальд Поль (член НСДАП и СС; в 1939 г. группенфюрер СС, начальник главного административно-экономического управления СС; в 1951 г. казнен).

От Главного управления имперской безопасности (РСХА) — Отто Олендорф (член НСДАП и СС; группенфюрер СС и начальник III отдела РСХА; министерияль-директор в имперском министерстве экономики; казнен в 1951 г.).

От санитарного отдела СС — д-р Фридрих Дермитцель (член НСДАП и СС; в 1939 г. оберфюрер СС и начальник санитарного отдела СС).

От Бюро связи с фольксдойче — д-р Герман Берендс (член НСДАП и СС; в 1938 г. оберфюрер СС в главном отделе СД; заместитель начальника Бюро связи с фольксдойче; в 1946 г. казнен).

Высшие чины СС — Эрих Хильгенфельдт (член НСДАП и СС; в 1939 г. бригаденфюрер СС и начальник главного отдела штаба СС; руководитель национал-социалистической народной благотворительности) и Эрвин Рёзенер (член НСДАП и СС; в 1939 г. начальник штаба оберабшнита СС «Рейн»).

От ученых, работавших в штабе СС, в «круге друзей» были представлены:

профессор д-р Вальтер Вюст (оберфюрер СС и начальник имперского общества «Наследие предков» при личном штабе Гимmlера; вице-президент Германской Академии наук, президент Баварской академии наук; в 1943 г. ректор Мюнхенского университета), Вольфрам Зиверс (имперский секретарь «Наследия предков»; в 1948 г. был казнен) и д-р Эрнст Шефер (штурмбаннфюрер СС, сотрудник «Наследия предков»).

Целый ряд указанных концернов субсидировал Гитлера еще до 1933 года. Об огромном влиянии представителей концернов в «круге друзей» на экономику Германии с достаточной полнотой свидетельствует перечень постов в наблюдательных советах и другие функции. На самом деле это влияние было еще больше из-за переплетения интересов предприятий и родственных связей. К этой старой гвардии представителей финансового капитала присоединились представители верхушки СС. Некоторые из них занимали также решающие посты в области экономики, а другие, например Вюст, Шефер и Зиверс, служили национал-социализму на научном поприще.

Встречи «круга друзей»

Подобно «кругу друзей по вопросам экономики», «круг друзей Гиммлера» собирался раз в месяц. На этих встречах монополистам представляли высших должностных лиц СС и «знакомили их с деятельностью и идеальными стремлениями СС»¹.

К примеру, 10 июня 1942 года для «круга друзей» был устроен вечер в имперском обществе «Наследие предков» («Аненербе»). Фриц Кранефус произнес речь в память убитого чешскими диверсантами руководителя СД Рейнхарда Гейдриха и положительно трактовал деятельность Генриха Гиммлера².

На очередную встречу в июле 1942 года был назначен доклад Отто Олендорфа о деятельности СД, в частности его собственной деятельности как руководителя айнзацгруппы «Д» на Украине³.

С другой стороны деятельности СС члены «круга друзей» могли лично ознакомиться в 1937 году, посетив вместе с Гиммлером концентрационный лагерь Дахау. Гиммлер сопровождал их по лагерю, давал пояснения и демонстрировал заключенных. При этом он особенно гордился эсэсовским фарфоровым заводом «Аллах», где работали заключенные. Не исключено, что именно тогда у фабрикантов появился особый интерес к заключенным и возникла мысль об их использовании в качестве даровой рабочей силы. Гиммлер разрешил своим спутникам свободно передвигаться по лагерю и беседовать с заключенными. Этим он как бы хотел сказать: «У меня от вас нет никаких тайн»⁴. «Круг друзей»

---

¹ ND NI6025, показание Вольфа.

² ND NI8108, письмо Кранефуса Брандту от 15 июня 1942 г.

³ Ibid., см. также IMT, Bd XXXI, S. 40, Dokument 2620-PS, показание Олендорфа.

⁴ ND NI6025, показание Вольфа.

осматривал также концлагерь Заксенхаузен¹. Дальнейшему знакомству с деятельностью СС служил доклад «Бюро по связи с фольксдойче».

Представители финансового капитала получали на встречах «круга друзей» информацию о военно-политическом положении. Доклады по этим вопросам делал личный референт Геббельса Науман. В 1943 году Гиммлер пригласил членов «круга друзей» посетить его ставку и там изложил планы по дальнейшему расширению войск СС. Говоря об этом, он выразил недоумение, почему некоторые называют его «кровавой собакой»².

В 1943 году Гиммлер доложил своим «друзьям» о деятельности антигитлеровского кружка, группировавшегося вокруг Герделера. Он рассказал им о попытках прусского министра финансов Попица связаться с ним, Гиммлером, через адвоката Лангбейна и издевался над наивностью и беспомощностью заговорщиков. Гиммлер сказал, что хочет установить эту связь, чтобы узнать, что затевается³.

Кроме регулярных встреч в узком кругу, практиковалось участие в публичных мероприятиях национал-социалистической партии, особенно на нюрнбергских съездах НСДАП. Членов «круга друзей», как особо почетных гостей Гиммлера, принимали едва ли не лучше, чем гостей Гитлера.

В 1936 году, после нюрнбергского съезда нацистской партии, где в обстановке радикального антибольше-

---

¹ ND NI 382, показание Поля; см. также *J. Hellwig* и *G. Deicke*, *op. cit.*, S. 55. Поль называет Ораниенбург, однако он ошибается, ибо в это время вместо Ораниенбурга был построен более крупный лагерь Заксенхаузен. Как видно, магнаты индустрии заинтересовались лагерными предприятиями Заксенхаузена. В концлагере Ораниенбург лагерных предприятий не было.

² ND NI 382, NI 399, показания Поля; ND NI 12401, допрос Линдемана.

³ *Friedrich Hielscher*, *Fünfzig Jahre unter Deutschen*, Hamburg, 1954, S. 388.

визма был провозглашен второй четырехлетний план форсированных вооружений, Шахт от имени «круга друзей» произнес большую благодарственную речь по адресу Гиммлера¹.

Ежегодные финансовые поступления и их подоплека

Однако промышленные магнаты и банкиры не ограничивались только речами: они благодарили звонкой монетой. С 1936 года «круг друзей» предоставлял СС по меньшей мере по миллиону марок в год².

Шредер, игравший видную роль в «кругу друзей», требовал ежегодно от своих единомышленников, чтобы они регулярно переводили средства для Гиммлера на специальный счет «С» в банковский дом Штейна (совладельцем которого был сам Шредер). Это требование выполнялось незамедлительно³.

В 1943 году сумма поступлений достигла 1 100 тысяч марок. Жертвователями были следующие лица:

(в тыс. марок)

Рудольф Бингель	100
(акционерное общество «Сименс-Шукерт»)	
Генрих Бютефиш и Герман Шмиц («ИГ Фарбен»)	100
Фридрих Флик («Миттельдойче штальверке»)	100
Карл фон Хальт («Дойче банк»)	75

---

¹ ND NI 6025, показание Вольфа.

² Показание Шредера. Цит. по: *Норден Альберт. Уроки германской истории*. С. 172. Олендорф показывает, что деньги уже поступали в больших количествах, когда Гиммлер еще не был начальником полиции, иными словами, до 1936 г. Первое благодарственное письмо Гиммлера, которое нам известно, датировано 27 октября 1936 г. (ND NI 9986, письмо Майеру). См. показание Вольфа, а также *J. Hellwig u. G. Deicke*, op. cit., S. 55.

³ ND NI 2856, письмо Шредера Шмицу, председателю «ИГ Фарбен» от 16 марта 1944 г.; ND NI 3807, благодарственное письмо Шредера Бютефишу и Шмицу от 24 апреля 1944 г.

Эвальд Геккер («Ильзедер хютте»)	25
Эмиль Гельферих (Германо-американская керосиновая компания)	10
Карл Линдемман (та же компания)	20
Карл Линдемман (персонально)	4
Рихард Казеловски (фирма «Эткер»)	40
Альфред Ольшер (акционерное общество «Рейхскредит»)	30
Эмиль Майер и д-р Карл Раше (Дрезденский банк)	50
Фридрих Рейнхарт («Коммерц-унд приватбанк»)	50
Гельмут Ренерт (акционерное общество «Рейнметалл-Борзиг»)	50
Он же (компания «Герман-Герингверке»)	30
Вильгельм Фосс (та же компания)	30
Август Ростерг (акционерное общество «Винтерсхаль»)	100
Отто Штейнбринк («Ферейнигте штальверке»)	100
Курт фон Шредер (акционерное общество «Браунколе-бенцин»)	100
Он же (от акционерного общества «Фельтен унд Гильом Карлсверк»)	25
Он же (от акционерного общества «Микс унд Генест»)	5
Он же (от акционерного общества «Лоренц»)	20
Он же (от профсоюзов Пруссии)	30
Он же (персонально)	16 ¹

Шредер сообщил Гиммлеру о поступлении средств и заявил, что его «друзья по-прежнему в вашем распоряжении, когда речь идет о том, чтобы помочь вам выполнить ваши планы»². Финансовые средства «круг

¹ IMT, Bd XXXVI, S. 532 f., Dokument 453-EC, письмо Шредера Гиммлеру от 21 сентября 1943 г.

² ND NI 8125, письмо Шредера Гиммлеру от 18 мая 1942 г.

друзей» предоставлял Гиммлеру формально «для особых заданий»¹. При этом жертвователям было ясно, что суммы эти тратились отнюдь не только на «смягчение социальной нужды». Шредер показал: «Этого мы от Гиммлера ожидать не могли»². За ширмой «особых заданий», как это теперь известно, истребляли людей. Гиммлер говорил жертвователям, что он использует их средства в нужных целях и что эти средства помогают «существенно приблизиться к целям, которые поставлены руководством СС»³.

Хотя целевая направленность средств, предоставившихся «кругом друзей», доказана, однако нелишне привести еще одно подтверждение, сделанное Олендорфом, одним из членов «круга друзей». Олендорф сообщал:

«Деловые люди из «круга друзей» весьма охотно оказывали материальную поддержку рейхсфюреру СС, ибо им было очень полезно заручиться моральной и политической опорой Гиммлера. Это было важно на тот случай, если что-либо случится на каком-либо предприятии и вмешается гестапо. В подобном случае предоставлялась возможность переждать события в «кругу друзей».

¹ IMT, Bd XXXVI, S. 534, Dokument 454-EC, письмо Шредера Гиммлеру от 27 августа 1943 г. Однако Лохнер уверяет, будто пожертвования были предназначены для «развлечений» Гиммлера, для археологических исследований, для шумихи, поднятой вокруг мнимой могилы Генриха I, и аналогичных целей (Lochner, S. 130 f.). Эдуард Кренкшоу в своей книге «Гестапо» (Edward Crankshaw, Die Gestapo, Berlin, 1959, S. 19) также утверждает, что «состоятельные люди» предоставляли для научных целей СС «миллионные средства, только чтобы быть причисленными к числу друзей Гиммлера». Цель подобных утверждений предельно ясна: магнатов индустрии пытаются изобразить людьми, обманутыми Гиммлером, и снять с них кровавую вину.

² «Neue Zeit», Berlin, 29.7. 1947, показание Шредера на процессе Флика.

³ ND NI 9980, письмо Гиммлера Майеру от 30 декабря 1937 г.

Однако указанные мотивы не были решающими. В основе финансовой поддержки Гиммлера были более веские причины: «Когда впоследствии рейхсфюрер СС проявил интерес к поставкам военных материалов для войск СС, он с пользой обсуждал эти вопросы с предпринимателями и в «кругу друзей». Когда рейхсфюрер СС получил задание в кратчайшие сроки выставить новые дивизии (в 1943, 1944 и 1945 годах), он не смог покрыть потребности в снаряжении, вооружении и других необходимых запасах за счет армии. Ему приходилось добывать необходимые военные материалы другим путем. Это происходило, в частности, через посредство «круга друзей»¹.

Более откровенно высказался Флик: «Я жертвовал деньги только туда, где это шло на пользу моим предприятиям и моим рабочим»².

Крупные предприниматели не гнушались участвовать в преступлениях, сотрудничать с убийцами, если это сулило им высокие прибыли. Эсэсовская организация хорошо служила им: магнаты монополий загребали барыши на военных поставках, укрепляли свои позиции и усиливали власть Гиммлера в нацистском государстве. Ведь недаром члены «круга друзей» энергично стремились к тому, чтобы видеть у власти в Германии сильного фюрера»³.

Гиммлер не только усиленно передавал своим друзьям заказы на вооружение, но и всячески пропагандировал либеральную модель экономики в эсэсовском журнале «Дас шварце кор». Например, этот журнал писал: «В области военной промышленности... мы на-

---

¹ IMT, Bd XXXI, S. 40, Dokument PS — 2620, показание Олендорфа.

² Показание Флика. Цит. по: «Der Spiegel», 17.8.1955, S. 3.

³ Показание Шредера. Цит. по: Норген Альберт. Уроки германской истории. С. 172.

блюдаем образцовый «брак» между творческой инициативой талантливого предпринимателя и разумно целеустремленным государственным руководством... Вряд ли можно предположить, что они [то есть предприниматели. — К. Д.] назовут сейчас принудительным этот «брак» с государством. Действия, приводящие к тому, что предприниматель становится в конце концов опорой государства, он всегда будет рассматривать как воплощение своих идеалов»¹.

Барыши на рабском труде. Благодарность СС фабрикантам смерти

Одна лишь раздача заказов на вооружение и пропаганда рыночной экономики, «ставшей опорой государства», в достаточной мере окупили бы расходы членов «круга друзей». Но они получили от СС гораздо больше. Так, например, профессор д-р Майер из Дрезденского банка из-за того, что этот банк «был сравнительно слабо представлен в Генерал-губернаторстве», интересовался экономическим положением эсэсовских предприятий «Остиндустри», а также контор по снабжению поселенцев и просил связать его с ними. В документе, излагавшем эти пожелания, специально указывалось, что Майер является членом «круга друзей»².

Если банкирам доставались деньги, выжатые из подневольных рабочих, то предприниматели получали заключенных из концлагерей с целью превращать их труд в дополнительную прибыль.

Вот характерный пример. Правление «ИГ Фарбен» уже в 1935 году, после посещения концлагеря Дахау, за-

---

¹ «Das Schwarze Korps», 6.3.1941.

² NDNI 1267, письмо штаба W акционерной компании «Остиндустри» в Люблине от 1. 4. 1943.

интересовалось, нельзя ли использовать заключенных как рабочую силу¹. Когда в ноябре 1940 года концерн «ИГ Фарбен» решил построить четвертый завод «Буна» в районе, не пострадавшем от бомбежек, то его руководители имели в виду использовать дешевую рабочую силу заключенных. Завод решили строить в Аушвице, ибо там имелись не только вода, залежи угля, извести и соли, но и заключенные концлагеря. В предварительных беседах специально обсуждался вопрос об использовании заключенных из концлагеря в качестве рабочей силы.

Руководитель стройки (в дальнейшем он был ответственным за завод «Буна») д-р Отто Амброз, член правления «ИГ Фарбен», в конце декабря 1940 или в начале 1941 года прибыл в Каттовицы и вел переговоры с администрацией. Он заявил, что район Аушвица подходит для строительства нового завода. 1 марта 1941 года Аушвиц впервые посетил Гиммлер. Среди сопровождавших его лиц находились руководители «ИГ Фарбен». Было решено, в частности, что в распоряжение «ИГ Фарбен» будет выделено 10 тысяч заключенных для строительства завода. В марте — апреле 1941 года Амброз приехал в концлагерь Аушвиц, осмотрел его и собрал подробную информацию².

Уже в конце февраля или в начале марта 1941 года было окончательно решено, что завод «Буна» будут строить заключенные. Генрих Бютефиш³, член «кру-

¹ ND NI 034, показание Гесса.

² См. показания Амброза в книге «СС в действии. Документы о преступлениях СС». М., 1960. С. 470; ND NI 4182, показание Бютефиша; J. Hellwig u. G. Deicke, op. cit., S. 57; Danuta Czech, Kalendarium der Ereignisse im Konzentrationslager Auschwitz-Birkenau. — «Hefte von Auschwitz» (Krakow), 2/1959, S. 98, 100.

³ См. ND NI 10624, характеристика, данная Бютефишу главным отделом имперской безопасности СС; см. также J. Hellwig u. G. Deicke, op. cit., S. 56 f.

га друзей», вступил в контакт с адъютантом Гиммлера Вольфом. Это было сделано с ведома и согласия председателя правления «ИГ Фарбен» Шмица, который также значился в списке жертвователей. В свою очередь, Вольф, тоже член «круга друзей», был назначен Гиммлером на пост связного по аушвицкому предприятию «ИГ Фарбен»¹.

20 марта Бютефиш, Дюрфельд и Фауст вели переговоры с Вольфом, ответственным за использование заключенных Глюксом и другими членами СС о том, чтобы концерну «ИГ Фарбен» были предоставлены заключенные². Руководители СС дали на это согласие, со стороны правления концерна тоже никаких возражений не последовало. Только Амброз высказал мнение, что, если за каждого заключенного платить по три марки в день, труд заключенных будет для концерна невыгоден³.

Несмотря на эти «оговорки», в официальном документе об аушвицком заводе «ИГ Фарбен» содержалось указание использовать труд заключенных⁴. Поль отмечал, что «концерну «ИГ Фарбен» по распоряжению рейхсфюрера СС Гиммлера был предоставлен прио-

---

¹ *J. Hellwig u. G. Deicke*, op. cit., S. 51.

² Ibid.; ND NI 6713, показание Ильгнера; ND NI 6025, показание Вольфа; СС в действии. С. 481 и след.; ND NI 15148, отчет о посещении от 30 марта 1941 г.

³ ND NI 4182, показание Бютефиша; см. также *J. Hellwig u. G. Deicke*, op. cit., S. 57; ND NI 4184, показание Дюрфельда. Впоследствии компания платила СС по 4 марки в день за квалифицированного рабочего и по 2 марки за подсобного рабочего. См. *Willi Kling*, *Kleine Geschichte der IG-Farben — der Grossfabrikanten des Todes*, Berlin, 1957, S. 22; см. также *J. Hellwig u. G. Deicke*, op. cit., S. 58. Таким образом, «ИГ Фарбен» предоставлялись «преимущественные ставки», так как другие концерны должны были, как правило, платить СС по 4 марки в день за подсобного рабочего и 6—8 марок за квалифицированного. См. *Eugen Kogon*, *Der SS-Staat Frankfurt/M*, 1959, S. 273.

⁴ ND NI 11117, протокол учредительного собрания завода от 7 апреля 1941 г.

ритет в использовании труда заключенных для завода «Буна». Поль указывает, что основанием для этого решения были дружественные связи «ИГ Фарбен» с Гиммлером¹.

Уже после того как заключенных стали использовать на строительстве завода «Буна», выяснилось, что на дорогу от лагеря Аушвиц к месту работы и обратно (четырнадцать километров) затрачивается слишком много времени, что невыгодно для «ИГ Фарбен». Поэтому концерн уже в 1941 году стал добиваться создания заводского концлагеря. «Для поднятия производительности труда» [заключенных. — К. Д.] был создан лагерь Моновиц².

Начиная с 1942 года всю ответственность за снабжение заключенных в Моновице нес концерн «ИГ Фарбен», даже бараки и санузлы строились этим концерном³. Мастера и бригадиры «ИГ Фарбен» суровыми методами подгоняли заключенных, угрожая донести на них СС, если выработка будет низка⁴. Многие трудовые процессы на протяжении всего дня выполнялись в бешеном темпе. В холодные дни заключенных заставляли снимать часть одежды, чтобы повысить темп работы.

Заключенных привлекали для самых тяжелых работ. Технический руководитель завода Вальтер Дюрфельд неоднократно приказывал повышать темп работы⁵. Заключенные должны были выполнять не только самую тяжелую, но и самую опасную работу, например обезвреживать неразорвавшиеся бомбы с помощью самого

¹ ND NI 382, показание Поля.

² ND NI 4184, показание Дюрфельда, технического руководителя освенцимского завода «ИГ Фарбен».

³ Ibid.

⁴ ND NI 9807, показание Вольгейма, заключенного концлагеря Моновиц, а также показание Шнайдера, члена главного правления «ИГ Фарбен», в книге «СС в действии». С. 482.

⁵ ND NI 9807, показание Вольгейма.

примитивного снаряжения. Для этого заводское управление использовало команды заключенных¹.

Ежедневный рацион заключенных состоял из 1 литра супа, 375 граммов хлеба и 8 граммов маргарина. Для тяжелого принудительного труда такое питание совершенно недостаточно.

Заключенным выдавалось ветхое нижнее белье, поношенная верхняя одежда, деревянные башмаки. Меняли одежду раз в полтора-два месяца. Мыла для стирки не полагалось. С 1943 года стали выдавать робу и рукавицы².

Баракы, в которых жили заключенные, были непригодны для жилья. На каждой койке спали по несколько человек³. Еще хуже был оборудован больничный корпус. Лекарства и перевязочный материал почти полностью отсутствовали. Больные по двое, по трое валялись на одной «кровати». Санитарное оборудование и лекарства для больных заключенные, рискуя жизнью, добывали у эсэсовцев и в конторах «ИГ Фарбен»⁴. Таким способом они помогали друг другу, проявляя товарищескую солидарность, и спасли многих своих товарищей от смерти, ибо болеть заключенным разрешалось только две недели, а общее число больных не должно было превышать 5 процентов.

Через каждые две-три недели происходил отбор заключенных. Неработоспособных отправляли в Аушвиц-Биркенау. Персонал «ИГ Фарбен» был хорошо осведомлен о том, что там происходило, когда

---

¹ ND NI 4839, показание Таубера, заключенного концлагеря Моновиц.

² ND NI 4839, показание Таубера.

³ ND NI 4827, показание Трейстера, заключенного концлагеря Моновиц.

⁴ ND NI 9807, показание Вольгейма; см. также показание Фейнберга, заключенного концлагеря Моновиц, в книге «СС в действии». С. 496.

дымили трубы крематория в Биркенау, — Дюрфельд присутствовал при отправке смертников в газовые камеры¹. Ядовитый газ «циклон Б», применявшийся в газовых камерах Освенцима-Биркенау, поступал от «ИГ Фарбен». Только в 1942 году управление СС получило 29 780 килограммов «циклона», что равнялось четверти общей продукции концерна за 1942 год. Газ поступал через фирму «Теш унд Штабен», в свою очередь получавшую его с завода «Дегеш», находившегося в ведении «ИГ Фарбен»².

Когда в январе 1945 года в связи с приближением Советской армии лагерь Моновиц был очищен, стало известно, что там насчитывалось 120 тысяч заключенных, которых концерн «ИГ Фарбен» эксплуатировал до полного истощения сил. Все эти люди погибли. Всего в двадцати восьми лагерях-филиалах Моновица по вине химического концерна погибло около 250 тысяч человек. По оценке самих узников лагеря, заключенный Моновица в среднем жил не более двух месяцев³.

За принудительный труд заключенных концерн «ИГ Фарбен» выплатил СС в течение двух с половиной лет свыше 20 миллионов марок. Однако заключенным из этой суммы не досталось даже пфеннига⁴, хотя именно они принесли «ИГ Фарбен» колоссальные прибыли.

---

¹ Показания Таубера и Трейстера, Стайшека, Африна, Фейнберга и Герцога в книге «СС в действии». После досрочного освобождения из тюрьмы Дюрфельд стал членом правления акционерного общества «Шольфен-хеми» в Гельзенкирхене.

² «Das Urteil im IG-Farben-Prozeß Ebett», Offenbach/M. 1948, S. 107 ff.

³ Подсчеты Фейнберга и Герцога в книге «СС в действии». С. 497, 499. В приговоре по процессу Вольгейма против «ИГ Фарбен» указывается, что смертность в Моновице достигала 80 процентов (Archiv des Deutschen Instituts für Zeitgeschichte Berlin, 151, 561, 1.) К числу лагерей-филиалов относилась, между прочим, угольная шахта «Янина», куда «ИГ Фарбен» направлял на работу заключенных концлагеря.

⁴ Показание Амброза в книге «СС в действии». С. 474.

Предприятия Моновиц оценивались следующим образом по мере своего развития (данные приводятся на 31 декабря каждого года, в марках):

Незавершенные сооружения

1941 г.	4 408 577
1942 г.	59 201 851
1943 г.	115 553 341
На 5 июля 1944 г.	202 687 049

**Готовые сооружения
(за вычетом списаний)**

1941 г.	2 117 136
1942 г.	4 526 792
1943 г.	54 675 550
На 5 июля 1944 г.	126 082 345.

Только в одном из концлагерей «ИГ Фарбен» завод, построенный заключенными, был оценен почти в 330 миллионов марок, не говоря уже о стоимости произведенной ими продукции¹.

Так окупались «пожертвования», которые «ИГ Фарбен» передавал нацистам. Они были мелочью по сравнению с колоссальными барышами «ИГ Фарбен»².

Неудивительно, что Отто Амброс, член правления «ИГ Фарбен» и ответственный за заводы «Буна», писал в 1941 году: «...Очень благотворно действует наша

---

¹ Процесс Вольгейма против «ИГ Фарбен», мнение адвоката Генри Ормонда по поводу письменного объяснения обвиняемого от 28 31952, с. 9 (Archiv des IML, KZ und Haftanstalten, Auschwitz II 4/3).

² В 1942 г. «ИГ Фарбен» округлил капитал до 243 миллионов марок и имел чистую прибыль в 81,7 миллиона. В этом же году он увеличил свой акционерный капитал на 235 миллионов, так что он достиг 1400 миллионов марок («Die Grossunternehmen des Deutschen Reiches 1943. Handbuch der deutschen Aktiengesellschaften», Bd 6, Berlin 1943, S. 5781 ff., 5790).

новая дружба с СС»¹. На основе этого сотрудничества с СС концерн «ИГ Фарбен» планировал построить новый завод синтетического каучука, где должны были работать узники концлагерей.

Платя СС по четыре марки в день за подсобного рабочего и по шесть марок за рабочего-специалиста, монополии выжимали из заключенных максимум прибыли. Как правило, рабочий день заключенных длился двенадцать часов.

Ответственность за жилье, питание и снабжение заключенных лежала главным образом на крупных предприятиях, имевших собственные лагеря. Заключенные влачили там жалкое существование, ибо предприниматели в погоне за максимальной прибылью выжимали из рабочих последние силы.

Концерн «ИГ Фарбен» получал от СС не только рабочую силу, но и заключенных для медицинских опытов. По поручению «ИГ Фарбен» проводились эксперименты на людях, главным образом в Аушвице, Бухенвальде, Дахау и Маутхаузене².

Когда возникала тяжба с конкурирующими концернами, «ИГ Фарбен» прибегал к помощи Гиммлера. Так, например, в 1939 году «ИГ Фарбен» решил присоединить к себе крупнейший польский химический завод «Пшемысль хемичны борута», находившийся во владении Генерал-губернаторства. Концерн «ИГ Фарбен» был назначен опекуном этого завода, но, не довольствуясь этим, хотел окончательно завладеть им. Однако претензии на завод «Борута» заявляли и другие германские химические предприятия, но «ИГ Фарбен»

¹ СС в действии. С. 475. В 1958 г. Амброс был членом наблюдательного совета горнорудного акционерного общества «Бергверксгезельшафт Гиберния» в Герне и акционерного общества «Зюддойче калкштофверке» в Тростберге.

² СС в действии. С. 335 и след.; см. также «Buchenwald. Mahnung und Verpflichtung», Berlin 1960, S. 163.

настойчиво подчеркивал свои «права». Переговоры затянулись до апреля 1941 года. Гиммлер в конце концов вынес решение, и государственное предприятие стало собственностью «ИГ Фарбен»¹.

«ИГ Фарбен» был не единственным концерном, использовавшим свои связи с СС. Так, концерны Круппа и Сименса тоже эксплуатировали заключенных концлагеря Аушвиц². А в Бухенвальде было сто тридцать шесть «внешних команд», работавших на предприятиях следующих фирм: «Байрише моторенверке», Юнкерс, Крупп, концерн «Зольвей», Форд³, «Рейнметалл-Борзиг», концерн «Винтерсхаль», акционерное общество «Браунколе-бенцин» и заводы «Лойна» и «Вольфен» компании «ИГ Фарбен»⁴. Представители последних четырех концернов были членами «круга друзей».

Начальник главного административно-экономического управления СС Освальд Поль, которому были подчинены концлагеря, показал, что об использовании труда заключенных он вел переговоры не только с «ИГ Фарбен», но и с концерном «Герман Геринг», также имевшим своих представителей в «кругу друзей». Кроме того, с Полем беседовали по этому вопросу Гельмут Ренерт, Рудольф Бингель, Ганс Фишбек, Ганс Керль и Фриц Кранефус. Дрезденский банк предоставил Полю кредиты. Кроме этих членов «круга друзей», Поль поставлял заключенных акционерному обществу «Гуго-Шнейдер», заводам «Хейнкель», концерну «Мессершмитт», Круппу, заводу «Фольксваген» и другим предприятиям⁵.

¹ «Das Urteil im IG-Farben-Prozeß Ebets», S. 75 f.

² ND IN 034, показание Гесса, см. также J. Hellwig u. G. Deicke, *op. cit.*, S. 607.

³ В Кельне и других городах Германии существовали филиалы фирмы «Форд», ставшие немецкой собственностью.

⁴ «Buchenwald. Mahnung und Verpflichtung», S. 239 ff.

⁵ ND NI 382, показание Поля.

Заключенных эксплуатировали также концерн Флика, «Блом унд Фосс», «Дойче верфт», «Ханомаг», заводы «Фрикс», акционерное общество «Континенталь гумми», концерн «Сименс»¹, «Аутоунион», АЭГ, «Даймлер-Бенц», завод «Вюртембергише металлварен», концерн Филлипса и многие другие крупные предприятия².

Для всех этих монополий пожертвования, сделанные гитлеровцам, окупались сторицей. Поль показал, что многочисленные предприятия добивались получения максимального количества заключенных. Он отметил, «что труд заключенных стоил частной промышленности очень дешево»³.

СС шли навстречу в основном крупным предпринимателям. Это видно из того, что ведомство Гиммлера предоставляло заключенных лишь крупными партиями не менее чем по пятьсот человек⁴. Чтобы обеспечить запросы промышленности и повысить собственные доходы, руководство СС с 1942 года порекомендовало германскому аппарату юстиции энергичнее заполнять концлагеря. Гиммлер заявил 25 января 1942 года, что в ближайшее время концлагеря должны будут решить крупные экономические задачи. Он заявил, что пришлет в лагеря 100 тысяч евреев-мужчин и 50 тысяч женщин⁵. 18 сентября 1942 года Гиммлер вел переговоры с министром юстиции Отто Тираком. Их итогом было то, что все заключенные из захваченных рейхом восточных областей со сроком заключения свыше трех лет, а также все заключенные — немцы и чехи — со сроком

---

¹ Об эксплуатации женщин-заключенных концлагеря Равенсбрюк концерном Сименса, представленным в «кругу друзей» Бингелем, см. Женщины Равенсбрюка: М., Издательство иностранной литературы, 1960. С. 46—62.

² ND NI 1065, показание Зоммера.

³ ND NI 382, показание Поля.

⁴ ND D 238, пометка в делах фирмы Круппа от 29 июля 1944 г.

⁵ ND NO 500, телеграмма Гиммлера от 25 января 1942 г.

заклучения свыше восьми лет были переданы в распоряжение СС. Евреи и цыгане должны были отныне незамедлительно направляться в концлагеря, цель — «уничтожение путем работы»¹.

17 декабря 1942 года был издан циркуляр, в котором указывалось: «По важным причинам военного характера, не подлежащим уточнению, рейхсфюрер СС и глава германской полиции приказал 14.12.1942 года перевести до конца января 1943 года в концлагеря минимум 35 тысяч работоспособных заключенных».

С этой целью заключению в лагеря подлежали все завербованные рабочие, заподозренные в попытке к бегству или «нарушившие условия договора»². То, что в основе этих мероприятий лежали заявки монополий на дешевую рабочую силу, доказывает также циркуляр начальника полиции безопасности и СД от 23 марта 1943 года. В этом документе с пометкой «усиленная отправка в концлагеря» указывалось, что при переброске заключенных следует «обращать внимание на то, чтобы направлялись только люди работоспособные, а также молодежь». Кроме того, в нем подчеркивалось, что следует воздерживаться от дальнейших отправок в концлагеря, «если заключенные уже работают на военных предприятиях или фактически заняты на работах военного значения»³.

Это лишь несколько выдержек из эсэсовских документов об использовании заключенных. Надо также сказать о массовых арестах, например об операциях «Меершаум» и «Фрюлингсвинд» во Франции и Бельгии, о переброске заключенных-евреев из всех европейских стран с целью их «уничтожения путем работы»... Эти массовые аресты, как свидетельствуют до-

---

¹ IMT, Bd XXXVII, S. 567, Dokument 090-L.

² IMT, Bd XXVI, S. 700, Dokument 1063 (d)-PS.

³ IMT, Bd XXVII, S. 349 f., Dokument 041-L.

кументы, проводились для того, чтобы добыть новых рабов для промышленности, обеспечить высокие доходы монополиям и СС.

С 1942 года система концлагерей претерпевает некоторые изменения, «на первый план все более и более выдвигается задача мобилизации всех трудоспособных заключенных для военной промышленности (увеличение производства вооружения), а в дальнейшем и для других отраслей»¹.

Наряду с использованием заключенных в «экономических целях» шло массовое уничтожение женщин, детей, стариков, больных и истощенных, которых эсэсовцы не могли больше использовать. Молодых женщин и мужчин главари СС оценивали следующим образом (в марках):

Плата за прокат (в среднем за день)	6
Вычеты за питание	0,60
Вычеты за амортизацию одежды	0,10
Доход за использование (в среднем за день)	5,30
Средняя продолжительность жизни —	9 месяцев, или 270 дней.
270 дней, помноженные на 5,3 марки,	1431
Выручка от использования трупа и наследства (золотые зубы, одежда, ценные вещи, деньги) за вычетом расходов на сожжение давала в среднем чистый доход минимум	200
Итого доход на одном заключенном	1631

К этому прибавлялись еще добавочные доходы от использования костей и пепла².

¹ IMT, Bd III, S. 515 f., письмо Поля Гиммлеру от 30 апреля 1942 г.

² E. Kogon, op. cit., S. 357 ff.

Концерны рассматривали оплату «проката» как чистую формальность. «Предприятия платили [СС. — К. Д.] по 30 пфеннигов в день за одного заключенного». Тем не менее доходы СС составляли в конце 1944 года примерно 50 миллионов марок в месяц¹. Уже одна эта цифра свидетельствует о том, в каких масштабах использовался труд заключенных германскими концернами и сколь велика была их прибыль.

Таким образом, монополисты играли серьезную роль в руководстве государством, например в Генеральном совете германской экономики, в Совете по вооружению, на постах фюреров военной экономики и особых уполномоченных. Вместе с тем они оказывали и косвенное влияние на государственный аппарат, например с помощью памятных записок, консультаций, через подчиненную им прессу и представителей науки, а также посредством дружеских связей. Многие гитлеровские чиновники были тесным образом связаны с отдельными представителями крупного капитала, принимали от них подарки и открытые взятки.

Отношения между руководителями немецкой экономики и лидерами национал-социалистической партии — это отношения друзей и соратников². Громад-

¹ ND NO 1578, показание Зоммера.

² Американский историк Льюис Лохнер, однако, полагает, что магнаты немецкой индустрии были только орудием в руках национал-социалистов. Относительно «круга друзей Гиммлера» этот автор утверждает следующее: «Руководители рейха оказали членам «круга друзей» предпочтение, но не помышляли открывать свои тайны». По мнению автора, члены «круга друзей» чувствовали себя польщенными, присутствуя в качестве почетных гостей на съездах гитлеровской партии и т.п., и выражали за это свою благодарность, финансируя «развлечения» Гиммлера. К тому же, добавляет Лохнер, пожертвования по сравнению с общими доходами соответствующих концернов были невелики, и вообще гитлеровцы их вымогали (*Louis P. Lochner, Die Mächtigen und der Tyrann, Darmstadt, 1955*).

ные средства, выплачивавшиеся партии и государству, были для крупной германской буржуазии частью ее вклада в борьбу против распространения коммунизма, против экономической и политической деятельности левого движения, а также за обеспечение максимальных прибылей.

Ханно Соваде

ОТТО ОЛЕНДОРФ – НОНКОНФОРМИСТ, ФЮРЕР СС И ХОЗЯЙСТВЕННИК

Отто Олендорф, самый младший из четверых детей фермера средней руки, родившийся 4 февраля 1907 г. в Гогенэггельзене близ Ганновера, с ранней юности интересовался политикой¹. Свою первоначальную, внушенную отцом ориентацию на традиционный буржуазно-консервативный лагерь (Германская национальная народная партия) он быстро сменил на более радикальные взгляды. В 1925 г., еще будучи гимназистом, Олендорф вступил в ряды СА, откуда в 1927 г. его перевели в СС (членский номер 880). Под номером 6531 он стал членом НСДАП (он получил почетный Золотой партийный значок). В дальнейшем он посвятил себя активной пропаганде идей национал-социализма. Еще будучи учащимся гимназии «Андреанум» в Гильдесхайме (1917—1928), Олендорф участвовал в создании местной партийной организации в Гогенэггельзене. Начав изучать право и общественно-политические науки в

---

¹ Даты, относящиеся к жизни Олендорфа, приводятся в следующих работах: Lebenslauf O. vom 24.4.1936, BA NS 20 119-27 Bl. 106f.; O. an Höhn vom 18.5.1936, ebenda Bl. 119ff.; Affidavit SS-Brigadeführer O.: Angaben zur Person vom 1.4.1947, Archiv IfZ NO-2857; Entwurf eines Lebenslaufes von O. von 3.1947, Nachlaß Ohlendorf (NaOl).

университетах Лейпцига и Геттингена (1928—1931), он оставил эту область деятельности и принял участие в работе Национал-социалистического союза студентов и местной группы НСДАП. Поскольку политическая работа в этих организациях его не удовлетворяла, то, проучившись два семестра, он переехал в Геттинген. Здесь у Олендорфа появилось больше возможностей заниматься политикой. Летом 1929 г. он получил задание склонить на сторону партии население округа Нортхайм. Агитационная работа Олендорфа оказалась столь успешной, что на выборах на уровне округа в гау Ганновер-Зюйд НСДАП смогла получить абсолютное большинство голосов.

После сдачи экзамена на референдара в Юре летом 1931 г., в качестве получателя стипендии, которую выхлопотал для него профессор национальной экономики Йенс Петер Йессен, Олендорф поехал учиться в Италию в университет Павии. Пребывание в этой стране, которое должно было послужить для изучения общественно-политических наук и подготовке к карьере ученого, наложило заметный отпечаток на дальнейшую жизнь Олендорфа. Он превратился в убежденного противника итальянского фашизма. Его критика была направлена главным образом против авторитарно-автократических особенностей фашистского государственного строительства, а также корпоративности. В представлении Олендорфа во главе угла должна стоять, как он выражался, «народность», которая должна активно действовать при посредстве «носителей национального сознания». Он отвергал господство отдельных личностей, которое, в его представлении, впоследствии воплотилось в «государстве фюрера». Олендорф очень серьезно отнесся к идее национал-социализма, который он считал истинным мировоззрением, и стал развивать свою собственную, в высшей степени индивидуаль-

лизированную идеологию в области экономики. Тем самым он не только нередко вступал в конфликты со сторонниками официальной партийно-политической линии, но и подвергал их довольно смелой критике. Но такой критический настрой его ума вовсе не означал, что Олендорф не являлся убежденным национал-социалистом, который от всей души поддерживал такие существенные пункты национал-социалистического мировоззрения, как расизм¹.

Наряду с политическими исследованиями Олендорф предполагал использовать свое пребывание в Италии для создания базы для, как он выразился, «жизненного призвания». Под этим он, по-видимому, подразумевал быструю научную карьеру в одном из немецких вузов. Поэтому стипендия должна была помочь ему получить ученую степень. Кроме того, Олендорфа преследовала мысль подать заявление на конкурс на замещение должности преподавателя вуза. Ни одна, ни вторая идея не осуществились. Летом 1932 г., ничего не добившись, он вернулся в Германию и сначала продолжил юридическое образование. Оставив нелюбимую специальность, он принял предложение своего учителя Йессена, который осенью 1933 г. помог ему получить должность заместителя директора Института мировой экономики в Киле. Однако вскоре учитель и его ученик вступили в конфликт с местной парторганизацией и студенческим коллективом. Это противостояние обострилось настолько, что летом 1934 г. Йессену пришлось в конце концов оставить Киль. В конце 1934 г. следом за ним Олендорф уехал в Берлин, где получил должность руководителя отдела Института прикладных наук. Однако и в столице рейха Йессену и Олендорфу не удалось осуществить свои планы — создать национал-социалистический

---

¹ Письмо О. своему брату Гейнцу от 3.7.1932 г., NaOl; многочисленные другие письма родственникам в NaOl.

экономический вуз. Так же, как и в Киле, им помешали не столько политические, сколько материальные причины. Эта неудача, по-видимому, означала для Олендорфа крах надежды на научную карьеру¹.

На данном отрезке времени ничто не указывало на то, что этот среднеодаренный, однако честолюбивый интеллектуальный деятель Третьего рейха преуспееет. Его личные амбиции, пожалуй, указывали на то, что его столь же неконформистское, сколь и мечтательное упорство, с которым он отстаивал собственное «мировоззрение», помешает его успехам. В октябре 1936 г. Олендорф совершил поступок, оказавшийся решающим для его дальнейшей карьеры. В мае 1936 г. при посредстве профессора Йессена и активизировав свое почти пассивное членство в СС, он стал руководителем отдела II/23 (экономика) службы безопасности. Его захватила перспектива, связанная с СД, — создать разведывательную службу, которая в условиях системы, где отсутствует общественное мнение, может служить корректирующим органом государственного руководства. У Олендорфа появилась единственная, по его мнению, возможность в тесном контакте с народом указывать на ошибки национал-социалистического мировоззрения и государственного руководства и тем самым своевременно реализовать свое давнее желание — влиять на процесс формирования национал-социалистического мировоззрения, которое он был поистине предназначен осуществлять благодаря изучению модели итальянского фашизма. В дальнейшем он, как специалист, участвовал в создании службы изучения мнений и достиг положения руководителя штаба

---

¹ USMP, Fall IX, Dokumentenbuch I der Verteidigung (Dok. Buch I), Dok. 1, 1a, 36, NaOl; письмо О. своей нареченной К.Вольперс от 25.11.1933 г., NaOl. Она вышла замуж 10.6.1934 г. и имела пятерых детей.

всего центрального управления. Однако эту должность он занимал лишь в течение непродолжительного времени. Благодаря «бескомпромиссно-критическим» докладам об угрозе среднему сословию, которое представляет собой четырехлетний план, и его враждебному отношению к Имперской продовольственной организации он вызвал неприязнь со стороны Лея и Дарре. Он практически «застыл» в СД. Однако чтобы получить возможность осуществить свое представление о национал-социалистической политике относительно среднего сословия, Олендорф попытался получить возможность работать в области экономики и уволиться из СД. Однако Гейдрих не одобрил эту попытку, но затем согласился уменьшить объем его работы в СД, дать ему возможность заняться «достойной» деятельностью. В июне 1938 г. Олендорф получил должность одного из руководителей рейхсгруппы, занимающейся вопросами коммерции, и там создал новую платформу для своей «экономической идеологии», которая, по существу, противостояла официальной партийной линии, Немецкому трудовому фронту и Имперской продовольственной организации. Спустя непродолжительное время он завоевал расположение большинства сотрудников и членов партии и в ноябре 1939 г. был выдвинут на пост главного руководителя рейхсгруппы, занимающейся вопросами коммерции. Олендорф был обязан грядущей войне тем, что в июне 1939 г. Гейдрих вновь привлек его к работе в СД, вспомнив о его организаторском таланте. Он возложил на него ответственные задачи по реорганизации высшей бюрократии СС и в сентябре 1939 г. назначил его руководителем III Управления (Жизненно важные области Германии). При этом на Олендорфа была возложена ответственность за изучение общественного мнения в рейхе. Возникает вопрос, почему Гейдрих назначил на эту долж-

ность именно Олендорфа, человека, неудобного во многих отношениях. Наверняка это объяснялось недостатком экономистов среди членов СС. Должно быть, благодаря изучению общественно-политических наук и тесным контактам с известным специалистом по национальной экономике Йессеном Олендорф приобрел репутацию специалиста. Этому, возможно, также способствовало его изучение экономической политики, направленной на исследование среднего сословия при работе в рейхсгруппе, занимавшейся вопросами коммерции. В конце концов, среднее сословие было исключительно важной для НСДАП группой населения. Из него произошло большинство членов и сторонников партии, которые, должно быть, испытали разочарование в годы политики усиленного перевооружения. Из возвышенных обещаний, которые дал среднему сословию режим во время прихода к власти, зачастую возникала противоположная картина. Это вполне понятно для человека, который возлагал большие надежды на среднее сословие. Следует отметить в этой связи, что, продолжая работать в рейхсгруппе, занимавшейся вопросами коммерции, деятельность в РСХА он сочетал с таковой в управлении экономикой. В известной степени Олендорф оказался востребованным благодаря своему нонконформизму. Поскольку отчеты, относящиеся к изучению общественного мнения, как следует из концепции безопасности, разработанной руководством СС, должны входить в систему раннего оповещения, их составление следовало доверить человеку, который смел выражать неудобные вещи. При этом, как вскоре выяснилось, он оставался верным режиму. Когда миновала тяжелая начальная фаза войны, критические интонации, казалось, не сочетались с победными настроениями, и вскоре самонадеянный идеолог Олендорф стал больше интересоваться руководство в

этой ипостаси, чем экономист и организатор. Короче говоря, у него снова появились затруднения. Прежде всего все больше стали ухудшаться его отношения с Гиммлером. Рейхсфюрера СС, который сам претендовал на звание первостатейного идеолога, не устраивало «сознание выполнения своей миссии» Олендорфом, которого он считал слишком дерзким. К этому следует добавить и личные антипатии. В глазах Гиммлера Олендорф казался «невыносимым, лишенным чувства юмора пруссаком», «пораженцем» и «пессимистом», а вследствие его идеологической твердости «стражем национал-социализма». Но, во всяком случае, разногласия никогда не доходили до того, чтобы Олендорфу пришлось оставить службу в СС. Он сделал в ней карьеру, постепенно поднимаясь по служебной лестнице, став группенфюрером СС и генерал-лейтенантом полиции¹.

В сознании широких слоев общественности Олендорф связывался не столько с деятельностью в области безопасности или экономики, сколько с разработкой им идеологической войны против СССР. С июня 1941 по июль 1942 г. он был начальником карательной группы D, орудовавшей в районе действий 11-й армии. Под его руководством было убито свыше 90 000 человек. По его словам, он противился этому назначению и по инициативе Гейдриха был отозван из группы. По-видимому, шеф РСХА намеревался этого «не по-солдатски мягкотелого интеллектуала, которому недоставало жесткости и политической ясности солдата», заставить соблюдать безусловную преданность национал-социализму, а также, в соответствии с лозунгом «все мы находимся в одной лодке», исключить оппозицию с его стороны и сделать послушным орудием РСХА, заставив Олендорфа уча-

¹ Dok. Buch I, Dok. 2— 4, 14— 18, 20f., 26.

ствовать в массовых расправах. Возможно, «далекий от реального мира» теоретик должен был сталкиваться и с более ужасными вещами, вроде грязной «практической работы». Судя по всему, при этом Гейдрих имел не только поддержку Гимmlера, но и санкцию со стороны руководителя партийной канцелярии Бормана, которому была не по душе склонность Олендорфа к антропософам. Очевидно, Олендорф не раз пытался отказаться от отправки в Россию под предлогом своей занятости в рейхсгруппе, занимавшейся вопросами торговли. Как бы то ни было, не известно, действовал ли он таким образом, чтобы не участвовать в предстоящих массовых расправах в России, о чем он был информирован благодаря своей работе в РСХА. Возможно, его влекли в Берлин забота о судьбе среднего сословия и работа в рейхсгруппе, занимавшейся вопросами торговли. Могло случиться и так, что ему больше нельзя было отказываться от участия в деятельности карательного отряда. Если поначалу он как бы избегал такого участия, то, по его собственным словам, «возложенные на него задачи он выполнял со знанием дела и добросовестно». Для национал-социалиста Олендорфа это означало, что он осуществлял на практике сущность своего мировоззрения и старался уничтожить тех людей, которые в соответствии с нацистской идеологией не имели права на жизнь. При этом к началу войны он постарался улучшить плохие отношения с командованием 11-й армии (А.О.К. 11), чтобы расширить строго определенную зону действий своей группы, которая была установлена на основании соглашения между верховным командованием вермахта и рейхсфюрером СС. Вдобавок к настоятельным просьбам Олендорфа появилась растущая опасность со стороны партизан, что заставило А.О.К. 11 использовать все наличные силы и тем самым предоставило карательной группе D большую оперативную

свободу. О деятельности этой группы с начала войны стало известно из донесений Олендорфа, командиров его подразделения и местных комендантов. После того как были улажены первоначальные противоречия, установилось полное сотрудничество между Олендорфом и его частью с одной стороны и командованием 11-й армии, которая с сентября 1941 г. находилась под верховным командованием Манштейна. Выросшая подвижность карательного отряда зловещим образом отразилась в «донесениях из СССР» — иначе говоря, сведениях, собранных айнзац-группами (карательными отрядами), которые представляют собой основу наших статистических данных. Если в течение двух первых месяцев войны было уничтожено около 4400 человек, то за период с середины августа до середины сентября 1941 г. это число увеличилось вдвое, и за последние две недели сентября 1941 г. количество жертв достигло 22 500 человек. Всего Олендорф и его подчиненные начиная с 22 июня 1941 г. и до марта 1942 г. уничтожили около 91 000 евреев, цыган, коммунистов и представителей других преследовавшихся групп. По его собственному признанию, по возможности уменьшив психическую нагрузку на своих подчиненных, Олендорф ничуть не сомневался в «справедливости» своих деяний. Совершенно сознательно начальником экзекуционного отряда он оставался гораздо дольше, чем его соратники, которые вместе с ним вступили в командование частью. По его собственным словам, летом 1941 г. он с радостью оставил свары и враждебное окружение Берлина. Однако подлинная причина его продолжительного пребывания на территории России заключалась в том, что он, как убежденный национал-социалист, верил в необходимость мер по уничтожению недочеловеков. Правда, расизм Олендорфа был достаточно «дифференцированным», чтобы позволить

ему набирать части из крымских татар и использовать их как вспомогательные войска. То, что Олендорф настойчиво отвергал досрочный отзыв из России, ничего не значит, поскольку, по его собственному признанию, он был убежден, что «национальная политика» принесит более значительные результаты, чем бюрократическая работа в рейхсгруппе «торговля». При этом, по словам Олендорфа, выполнение поставленных перед ним «задач» доставляло ему чувство удовлетворения. Что же касается досрочного возвращения в Берлин «со щитом» или «на щите», то таких возможностей во время всего срока его «командировки» у него было достаточно¹.

В конце концов летом 1942 г. то самое руководство, которое год назад «сослало» его в Россию, вернуло его оттуда. Судя по всему, после первой зимы войны с Россией и покушения на Гейдриха недоверчивому Гиммлеру вновь понадобились услуги неудобного, но испытанного исследователя общественного мнения Олендорфа. Попытка сделать его более сговорчивым, отправив участвовать в массовых убийствах в России, рейхсфюреру не удалась. Олендорф остался ангажированно-критично настроенным идеологом, чье положение укрепилось после проведенного испытания. Его постоянная готовность к критике к концу существования Третьего рейха не привела Олендорфа в ряды усилившейся оппозиции Гитлеру и НСДАП. Намерения Олендорфа заключались не в том, чтобы разрушить существующий строй, а в том, чтобы способствовать

---

¹ Олендорф, письма к жене № 7, 11, 14, 40, 43, 46, NaOl; USMP, Fall IX, Eidesstattliche Erklärung Dr Braune, NaOl; многочисленные другие материалы в NaOl, например: «Как я был отправлен в командировку в Россию?»; «Что произошло во время моей командировки в Россию»; «Исторические факты к созданию, задачам и деятельности кар. отряда во время войны с русскими» — все материалы без даты (во временных рамках судебного процесса!).

его укреплению, при этом, основываясь на собственном мнении, указывая на его недостатки и исправляя их. Это должен был признать и его старый учитель профессор Йессен, который принадлежал к числу участников заговора 20 июля 1944 г. Поскольку, по мнению Олендорфа, Йессен предал национал-социализм, он за него не заступился. Однако мог ли он помешать казни профессора, остается открытым. Результатам исследований общественного мнения, проводившихся до самого конца войны руководимым Олендорфом управлением СД-Инланд (внутри страны), руководство Третьего рейха придавало большое значение. Конкретные меры, которые служили для стабилизации системы, начиная с гестаповских рейдов и кончая речами Гитлера, можно было приписать работе управления СД, занимавшегося изучением общественного мнения. Не подвергавшиеся сомнению в плане достоверности, «Донесения из рейха» все чаще вызывали критику со стороны ведущих национал-социалистов. Предположительно причина заключалась в том, что параллельно с ростом недоверия относительно грядущего поражения сообщения становились все более критическими и угрожающими, что воспринималось различными получателями информации, признававшими ее подлинность, как «пораженчество». Поскольку эти лица не желали мириться с правдой и собственными ошибками, выставленными напоказ, они старались не допустить, чтобы они стали достоянием общественности. Летом 1943 г. дело дошло до вмешательства Геббельса, который, выступая во «Дворце спорта» 18 февраля 1943 г., обрушился на манеру передачи информации и предложил, чтобы вместо «Донесений» публиковались «Доклады службы СД по внутренним вопросам», которые были бы доступны лишь очень ограниченному кругу лиц. После дальнейших протестов Борман и Лей летом 1944 г. за-

претили функционерам партии и ДАФ сотрудничество с СД. По мнению Олендорфа, теперь стало невозможно выполнять свои задачи службе информации — сообщения донесений о настроениях среди населения рейха. Начиная с лета 1944 г., за исключением реакции на покушение 20 июля 1944 г., количество донесений уменьшилось до единиц. Управление СД-Инланд работало до начала 1945 г., причем донесения сводились к информации о настроениях среди рабочих слоев, в них отчетливо просматривался тайный страх режима и четко прослеживались действия III управления РСХА. В необходимости исследования общественного мнения Олендорф был по-прежнему уверен и в мае 1945 г. предложил последнему правительству рейха создать новую «службу информации, изучающую внутриполитические, жизненно важные проблемы»¹.

После возвращения из России Олендорф по-прежнему оставался тесно связанным с экономикой. Уже в 1942 г. статс-секретарь Ландфрид, в качестве представителя группы в министерстве экономики, выступавшей против экономической политики Шпеера, постарался привлечь на свою сторону Олендорфа, как испытанного защитника интересов среднего сословия, руководителя управления РСХА — члена могущественных СС. Эта попытка натолкнулась на противодействие Гимmlера, который не желал, чтобы член СС выступал как эксперт-экономист против Шпеера, усугубив расходы, которые несли СС в результате военных действий. Год спустя, в ноябре 1943 г., Олендорфу как министриаль-директору и представителю вновь назначенного статс-секретаря д-ра Хайлера пришлось поступить на службу в рейхсминистерство экономики. Причина его перево-

¹ Dok. Buch I, Dok. 5f., 11, 25; USMP, Fall IX, Eidesstattliche Erklärung Dr. Böhmer, NaOl; O. an Schwerin von Krosigk im Mai 1945, Archiv IfZ MA 660.

да заключалась в том, что Гиммлер, который в августе 1943 г. возглавил МВД, задумал разработать концепцию государственной безопасности посредством влияния на Имперское министерство экономики (РМЭ), одновременно преследуя честолюбивые намерения навести порядок. В отличие от лета 1942 г. теперь ему ничто не мешало, поскольку согласно «распоряжению фюрера относительно концентрации военной экономики» от 2 сентября 1943 г. РМЭ освобождалось от выполнения военно-промышленных задач и должно было решать «основные хозяйственно-политические вопросы», а также удовлетворять нужды населения. Отметим, что эти ожидания Гиммлера должен был исполнить д-р Хайлер, принадлежавший к друзьям рейхсфюрера, который получил пост статс-секретаря. Личные разногласия с Гиммлером не были непреодолимы настолько, чтобы не предоставить ему свободный выбор занятий и не предоставить «второй шанс». В связи с пошатнувшимся здоровьем Хайлера и неумелым руководством министра экономики Функа в конце 1943 г. наступила фаза обновления этого министерства, главным образом благодаря усилиям Олендорфа. Под «новым курсом» подразумевалась попытка группы, в которую входили, помимо Олендорфа, Гиммлер, Функ и Хайлер, а также ряд других ведущих национал-социалистов, найти ответ на кризис доверия, с которым в 1943 г. столкнулся нацистский режим после Сталинграда, и негодование представителей среднего сословия, вызванное персональными «зачистками» и остановками их предприятий. По мнению Олендорфа, его причиной стал прежде всего Шпеер и его враждебная по отношению к среднему сословию и чуждая принципам национал-социализма военно-хозяйственная политика. Цели и задачи, которые отныне предстояло решить РМЭ, прежде всего заключались в обеспечении нужд гражд-

данского населения, без сомнения, важном для стабилизации системы. Помимо того, РМЭ должно было принять на себя ведущую хозяйственно-политическую роль, а именно, получить возможность использовать национал-социалистическую экономику, ориентированную на будущее, и создать опорные пункты для политического оформления полученных результатов. Руководствуясь собственными данными, Олендорф намеревался во время войны в известной степени поддерживать Шпеерову хозяйственную систему для того, чтобы на пятый год войны направить ее в основном на увеличение военной продукции. В то же время он считал такое решение запоздалым и рассчитывал в будущем, т.е. после войны, заменить ее «национал-социалистической системой экономики». Но до этого элементы такого национал-социалистического хозяйствования следовало распространять лишь в целях пропаганды для стабилизации системы. Для Олендорфа проблема заключалась в том, что, по его мнению, подобной национал-социалистической экономики не существовало, поскольку ни до захвата власти, ни потом теоретической подготовки у хозяйственных кадров не было. Чтобы исправить положение, в рамках РМЭ Олендорф создал вспомогательное подразделение, своего рода brain trust [мозговой трест — *англ.*], где он собирал сотрудников и, независимо от партийной принадлежности, отбирал их согласно их компетентности и щедро снабжал этих людей нужными материалами. Несмотря на крестьянское происхождение, представление Олендорфа о национал-социалистической экономике отнюдь не определялось широко распространенным аграрным романтизмом, поскольку он считал промышленность необходимой для существования национал-социалистического государства. Закрепление господствующей роли в государстве за сельским

хозяином, как это практиковал Шпеер, он также отвергал как признак планового хозяйства. Основы послевоенной экономики Олендорф видел в частной собственности и предпринимательской инициативе, что вовсе не означало «экономику, основанную на свободной конкуренции», поскольку государство должно служить в качестве координатора и заказчика, не вмешиваясь при этом в состязательные процессы и не нарушая организационную структуру сельскохозяйственных предприятий. В связи с приближающимся поражением рейха в конце войны Олендорф предложил промышленным кругам разработки на послевоенный период, поскольку для принятия организационно-политических мер придется войти в контакт с РМЭ. Он проявил себя важным партнером по переговорам и координатором различных отраслей промышленности и, пользуясь своим положением руководителя управления СД по внутренним проблемам, провел ряд нелегальных акций под определенного вида зарубежным прикрытием. РМЭ, со своей стороны, благодаря участию Олендорфа, смогло воспользоваться результатами деятельности Людвиг Эрхарда. Несмотря на контакты с планировщиками послевоенной деятельности частновладельческих предприятий при взаимном влиянии и активной помощи Олендорфа с целью создания в будущем национал-социалистической экономики, его работа в данной области оказалась напрасной¹.

23 мая 1945 г. Олендорф, до конца войны служивший последнему действующему правительству, сдался западным союзникам. В рамках процесса, посвященно-

---

¹ Письмо О. Гиммлеру от 16.10.1942 г., Archiv IfZ MA 331; Помета Гиммлера от 21.10.1942 г., там же; Письмо О. к своей жене от 3.12.1943 г., NaOl; Dok. Buch I, Dok. 1f, 11, 15, 19, 30; Доклад О. 19.4.1944 г. на рабочем заседании региональных экономических ведомств, NaOl; Доклад О. на большом промышленном совещании 4.7.1944 г., там же.

го деятельности карательных групп СС (судебное дело 9), он выступил перед судом в ошеломляющей манере. Олендорф был по-прежнему непоколебимо уверен в истинности его мировоззрения и, следовательно, поступков. Суд никак не мог как следует понять личность этого «доктора Джекилла и мистера Хайда», как назвал его председатель военного трибунала, — заботливого отца семейства, честного экономиста, заботившегося об интересах среднего сословия, ставшего участником массовых убийств. В соответствии с действующими директивами 10 апреля 1948 г. суд приговорил «мистера Хайда» к смерти. 7 июня 1951 г. Отто Олендорф был казнен в Ландсберг/Лехе.

Себастьян Вернер

ВЕРНЕР БЕСТ – НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ИДЕОЛОГ

Д-р Вернер Бест, скончавшийся 23 июня 1989 г., не принадлежал к «старым бойцам» НСДАП, а воплощал современный тип национал-социалистического интеллектуала, который слишком охотно предоставил свои несомненно блестящие таланты на службу новым властителям. Кто был этот полный идей, владеющий пером юрист, который видел основы своего политического мышления воплощенными в принцип народности и рядом с Рейнхардом Гейдрихом сделал молниеносную и блестящую карьеру? Каким образом оберgruppenführer СС и специалист по вопросам управления Вернер Бест, который постоянно дистанцировался от национал-социалистического режима и его руководства, несмотря на это мог усердно трудиться на них за письменным столом?

Карл Рудольф Вернер Бест родился 10 июля 1903 г. в Дармштадте. Он был первым сыном почтового чиновника Георга Конрада Беста и его супруги Каролины. В августе 1914 г. их семья переехала в Гонесенгейм близ Майнца, где юный Вернер Бест до 1921 г. учился в гуманитарной гимназии. Хотя он принадлежал к поколению той молодежи, для которой «не повезло с от-

крытием войны», что было травмой его юности, как впоследствии охарактеризовал это состояние Бест, для которого мировая война стала решающим фактором воспитания. Одиннадцатилетний гимназист Вернер Бест рано проявил политическую сознательность и прежде всего проникся «ненавистью к французам». Юноша мечтал о том, чтобы, устроив тризну по отцу, павшему во Франции, сражаться за отечество. Так Вернер Бест стал «ярким националистом», который еще во время войны подпал под влияние Всегерманского союза. Крах 1918 г. и продолжавшаяся целых одиннадцать лет французская оккупация его родной Рейнской области стали вторым решающим событием в его юности. Жаждавший участвовать в молодежном движении, Вернер Бест одновременно сочувствовал «национальному движению», возникшему в неоккупированной Германии. Гимназист, которому исполнилось всего 16 лет, в 1919 г. вступил в Германскую национальную народную партию (ДНВП) и в том же году создал местную ячейку Германского национального союза молодежи.

Изучая юриспруденцию в тревожные годы, с 1921 по 1925 г., Вернер Бест активно участвовал в борьбе за освобождение Рура. Юный боец сопротивления, который за свою подрывную деятельность был дважды судим французским судом и полгода провел за решеткой, задался одной целью: «Снова сделать Германию свободной и сильной, сильнее ее исконного врага Франции»¹.

Годы спустя Вернер Бест описывал национализм как «внутреннее состояние», которое согласовывалось с действительностью, полной борьбы и напряженности, в котором пребывал мир: «Борьба — это необходимые, вечные задачи, цели борьбы обусловлены временем, они меняются вместе с ним. Поэтому успеха в борь-

---

¹ Institut für Zeitgeschichte (IfZ): *Вернер Бест. Воспоминания об оккупированной Франции в 1940—1942 гг.* Копенгаген, 1951.

бе достигнуть невозможно». Речь может идти лишь о «честной борьбе», а не о «благородной цели» или успехе. «Поэтому мерилом нравственности остается не ее содержание, не «что», а «каким образом», то есть форма. Так из реалистического одобрения действительности возникает героическая нравственность; по этой причине [...] внутреннее состояние, несущее в себе национальное чувство, воспринимается как героически-реалистическое начало»¹. Увлеченный студент-правовед, который нашел свою политическую родину в младоконсервативных антидемократических кругах и националистических объединениях, отрицал «индивидуалистическую и гуманитарную» конституцию Веймарской республики. Консервативно-революционно настроенный Бест противопоставлял ей «народную жизненную конституцию», на соблюдении которой должны быть ориентированы все основы человеческой воли и поступков. На осуществление его народных идей рассчитывал переведенный в 1927 г. в Гейдельбергский университет юрист посредством «революции сверху» с помощью рейхспрезидента, рейхсвера и национальных объединений. Возмущенный политикой ДНВП и «парламентского театра», в 1929 г. он вышел из партии и 1 ноября 1930 г. вступил в НСДАП. Сугубо национально ориентированный юрист, который до сих пор не посещал никаких национал-социалистических собраний, чувствовал, что его прежде всего привлекают экономическо-политические идеи северозападного крыла НСДАП. В программе «продуктивного кредитования» Грегора Штрассера он видел последнюю возможность преодолеть «смертельную опасность «прогрессирующей» безработицы».

¹ Вернер Бест. Война и право, в: *Ernst Jünger* (Hrsg.), *Krieg und Krieger*, 151—152.

Бест, который начиная с сентября 1929 г. выступал в качестве судебного заседателя в различных гессенских судах первой инстанции, впоследствии служил партии в качестве юрисконсульта при руководстве гау Гессен-Дармштадт. В этот период своей жизни ему пришлось считаться с отчаянным экономическим положением и напоминающими гражданскую войну беспорядками в рейхе, сопровождавшимися вооруженным восстанием коммунистов. «Если бы победил [...] большевизм, уничтожив прежнюю государственную власть и конституцию, — рассуждал Бест, — то всякий, кто не захотел бы признать владычества большевиков, оказался бы в их власти»¹. Летом 1931 г. он по своей инициативе составил своего рода каталог экстренных ситуаций на тот случай, если НСДАП «после устранения высших государственных властей и победы над коммуной в одном из регионов»² возьмет в свои руки политическую власть. В начале августа 1931 г. Бест предложил проект такой разработки своим товарищам по партии во время совещания, состоявшегося на хуторе Боксгеймер неподалеку от Бюрштадта. Его «экстренные требования», нацеленные на «бесцеремонный захват власти вооруженным путем» с помощью СА и региональных армейских частей, предусматривали смертную казнь за оказание сопротивления и владение оружием. Тайные планы Беста, направленные на национал-социалистический переворот, некоторое время спустя выдал один его прежний «партайгеноссе»; они были названы «Боксгеймеровскими документами» и послужили причиной самого большого политического скандала за всю осень 1931 г. Результат не заставил себя ждать, и Беста тотчас же уволили из гессенских судебных органов, обви-

¹ IfZ: *Werner Best*, «...wird erschossen». Die Wahrheit über das Boxheimer Document, 1932, 18.

² Ibid., 22.

нив его в государственной измене, однако вследствие недостаточности улик оправдали. По мнению партии, которая в это время стремилась прийти к власти сугобо легальными методами, чему он способствовал сам, после того как в ноябре 1931 г. его выбрали депутатом гессенского ландтага, он нанес ей большой ущерб. Тем не менее Гитлер протянул ему руку помощи. Как и для многих его современников, для Вернера Беста Гитлер в те годы оставался «последней надеждой немецкой нации». «Подлинный» Гитлер, по мнению Беста, до 1933 г. был все тем же Гитлером так называемого периода борьбы, который, как действующий пророк, убеждал его в истинности своих идей. Таким образом, события, связанные с «Боксгеймеровскими документами», ни в коем случае не означали конца политической карьеры Вернера Беста, а, напротив, послужили трамплином для его блестящей карьеры после 1933 г., сделав Беста известным самым широким партийным кругам.

В начале 1933 г. Вернер Бест вернулся на государственную службу. 13 марта правительство земли Гессен назначило его на должность «государственного комиссара по вопросам полиции». Теперь Бест мог приступить к осуществлению своих представлений о народном государстве, руководимом фюрером. «Высочайшей жизненной ценности» сохранения народа следует посвятить все остальные ценности, в том числе и отдельные жизни, которыми, «если нужно, можно и пожертвовать»¹. Тому, кто так думает, нетрудно теоретически узаконить наличие полицейского государства и предварительного заключения. «Всякая попытка создать иную политическую систему, — полагал юрист, — или же только оправдать ее должна рассматриваться как проявление болезни, которая угрожает здоровью цело-

¹ *Werner Best, Die Deutsche Polizei, Darmstadt 1941, 18.*

го народного организма, независимо от субъективной воли ее переносчика. Политическая полиция, — полагал он, — является организацией, которая внимательно следит за состоянием политического здоровья немецкого народа, своевременно устанавливает каждый симптом болезни, выявляет [...] опасные микробы и всеми доступными средствами ликвидирует их [...], не прибегая к каким-то особым законодательным мерам»¹. Наряду со знатоком национал-социалистического права Хансом Франком Вернер Бест стал одним из ведущих юристов и специалистов по конституции в Третьем рейхе. Касательно фразы правоведа Карла Шмитта «Фюрер защищает право», Бест выразил свое мнение: «Право творит и изменяет действовавшее до этого право по воле руководства, независимо от того, в какой форме она выражается [...]». Является ли Гитлер высшим выразителем этой воли, действовал ли он при этом справедливо или нет, юриста не интересовало. «Вопроса о справедливости не стояло, стоял вопрос о судьбе», как единственно имеющий значение для истории². В качестве государственного комиссара в марте 1933 г. он направил в «Гессенское полицейское ведомство» в Дармштадте самостоятельное управление политической полиции. 10 июля от имперского управляющего в Гессене Бест получил звание «земельного полицей-президента» и тотчас возглавил отдел Ia (полиция) гессенского МВД. Вернер Бест в возрасте 30 лет стал правительственным советником и унтерштурмфюрером СС, членом которых он стал в ноябре 1931 г.

Однако вскоре молодой и неизменно прагматично мыслящий полицей-президент поссорился с гессенским гауляйтером и имперским наместником Якобом

---

¹ *Werner Best, Die Geheime Staatspolizei, in: Deutsches Recht 7/8 (1936), 126.*

² *Werner Best (Anm. 5), 21 und 27.*

Шпренгером. Последнему не понравилась та предметно-критическая дистанция, на какой Бест держался относительно различного рода просьб партии. В начале сентября 1933 г. «за непослушание» он был смещен с должности и уволен с государственной службы. Вновь впавший в немилость специалист по вопросам управления познакомился в это время с Генрихом Гиммлером, который был занят тем, что хотел объединить полицейские управления отдельных земель. Предложение Гиммлера создать такую объединенную имперскую полицейскую службу пришлось по душе Вернеру Бесту. Отныне с рейхсфюрером СС у Беста завязались такие же доверительные отношения, как и с Гитлером. Гиммлер познакомил Беста с оберфюрером СС Рейнхардом Гейдрихом, который в качестве руководителя «Службы безопасности рейхсфюрера СС (СД)» подыскивал юристов, которые обладали бы специальными знаниями, связанными с управленческой наукой, и могли бы помочь ему при создании еще не оперившейся в 1933 г. СД. Теперь Вернер Бест принадлежал к исключительному кругу молодых интеллектуалов СД, которые в качестве мыслящих юридическими категориями ученых должны были возглавить «мировоззренческую борьбу» руководимой партией политической разведывательной службы. Прежде чем возглавить отдел имперской полиции, находясь в Штутгарте, он возглавлял Юго-Западное управление СД. После этого Бест, которому присвоили звание гауптштурмфюрера СС, согласно пожеланию Гиммлера, предпринял первые шаги к объединению в рамках рейха земельных полицейских управлений. В марте 1934 г. он принял на себя обязанности по организации Южного управления СД в Мюнхене. В качестве руководителя местного управления СД он был непосредственно замешан в осуществлении акций во время так называемого путча

Рёма. Хотя меры, которые ему было приказано провести в связи с этой «несчастной датой» 30 июня 1934 г., как отозвался о ней Бест после войны, не соответствовали его представлениям о правовых принципах, будучи «национально мыслящим» юристом, он придерживался «того мнения, что во время чрезвычайного положения, объявленного в государстве, правомерны любые действительно необходимые меры»¹. Для своего непосредственного начальника Рейнхарда Гейдриха, благодаря исключительным профессиональным знаниям и организаторским способностям, Бест оказался поистине незаменим.

В сентябре 1934 г. Вернер Бест, получивший чин оберштурмбаннфюрера СС, последовал за Рейнхардом Гейдрихом в Берлин, чтобы служить в прусском ведомстве государственной тайной полиции (гестапо). В течение следующих пяти лет ему пришлось стать ближайшим, но в то же время самым неудобным сотрудником Гейдриха. В гестапо Бест возглавлял Управление I (администрация и право) и в начале 1935 г., в качестве комиссара, руководил также Управлением III (разведывательная полиция), которое возглавлял до 1939 г. Занимая подобное положение, а также возглавляя отдел административного управления и права созданного в 1936 г. Главного управления полиции безопасности при имперском МВД, Бест теоретически и практически занимался созданием полицейского аппарата Третьего рейха. Хотя гестапо не только прибегало к методам физического насилия, но также действовало как «полиция, контролирующая образ мыслей», желая при этом располагать неограниченными человеческими ресурсами, оно отнюдь не представляло собой для Беста «преступную организацию». Будь такое определение справедли-

---

¹ IfZ: *Werner Best, Schreiben an den Generalsanwalt in München vom 18.6.1951, 11.*

во, то, основываясь на выводах одной из многочисленных апологетических работ Беста, появившихся после войны, его можно было бы назвать «пропагандистской фальшивкой». Ведь, по мнению адвоката методов гестапо и заместителя Гейдриха, действия полиции никогда не были противоправными, поскольку они основывались на приказах начальства, вплоть до высшего руководства: «Пока полиция выполняет волю руководства, она действует согласно закону»¹. В эти годы в своих многочисленных статьях Вернер Бест оправдывал тоталитарную практику «национал-социалистического государства, руководимого фюрером», включая процесс централизации всей германской полиции, который он называл «огосударствлением», — объединение полиции с СС, нацеленное на придание полиции статуса государственного института. Бест оправдывал и всемогущество гестапо, которое, являясь одним из независимых инструментов внутреннего управления, осуществляющих власть фюрера, согласно закону свободно от любого правового контроля и при исполнении «воли фюрера» не требует никакого дополнительного законного подтверждения.

После того как в июне 1936 г. Гиммлер стал также шефом немецкой полиции и, по существу, единственным руководителем полицейского аппарата, Бест заявил: «Немецкая полиция под руководством рейхсфюрера СС стала точкой пересечения движения и государства»². Она перестала действовать как чисто охранительный орган государства и отныне перешла в наступление для того, чтобы «исполнять волю государственного руководства, а также создавать и поддержи-

---

¹ IfZ: *Werner Best*, Die Gestapo, 26.

² *Werner Best*, Der Reichsführer SS und Chef der Deutschen Polizei, in: *Deutsches Recht* 13/14 (1936), 238.

вать нужный ему порядок»¹. При этом задача государственной полиции должна заключаться в том, «чтобы выявлять врагов государства, наблюдать за ними и в нужный момент обезвреживать»², а также бороться и подавлять любую деятельность, сознательно направленную на нарушение «народного порядка», даже в том случае, «если она не нарушает или еще не нарушает внешний порядок»³. Превентивная охрана «народного порядка» называется «осуществлением предупредительных мер», и Бест показал, каким образом можно работать, обходясь без судебного разбирательства, руководствуясь лишь распоряжениями о предварительном аресте. В качестве правовых основ предварительных мер по предотвращению преступлений с помощью полиции он снова опирался на народное восприятие права как государственными учреждениями, так и отдельными гражданами, которые видели в них «органы народа», которые «действовали в интересах народного порядка и согласно установленным руководством правилам достижения народных целей». Эти «органы» работали также и в целях предотвращения преступлений. При этом активную роль играла полиция, а «пассивную — преступник, по отношению к которому принимались предварительные меры».

В качестве руководителя Административного управления зипо Вернер Бест принимал участие в проведении мер, направленных против евреев. В сентябре 1938 г. власти германского рейха велели на все паспорта, владельцами которых были евреи, наклеить большую красную букву «Е». Циркуляр, требовавший эту меру, датированный 5 октября 1938 г., был подписан

¹ *Heinrich Himmler, Aufgaben und Aufbau der Polizei des Dritten Reiches*, in: Dr. Frick und sein Ministerium, München 1937, 128.

² *Werner Best (Anm. 6)*, 126.

³ *Werner Best (Anm. 5)*, 29.

чиновником центрального аппарата д-ром Бестом. Уже в 1931 г. в своих «Боксгеймеровских документах» он требовал особого отношения к евреям, которых он называл «чужеродными элементами» в отличие от немецких «сограждан». Позднее, став руководителем военной администрации Франции, Вернер Бест в известной степени нес ответственность за меры, направленные против евреев. Однако его нельзя назвать фанатическим ненавистником евреев типа Юлиуса Штрайхера или Йозефа Геббельса, поскольку антисемитизм не был составной частью его национального мышления. В то же время он не боялся узаконивать уничтожение народов, хотя он и не уточнял, каких именно, определенно имея в виду еврейский народ: «Уничтожение и вытеснение чуждых нам народов не противоречит [...] законам жизни в том случае, когда они осуществляются целиком».

После войны Вернер Бест охотно называл себя «типичным чиновником» и в то же время не склонным к политике «сторонником объективности», который, исполняя свой долг, разрабатывал основные принципы и персональную политику. Однако именно благодаря его персонально-политическим решениям он не пользовался расположением своего начальника Гейдриха. Несмотря на сопротивление своего шефа Бест твердо придерживался принципов кадрового чиновничества и тем самым препятствовал стараниям Гейдриха политизировать администрацию своей империи посредством «революционной динамики» убежденных товарищей по партии. Гейдрих относился к независимо работавшему Бесту с его юридическим образом мышления как ко все более неконтролируемому лицу и наблюдал за ним с растущим недоверием. С гармоническим сотрудничеством у них ничего не получалось, тем более что Бест наводил на многие размышления и тем самым ста-

новился все большим тормозом для беспринципного руководителя зипо и СД.

Хотя, вне всякого сомнения, Вернер Бест был убежденным национал-социалистом, при всех его теоретических устремлениях к народному государству, руководимому фюрером, в нем «оставалась малая толика юриста, позволявшая ему сохранять нормальное мышление»¹. Так, в 1939 г. в одном из меморандумов, предназначенных для Гимmlера и Гейдриха, он осудил вторжение в Прагу. Ему было непонятно, зачем Гитлеру понадобилось подмять под себя чехов; этот шаг противоречил его народному восприятию жизни, которое он всегда считал «основой национал-социализма». Он также критиковал в одной из опубликованных в 1942 г. работ спесь расы господ, присущую нацистскому режиму: «В соответствии с законами жизни [...] существование каждого народа признается, как самоцель жизни» и народ этот имеет право на существование наряду со всеми другими народами. Исторический опыт показал, что все «господствующие» народы, которые вообразили себя владыками поработощенных народов, в конце концов погибали от «смешения крови»².

Несмотря на подобного рода убеждения и часто высказывавшуюся им критику «антинародной» политики Гитлера на чиновнике центрального аппарата и бригаденфюрере СС Вернере Бесте, как руководителе одного из ведомств РСХА, лежит значительная вина за преступления, совершенные немцами в Польше в начале Второй мировой войны. В этой связи в конце 1960-х гг. берлинская прокуратура обвинила его, как руководи-

---

¹ *Heinz Höhne, Der Orden unter dem Totenkopf. Die Geschichte der SS, München 1984, 170.*

² *Werner Best, Herrenschicht oder Führungsvolk, in: Reich, Volksordnung, Lebensraum — Zeitschrift für völkische Verfassung und Verwaltung, Bd. 3 (1942), 139—140. Aufsatz anonym veröffentlicht.*

ля ведомства I (организация, администрация и право), в создании «карательных отрядов полиции безопасности» во время немецко-польской войны, одним росчерком пера приговорившего к смерти 8723 польских евреев, священников и деятелей культуры.

Вернер Бест, который, благодаря его теоретическим изысканиям и свойственному ему таланту претворять их в практику, способствовал созданию политической полиции Третьего рейха и прежде всего помог приходу к власти своим начальникам в критические начальные годы, теперь был потеснен в РСХА и в конце мая 1940 г. покинул ряды этой организации. Почти семь лет он проработал рядом с Гейдрихом, тщетно пытаясь заручиться личной дружбой своего более молодого руководителя. Однако отношения между Бестом и Гейдрихом с годами по сугубо личным причинам настолько ухудшились, что Гейдрих в неприятном «отщепенце» почувствовал конкурента и стал его ненавидеть.

После того как 36-летний Вернер Бест летом 1940 г. окончил двухмесячные курсы по подготовке пехотинцев, в августе того же года Верховным командованием сухопутных сил он был назначен начальником административного отдела при штабе «командующего войсками во Франции» в Париже. Отдел Беста занимался вопросами организации и деятельности местной администрации в оккупированной части Франции. Помимо наблюдения за полицией на его отделе лежала обязанность подавлять французское движение Сопротивления.

Благодаря его деятельности во Франции Вернер Бест изучил проблемы администрирования оккупированной страны и поэтому предложил свою кандидатуру на вакантный пост имперского уполномоченного в Дании. После его перехода в ведомство иностранных дел в начале 1942 г. Бест занял эту должность. Новый импер-

ский уполномоченный и представитель МИДа в Копенгагене с помощью политики «мягкой руки» хотел осуществить свою концепцию немецкой «наблюдательной администрации» в условиях наименьших персональных и организационных расходов. Бест сомневался в успехе оккупационной политики, основанной лишь на жесткости, и верил, вполне в духе свойственного ему народного мировоззрения, «что продолжительное руководство не может осуществляться без или против воли управляемого населения»¹. В конце концов, согласно мнению «главного управления СС» датчане должны войти в состав «германского сообщества». Поэтому, проводя прагматическую, характеризующуюся разумностью и предусмотрительностью оккупационную политику, Бест избегал всякого рода излишних ущемлений суверенитета страны. Однако попытка осуществить примирительную и основанную на взаимопонимании политику и тем самым подтвердить немецкую позицию в «образцовом протекторате» Дания, ему не удалась. Поскольку после поражений немецких войск в 1943 г. движение Сопротивления в Дании становилось все более организованным, а количество актов саботажа постепенно росло, появилась угроза, что примирительная политика Вернера Беста «буквально взлетит на воздух». Правда, он все равно пытался найти политическое решение проблемы и даже вступил в конфликт с «Главной квартирой фюрера». Гитлер принудил своего имперского уполномоченного к принятию «жестких мер» и приказал осуществлять контртеррор по отношению к участникам датского движения Сопротивления, за одного уничтоженного немца ликвидируя пятерых датчан. Бест выступил против этого решения из политических соображений. Он не верил, что подобного

---

¹ Ibid., 140.

рода акты возмездия смогут испугать «террористов» и «сообщников союзников» и помешать им проводить дальнейшие акты саботажа; они только настроят датское население против немецких оккупационных властей. После того как в конце августа 1943 г. в связи с увеличившимися актами саботажа в Дании было объявлено военное положение и датское правительство подало в отставку, честолюбивая политика сотрудничества Беста, похоже, в конце концов дала сбой. Для него «Дания — этот политический конь для парадов» приказал долго жить, как пожаловался Гиммлеру Бест.

Одновременно с объявлением военного положения в Дании ведомство иностранных дел подняло вопрос о датских евреях. До сих пор Бест проявлял недостаточный интерес к этой проблеме и неоднократно отговаривал руководство от проведения акции в отношении евреев, поскольку такой шаг повредит его политике взаимопонимания с датчанами. Несмотря на это в январе 1943 г. Бест призвал к «последующему тотальному разрешению еврейского вопроса в Дании» вслед за «систематическим отстранением» всех евреев от общественной жизни и немецко-датскому товарообороту. 8 сентября 1943 г. Бест все-таки предложил имперскому министру иностранных дел фон Риббентропу использовать военное положение для «разрешения еврейского вопроса» в Дании. Имперский уполномоченный в той же телеграмме указал на негативные в политическом отношении результаты такого рода мер. С помощью такой сложной двойной игры, как утверждал Бест после войны, он хотел помешать «реакции евреев». Хорошо известно лишь то, что Бест, после того как 17 сентября 1943 г. Гитлер отдал окончательный приказ о депортации датских евреев, 28-го числа того же месяца информировал уполномоченного по вопросам судоходства Георга Фердинанда Дуквица о дате предстоящей

акции. Какая причина побудила Беста сделать этот шаг и какую роль сыграл он на подготовительном этапе «еврейской акции» в Дании, как и прежде, остается невыясненным. Однако некоторые данные указывают на то, что Бест воспрепятствовал проведению «еврейской акции» или по крайней мере отодвинул ее на более поздний срок из-за того, что РСХА предоставило ему недостаточное количество полицейских, вследствие чего он опасался, что это повредит успешному проведению операции¹.

Во всяком случае, благодаря предупреждению Беста относительно «окончательного решения еврейского вопроса», о котором Дуквиц сообщил датским и шведским кругам, оно провалилось. Благодаря помощи датчан в начале октября 1943 г., в результате беспрецедентной спасательной операции, удалось доставить в Швецию большую часть из 7000 евреев. Однако в глазах Вернера Беста цель «еврейской акции» была достигнута. «Начиная с сегодняшнего дня можно считать, что Дания очищена от евреев»², — докладывал он 2 октября 1943 г. в Берлин.

Своей гибкой политикой сотрудничества, которую он до того времени использовал и при проведении «имперской линии», Вернер Бест уберег датчан от многих трудностей и неприятностей. На открытое противостояние Бест решиться не мог, однако, принимая собственные меры, он саботировал многие попытки центральных имперских властей повлиять на судьбу этой страны.

---

¹ Vgl. *Tatiana Brustin-Berenstein: The Historiographic Treatment of the Abortive Attempt to Deport the Danish Jews*, in: *Yad Vashem Studies* (1986), 181—218.

² Tel. Best Nr. 1189 vom 2.10.1943, in: *Siegfried Matlok* (Hrsg.), *Dänemark in Hitlers Hand*, Husum 1988, 302.

В 1948 г. Копенгагенский городской суд приговорил Вернера Беста к смертной казни, но уже два года спустя третья инстанция изменила приговор, осудив его на 12 лет тюремного заключения, и уже в 1951 г. он был освобожден. Вернувшись в ФРГ, он работал в эссенской прокуратуре у своего бывшего соратника Эрнста Ашенбаха. С 1953 г. до начала 1960-х гг. Бест служил юрисконсультom в концерне Стиннеса. Лишь в процессе расследований деятельности бывших ведущих чиновников РСХА в 1969 г. берлинская прокуратура возбудила против него дело по подозрению в участии в карательных действиях айнзац-групп в Польше и арестовала его. Однако после трехлетнего разбирательства в 1972 г. Бест снова был выпущен на свободу в связи с «возрастными заболеваниями». В конце 1983 г. высший земельный суд Дюссельдорфа окончательно прекратил судебные разбирательства против него вследствие «неспособности подсудимого принимать участие в судебном разбирательстве».

Кэрон Кэдл

КУРТ ДАЛЮГЕ – ПРОТОТИП ЛОЯЛЬНОГО НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТА

Курт Далюге, оберстгруппенфюрер СС и начальник полиции порядка, был представителем среднего до высшего звена функционеров, который способствовал созданию и укреплению Третьего рейха. Своего положения он добился благодаря тому, что стал одним из первых и ревностных сторонников национал-социалистического мировоззрения, был целиком предан Адольфу Гитлеру, много работал, бесцеремонно расправлялся с противниками и обладал даром оказываться в нужное время на нужном месте. Однако его бестактность, склонность легко поддаваться чужому влиянию и переоценка собственных сил наряду с другими факторами привели его к неожиданному падению.

Далюге родился 15 сентября 1897 г. в Кройцбурге (Верхняя Силезия) в семье чиновника средней руки — земельного оберинспектора по вопросам мелиорации. Его волевой отец внушил сыну свои антисемитские воззрения и обостренное чувство национализма. В отличие от тех подростков, которые видели в своих родителях подходящих друзей, юный Далюге искал товарищей в рабочей среде. Он ненавидел престижную реальную гимназию, в которую его отправили учиться

и где его неизменно спрашивали прежде всего: «Кто твой отец?»¹. Он примкнул к молодежному движению «Перелетные птицы», привлеченный его отрицанием «бесплодной» современной культуры, акцентированием «натуры» и стремлением создать «бесклассовое» общество и возродить культуру, уходящую корнями в немецкую народность. Высокий, атлетически сложенный и энергичный, он стал одним из руководителей «Перелетных птиц». В Первой мировой войне он участвовал в качестве добровольца, был награжден за храбрость и успешно учился в офицерской школе. Однако, тяжело раненный в апреле 1918 г., он шесть месяцев пролежал в лазарете и получить офицерский чин не сумел. Военный опыт научил его интересы группы ставить выше собственных интересов и на всю жизнь выработал в нем стремление к «фронтовому братству», к обществу людей, которые вместе с ним побывали в опасных ситуациях.

Лежавший в лазарете во Франкфурте-на-Одере, Далюге был огражден от фронтовых реальностей, и поэтому поражение Германии явилось для него шоком. Он примкнул к «Организации самообороны Верхней Силезии» (ОСВС), одной из многих полувоенных группировок (Добровольческих корпусов), которые возникли для того, чтобы бороться с большевизмом и тиранией держав-победительниц. Одновременно он работал целый день на машиностроительной фабрике. Его роль как руководителя ОСВС в 1918—1921 гг. во время постоянных стычек между национальными группировками в Верхней Силезии, которую вновь образованное польское государство вздумало аннексировать, завершилась сражением под Аннабергом (май 1921 г.), во время которого коалиции немецких добровольческих

---

¹ Курт Далюге, автобиографические высказывания (б. д.) 1945. С. 1. Daluge Biographical File I, National Archives, Washington, D.C.

корпусов удалось сорвать последнюю попытку поляков силой захватить этот регион. После этого Далюге отправился в Берлин, где стал изучать подземное строительство в Технической высшей школе в Шарлоттенбурге. Одновременно он возглавил берлинское отделение добровольческого корпуса Росбаха.

В ноябре 1922 г. Далюге оставил добровольческий корпус и вступил в авторитарный, антисемитский «Немецко-национальный союз защиты и наступления» — прусское подобие «Национал-социалистической немецкой рабочей партии» (НСДАП), которая отличалась более жесткой организацией и ставила перед собой более четко сформулированные цели. В начале 1923 г. он встретил в Мюнхене руководителя НСДАП Адольфа Гитлера. На него произвели большое впечатление речи и личность Гитлера, и он стал безусловно преданным ему человеком. Во время гитлеровского «Пивного путча» в ноябре 1923 г. вместе с тремя десятками людей Далюге ждал в Берлине телефонного звонка из Мюнхена. Ждал напрасно. Чтобы обойти запрет, наложенный на НСДАП, вместе с рядом единомышленников Далюге основал новую полувоенную организацию — берлинский «Фронтбанн». Это был псевдоним, придуманный для того, чтобы избежать роспуска «партийной армии» НСДАП, частей СА, созданных в Баварии.

Начиная с 1923 г. членов «Фронтбанна» можно было постоянно видеть на берлинских улицах: они нападали на евреев и иностранцев, устраивали демонстрации против Веймарской республики, вступали в ожесточенные стычки с социал-демократами и коммунистами. Появились жертвы. Самого Далюге после одной из таких стычек сочли мертвым. Несмотря на непрерывную политическую деятельность, в 1924 г. он смог сдать экзамен на дипломированного инженера по подземному строительству, жениться на члене национал-

социалистической партии Кете Шварц и до января 1933 г. целыми днями работать инженером.

Возникновение новой НСДАП в начале 1926 г. раскололо берлинский «Фронтбанн», количество членов которого выросло до 2000 человек. Лишь 450 человек из них решили официально вступить в НСДАП в качестве берлинских СА (в их создании 26 марта 1926 г. участвовал Далюге). Число берлинских СА, их агрессивность и нелады с берлинским партийным руководством (где заправляли братья Грегор и Отто Штрассеры, которых Далюге считал чересчур «кроткими») быстро усиливались. Дело дошло до раскола, и 9 ноября 1926 г. Гитлер назначил Йозефа Геббельса гауляйтером Берлина. Затем Далюге выдвинул собственную кандидатуру, но впоследствии вместе со своими СА подчинился Геббельсу.

Геббельс решил использовать берлинские СА, к тому времени насчитывавшие несколько тысяч человек, для того чтобы склонить Берлин на сторону НСДАП, сочетая слово (памфлеты, плакаты, выступления и т.д.) и дело (заранее спланированные марши протеста, демонстрации, собрания и насильственные действия). Они также служили для охраны выступавших. В 1927 г. Далюге стал посредником в ожесточенной перепалке между Геббельсом и Отто Штрассером и тем самым смог предотвратить дальнейший раскол в берлинской организации НСДАП. Несмотря на рост его значения, при реорганизации СА на имперском уровне в 1928 г., Далюге все же не получил чина оберфюрера одного из семи округов СА. Возможной тому причиной был тот факт, что его работа инженера оставляла ему слишком мало времени для службы в СА, но, быть может, его холерический темперамент или порой наивность, за которую получил прозвище «олух». Обиженный Далюге снова занял пост руководителя берлинских СА

и в течение полугода держался в стороне от активной службы. В июле 1929 г. его наконец включили в состав имперского руководства СА. Однако он получил лишь почетную должность фюрера СА «для особых поручений» (эвфемизм, означавший, что он может обладать значительной властью, чего в действительности он не имел).

В начале 1930 г., как и многие другие «старые бойцы» СА, Дально почувствовал холодок по отношению к нему. Из-за мирового экономического кризиса в рядах СА появилось много людей, которых совершенно определенно привлекала партийная кормушка, а не сама партия. Вальтер Стеннес, бывший харизматический офицер добровольческого корпуса, которого Дально продвинул по службе и назначил оберфюрером СА зоны Ост (Берлин), упрекнул НСДАП в том, что она «обуржуазилась», построила новую роскошную партийную канцелярию вместо того, чтобы как следует платить штурмовикам. Он потребовал включить в партийные списки кандидатов в депутаты рейхстага и ландтагов имена фюреров СА. Для того чтобы уравновесить уход Стеннеса, Гитлер поручил Дально возглавить берлинские СС — в то время небольшой элитарный отряд личной охраны. Под руководством Гиммлера, в 1929 г. ставшего рейхсфюрером СС, части СС полностью преобразовались. Подчеркивание ими своей элитарности и абсолютной преданности Гитлеру было по душе Дально. Он оставил ряды СА и 25 июля 1930 г. вступил в СС. Находясь в полной независимости от Гиммлера, из берлинских СС он создал организацию тайной службы НСДАП для слежки за внешними противниками и СА, целиком преданную партии боевую группу.

Перед самыми выборами в рейхстаг в сентябре 1930 г. Стеннес организовал забастовку СА против НСДАП, чтобы заставить Гитлера увеличить жалование

штурмовикам и наделить фюреров СА большей властью. Семь месяцев спустя, в апреле 1931 г., во время так называемого «путча Стеннеса» он попытался сделать СА Северной и Восточной Германии независимыми от партии. Во время обоих кризисов берлинские СС Далюге оставались верными Гитлеру, хотя им и не удалось спасти все партийное имущество от нападков превосходивших их числом штурмовиков. После мятежа Гитлер присвоил Далюге тот же чин в СС, какой имел в СА Стеннес. После того как во время «путча» у Стеннеса кончились деньги и большинство сторонников оставили его, берлинским эсэсовцам наконец-то удалось нанести ответный удар, вернуть утраченное партийное имущество и посчитаться с противниками.

«Путч Стеннеса» укрепил положение Далюге в глазах Гитлера и обозначил начало его карьеры. В один момент, когда засомневались (совершенно напрасно) в лояльности даже Йозефа Геббельса, Далюге проявил себя абсолютно преданным бойцом. Гитлер назвал его «мой отважный Курт» и написал ему хвалебное письмо, заканчивавшееся словами: «Эсэсовец, Твоя честь зовется верность»¹. Впоследствии Гиммлер велел выбить на пряжках поясных ремней эсэсовцев надпись: «Моя честь зовется верность». В 1932 г. Далюге не только получил чин группенфюрера СС (что соответствовало генерал-майору), но и стал депутатом прусского ландтага. В ландтаге он был членом «Чикаго» и полицейского комитета (последний вскоре стали в шутку называть «комитетом Далюге»). Занимая такую должность, он использовал информацию, собранную значительно разросшимися кадрами берлинских СС, позволившую производить расследования фактов кор-

---

¹ *Heinz Höhne, Der Orden unter dem Totenkopf, Gütersloh, S. 62—67.* (Указанная дата вступления Далюге в СС неточна.)

рупции и жестокости полиции. Эти факты он применял в пропагандистских целях, разжигая ненависть к евреям и Веймарской республике. Кроме того, в газетных статьях и выступлениях Далуге энергично выступал за назначение Гитлера рейхсканцлером.

После прихода Гитлера к власти Далуге, которого тревожили полчища рвущихся к власти партайгеноссе, устремившихся в Берлин, обратился к Герману Герингу, ставшему наиболее могущественным лицом в Пруссии, чтобы получить должность. По совету Геринга он использовал акты берлинских СС для того, чтобы очистить от «нежелательных элементов» фирмы и полицию. Утверждают, будто бы Далуге вместе с Герингом участвовал в заговоре с целью поджога Рейхстага. Однако эта гипотеза однозначно противоречит фактам: Далуге, как и Геринг, верил в предстоящее коммунистическое восстание и использовал поджог Рейхстага как повод для того, чтобы арестовать или ликвидировать многих лиц, которые были внесены в заранее составленные «черные списки».

11 мая 1933 г. Геринг назначил Далуге начальником прусской полиции, а Далуге, в свою очередь, помог Герингу превратить политическую полицию Пруссии в личный инструмент власти. Однако это пришлось не по вкусу рейхсфюреру СС Гиммлеру, который хотел контролировать всю имперскую полицию и был убежден, что Гитлер в конце концов согласится с его планом прекратить постоянные стычки между конкурирующими органами полиции как на региональном, так и на имперском уровне.

Гиммлер попытался вразумить Далуге. Однако последний упирался, поскольку отныне стал фактически независим от рейхсфюрера. В результате ловких манипуляций своих сотрудников и влекомый собственным тщеславием, Далуге попытался использовать связи с

Гитлером, Герингом и другими лицами для того, чтобы самому возглавить имперскую полицию. В марте 1933 г. он даже отказался принять приехавшего к нему из Мюнхена в качестве посланника Гейдриха — «правую руку Гиммлера». Гиммлер решил сместить Далюге с поста руководителя берлинских СС, чтобы заполучить находящиеся у них документы. Далюге ответил возмущенным письмом, в котором отметил, что пользуется особым расположением Гитлера.

Однако в декабре 1933 г. Далюге стал замечать, куда дует ветер. Министр внутренних дел Вильгельм Фрик тоже стремился заполучить контроль над всей имперской полицией, и постоянная борьба за власть создала в полицейских управлениях невыносимую атмосферу интриг. Положение усложнялось тем, что Эрнст Рём, начальник штаба СА, и его многочисленная организация становились непокорны и предъявляли к Гитлеру свои требования. Основываясь на опыте отношений со Стеннесом, Далюге, должно быть, догадывался, что Гитлер использует гиммлеровские части СС для того, чтобы устранить опасность, исходившую от СА. Он начал заигрывать с Гиммлером, причем в начале 1934 г. помог перевезти штаб-квартиру СС из Мюнхена в Берлин и снабдил рейхсфюрера СС материалом, который тот собирал против Геринга.

В апреле 1934 г. Геринг передал прусскую тайную государственную полицию в руки Гиммлера и Гейдриха, которые создали единую политическую полицию для всего рейха — гестапо. Несколько недель спустя Далюге, с согласия Гиммлера и Фрика, стал шефом остальной полиции Германии. Несмотря на это сближение с Гиммлером, Далюге не был посвящен в планы, направленные против СА, которые разрабатывали Геринг, Гиммлер и Гейдрих. Возможно, они не хотели, чтобы успех предприятия был приписан и ему; возможно так-

же, они опасались, что он станет просить Гитлера пощадить его старых товарищей-штурмовиков. 30 июня 1934 г. Далюге растерялся и возмутился тем, что Геринг через его голову распоряжался частью подчиненных ему полицейских отрядов. Впоследствии, когда он узнал о масштабе кровавой бани, то подумал, что хотели покончить и с ним. Находясь под этим впечатлением, он обратился к тайным организаторам «путча Рёма». Узнав, к своему облегчению, что его жизни ничто не угрожает, Далюге решил, что его прежние друзья действительно затеяли опасный заговор против Гитлера. Оробевший было Далюге снова воспрял духом, когда Гитлер, в обход Гиммлера, присвоил ему чин обергруппенфюрера СС. Он заключил союз с Фриком, который все еще надеялся убедить Гитлера назначить Далюге шефом всей немецкой полиции, включая гестапо, которому поручается и контроль над рейхсминистром внутренних дел.

Далюге представил этот план Гитлеру в феврале 1936 г. Но, поскольку 17 июня 1936 г. была создана единая немецкая полиция, фюрер назначил ее шефом Генриха Гиммлера. Однако фюрер настоял на том, чтобы Далюге был номинальным заместителем Гиммлера и руководителем одного из двух вновь созданных управлений полиции, а именно полиции порядка (орпо). Таким образом, отныне под его началом находились все полицейские и пожарные части Германии. Однако Далюге пришлось уступить криминальную полицию Гейдриху, поскольку его полиция безопасности (зипо) включала криминальную полицию и гестапо. Тем самым Гейдрих получил большую власть, чем Далюге, хотя последний был выше чином. Этот относительный успех Далюге поразил многих. В марте 1936 г. его поразил инфаркт, вызванный врожденным сифилисом. В кругах СС ходили слухи, что бездетный Далюге в 1937 г. был объяв-

лен врачами бесплодным, с тем чтобы его жена могла взять приемного сына. После этого Кете Далюге смогла произвести на свет троих собственных детей, после чего разговоры о его импотентности стихли. Однако гипотеза, что болезнь подействовала на его душевное здоровье, существовала долгое время.

Желая доказать, что он вполне трудоспособен, Далюге работал изо всех сил над организацией и модернизацией орпо. Благодаря его хорошим отношениям с Гитлером Гиммлер поручил ему во время ежегодного финансирования выбивать деньги не только для орпо, но и для зипо. Далюге принимал участие в перевооружении Германии. Начиная с 1933 г. он создал воинские части, замаскированные под региональных полицейских, которые в 1935 г. влились в состав вермахта. Теперь он располагал батальонами орпо, которые ничем не отличались от вермахта.

Перед аннексией Австрии, Судетской области и «остальной Чехии», а также перед нападением на Польшу и Россию Далюге разработал точные планы, в рамках которых частям орпо предписывалась определенная роль. Подразделения орпо выполняли полицейские задачи, охраняли пленных, захваченное добро и «усмиряли» гражданское население, причем подавляли сопротивление с помощью «вспомогательной полиции», которая набиралась из местных национальных меньшинств, недовольных прежней властью, вооружалась, а затем распускалась или систематически использовалась для того, чтобы ликвидировать евреев и других неугодных штатских. Части орпо в Восточной Европе пользовались дурной славой. Уже в феврале 1940 г. командование немецких войск потребовало вывести из Польши все соединения орпо и заменить их другими частями. На территории рейха орпо выполняли такие задачи, как охрана угнанных на принудительные рабо-

ты рабочих и военнопленных, обслуживание зенитных батарей и расчистка развалин после бомбардировок. В феврале 1943 г. части орпо насчитывали почти 3 млн человек.

Подразделения орпо принимали активное участие в холокосте. Перед войной Далюге, как убежденный антисемит, выступал за неукоснительное применение Нюрнбергских законов. Он участвовал в планировании и разработке погромов во время «Хрустальной ночи», а также в последовавшем разграблении имущества немецких евреев. В октябре 1941 г. он подписал первый приказ о депортации немецких евреев в Польшу. С этого момента орпо занялись геноцидом, в Германии и оккупированной Европе сгоняя евреев с их нажитых мест. Начиная с 1941 г. батальоны орпо систематически расстреливали сотни тысяч евреев и других «нежелательных лиц»¹.

27 мая 1942 г. в Праге было произведено покушение на Гейдриха, который был не только шефом зипо, но и заместителем рейхспротектора Богемии и Моравии. Далюге и Гейдрих успели договориться, что если с одним из них что-то случится, то второй сохранит его пост в руках СС (Гейдрих, который был моложе и во всех отношениях более подходящим, рассчитывал первым воспользоваться этой договоренностью). Далюге полетел в Прагу, и Гитлер назначил его временно исполняющим обязанности рейхспротектора. Таким образом, он стал могущественнейшим лицом в Богемии и Моравии, поскольку номинальный рейхспротектор, барон Константин фон Нейрат, впал в немилость и был

---

¹ Новое убедительное описание казни или депортации около 83 000 евреев при посредстве одного батальона орпо приводит Кристофер К. Браунинг. «Обыкновенные люди. Резервный полицейский батальон 101 и «окончательное разрешение еврейского вопроса» в Польше». New York, 1992.

отправлен в отпуск. К досаде Карла Германа Франка, заместителя Гейдриха в рейхспротекторате, который рассчитывал стать его преемником, после того как в начале июня Гейдрих умер от ран, Далюге был назначен его постоянным преемником.

Роль Далюге в расследовании покушения на Гейдриха и сопутствующих репрессалиях не вполне ясна. Как следует из частной переписки Далюге, он разделял (справедливое) предположение гестаповского служащего Хейнца Паннвица, что террористы были посланы чешским правительством в изгнании, однако (ошибочно) полагал, что они опирались на поддержку местного населения. Поскольку он опасался восстания, то использовал многочисленные отряды орпо и войск для масштабной операции по обыску домов и дал убедить себя Франку (который, очевидно, пошел навстречу Гитлеру, желавшему использовать Далюге как прикрытие), настоявшему на принятии драконовских мер, например, казнить всякого, «кто одобрял покушение». Это несколько не облегчило поиск террористов.

Дело дошло до массовых арестов и казней согласно определенной системе. Две деревни, жителей которых заподозрили в предоставлении крова диверсантам, были сровнены с землей. Их мужское население было расстреляно на месте, женщины отправлены в концлагерь, а часть детей последовала за матерями, другая часть была передана для усыновления в семьи эсэсовцев. Паннвиц утверждает, что Лидице, самая большая из двух деревень (около 400 жителей), была выбрана Карлом Беме, начальником зипо в рейхспротекторате, после чего Гитлер дал указание Франку, чтобы тот провел операцию по ликвидации Лидице¹. О каждом

¹ Станислав Ф. Бертон. Покушение на Рейнхарда Гейдриха 27 мая 1942 г. Отчет криминального советника Гейнца Паннвица. В: Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte 33 (1985), S. 689—693.

случае расправ Далюге узнавал лишь после проведения акции, однако именно он подписывал приказы и все прочие распоряжения.

В качестве заместителя рейхспротектора Далюге удалось выполнить нормы производства вооружений, а также поставки рабочих для принудительных работ. Однако он не принадлежал к таким людям, какие были нужны Гитлеру, чтобы находить общий язык с коллегами. Он часто вступал в споры с Франком и злоупотреблял своей двойной ролью начальника орпо и рейхспротектора. Кроме того, он разозлил Гиммлера тем, что позволил одному из своих сотрудников, шефу правового отдела орпо, заставить себя выступить против гиммлеровского плана объединения СС с полицией и попытаться добиться определенной независимости полиции. Наконец, Далюге назначил одного своего старого друга, сомнительного типа по имени Вальтер Юрк, управляющим конфискованным еврейским предприятием в протекторате. Юрк исчез вместе со множеством ценностей, и, вполне возможно, кое-что перепало и Далюге. Это стало известно общественности и вызвало скандал.

Второй инфаркт Далюге в июне 1943 г. дал Гиммлеру шанс не только снять его с поста начальника орпо, но и оттеснить его от управления рейхспротекторатом. Однако Гитлер, в 1942 г. присвоивший Далюге высокий чин оберстгруппенфюрера СС (соответствовавший званию генерал-полковника), не хотел отдавать его. Тогда рейхсфюрер СС окружил больного заботой, но приказал эсэсовским врачам отнестись к пациенту с особенным вниманием и распространить мнение, будто бы Далюге душевнобольной. Изолированному от сотрудников, друзей и родственников Далюге пришлось подчиняться врачам, что ему едва не стоило жизни. Дело дошло до того, что он попросил Гитлера предоставить ему годовой или двухгодовой отпуск. Гитлер пода-

рил ему поместье, а Гиммлер позаботился о том, чтобы оно оказалось неподалеку от Берлина. Далюге стали систематически лишать персональных привилегий. Наконец он понял, что Гиммлер решил отстранить его от общественной жизни и, написав ему полное горечи письмо, порвал с ним.

Теперь подлинную власть в рейхспротекторате Богемия и Моравия приобрел Франк. Гиммлер принялся за объединение полиции и СС, а Далюге после долгих колебаний в конце 1944 г. вместе с семьей отправился в свое поместье на Востоке. Однако вскоре ему пришлось вернуться в Берлин, а затем в Любек, где в начале мая 1945 г. он попал в плен. После этого его отправили в Люксембург, а затем в Нюрнберг. Когда ему сообщили, что он является одним из главных военных преступников, его словно поразила молния. Он еще не знал, что чешское правительство требовало его выдачи. Далюге был известен союзникам главным образом в связи с жестокими расправами в Лидице. Чехи были готовы выдать барона фон Нейрата, которого союзники хотели предать в Нюрнберге суду, если взамен получат Далюге¹. В конце 1946 г. было объявлено о таком обмене. Ничего не зная об этом, в мае Далюге был доставлен в Прагу, полагая, что должен давать показания против Карла Германа Франка. Приехав туда, он узнал, что будет начат процесс и против него. Его многочисленные отчаянные протесты против этого «настоящего предательства» и его попытки перенести суд в Нюрнберг остались не услышанными. Далюге знал (из разговоров с его главным обвинителем Ярославом Драбек-ком), «чего он может ожидать от пражского суда»².

---

¹ Ярослав Драбек. Интервью. 31.10.1978 г.

² Курт Далюге. Цитирует Иван Сук. «Непримиримый соперник К.Х.Франка». Источник неизвестен. Май 1946 г. Сообщил автору Ярослав Драбек. Интервью. 31.10.1978 г.

Известная ирония заключена в том, что гораздо уместнее было бы провести процесс против Далюге в Нюрнберге. В связи с предъявленным ему обвинительным материалом его наказание, вынесенное там, вряд ли было бы меньшим. Решение передать его Праге объяснялось ролью, которую он сыграл, проводя репрессалии после убийства Гейдриха, хотя при самых жестоких репрессиях он был всего лишь инициатором. Зато, вне всяких сомнений, он нес ответственность за гораздо более опасные преступления, а именно: подготовка войны и участие орпо как в зверствах «умиротворения» в оккупированных немцами регионах, так и в депортациях и массовых казнях холокоста.

Во время процесса против Франка Далюге не удалось приписать репрессии по делу Гейдриха своей мнимой душевной болезнью. Во время процесса над ним самим в октябре 1946 г. ему был предъявлен длинный список его собственных преступлений. Помимо всего прочего, при занятии чешских территорий он способствовал уничтожению и изъятию имущества у чехов, которых отправлял на принудительные работы, и использовал свое положение для личного обогащения. Он заверял, что его намерения были добрыми, что его совесть чиста, что его «любили 3 миллиона полицейских»¹.

Его вера в Гитлера оставалась непоколебимой, и он, похоже, был потрясен, когда суд отверг его объяснение, что он лишь постоянно выполнял приказы Гитлера. Далюге утверждал, что больше не может ничего вспомнить, опровергал письменные свидетельства его вины и пытался свалить ответственность на казненного к тому времени Франка. 15 октября он даже попытался имитировать душевное заболевание, возможно, в надежде, что если его признают душевнобольным, то

---

¹ *Курт Далюге*. В: Daluege kradl (*1)esky f (*2)idovsky majetek. Lidova Democracie, Prag, 12.10. 1946. S. 2.

к нему отнесутся более *благосклонно*. Однако он признался, «...что никто ему не верит»¹.

На следующий день, когда Драбек потребовал для Далуге смертной казни, тот произвел впечатление спокойного, почти уравновешенного человека. В последнем слове он объяснил, почему вступил в НСДАП. Он подчеркнул при этом, что «благо общества ставил выше блага отдельного человека»². Он просил о помиловании ради семьи, которую не видел несколько месяцев. 23 октября 1946 г. вследствие оккупации чешской территории, вследствие ряда совершенных им особо тяжких репрессий в ответ на покушение на Гейдриха и за то, что он посылал чехов на принудительные работы, Далуге был приговорен к казни через повешение. Как ни странно, но обвинения, связанные с Лидице и растратой конфискованных сумм, были с него сняты. Казнь состоялась в тот же день. Сидя в камере, каким-то осколком он вскрыл себе вены, но это вовремя заметили и перевязали раны. Его последние слова, как и многие в его карьере, были словами преданного национал-социалиста: «Я умираю не как Христос, а как государственный преступник. Моя работа в качестве шефа орпо не была признана»³.

---

¹ Драбек. Интервью. 31.10.1978 г. Многие его прежние сотрудники в 1965 г. заявляли, что Далуге был действительно душевнобольным. Однако из их писем следует, что своими заявлениями они, очевидно, хотели помочь его вдове получить пенсию за утерю кормильца.

² *Курт Далуге*. Цитируется в: Daluegoví navrzen trest smrti, Rude Pravo, Prag, 16. 10. 1946, S. 1.

³ *Курт Далуге* in: Daluege odsouzen k trestu smrti a popraven, Lidova Democracie, Prag, 12.10. 1946, S. 2.

Питер Блэк

ОДИЛО ГЛОБОЧНИК – ФОРПОСТ ГИММЛЕРА НА ВОСТОКЕ

В 1943 г. во время инспекционной поездки по оккупированной Польше, во время которой произошел разговор об уничтожении польских евреев, Максимилиан фон Херф, руководитель Управления кадров СС, так охарактеризовал Одило Глобочника, начальника СС и шефа полиции округа Люблин, на которого рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер возложил эту страшную задачу: «Всесторонне развитая натура со всеми ярко выраженными светлыми и темными сторонами. Мало обращая на внешнюю сторону дела, фанатично предан выполнению поставленных перед ним задач, не уделяя внимания собственному здоровью и не ожидая благодарности. Его безрассудная смелость зачастую заставляет его разрушать установленные пределы и забывать о границах, установленных внутри ордена [СС], но не вследствие честолюбия, скорее, вследствие одержимости делом. Несомненно, его сопровождает успех»¹.

Этот анализ свидетельствует о черте, проходящей красной нитью через всю карьеру этого организатора

---

¹ Beurteilung des SS-Gruf. v. Herff o.D. (Mai 1943). Globocnik SS-Personalakte, Berlin Document Center (BDC).

НСДАП и офицера СС, который свои проступки против национал-социалистического кодекса поведения возмещал неизменным фанатическим проведением в жизнь национал-социалистической политики.

Глобочник родился 21 апреля 1904 г. в австрийско-словенской семье в многонациональном Триесте, который был в то время крупнейшим портовым городом монархии Габсбургов. Его отец, ротмистр королевской и императорской армии, впоследствии крупный почтовый чиновник, умер от туберкулеза, когда Глобочник еще был ребенком. После этого его овдовевшая мать, уроженка венгерской Воеводины, переехала в Клагенфурт. Хотя у обоих его родителей были славянские имена (девичья фамилия матери была Петчина), Глобочник мог хотя бы отчасти претендовать на германское происхождение, поскольку у его обеих бабок были немецкие фамилии. Источники, которыми мы располагаем, не содержат никаких свидетельств того, что Глобочник стыдился своего происхождения (он никогда не пытался онемечить свою фамилию), или того, что кто-то из его многочисленных врагов задавал ему такой вопрос. Однако его фанатизм, пожалуй, в большей степени отражал ментальность родившегося в многонациональном приграничье немца, который должен был доказать себе и другим свою полную преданность делу.

Закончив через шесть лет народную школу в Триесте, юный Глобочник в 1914 г. поступил в подготовительное реальное военное училище в Сент-Пельтене. Распад монархии Габсбургов в результате Первой мировой войны заставил его изменить свои жизненные перспективы: в 1919 г. он поступил в Высшее государственное техническое училище в Клагенфурте, где до 1923 г. изучал гражданское строительство, но так и не закончил его. В 1918 г., в возрасте 14 лет, он вступил в одну из многочисленных частей самообороны, которую

наспех создали для того, чтобы защитить Клагенфуртский бассейн от нападавших югославских войск. После того как в октябре 1920 г., в результате референдума, была установлена граница между Австрией и Югославией, Глобочник вступил в каринтийские Штурмовые отряды (СА) НСДАП. Поступив в 1923 г. на работу на государственное электрическое предприятие «Клагенфурт», он также работал в национал-социалистической производственной ячейке и в 1930 г. стал ответственным за проблемы пропаганды при гау Каринтия. Официально в ряды НСДАП он вступил только 1 марта 1931 г.

После того как 19 июня 1933 г. федеральный канцлер Энгельберт Дольфус запретил в Австрии НСДАП, Глобочник использовал связи в своем родном городе Триесте, чтобы создать курьерскую и разведывательную службу, которая с помощью некой служанки в Интерлакене и трех внешнеторговых фирм в Милане и Падуе получала тайную финансовую помощь из германского рейха, взамен передавая информацию об австрийских политических организациях и их деятельности. Тем самым Глобочник завоевал восхищение своего политического наставника каринтийского гауляйтера Губерта Клаузнера и его близкого друга Фридриха Райнера, который исполнял обязанности политического советника Клаузнера. Однако на него также обратил внимание Рейнхард Гейдрих, шеф полиции безопасности (СД). Благодаря ему 1 сентября 1934 г. Глобочник был принят в ряды СС.

Поскольку Гитлер после неудавшегося путча австрийских национал-социалистов в 1934 г. отказался вмешаться в австрийскую внутреннюю политику, Райнер и Глобочник, как заместитель Клаузнера, разработали новую политическую линию в отношении христианско-социалистического преемника Дольфуса

Курта фон Шушнига. «Каринтийцы» отказывались от политически бесцельного террора, они также противостояли пассивной позиции, которая рассчитывала лишь на будущий аншлюс, и отказывались от попыток с помощью идеологических уступок режиму Шушнига добиться возвращения к легальной деятельности. Как впоследствии объяснял Райнер, они с Глобочником приступили к превращению австрийской НСДАП в кадровую партию, которая делала бы главный упор на восстановлении разгромленных подразделений, мировоззренческом воспитании, а также создании подпольной печати и эффективной разведывательной службы. В месяцы, последовавшие за пугчем, Глобочник объездил «всю Европу»¹, создал подпольные типографии и пункты пропаганды и поставлял разведанные в обмен на наличные, которые он передавал австрийским товарищам по партии и их родственникам.

Чтобы уменьшить давление со стороны властей и полиции и создать возможности укрепить нелегальную национал-социалистическую организацию, распространять ее мировоззренческие взгляды, «каринтийцы» пытались наладить контакты с правительством Шушнига с помощью лиц, которые, с одной стороны, содействовали планам аншлюса и положительно относились к целям движения, с другой стороны, дистанцировались от нелегальной организации, выступали против насилия и были готовы выполнить условие Шушнига. Такие лица, а именно венский адвокат Артур Зейсс-Инкварт, могли вести переговоры с Шушнигом, не компрометируя нелегальную партию и не будучи скомпрометированным ею. Австро-германский договор от 11 июля 1936 г. обязывал Гитлера не вмешиваться

¹ Фридрих Райнер. Выступление от 11.3.1942 г., 4005— PS, IMG XXXIV, S. 14.

во внутренние дела Австрии, а Шушнига, представителя «немецкого национального мышления», приняться за создание австрийского государственного аппарата. После того как Гитлер — несмотря на презрительные протесты Глобочника — и Райнер 16 июля приказали своим коллегам воздержаться от всякой нелегальной деятельности, Зейсс-Инкварт, который пользовался личным доверием Шушнига, похоже, стал лучшим гарантом того, что в Австрии будут представлены интересы национал-социалистов, не нарушая при этом принцип «невмешательства»¹.

Напротив, нижеавстрийский гауляйтер и популярный региональный лидер австрийской НСДАП сам выступил в качестве полномочного партнера в переговорах с Шушником. Леопольд, пользовавшийся благосклонностью Геринга, презирал интеллектуала Зейсс-Инкварта как попугайчика и не доверял стараниям «карийцев», которые, по его мнению, жертвовали интересами национал-социалистического движения в пользу «чужого руководства». Глобочник, который, как заметил один из сотрудников немецкого посольства, принадлежал к молодым руководителям, «которые за последние два года борьбы руководили партией и теперь не желали, чтобы их отстранили от принятия важных решений», критиковал готовность Леопольда скомпрометировать партию, признав австрийское государство. Кончилось тем, что в сентябре 1937 г. региональный лидер Леопольд исключил Глобочника из партии и тем самым создал такие отношения в подпольной организации, которые руководитель австрий-

---

¹ Меморандум (не подписан, но из текста следует, что он составлен Глобочником), май 1938 г. RG-242, T-84/16/44257, National Archives (NA), Washington, DC. Собственные комментарии Глобочника относительно стратегии «карийцев» и его оценка Зейсса-Инкварта приводятся здесь же, 44252—44254.

ских СС Эрнст Кальтенбруннер счел «достойными сожаления»¹.

Хотя Глобочник был молод и еще не занимал в партии высокого положения, он использовал свои связи с Гейдрихом и Гиммлером для того, чтобы сделать Зейсс-Инкварт представителем национал-социалистических идей в Австрии. Процесс этот завершился тем, что 21 февраля 1938 г. Клаузнер отстранил Леопольда от должности руководителя подпольной австрийской НСДАП. После того как 12 февраля 1938 г. после конференции в Берхтесгадене Зейсс-Инкварт был назначен на пост министра иностранных дел, Райнер и Глобочник использовали нелегальный аппарат, который в это время находился у них в руках, для того чтобы организовать национал-социалистические «победные празднества», которые Шушницг разрешил, чтобы содействовать народному волеизъявлению, которое затем привело к аншлюсу.

Ввиду важной роли, которую сыграл Глобочник в создании благоприятного отношения к Зейсс-Инкварту в Берлине и захвату национал-социалистами власти в Австрии в ночь с 11 на 12 марта 1938 г., он разочаровался в последствиях аншлюса. Поскольку как Зейсс-Инкварт, так и Гиммлер его проигнорировали, Глобочник составил меморандум, в котором он разъяснил свою собственную роль и роль Райнера в произошедших событиях и доказал, что триумф национал-социализма объяснялся «не исправлением границ», а завоеванием власти в государстве, которое... самостоятельно осуществляет общенародные задачи, независимо от того,

¹ Письмо Леопольда Гитлеру. 22.8.1937 г RG-238,NG-3578, NA; Vermerk von Altenburg, 22.9.1936, RG-242, T-120/1173//475664f., NA; Globocnik Memo (s. Anm. 3), 44255f. Письмо Кальтенбруннера Кеплеру, 3.9.1937, RG-242, T-120/ 751/344886f., NA.

живет ли данная часть народа в основном государстве всего народа или же за пределами такового¹.

Возмущенный официальным прославлением роли Зейсса-Инкварта при проведении аншлюса, в мае 1938 г. Глобочник представил Гессу меморандум, однако, как и одинаково разочарованный Райнер, пришел к выводу, что необходимо «воспринять создавшееся положение таким, каково оно есть, и искать новые положительные рабочие возможности в партии»². Глобочник жаждал получить пост гауляйтера Вены. Хотя было установлено, что он «несомненно, пригодится» после того, как «проработает какое-то время в центральном аппарате партии в Берлине»³, Йозеф Бюркель, которого Гитлер назначил «рейхскомиссаром по воссоединению Австрии с германским рейхом», по рекомендации Клаузнера, в мае 1938 г. выбрал его на эту должность.

Став гауляйтером, Глобочник пообещал восстановить разгромленную организацию гау, которая, в качестве выразительницы национал-социалистического мировоззрения в Австрии, будет находиться в преимущественном положении, как носитель «политической инициативы», по отношению к государственному аппарату. Однако он обязался перед всеми «разгромить раз и навсегда вторую центральную власть [в рейхе], которую некогда воплощала Вена». Его попытки достичь этих целей погубили бы всю его карьеру, если бы не были восприняты как несусветное бахвальство, как неопределенные угрозы в адрес неизвестных врагов и подозрительные манипуляции с целью захвата средств и землевладений. В течение шести месяцев он восста-

¹ Globocnik Memo (s. Fnm. 3), 44251.

² Письмо Райнера Бюркелю. 6.7.1939, 812— PS, IMG XXVI, S. 348.

³ Aktennotiz, unterzeichnet Opdenhoff, 2.4.1938, RG-242, N-580/60/Ordner 304 II, NA.

новил против себя практически всех своих важных союзников в городе. Его старания получить у венского градоуправления средства на строительство вызвали гнев обербургомистра Германа Нойбахера. После того как Глобочник выступил за упразднение Австрии как географического понятия и спустя несколько дней после того как нацистские громилы разграбили дворец венского кардинала Инницера, он угрожал расправой «ряду политизированных клерикалов... которые попытались взбунтовать население против государства», он утратил поддержку имперского наместника Зейс-Инкварт. С другой стороны, независимо от того, сражался ли он или игнорировал мероприятия центральных властей германского рейха, он относился к действиям Бюркеля как к вмешательству извне, которое вредило примату партии. Он даже вызвал раздражение своего товарища по службе в СС Кальтенбруннера (считавшегося высшим руководителем СС и полиции в Вене), после того как после бесчинств «Хрустальной ночи» с 9 на 10 ноября 1938 г. выступил против запрета шефа полиции входить в опечатанные еврейские предприятия и частные дома «наделенным особыми полномочиями политическим лидерам».

Бюркель потребовал от Глобочника создания властной базы и поддерживал его в большинстве возникавших при этом конфликтов. После того как чересчур централизованная партийная касса в Мюнхене, управляемая Ф.К. Шварцем, отказалась финансировать различные фантастические и зачастую авантюристские проекты, Глобочник хвастался, что «снова отыщет собственные способы добыть деньги». Это ему удалось с помощью изобретательных способов, например, с помощью взяток и займов в ведомстве Бюркеля, использования конфискованного имущества и средств без разрешения партийного казначея и средств, получен-

ных в результате «ариизации». Глобочник использовал эти средства для того, чтобы создать фонд Венской организации гау, выдачи беспроцентных ссуд старым товарищам (среди них Фридриху Пайнеру), финансировать неудачные строительные проекты, поддерживать обанкротившиеся национал-социалистические издательства и приобретать недвижимость по завышенным ценам. В сентябре 1938 г. представитель партийного казначей Шварца в Вене докладывал, что эта «бесконтрольная финансовая политика» приведет гау к краху¹.

Вследствие заносчивости Глобочника, его финансовой некомпетентности, его тщетных стараний создать в Вене собственную властную группировку уже в августе 1938 г. потребовали его отставки. Бюркель, чьи методы добычи средств едва ли отличались от тех, к каким прибегал Глобочник, тем не менее поддерживал его, по крайней мере, до октября, когда узнал, что Геринг желает снять гауляйтера с его поста. Опасаясь Нойбахера, кандидата Геринга и бывшего гауляйтера Альфреда Фрауенфельда, гитлеровского фаворита, которых он опасался, как собственных соперников, Бюркель уговорил будущего рейхсмаршала предоставить Глобочнику последний шанс. Однако Шварц, рассерженный растранижением денежных средств и недостойным отношением к его представителю в Вене, стал угрожать Бюркелю, что он прекратит финансирование австрийских гау в том случае, если финансы тотчас не окажутся под контролем его венских представителей, и указал, что в этом вопросе имеет поддержку Гитлера. Тогда Бюркель капитулировал и 6 декабря 1938 г. приказал Глобочнику представить финансовый отчет о своей

¹ Geheimbericht des Reichsamtleiters Meiler, 3.8.1938, RG-242, T-580/60/ Ordner 301, NA; Meiler an Saupert, 2.9.1938, ebd., Rolle 61, Ordner 303 I.

деятельности. Тот понял надвигающуюся опасность и в конце декабря попросил у Гесса аудиенцию в Берлине для того, чтобы уберечься от увольнения. Однако 30 января 1939 г. Гитлер неохотно принял его отставку.

Гиммлер направил Глобочника в группу СС, выполнявшую постановления властей, где он заболел «нервной бессонницей». Затем дал ему новую возможность реабилитировать себя, назначив 1 ноября 1939 г. шефом СС и полиции региона Люблин во вновь созданном «генерал-губернаторстве» (Польше). Обрадованный и воодушевленный Глобочник направил Гиммлеру благодарственную телеграмму, в которой заверял его, что руководство СС и полиции Люблина и их личный состав «сделают все на своих местах, чтобы по возможности помочь Вам»¹.

Хотя Глобочник провоцировал споры в вопросах полномочий за незаконные действия при ликвидации реквизированного еврейского имущества и (даже по нацистским меркам) чересчур жесткие меры против польского населения, в планах Гиммлера относительно будущего оккупированных территорий на Востоке он занимал видное место. Уверенный в его благодарности и преданности, мировоззренческом рвении и изобретательности при решении различных проблем, 17 июля 1941 г. рейхсфюрер СС назначил его «уполномоченным по созданию опорных пунктов СС и полиции в новых восточных землях». Занимая такой пост, Глобочник должен был планировать создание огромных поселений немецких военных строителей в Польше и Советской России, которые должны были под руководством СС и полиции использовать новейшие достижения в области промышленности и сельского хозяйства. Для

---

¹ Attest des Standortsarztes der SS-Verfügungstruppe, 6.7.1939, J.Globocnik SS-Personalakte, BDC; Fernschreiben Globocnik an Himmler, 30.12.1939, Akte Adjutantur des Führers, NS 10/73, BI/20, BAK.

планирования будущих опорных пунктов Глобочник направил в Люблин рабочие группы молодых эсэсовских специалистов (инженеров, архитекторов, дипломированных сельских хозяев, экспертов по работе с населением, климатологов и т.д.). В их планы входила эвакуация поляков и евреев из районов, предназначенных для немецких поселений.

В июле 1941 г. Глобочник предложил, чтобы город Люблин и округ Замосць образовали пояс вокруг немецких поселений, которые должны были, в конце концов, соединиться с опорными пунктами в Прибалтике и Зибенбюргене. Это кольцо должно было заключить в котел «оставшееся польское население (в «западном промежуточном регионе») и постепенно вытеснить его экономически и биологически»¹. С согласия Гимmlера за период с конца ноября 1942 г. по март 1943 г. Глобочник осуществил насильственную эвакуацию почти 110 000 поляков и украинцев из 300 деревень в округах Замосць, Хрубешув и Томашув-Лбельски, а позднее, в августе 1943 г. (в связи с проведением службой безопасности акции «Вервольф»), в округе Билго-рай. Плохо спланированные, поспешно проведенные и сопровождавшиеся беспримерной жестокостью акции по эвакуации вызвали в округе хаос. После того как немецкие поселенцы в округах Замосць и Хрубешув подверглись нападению со стороны разоренных польских крестьян, которые бежали в леса, скрываясь от эвакуации, против оставшихся поляков были проведены еще более жестокие меры устрашения, что вызвало всеобщее сопротивление в этих до сих пор спокойных округах. Губернатор округа Эмиль Цёрнер, поддержанный генерал-губернатором Гансом Франком, утверждал, что если эвакуация не прекратится, наступит конец не

---

¹ Müller (RuSHA/Lublin) an Hofman (Chef RuSHA), 15.1.941, Globocnik Personalakte, BDC.

только эффективной безопасности, но и получению сельскохозяйственной продукции. Хотя Гиммлер внушал генерал-губернатору, что «в этом отношении не следует перегибать палку»¹, политика Глобочника в отношении местного населения, несомненно, стала такой, что в сентябре 1943 г. его отстранили от должности.

Самый жуткий и имевший тяжелые последствия для национал-социалистического государства вклад был связан с одним из его страшнейших заданий — убийством более чем миллиона польских евреев за период с марта 1942 по август 1943 г. Впоследствии эту акцию называли в честь шефа Имперского главного управления безопасности Рейнхарда Гейдриха, который в начале 1942 г. скончался в результате покушения на него, «акцией Рейнхард». Эта акция включала в себя: общее планирование и координацию депортации всех евреев с территории генерал-губернаторства в лагерь по уничтожению Трешлинка в округе Варшава, а также Собибор и Бельзек в округе Люблин, умерщвление евреев с помощью угарного газа, учет и оценка личных вещей жертв и их передача различным имперским властям. Многие евреи, способные трудиться и наделенные качествами, нужными для военной промышленности рейха, должны были поступать в особые лагеря. Там они были должны трудиться до полного истощения, а затем все равно ликвидироваться. Под руководством людей из канцелярии фюрера, которые успели приобрести опыт эвтаназии в рейхе (в 1939—1941 гг.), в начале 1942 г. начали работать фабрики смерти. Охрана состояла из отрядов, набранных из советских военнопленных в округе Люблин и в учебном лагере Травники. В целях координации депортаций Глобочник создал в Люблине небольшое бюро, которым руководил его

---

¹ Himmler an Frank, 3.7.1943, RG-238, NO-2444, NA.

австрийский земляк Герман Хефле. Он вступил в соглашение с местным эсэсовским, полицейским и гражданским руководством и поставлял «технических специалистов» и «людей из Травников». Первыми, кого уничтожили в марте и апреле 1942 г. в Бельзене, были 30 000 люблинских евреев. В течение лета Хефле организовал депортацию почти 300 000 евреев из варшавского гетто. До лета 1943 г. в лагерях по уничтожению в результате «акции Рейнхард» было умерщвлено по меньшей мере 1 750 000 евреев.

Гиммлер выбрал Глобочника для выполнения этого главного мировоззренческого задания, поскольку он был убежден в его преданности делу и знал, что тот выполнит задачу, не оглядываясь на бюрократические, технические и личностные препоны. После того как в июле 1942 г. рейхсфюрер приказал ускорить процесс уничтожения евреев, Глобочник в письменном виде поблагодарил Карла Вольфа, руководителя личного штаба Гиммлера, за «такое большое количество новой работы», поскольку тем самым «все наши тайные желания... будут осуществлены». Возможно даже, Глобочник подталкивал Гиммлера к вынесению такого распоряжения. Дело в том, что за несколько недель до этого он выразил свою мысль Виктору Блаку (из канцелярии фюрера), что «необходимо как можно быстрее, ни дня не мешкая, провести всю еврейскую акцию»¹. По причине приобретенного в прошлом вместе с Глобочником опыта Гиммлер потребовал учета ценностей, которые были получены в результате проведения «акции Рейнхард». Глобочник ревностно принялся за выполнение этого указания, поскольку хотел рассеять впечатление, «будто бы у меня во всех хозяйственных вопросах нет

¹ Globocnik an Wolff, 22.7.1942, O.Globocnik SS=Personalakte, BDC; Brack an Himmler, 23.6.1942, RG-238, NO-205, NA.

необходимого порядка». Гиммлер поблагодарил Глобочника за «большие и исключительные достижения на благо всего немецкого народа»¹.

После того как «акция Рейнхард» была практически закончена и округа Замосць и Билгорай оказались в состоянии хаоса в результате мер по переселению местных жителей под руководством СС и полиции, летом 1943 г. Гиммлер решил отозвать Глобочника из Люблина. Отношения между шефом СС и полиции и губернатором округа Цёрнером никогда не были хорошими и ухудшались до самой отставки Цёрнера в марте 1943 г. Но и с преемником Цёрнера, зятем Гиммлера Рихардом Вендлером, отношения не сложились. 4 июля 1943 г., когда его спор с Вендлером перерос в открытый конфликт из-за мер по переселению, связанных с операцией «Вервольф», Глобочник обратился к Гиммлеру с пожеланием «получить какую-нибудь другую работу». Пока Гиммлер раздумывал над тем, чтобы назначить Глобочника шефом СС и полиции Средней России, 21 июля Вендлер потребовал удаления Глобочника из Люблина, поскольку принимаемые им меры по переселению являются «невероятной неудачей... в результате чего можно говорить лишь о свиарнике из-за того, что отдельные группы населения слоняются тут и там»². Хотя Гиммлер написал Вендлеру, что необходимо оценить «невероятную трудоспособность и динамику этого человека», который, «как никто другой потрудился над колонизацией Востока»³, он, очевидно, испытал облегчение, когда капитуляция правительства Бадольо 3 сентября предоставила рейху возможность

¹ Globocnik an Himmler, 5.1.1944, IMG XXXIV, S. 70 f.; Himmler an Globocnik, 30.11.1943, ebd., 69 f.

² Himmler an Krüger, 5.7.1943. J.Globocnik SS-Personalakte, BDC; Wendler an Himmler, 27.7.1943, ebd.

³ Himmler an Wendler, 4.8.1943, ebd.

занять Верхнюю Италию. Таким образом, рейхсфюрер смог направить Глобочника в качестве шефа СС и полиции вновь образованной «Зоны операций Адриатическое побережье» в Триест, где его старый товарищ, ставший гауляйтером Каринтии, возглавлял гражданскую администрацию. Поскольку Глобочник надеялся, что сможет и там проводить свою политику по ликвидации и перемещению населения, большую часть своего штаба, участвовавшего в «акции Рейнхард», и Люблинского управления СС и полиции — зачастую без разрешения главного управления кадров СС, — он захватил с собой в Триест. Однако силы полиции, которыми он располагал, были так слабы, позиция вермахта так сильна, а руководство действиями местных партизан так эффективно, что ему пришлось отказаться от этих надежд.

Восхождение Глобочника по иерархической лестнице СС опиралось на его мировоззренческую связь с национал-социализмом, его личную преданность Гитлеру и Гиммлеру и его беспощадность при проведении их расовых и переселенческо-политических идей. Однако в этом «выборе идеологической клиентуры» отражалась его личная духовная потребность наглядно доказать, что он по праву принадлежит тому мифическому миру, который создал для своих сторонников национал-социализм. «Безрассудство» Глобочника, которое отчасти было связано с его не вполне правильным, по национал-социалистическим меркам, происхождением и заставляло его прибегать к нетрадиционным методам, обусловленным его личными и правовыми проблемами, находило полное понимание Гиммлера. Поэтому рейхсфюрер был всегда готов не замечать допускаемые им опрометчивые и сумасбродные решения. Гитлер сам ценил людей, которые вслед-

ствие собственного честолюбия «настойчиво, упорно, но в то же время, когда это необходимо, жестко выступали в защиту интересов нации»¹.

Глобочник был человеком, который внутренне страдал, который не мог справиться с неуверенностью в своем статусе в рамках национал-социалистического движения и так и не смог преодолеть страха наказания за свои преступления. Хорошо известна его жажда награды². О его возможных тайных сомнениях нам известно в меньшей степени. Источники указывают на то, что, по крайней мере, в 1943 г. страх возмездия за его роль при «окончательном решении проблемы» преодолевал «радость от выполненной работы». Во время обсуждения какой-то проблемы со своим штабом в Люблине, вспоминая очистку варшавского гетто, он заявил, предположительно Хефле, что не мог смотреть в глаза своей трехлетней племяннице, «когда думал о других детях». Однажды, видно, захмелев, другому сотруднику он признался: «В душе я против этого, но настолько увяз во все это, что мне ничего не остается кроме того, чтобы вместе с Гитлером или победить, или погибнуть». И тот самый человек, который еще в 1942 г. восклицал, что сведения об «окончательном решении» должны быть начертаны на скрижалях вечности», каких-то полтора года спустя требовал уничтожения всех документов, имеющих к этому отношение³. Несмотря на

¹ *Henry Picker* (Hrsg.), *Hitlers Tischgespräche im Führershauptquartier*, Stuttgart, 1976, S. 490.

² *Rainer an Wolff*, 23.10.1939, RG-242, T-175/84/2609847, NA; *Krüger an Himmler*, 20.6.1940, ebd. 2609850 f.; *Brandt an Globocnik*, 18.1.1941. O. Globocnik SS-Personalakte, BDC; *Globocnik an Heckensteller* (Pers. Stab RFSS), 23.2.1941, ebd.; *Wolff an Globocnik*, 13.8.1942, ebd.

³ *Vernehmung Müller*, 5.11.1947 (s. Anm. 11), 879; *Aussage des Fabrikanten Schultz*, zitiert bei *Heinz Höhne*, *Der Orden unter dem Totenkopf. Die Geschichte der SS*, Frankfurt, 1969, S. 405; *Globocnik an Himmler*, 5.1.1944, 4024-PS, IMG XXXIV, S. 70 f.

все, осуществив руководство «акцией Рейнхард», Оди-ло Глобочник наконец-то выполнил цель своей жизни: имя его записано в почетную книгу истории Третьего рейха. И после того как рейх пал и Гиммлер совершил самоубийство, этот разделявший его мировоззрение «фронтовик»¹ в последний раз последовал примеру своего рейхсфюрера: когда 31 мая 1945 г. британские войска взяли его в плен, он покончил с собой.

---

¹ Так охарактеризовал себя Глобочник в анкете. Б.д. (1944)б О.Globocnik SS-Personalakte, BDC.

Генрих Таеге

СОЗДАНИЕ «ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ» В ПЛАНАХ СС

В 1987 году в Мюнхене вышла в свет книга Ганса Вернера Нойлена «Европа и Третий рейх — Проекты объединения германских властных структур 1939—45 годов». В этой книге документально рассказывается о тех сторонах национал-социалистической идеологии, которые резко контрастируют с привычным негативным «имиджем» этого политического учения. А более конкретно, в ней идет речь о проектах устройства Европы, разрабатывавшихся в СС-Хауптamt и в секретариате рейхсляйтера Бальдура фон Шираха.

Идея «Европейской конфедерации»

Вот несколько цитат из книги Нойлена:

«Мозговыми центрами, где разрабатывалась европейская идеология СС, были СС-Хауптamt (главное управление СС), Амтсgruppe D (или «европейская служба, ранее называвшаяся «Germanische Leitstelle») и Амтсgruppe C. В рамках Амтсgruppe D миссия разработки ключевых идеологических проектов была доверена Александру Долежалеку. Его планы для Европы основывались на федералистских концепциях. Доле-

жалек старался ответить адекватно на решительный вопрос, заданный в 1944 году писателем Карлом Дюсселем: «Почему вы, немцы, молчите? Почему вы не скажете нам ясно и разумно, каким вы видите будущее, наше будущее, будущее Европы?» Ответом Долежалек было: Европейская конфедерация...

Далее Нойлен описывает избранную Долежалекком тактику, которая предполагала два этапа. Первый этап был нацелен на то, чтобы заставить союзников снять выработанное в Касабланке требование «безоговорочной капитуляции», «unconditional surrender». Этот план в первой своей фазе предполагал внушение англосаксонцам мысли, что близится новое Раппало и что рейх уже подготовил заключение мира со Сталиным. Внутри страны национал-социалистический режим должен был социализировать германскую экономику, приближая ее к советской модели. Согласно Долежалеку, страх перед русско-германским социалистическим блоком должен был заставить англосаксонцев отказаться от требования «безоговорочной капитуляции». Во второй фазе предполагалось начать переговоры с англичанами и заключить с ними временно мир на западе и на юге. Далее Нойлен пишет: «Конечно, внутри самой нацистской системы существовала оппозиция планам Долежалека. Во-первых, потому, что его план предполагал во внутренней структуре, что немецкая система должна была бы перестроиться на коммунистический лад. Это было воспринято скептически немецкой Службой безопасности. Кальтенбруннер после приватной беседы отклонил этот проект, найдя его слишком опасным. Еще более скользким был момент, касающийся личности нацистских вождей. Достижение главной цели, то есть перемирия на Западном фронте, нельзя было достичь, пока всемогущий диктатор Гитлер оставался во главе государства. Вот почему было задумано изменить внутреннюю структуру рейха, потеснив Гитлера

и предоставив ему формальную должность «президента рейха», выдвинув на первый план рейхсфюрера СС (Генриха Гиммлера)».

Европейский паспорт

Общие планы, разработанные Долежалекком, содержали большое количество крайне интересных тезисов. Очень показателен «Тезис № 3», касающийся будущего мира в Европе. Европа, по мысли Долежалека, станет федерацией, «Европейской конфедерацией», основанной на принципах добровольного сотрудничества, национально-этнических свобод и гибкого социализма, чья структура и характер должны варьироваться в зависимости от национальной и культурной специфики регионов. Европейская программа не только означала изменение внешней политики рейха, радикально отказываясь от империалистического курса, но и облегчала диалог с западными государствами. «Европейская хартия» конкретно отражала предложения нового «фундаментального порядка» для будущей Европы, насколько это было еще возможно в трагических для Германии обстоятельствах 1944 года. Чтобы конкретизировать идеал правового равенства всех европейцев, Бюро Долежалека предлагало создать новый тип паспорта, «европейский паспорт», который выдавался бы иностранным рабочим и всем европейцам, пожелавшим его получить. Он должен был иметь хождение наряду с обычным паспортом, удостоверяющим национальность и гражданство, но при этом было предусмотрено постепенное увеличение льгот, даваемых именно европейским паспортом. Департамент планирования уже разработал такой паспорт совместно с Министерством внутренних дел и 42 высшими инстанциями рейха, но этот проект так и не получил своего воплощения.

Идея мира в Европе

Но о концепции Европы думали не только в Амтсгруппе D. С конца 1944 года к работе подключилась Амтсгруппа С. Этот департамент выдвинул в октябре 1944 года проект под названием «Политические задачи немецких офицеров и унтер-офицеров, направленных в иностранные отделения Ваффен-СС». Автор этого проекта не оставлял никаких сомнений в своем желании резко отбросить все империалистические и пангерманистские аспекты немецкой политики, которая должна была бы обречь малые народы на насильственную ассимиляцию. Он также отвергал идею недифференцированного и монохромного равенства всех народов, и особенно американский идеал сплавления разноэтнических иммигрантов в одно сообщество. Этим моделям Амтсгруппа С противопоставляла европейскую концепцию Volksgenossenschaft (содружества народов), чьи члены не должны были бы быть при этом перемолоты в общей мельнице...

«Идея мира в Европе все же не была до конца свободна от догм национал-социализма, — пишет Нойлен, — но некоторые аспекты этой идеологии — тоталитарный принцип Вождя (Führerprinzip), немецкая претензия на доминацию — были отброшены. Был проделан большой путь от идеи доминирующего Немецкого государства, находящегося под полной гегемонией Германии, до высокой идеи «Европейской конфедерации», в которой каждый народ был бы свободен устанавливать по своему усмотрению особый политический строй и устраивать по своей воле свою политическую судьбу».

Нойлен приводит документ СС-Хауптамт, где утверждается, что целью войны отныне является достижение «европейского мира». Данный проект сводился к семи основным пунктам:

- а) план мира для Европы;
- б) социализм *volkisch* (т.е. социализм, устроенный при учете этнической и национальной специфики);
- с) экономическая кооперация;
- д) свобода для всех народов и этносов;
- е) защита малых народов;
- ф) свобода труда.

Документ завершался фразой: «Резюме. Германия ведет войну для достижения позитивной цели — для создания Европейской конфедерации, дружеской и социалистической общины народов Европы».

Еще более выразителен документ, приводимый Нойленом под номером 24. Это подлинный текст «Европейской хартии». Учитывая его значимость, приводим его здесь целиком.

Европейская хартия

«Учитывая, что вражеские силы обнаружили сегодня свои военные планы, имеющие целью лишь разрушение, руководство Рейха, вместе с правительствами дружественных держав — Норвегии, Эстонии, Латвии, Дании, Богемии-Моравии, Италии, Франции, Венгрии, Румынии и Хорватии — решили обнародовать те принципы, на которых должна была строиться Европа будущего после победы ее армий. Европейские силы созидания бьются за утверждение пяти основополагающих правил, шести основополагающих свобод и семи основополагающих прав, предоставленных каждому народу:

Пять основополагающих правил:

1. Устройство мира по принципу больших странств континентального объема.

2. Устройство нашего континента по принципу Европейской конфедерации.

3. Устройство конфедеративной экономики по принципу разделения труда, взаимопомощи и сотрудничества.

4. Устройство жизни каждого народа по принципу Volksgemeinschaft (т.е. по принципу национальной общины, постоянно утверждающей и защищающей уникальную специфику, свойственную каждому этническому или национальному образованию).

5. Устройство семьи как первичной органической ячейки каждой нации.

Шесть основополагающих свобод:

1. Свобода народов от любого насилия, проявляемого мировыми сверхдержавами.

2. Свобода народов самим устанавливать внутренний национальный строй.

3. Свобода народов защищаться от любого вида внешнего угнетения и всякого Umvolkung (т.е. спланированного изменения этнической субстанции, исторически обосновавшейся на конкретной территории, методом переселения инородческих этносов).

4. Свобода личности от всех нарушений ее автономии в той сфере, которая касается вопросов индивидуальной ответственности.

5. Свобода национальных культур от всех форм культурного давления и массивификации.

6. Религиозная свобода от Gottlosigkeit (т.е. безбожия, утраты чувства Божественного) и от всякой политической манипуляции.

Семь основополагающих прав:

1. Право каждого человека на Труд и обязанность Труда.

2. Право каждого человека на свободное развитие своих способностей и на исполнение любых профессий в соответствии с личными возможностями и предпочтениями.

3. Право каждого человека на жизненное пособие, определяемое дифференцированным образом в зависимости от конкретного случая.

4. Право каждого человека принимать участие в процессе решения во всем, что связано с устройством национальной общинной жизни.

5. Право каждого человека на собственность и на земельное владение.

6. Право каждого человека на отдых и на пользование всеми видами культурной организации свободного времени.

7. Право каждого человека на социальную защиту во всех случаях утраты трудоспособности по не зависящим от человека обстоятельствам».

Оппозиция европейским планам

Часто выдвигают возражения, что планы руководства СС по созданию «Европейской конфедерации», последовавшие за периодом пангерманистской ориентации, появились слишком поздно и были лишь оппортунистическим шагом. На самом же деле, говорят некоторые, именно СС-Хауптamt ответственен за создание образа «славянских недочеловеков», и именно эта инстанция никогда не настаивала на исполнении тех обещаний, которые были даны иностранным добровольцам германского, романского или славянского происхождения. Попробуем опровергнуть эти возражения последовательно.

Внутренняя оппозиция внутри национал-социалистической системы окончательно сложилась уже в 1942 году, т.е. еще до Сталинграда. Среди высших чинов СС выразителем этой оппозиции был Рихард Хильдербрандт. Начиная с 1943 года Гиммлер начал регулярно общаться с представителями этих кругов

среди высших офицеров СС для выработки принципов конституционного государства под эгидой фюрера, Führerstaat. В планы входило лишение Гитлера полноты исполнительной власти за предательство чистой и изначальной национал-социалистической идеи и отведение ему сугубо «представительской» роли. Враждебные Германии силы (как с запада, так и с востока) в 1943 и 1945 годах пытались войти в контакт с Гиммлером для обсуждения такого проекта. Подробное разъяснение того, как личные качества Гиммлера не позволили осуществиться этому плану, было бы слишком долгим для данной работы.

Но неудача этого проекта нисколько не умаляет серьезности и благородства целей, поставленных оппозицией из окружения Хильдербрандта. Хильдербрандт сделал в этом отношении ряд клятвенных заявлений, которые были зафиксированы накануне его передачи СССР и последующей ликвидации. В них он подробно описал цели его деятельности и назвал имена наиболее важных соучастников. Нескольким людям из этого круга, в том числе и Долежалеку, удалось спастись, и они подтвердили постфактум все заявления Хильдербрандта. Цели эти заключались в установлении в Германии правового государства, что должно было бы реализоваться через следующие шаги:

- ограничение власти фюрера;
- создание законодательного корпуса;
- отмена системы партийных представителей («гауляйтеров»);
- очищение чиновничьего аппарата от партийных бюрократов;
- юридический контроль за действиями государственной полиции.

Самым же важным аспектом этой оппозиции была внешнеполитическая ориентация, которая получила

свое окончательное выражение в плане «Европейской конфедерации».

Вот в каких терминах это было выражено: «Отказ от всяческих претензий на немецкую гегемонию за пределами естественных границ проживания немецкого этноса и тем самым возвращение к изначальной программе партии. Создание Соединенных Штатов Европы на основе правового равенства всех народов. Подчинение всех национальных тенденций достижению главной и великой цели».

Некоторые прецеденты такой внутривластной программы имелись и до войны. Так, руководитель внутренней службы безопасности (SD-Inland), Отто Олендорф, которого Гиммлер называл «Охранник Грааля Идеи» («Gralshutter der Idee»), предложил до войны несколько законодательных мер:

- протекция религиозных меньшинств;
- юридический контроль над заключением в концентрационные лагеря;
- статус меньшинства для евреев (благодаря которому на них стали бы распространяться права народов).

В отношении мотиваций иностранных добровольцев в СС можно сослаться на другую книгу Нойлена «An deutscher Seite — Internationale Freiwillige von Wehrmacht und Waffen-SS» («На немецкой стороне — интернациональные добровольцы в Вермахте и Ваффен-СС»), где однозначно доказывается, что подавляющим большинством эсэсовских добровольцев из других стран двигали сугубо национальные мотивы. Те, кто отрицает проевропейскую ориентацию СС, утверждают, что это было лишь маневром и что Гитлер противился любым уступкам в пользу Европы во всем, что касалось устройства послевоенного мира. На самом деле на это можно возразить, что, если бы Гитлер все же добился

военной победы или ему удалось бы заключить мир, он не смог бы противиться давлению фактов. Обергруппенфюрер СС Бергер, руководитель департамента по военному набору и последний руководитель бюро по делам военнопленных, предвидел, что совместные боевые действия и общая пролитая кровь укрепили бы связи между немцами и другими европейскими народами и сделали бы морально невозможным новую братоубийственную войну на территории Европы.

Часто напоминают, что именно СС-Хауптamt Бергера издал сомнительнейшую брошюру о «недочеловечности славян». Это верно, но следует напомнить, что этот оскорбительный и глупый памфлет, появившийся в лоне Амтсгруппы С, был запрещен для продажи начиная с 1943 года, т.е. еще до самого его появления — он был отпечатан только в 1944 году, — и почти весь тираж немедленно был уничтожен (осталось лишь несколько архивных экземпляров).

В то же время является несомненным фактом, что Геббельс, министр пропаганды, 15 февраля 1945 года издал директиву, в которой он категорически запрещал любую форму дискриминации в отношении всех европейских, и особенно славянских, народов. Бергер получил эту директиву от Гимmlера и немедленно передал ее всем своим департаментам как «приказ рейхсфюрера». Также несомненно и то, что Бергер вместе с другими видными фигурами национал-социалистического режима, такими, как Бальдур фон Ширах, начиная с 1943 года стремились поставить на ноги «Русскую Освободительную армию» (РОА). В тот самый момент, когда должна была бы распространяться брошюра о «недочеловечности» славян, СС-Хауптamt, как показывают документы, выбирали формы и цвета национальных эмблем для добровольцев с востока, т.е. занимались таким делом, которое вряд ли совместимо с отношением

к славянам как «недочеловекам». Доказательством постоянного интереса Бергера к этой теме является его распоряжение от 26 февраля 1945 года, в котором он повторяет, что иностранный контингент представляет собой не наемников, но европейских добровольцев, сражающихся за свои собственные национальные интересы.

Заключение

Мы не претендуем в данной статье на какое-то окончательное суждение. Но важно объективно взвесить факты в том сложном вопросе, которым является история германского национал-социализма. Но, по меньшей мере, представляется совершенно очевидным, что внутри официальной политики Третьего рейха существовали важные реформаторские движения, забывать о которых мы не имеем права перед лицом истории. Этого требует от нас верность исторической истине. Более того, если мы будем сознательно закрывать глаза на целые пласты политической истории, это не может не принести страшного вреда как актуальной политике, так и историческому сознанию народов.

Курт Эггерс

О СВОБОДЕ ВОИНА

Моему третьему сыну Гётцу

Не стенают
Те, кто пали.
С нами встали
В новой связи.
Путь домой
Народу ясен.

Воззвание

Высоко над миром хаоса поднимается, источая на огромные расстояния яркий свет, гора полуночи, холм обетования. Посреди прибоев взволнованных дней он упорствует, круто и неприступно возвышается, пребывая во веки веков. Он предлагает убежище и Родину лишь немногим, привыкшим, жертвуя и испытывая нужду, вести опасное существование. Камень гор Севера так же холоден, как и суровы ветра, которые раскалываются об их вершины.

Слабого человека охватывает страх перед его варварской монотонностью. А люди, верящие в то, что красоту нужно искать только в хорошо защищенных от бурь и наполненных сладостным теплом долинах, боят-

ся, что их сердца неминуемо застынут в ледяном холоде того превосходства.

Однако есть те немногие, которые живут на горе свободы, чтобы быть вблизи солнца и звезд. Видя облака и пар, туман и пыль, словно огромные покрывала, ниспадающие на равнины, они понимают, что не смогут дышать внизу, где им так тесно. Они высматривают в подножиях гор нечаянно зашедших сюда прохожих и кричат каждому приближающемуся к ним слова предостережения, требуя того, чтобы он убрался прочь от этих ущелий и пропастей и никогда не приближался к ним впредь.

И если в мире начинает смеркаться и воцаряется мрак, если люди долин желают лишь вечного спокойствия и непрерывного счастья, тогда гора начинает пылать в полночи, и сердца тех немногих бодро и воодушевленно светятся, как ночные факелы.

И если от долин усталые мелодии разочарованных «благочестивых», жалобно звуча, возносятся вверх, то они посылают малую толику ликования своих сердец вместе с дующим ветром в бесконечную ширину бродящего мира. Иногда, если солнце свободы рассеивает туман или звездными ночами светятся факелами вершины гор, люди долин на время поднимают свои удивленные взоры, обращая их к немногим.

Они, быть может, содрогаются, когда видят людей, находящихся в самом горниле смерти, и одновременно чувствуют себя счастливыми в их безопасной низине.

Поведение немногих кажется им бессмысленным, так как они не могут обнаружить в нем совершенно никакой выгоды. Ведь им, на основе опыта, хорошо известно, что дневные плоды быстрее созревают в долинах, но никак не на высоких каменных обрывах.

Напрасно люди долин задаются вопросом о смысле той одинокой жизни. Только очень редко один из до-

лин, юноша, силой сумевший избавиться от сковывающих пут сна, держит путь в упорную и свободную уединенность.

На прощание он улыбается, но взгляд его уже видит огромные просторы, и больше ему не хочется хвалить тесное счастье долины. Он уже не замечает то, как близкие родственники плачут вокруг него, будто вокруг мертвеца. Позади него разрывают одежду в скорби от навеки потерянного, который, невзирая на них, продолжает двигаться на великую войну. Его с опаской расспрашивают, почему он поднялся против былого безоблачного существования. Но его великая Тоска не отвечает им, почему.

Одиночки — это стражники в вечных огнях свободы. Если в мире холодает, и в наступающем льду и снегу застывает все живое, тогда они поднимаются на вершину горы, дабы под высоким звездным небом возжечь огонь, который в могучем сиянии связывает небо и землю.

Кто хочет избежать мучительной гибели в затхлых долинах, тот отправляется к горе свободы. Таким образом, огонь — это знак тех, кто охраняет свободу и не выпускает меч из своей руки. Огонь — это враг всего слабого, он настолько же сжигает в своем пламени все отбросы, все гнилое, насколько и связывает благородное тверже и тверже.

В свете огня, пробуждающего и забирающего жизнь, Одиночки освятили свой меч, который они, уподобившись воинам, несут до скончания дней.

В огне закалена одна истина: меч есть символ вечной воли к свободе, которая является блеском могучего сияния, объединяющего звездное небо и просторы земли.

И железо, которое закаляется там, в огне, представляет собой наилучший дар, защищающий глубокий и таинственный всход, проросший из земли.

В мече сосредоточено все Возвышенное, все то, что земля и вечность даруют нам — железо и огонь, воля, бодрость и решимость.

Только Одиночкам меч раскрывает свое откровение.

«Меч — это право и правда», так гласит старая немецкая пословица.

Мечом рассекаются миры. Если меч ржавеет, то честь умирает, а вместе с нею исчезают и право, и правда. Одиночки знают, что в рутинной повседневности низин сгнуло больше сердец, чем погибло от меча, поэтому они не доверяют убаюкивающим будням, которые обычно называются «миром на земле».

И все же почему воин берет меч?

До тех пор пока существует северное мышление, до тех пор пока не угасло чувство силы — всем невзгодам судьбы будет бросаться дерзкий вызов. Человек Севера должен знать, что даже под самым толстым льдом еще дремлет жизнь, которую способно разбудить весеннее солнце. Он должен знать, что и за густыми облаками светится вечное солнце. Эта вера есть утешение, сопротивление, возмущение. Он никогда не покоряется обыденной жизни. В неприятностях крепнут его силы. И меч, который ковал себе воин, не является ничем иным, кроме как волей к сопротивлению, воплощенной в железе. Это самое глубокое знание воина, родившееся из закона вечного восстания, и сокровенный исток Севера гласит: последнее спасение лежит в мече! **Меч не ведает лжи, так же, как не ведает он и смерти.**

Кто вновь и вновь брался за меч, чтобы вызвать «жизнь» на поединок, тот шел, возвышаясь над всеми страхами, в страну своей мечты: в страну свободы!

Первый, кто выплавил себе меч, мог размахивать им только для охраны собственной жизни. Но, будучи носителем меча, стоящим перед наступающим неприятелем,

лем, он связывал свое упрямое знание с гордостью и противостоял враждебному. Преодоление страха возвращало в сердца носителей меча неслыханное самоуважение и побуждало их возноситься ввысь.

Свобода короновала Воинственность, сделав ее аристократизмом той части человечества, чья жизнь протекает в бодрости и готовности. «Быть сильным» являлось естественным требованием мужчин, знающих, что вся их сущность неразрывно связана с мечом.

«Тот уважает себя, кто защищается», объявляет пословица.

В знак своей честности воин не расстается с мечом и с наступлением мирных годов. И если роскошь наслаждения соблазняет его, воин на ощупь ищет меч, напоминающий об ослепительной свободе опасной жизни, в которой все видимые наслаждения блекнут перед превосходством великих подвигов.

Лишенный меча человек отдан на растерзание судьбе, а с мечом в руке он преодолевает то, что, казалось, не могло быть преодолено вчера.

Убеждения меча — это готовность к героизму, заключенная в сердце.

Меч приходится воину последним товарищем в то беспробудное время, когда все вокруг него сгустилось ночью смерти. До тех пор пока он носит меч, носит он и надежду на конечную победу.

Таким образом, меч приносит воину весть о жизни и с упрямой уверенностью наполняет ей его сердце.

Гордое осознание превосходства действия над любыми обстоятельствами позволяет воину снова и снова искать опасность в час испытания. Мир не был бы жизненно важен для него, стань он безопасным. **Поэтому сущность воина проявляется не в покое, а в грозовом штурме.** Он презирает ленивое спокойствие и прекрасно чувствует себя в сильном беспокойстве, где его переживания выплескиваются на окружающий мир.

Мужи Воинства каждый день тоскуют по манящей дали, полной опасности. Вооруженный мечом воин хочет познать все: мир и небо, вчера, сегодня и грядущее утро. Куда бы он ни проникал, в какие бы новые земли ни ступала его нога, всюду несет он горящие и светящиеся факелы своей страшной свободы как послание холма обетования.

Его жизнь — это штормовые волны, а не спокойная удовлетворенность. Люди долин видят в нем демона и ненавидят его, так как он сокрушает идолов их безопасности и сытости, которых они именуют «счастьем».

Они угадывают в нем соблазнителя своих сыновей, ибо он поет воинственные саги, обращенные к их юным сердцам.

Отважен дух,
Рассудок глух,
В крови копье —
В порядке все!

Воинские изречения о мечах так великолепно коротки, ясны и жестоки, и так же прямолинейны, как и сами воины, сочинившие их.

А песни воинов рассказывают о смерти, пред которой даже многих смелых охватывал страх.

Жизнь у воина тесно связана со смертью. Сегодня красавец, завтра мертвец! Эта пословица — явно не покорный поклон судьбе. Она служит напоминанием, призывом использовать каждый день своей жизни для действия, так как смерть останавливает любое действие. Близость смерти принуждает к скоплению в себе воли к жизни и в результате повышает жизнестойкость, из которой вытекает еще большее желание бороться за свободу.

Но не является ли каждый воин, черпающий радость из владения мечом и проливающий свою кровь, разрушителем собственной же жизни? Так презренные оби-

татели долин боязливо шепчутся между собой о том, что якобы каждый, кто отправится навстречу опасности, неминуемо погибнет в ней!

Они, эти люди долин, не знают то, что каждая прогулка в высокогорье определенно связана с опасностью падения. То, что каждый поход вдаль может завершиться гибелью. То, что каждый, пускающий корабль своей жизни в обетованный мир с полными парусами надежды и уверенности, подвергается риску навеки затеряться в бурях бытия. Укрытый в своем убежище, он, разумеется, живет в безопасности, не зная заботы и горя. Но самое главное, он живет бесплодно. Он не создает никаких достойных познания творений, потому что у него отсутствуют опыт, приобретаемый в авантюрных путешествиях, мудрость и уверенность.

Пропать ужаса, разверзающаяся под ногами защищенного человека, между тем спокойно преодолевается воинами, которые довольствуются своим законом существования, гласящим, что только смелым напором можно пробить дорогу к свободе.

Стоит ли вообще цель того, чтобы человек тратил всю жизнь на пути к ней? Такие сомнения вечно ропщут в боязливых сердцах. Ибо они считают, что недостигнутое нельзя воспринимать как результат! Однако воины не являются холодными машинами, они действуют не ради награды, а из-за своей тоски.

Земля за тысячелетия стала необозримым полем мертвецов. Согласно закону отрицания отрицания умершее дает нечто новое в измененной форме. Даже стебелек не умирает, не вызвав каких-либо изменений.

Воин и трус покоятся на одной и той же земле в состоянии извечного противоречия, но слабые тут же со злобой твердят, что смерть в конце концов уравнивает

всех. Таково их утешение, так тешат они себя тем, что смертью могут приравнять предателя к верному.

Но они ничего не ведают о ветре, веющем над могилами и пробуждающем волю к свободе, которая когда-то наполняла сердца воинов, о силе, сохраненной в вечности, когда знаменосное сияние на горе снова преображается. И имена самых отважных будут гореть там факелами!

Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но знаю одно,
что вечно бессмертно:
умершего слава¹.

Это серьезное и ответственное учение о вечной жизни воина; учение, которое могло возникнуть только в условиях дальнего Севера, на горе полуночи.

Имеется в виду вера воинов в будущее воскресение мертвых: исполненные чувства уважения воспоминания о тех, кто самоотверженно рвал плывущие с небес облака бесчестья, пытающиеся окутать солнце.

Народ — это то, чего желает его душа! Однако исполнители сей воли — воины. Поэтому народ живет в их действиях.

Воля нации воплощается в империи, за которую боролись и пали в битвах воины. Они безоговорочно посвятили долгу свою жизнь, отказавшись тянуть в ней какой-либо жребий.

Перед волей нации, праведной волей к бессмертию, на которое способен только сильный, воинственный народ, все мертвецы должны откликаться как на звание.

---

¹ Цит. по: Старшая Эдда. Речи Высокого. Пер. А. И. Корсуна (прим. пер.).

Когда национальной волей задается вопрос: «За что вы умерли?», все слабые должны молчать. Ведь им неизвестны причины их смерти, так как при жизни они отдали себя в лапы случайных идолов.

И лишь подлинные воины смогут дать ответ, указывая на свои свершения, служившие охраной, решимостью, бодростью и сиянием. Только немногие отправляются в единственную, настоящую вечность, в вечность нации, построенной ими же.

Слава и ценность свершений отличают нетленное от гнили.

Но кто же является воином?

Вовсе не тот, кто готов отдать свою жизнь. Существуют мечтатели, святоши и глупцы, которые разбрасывают своей жизнью с разрушительной яростью самоубийц лишь ради кажущейся мишуры. **Способность умирать еще не является признаком превосходства.**

Вовсе не тот, кто без возражений носит военную форму и оружие, чтобы по истечении определенного срока вернуться в обычную колею жизни, прерванную недобровольной службой, и всю оставшуюся жизнь с горделивым восторгом преподносить себя как «защитника Отечества».

Воином можно стать только по своей крови, так как Воинственность — это радостный крик души, которая стремится к далекому горному горизонту. Это очищенная суть человека, в котором тоска по свободе победила соблазн безопасности.

Воинственность — это жизненный уклад сильных, посвятивших свою жизнь рискованным предприятиям. Это вечно готовые к борьбе, очищающие все то, что мешает их глубокомысленному познанию, они постоянно при оружии, мобилизованные против неприятностей судьбы.

Жизнь воина не является «счастливой», если подразумевать под этим заключение мира с судьбой и

повседневностью. Она знает больше горя и ран, разочарования и провалов, чем жизнь обывателя. Но удовлетворение, превосходящее все счастье земли, дается воину путем осознания его творческой значимости.

Упорство и гордость непокорно кипят в войне, в то время как находящиеся в безопасности обыватели довольны и счастливы сытым существованием.

Мужество воина зависит от того, что он, невзирая на угрозы, вновь и вновь идет на опасные предприятия, чтобы сделаться сильнее. Со временем он начинает требовать на поединок все более сильных противников, чтобы в новых победах закалить свою духовность. При прохождении этих выматывающих испытаний он должен быть готовым однажды оказаться побежденным. **Принести эту демоническую сверхволю на алтарь победы своей нации — вот последняя мудрость воина.**

Быть ценным — вот цель его существования.

Указание на его с честью выполненный долг, на его действия является ответом на воззвание!

Мы знаем круг народных бед,
Мы знаем и смерть от орудий.
Мы — борцы за пространство и хлеб,
И честь мы себе добудем.

ПЕРВАЯ НОЧНАЯ СТРАЖА

О чести солдата

Мы сидели возле костра, мой товарищ.

Это была одна из тех майских ночей, не очень приятных и довольно холодных.

Прохладный пар медленно поднимался от земли и заставлял нас придвигаться друг к другу.

Звезды ясно и прохладно мерцали из их непостижимой дали, а шептание ветра заглушало хлопки от выстрелов, звучавших где-то вдалеке.

Ты пел песню, которая была сочинена в дни жарких сражений с превосходящим врагом, после того как мы навсегда похоронили последнюю надежду на возвращение домой.

Максимилиана-кайзера, Боже,
Храни! У него теперь орден тоже,
Шагает орден по стране
С тамбурами из кожи:
Ландскнехты все оне.
Пост и молитву давно забыли,
Завидев их, прячутся в монастыри
Затворники да попы.
Ландскнехты же в Гартзегель
Направили стопы.

И мы примолкли, когда ты окончил пение. Мы внимательно подслушивали саму ночь, а все наши мысли устремлялись к предавшей нас Родине. От Родины они устремлялись к врагу и к опасности, подстерегающей нас.

Ты знаешь, товарищ, что дыхание наше было тяжким, и мы изо всех сил старались сдавить стенания.

На ощупь искал ты мою руку. Так, будто ты хотел найти подтверждение тому, что мы в нашем одиночестве все же не были потеряны насовсем.

Они называли нас ландскнехтами и желали, чтобы это стало для нас упреком, мол, жажда приключений подавляет в нас спокойствие, и мы радуемся войне, из которой нет дороги назад, и потому нам нельзя давать в руки оружия.

И мы, сражавшиеся во фрайкорах, снова взяли себе это имя, из непреклонности перед ними, позорившими нас, и из уважения перед теми, кто однажды собрался под высокими знаменами своей Родины в час, когда ма-

ленькие, но властолюбивые князьки раздирали на части нашу империю. Мы стали ландскнехтами. Родина позвала нас. А круги, которые не знали ничего, кроме жажды денег и всепоглощающей наживы, называли нас нарушителями спокойствия, непригодными ни для какой работы. В их глазах мы были лишенными рассудка жертвами войны, одичавшими солдатами.

Мы покинули ряды безопасного и обывательского. Наши кокарды отныне украшали цвета, которые больше не желало знать государство. Ночью, пробираясь сквозь туман, мы выносили наши винтовки из казарм и амбаров, прежде чем те закрывались. Нашу униформу никто больше не ценил.

Война заканчивалась, и мы оказались потерянными. И нас обзывали глупцами, которые не могут смириться с новым временем. Нас высмеивали тем, что мы живем вчерашним днем, как запоздавшие романтики на полях сражений. Но мы остались несмотря ни на что!

Тюрьма ждет нас, вернись мы на обжитые места, ибо мы продолжали защищать наши ценности вопреки всем запретам.

Мы думали об этом, товарищ, той майской ночью, когда огонь горел, а наши глаза вглядывались в даль, наблюдая бывшую Родину, ставшую такой отчужденной.

Затем, наконец, твой взор искал в мерцающем заре-ве пожара мой взгляд, и ты начинал говорить.

«Нам отказали в чести», — сказал ты.

Честь!

Когда мы поднимали измазанное в грязи знамя и очищали его трясущимися руками, чтобы оно вновь взвезлось в отчаянном шторме, мы полагали, что будем последними и первыми носителями чести.

А теперь? Там у нас нет чести?

Ты замечал сомнение в моих глазах и осторожно клал руку мне на плечо.

«Вероятно, мы действительно не обладаем буржуазной честью, — снова начинал ты. — И, наверное, мы должны вынуждать самих себя преодолевать это последнее декоративное украшение умирающего общества. Что гражданин сейчас понимает под словом «честь»? Она не является для него ничем другим, кроме как маленьким садом, в котором он должен заботиться о своих любимых цветочках. Он наслаждается их видом и боится однажды увидеть их увядшими. Поглядев на эту «честь», ты сам должен вынести приговор ее лживости. Чего только у них нет, и «показная честь», и «семейная честь», и «женская честь», чем ближе ты на все это взглянешь, тем более отчетливо установишь, что эгоизм и тщеславие, самонадеянность и безнаказанность в пороке служат истинными движущими силами этих «понятий о чести». Рассмотрим только то, что они понимают под «женской честью». Каждая падшая и невоздержанная женщина была бы собственностью всякого обывателя. Только если другой «соперник» начинает вдруг оспаривать его права на женщину, то они считают эту склоку вокруг возлюбленной «делом чести» и готовы бороться за свою «честь» вплоть до кровавого исхода. Кто может объяснить, где тут начинается честь, а где кончается тщеславие? Мы рады, что больше не встраиваемся в подобные «поединки». Ибо каждая женщина, которую мы любим и которая любит нас, имеет неприкосновенную честь, осуществляемую в материнстве. Кто может отобрать честь у женщины нашей любви? Если кто-то из обывателей, в безмятежности своего роскошного существования не сумевший удержать себя от своих пошлых мыслишек, вдруг протягивает жадные руки к женщине нашей любви, то мы бьем его кнутом, прогоняя как дворняжку, вставшую у нас на пути. Но все же это не «дело чести». Тот, кто думает иначе, должен был бы унижаться перед мирком

жадных. Женщина, предавшая воинственного мужчину ради похотливого бездельника, не стоит ровно никакого нашего внимания. Мы бы расстались с такой женщиной. Это уже вопрос не чести, а чистоты. Я считаю, что наша честь — нечто более великое, не побоюсь произнести это слово, более светлое. Наша честь должна быть по ту сторону всех низменных смыслов».

Здесь ты умолк, и я по твоему молчанию догадался, что ты подумал о своей белокурой и молодой девушке. Однажды, когда в перерыве между боем мы лежали в низине под опускающимся солнцем, ты показал мне изображение твоей девушки. Она была с ребенком на руках, с твоим ребенком. Но под руку ее держал совсем другой мужчина.

«Ты прав, — говорил я, — разветы мог опасаться измены такой женщины? Сомнение и измена тесно соприкасаются друг с другом. По моему мнению, мать наносит себе оскорбление, не сумев удержаться от искушения».

В течение нескольких последних дней мы говорили о том, что, двигаясь на восток во имя продолжения нашей борьбы, мы взорвали все буржуазные мосты за нашими спинами. Семейная честь? Большинство членов наших семей вертело головой, услышав о нашем походе; ради семьи и с учетом нашего бывшего преуспевания они призывали отказаться от «приключений». Все, что не служило преуспеванию, обогащению, обывательскому «счастью», огульно обозначалось как «приключение». И так как мы сознательно удалялись из безопасного, мы становились «искателями приключений». Многие «законы чести», которые обыватели установили сами себе, оказались разрушены нашим железным маршем. Поэтому, согласно обывателям, мы «бесчестны».

Мы чувствовали взбалмошность и самомнение их порочного мышления и презирали это всем сердцем.

В течение нескольких дней после того, как мы взорвали все мосты и стали одинокими, нами овладело ощущение того, как все же далеко мы ушли от обывательщины с ее жизненными правилами и моралью.

Снова ты говорил, и голос твой дрожал от какой-то таинственной радости: «После того как мы бросили нашу личную жизнь, мы отделались и от их проклятого понятия буржуазной чести каждой личности, в которой они валяются, как зяблики в грязи. Мы узнали, что единственная настоящая честь — это когда ты ставишь жизнь своего народа превыше своей собственной. Соддатская честь — не частная обязанность, а клятва верности будущему нации до смерти. Погляди на этих «уважаемых», живущих в безопасности. Они хвалятся своими белыми жилетами, они имеют вес до тех пор, пока сколачивают денежки на своих очень сомнительных предприятиях, до тех пор, пока не совершили очевидное преступление. Ты понимаешь? Позорный подлец обладает статусом человека чести, а трус, бегающий от суда к суду, требует защиты его «чести». Что мы обыкновенно имеем общего с такими людьми? Вообще ничего, и меньше всего честь! Уклоняющийся от военной службы может ссылаться на благородные мотивы, на любовь к людям, на религию, в распоряжении у него будет много понятий и речевых оборотов, которые придут ему на помощь, и весь буржуазный мир примется яро утверждать, что этот человек действует из «честных мотивов». Но в нашем смысле он так и останется бесчестным, ибо терпит, когда его народ унижают. Он всего лишь пошлый эгоист, рассматривающий свою ничтожную и жалкую личную честь, не требующую от него никаких жертв, важнее чести его страны. Для нации этот жалобный тунеядец не представляет никакой ценности!»

Я соглашался с тобой, друг. Мы уходили из этого

мира, унося с собой наши отжившие ценности; мы умирали, как боги ветхой, устаревшей религии, устанавливая при этом наши законы и обычаи. Не на железные плиты начерчивали мы свои приказы. Но глубоко в сердце был зарыт наш клич: Свобода!

Мы делали все в соответствии с этим кличем, действием и мышлением, этой волей и планом, а прежде всего в соответствии с честью.

Суд меча — безжалостен, опасная борьба оценивает мужчин по закону солдатской чести.

Горе пренебрегающим его требованиями, ибо эти требования являются законом целой нации. Тот, кто уклоняется от их исполнения — предатель.

В наших рядах сражались старые полевые солдаты, исполнявшие свою воинскую профессию с естественной невозмутимостью. Они говорили не много, смеялись еще реже. Их манеры были весьма жесткими. Их песни ни в коем случае не имели высоконравственного содержания. Они пренебрежительно улыбались каждому патристическому обороту речи. Но они появлялись всюду, где была опасность. Они жили в шумной, дикой радости, даже хмельной напиток был для них безвкусным, если гром орудий звал к битве. Они оставляли все самое прекрасное позади и брали на себя все самое тяжелое. Холодный разум живущего в укрытии обывателя никогда не рассчитает причин их безудержного влечения к опасности.

Огонь уже почти погас, и я, заметив это, должен был встать и пойти собирать древесину для костра.

Наконец ты снова начал говорить. «Добрая воля, благодаря которой солдат решается исполнить свой самый опасный долг, является масштабом, измеряющим его образ мыслей в соответствии с честью. И на пути к чести остается тот, кто побеждает в борьбе с искушениями и низким духом. Отбиваясь от бесчисленных

соблазнов, которые хотят купить его жизнь и лишить чувства долга, он получает в награду слух, позволяющий расслышать все приказы солдатского закона. Предназначение старого солдата — в ужасной борьбе последних лет, посреди заката всех гражданских представлений, где он жертвует жизнью ради идеалов, которые обязательно воплотятся после ухода этих скучных будней. Тот, кто ежечасно встречает смерть со всеми ее страхами, ищет и находит солдатскую честь, перед чьим сиянием бледнеет тьма смерти — почему такой не сдает своих уже потерянных позиций, тогда как трус ухватывается за любую возможность поскорее уклониться от сражения? Потому что честен, ты же понимаешь это. Его честь не прописана в уставе, и никому не найти ее формулу. Она может быть не вознаграждена, она никем не охраняется. Честь солдата — это идея доброй воли и жертвы, без которой невозможна жизнь нации. Честью располагает тот, кто служит во исполнение долга».

Я кивал. «Как все-таки забавно проявляется мещанское понятие о чести «белого жилета», той маленькой личной чести, которую ревнует обыватель, будто бы это какое-то сокровище, которое у него могут украсть ночью. Разве солдат может иметь похожий страх! Ведь ему-то известно, что никто не может вырвать у него из сердца идею чести, ради которой он взялся за оружие».

Ты смеялся. «Да на что нам эти убудыки, когда мы даже не заботимся о приказах их такого же трусливого государства, предавшего честь! На что нам они, когда сама их лживая власть уже пригрозила нам судом и тюремным заточением! Они будут ставить на нас клеймо преступников, будут мучить и пытаться усмирить нас. Однако что позволяет нам всего лишь рассмеяться при таких обстоятельствах? Не что иное, как знание о

своей неистребимой чести. Рассуди сам: они могут исключать нас из их приходов, из их чествований, из их благополучия, даже отлучать нас от их богов, но они не в состоянии разъединить нас с нашей честью, ибо она горит в наших сердцах яркими сполохами пламени и постоянно пребывает с нами, идем ли мы в штурмовую атаку или валяемся на тюремном полу. Наша честь отказывается от любого их чествования. Более того, она вообще направлена против чествований, так как они в большинстве случаев продажны и оказывают тлетворное влияние. Честь — как идея, а не имущество, честность — как служба, а не привилегия, вот так наша солдатская мудрость вторит нам!»

Мы не угаивали: военное ремесло действительно приносило нам радость, а сама война была для нас не только разрушительной силой, но и великим судом, возвышающимся над ценностным и преходящим. Без радости в борьбе мы не осуществляли бы с такой преданностью наши обязанности, а исполнение долга без радости закончилось бы в невыносимом принуждении.

Поле брани вновь и вновь появляется, как пробный камень для наших сердец. И мы без обиняков соглашались, что опасность стала солью нашей жизни. И с дрожью помним, что тот мнимый мир, существование в котором представляет собой не что иное, как покорные поклоны вражескому произволу, однажды должен будет возвратиться.

Мы решили, что, пока дышим, мы обязаны разрушать бесчестное государство и посвятить все силы созиданию солдатского государства, государства нашей чести.

Не только война сформировала нас, но и мы придали ей более высокий смысл, дали ей то значение и идею, которые мы несли. Ведение войны означало для нас не только претерпевать войну с ее ужасами, с ее кровавой

болью, помимо того, оно означало для нас великую задействованность отважных сердец, уважающих и даже любящих в подтверждение этой самой отваги, что была в ряду наших ценностей.

Мы не были намерены отрицать того, что стали воинами из инстинкта, мы не стыдились этого инстинкта, а, наоборот, гордились знанием того, что он вырывается на волю из нашей крови, требуя от нас действия.

Мы узнали, что войны начинаются только из-за крайней национальной необходимости.

Если сигнал к битве все же будет подан, то всплывут наивысшие солдатские добродетели, и часы этого пожара могут и должны будут принести настоящему солдату, воину мгновения наивысшего переживания. Должны ли мы стыдиться нашей гордости тем, что нам довелось жить в воинственные времена и слышать отзвуки военного грома в наших сердцах?

Тогда, мой товарищ, ты озвучил мысль, которой оправдывается наша восторженность войной: «Воля к войне рождается из-за тяги к преодолению низких инстинктов».

Итак, воля к войне!

Нельзя отрицать, а также подавлять ее. Пожалуй, мы должны руководствоваться ею.

Откуда появилась эта воля? Из воли к опасности? В каждом зачатке жизни находится воля к бунту, к безусловному желанию бытия.

Положение греческой философии: «Борьба — это отец всех вещей» — исконно германское. Борьба каждого семени за освобождение от корки, борьба каждого дерева за свет вынуждает нас верить в правоту этой греческой мудрости. Борьба между животными мужского пола берет свое начало от естественного закона отбора сильнейшего, закона возвышения сильного за счет слабого. **Природная воля к борьбе — это признание вечной жизни за лучшим.**

Великая война на земле — это явление, сопутствующее развитию, служащее постоянным продолжением природы. Это не катастрофа, но обоснованный закон.

Это не признак примитивного варварства, когда вооруженный мужчина ищет противника.

Но почему же мужчину тянет на войну?

Только ли это опьяняющее воздействие силы крови?

Война привлекательна не как политическая необходимость, а как отбирающее сильных развитие природы.

Война — недвусмысленный оракул, она дает ясные ответы на вопросы сердца.

Душевнобольное время не осознает исконной воли, и в соответствии с пацифистским и религиозным учениями хочет погасить огонь воинственного воодушевления. Любой пацифизм, любая миролюбивая религия кастрирует творческого человека в принципе. А кастрация равнозначна смерти!

Время же, которое, напротив, связывает жаждущую войны волю с планомерными политическими действиями, помогает народу приобретать воина, который приведет нацию к ее наивысшим достижениям.

Там, где жажда крови направлена на исполнение долга, есть жизнь!

Мы говорили с тобой о целях борьбы оленей, мой товарищ.

Ты прочитал в какой-то буржуазной книжонке о том, что олени борются за самок, дабы тщеславно продемонстрировать свои силы. Такая точка зрения казалась нам глупой и нелепой. Человек, написавший такой вздор, наверное, сам был не прочь поблистать перед женщинами своей красотой и «мужским» поведением. Поединок же оленей ведется только за умерщвление слабого. Сильный добывает самку, а вместе с этим и право на потомство!

В этом случае исконная воля направлена на достижение высшего порядка вокруг сильного. Может ли человек решиться спорить с законами творения, обнаруживающимися в животном мире? Нет, он должен быть достаточно лукав, чтобы не заметить это, и труслив, чтобы изобрести себе религию, в которой он вылавливает на удочке свои законы от имени изобретенного им же самим «чудесного» бога.

Человек, старающийся уклониться от выполнения суровых требований жизненного закона, несмотря на то что считает себя «зрелым», на самом деле является донельзя примитивным. Он болен и достаточно глуп, воспринимая свою болезнь как некое развитие.

Мы находим верным утверждение: **«Общность сильных людей, самобытная элита нации, должна постоянно искать могущественного противника для битвы и в ожесточенной борьбе с ним возноситься в бессмертие».**

Сильный человек нуждается в противостоянии!

А ночь освещалась первыми сумерками.

Твое лицо казалось бледным, а мерцающий свет огня придавал тебе нечто фантастическое, мой товарищ.

«Мы могли бы быть довольны нашей судьбой; тем, что сейчас мы с тобой воины, в то время как обыватели спят». Сказав это, ты сделал движение рукой, уводя ее силуэт в сияние огня и темноту ночи, будто бы этим ты хотел подчеркнуть свою фразу. «Думаю, хорошо как раз в эти недостойные времена знать о своем долге, сохраняющим тебя от гибели в вихрях позорного заката, и сквозь преграды тирании отчаянно рваться на волю. Большинство же людей просто-напросто забывают о своем долге, оставшись наедине без приказов и команд».

Я соглашался с тобой. «Команда будит во многих дремлющую совесть; если они слышат команду, то тут

же ощущают зов собственного внутреннего голоса, который мгновенно выдает себя. И они — хорошие солдаты до тех пор, пока существуют команды. Но если слова команды замолкают, они становятся беспомощными и сломленными, а также совершают ошибку, пытаясь найти потерянную цель. Воин же всегда внимает стальному приказу чести, даже в то время, когда никаких команд не дается. Он воспринимает сияние долга, которое не имеет никакого языка. Он вышел из лона природы бодрствующим и более зорким, нежели большинство других людей. Его добровольная готовность воевать есть долг, путь которого ведет к спасению».

Ты кивал на это. «Во фрайкорах у нас имеется миссия — исполнить приказ солдатской чести, чтобы тем самым достичь исполнения нашего долга. Мы делаем это с поразительной легкостью, в отличие от «солдат по принуждению», ибо наше повиновение исходит из более возвышенного знания и более глубокого понимания».

Мы беседовали о повиновении, улыбаясь, ведь буржуазный мирок как раз обвинял нас в неподчинении ему. Я убеждался в категорическом неприятии окружающей средой реющих по ветру свободных знамен добровольческих корпусов.

И все-таки мы верили, что будем послушны. Разумеется, не обывателям, испытывающим радость при каждом новом грешке. Мы никогда не подчинимся им, даже если это будет грозить нам неволей. Вначале мы слышали некие отдаленные призывы, исходящие из недостигаемости. Сначала слабые, но затем все сильнее и отчетливей доносились они до нас. И когда мы начали прислушиваться к ним, тут же смогли понять, какое эхо производили эти призывы в наших сердцах. Мы уяснили, что должны повиноваться. Наш долг требовал послушания.

Ты подчеркивал одно положение, товарищ. «Повиновение есть воля к безусловному исполнению долга, который задан нам законом чести».

Согласно этому отбор наиболее послушных происходил как раз в добровольческих корпусах. Поэтому фрайкоровцам было легко идти в бой против численно превосходящего противника. Ведь перед ними в атаку шел их вождь, обладавший сильнейшей волей к исполнению долга; в таких шквальных атаках и познавалось солдатское повиновение. То ли дело какой-нибудь младший командир, распутничающий вместо того, чтобы заботиться о подопечных. Так различается между собой истинное повиновение и повиновение внешнее, фальшивое. Дисциплина во фрайкорах в первую очередь выражалась в признании превосходства вождя.

Как же много означает это утверждение: ценность подразделения добровольцев зависит от ценности их руководителя, исполняющего закон солдатской чести и верно служащего идее!

Ты служил еще в кайзеровской армии довоенного времени, товарищ, и тебе было ведомо, когда поверхностная команда не срабатывает, и все «повиновение» в итоге заканчивается.

«Фрайкоры, — говорил ты, — в их воле, их цели, их повиновении заложено все. При полном рассмотрении ты увидишь там средоточие всех высоких воинских идеалов. Регулярная армия в большинстве состоит не из добровольцев, а набирается из призывников. Призывники должны подбираться туда по очереди, в соответствии с физическими и психическими данными, все они должны быть единообразны, иначе армия не будет армией. Командующий армией преодолевает большие трудности, чем командир фрайкора. Он нуждается в единообразной армии с большим количеством руководителей и младших командиров, которые не только

повинуются его приказам, но и сами отвечают за то, чтобы их подчиненные выполняли все команды свыше беспрекословно и слепо. Их повиновение — это гарантия успеха планов полководца, на которые он возлагает веру и надежду».

Следовательно, я понимал, что убедительна та армия, у которой есть наибольшая физическая и психическая однородность. Немецкая нация, чья воинственность проистекает из народной крови, располагала бы лучшей регулярной армией в мире, так как она достигла подобной однородности в самом полном объеме.

«Естественно, все именно так, — заверял ты, — в итоге мы достигли очень высокого уровня солдатской дисциплины, с твердостью добиваясь этого результата. Мужчина в шеренге больше не был свободной личностью в буржуазном смысле, а был солдатом, которого упражняли посредством муштры до тех пор, пока в его подсознании не вырабатывалось идеальное повиновение, полностью превращая его в боевую единицу. Равномерный шаг приводил к осознанию того, что он стал единицей одного целого, которое могло считаться безупречной в военном смысле только тогда, когда даже самая маленькая ее часть работала абсолютно безошибочно. Армия должна быть абсолютно точным часовым механизмом. Для того чтобы часовой механизм действовал слаженно, нужна муштра. Требовалась тяжелая кропотливая работа до тех пор, пока каждая отдельная его часть безупречно не смирится перед общим.

Я добавил, что предпосылкой к планомерной последовательности этого часового механизма есть и будет добровольный настрой каждого отдельного солдата.

«Верно, — говорил ты, — в конце концов, это зависит от боевого духа, воодушевляющего подразделение. Муштра никогда не займет место духа. Кайзеровская армия совершила непростительную ошибку, предоста-

вив муштре первостепенное место. Чем больше заданий будет даваться отдельному мужчине, тем быстрее будет расти ответственность в нем, тем больше будет это зависеть от духа, от надежности.

Добрая воля играет решающую роль в опасные моменты. Чем ближе подступал конец войны, тем лучше мы понимали, что боевой дух важнее шагистики, которая предназначена лишь для поддержания дисциплины. Пришедшая в духовный упадок часть не представляет никакой боевой значимости. Боевой дух подразделения не в последнюю очередь отражается в его манере держать себя, которая вырабатывается не в муштре, а в осознании своей чести и достоинства. Вспомни о старой, замученной муштрой прусской армии, погибшей под Йеной и Ауерштадтом. Такие люди, как принц Луиз Фердинанд, напрасно торжествовали по поводу достижений в шагистике. Да, прусские солдаты стреляли, заряжали, чистили оружие, потом опять стреляли, точно так это было предусмотрено в строевом уставе. Их строевая подготовка была настолько превосходной, что они стояли на поле сражения как на плацу казармы. Но то, что было действительно важным при Фридрихе, возле Йены показало себя полным пережитком».

Я перебивал твою речь. **«Это означает, что подразделение полностью должно жить в духе свободных идей своего времени и то, что идеи должны стоять во главе войска, придавая подразделению его настоящую боевую значимость».**

Ты улыбался моему усердию. «Правильно! Наполеоновское управление войсками было иным, нежели в войсках отсталых как в духовном, так и в психическом плане прусских генералов. И вера в свободные идеалы нового времени, господствовавшая в наполеоновских подразделениях, оказалась сильнее муштры прусских гренадеров. Наполеон мог фанатично настраивать сво-

их солдат, а пруссаки более не обладали Фридрихом, который когда-то был для них примером прусской воли. Своими победами Наполеон наглядно доказал, как важна для исхода сражения непоколебимая, фанатичная вера солдат в исполнение долга. Лишь когда старые прусские идеалы пробудились не только в воинских частях, но и во всем народе, только тогда доселе непобедимый Наполеон впервые оказался на месте побежденного. Это прежде всего показывает, что непоколебимая воля народа в свободу сильнее всякой империалистической идеи. Ибо первая вытекает из крови, а вторая из практических соображений».

Мы говорили о величии духа, непобедимости народной воли, которая господствует над полем брани и которую прусский генерал Клаузевиц относил к главным движущим силам.

Клаузевица следует рассматривать как основателя современной теории солдатской чести. Он приложил все требования и выводы Канта к муштре прусской армии, части которой этически поднялись намного выше привыкших к победам наполеоновских армий.

Гениальный Шарнхорст делал из профессиональной армии народную армию, вместе в ней объединяя целый народ под знаменем закона солдатского долга, и это заставляло людей отказываться от их личных забот, оставляя позади себя все эти ненужные пережитки.

Барон фон Штейн начал великую прусскую революцию, которая побудила нацию сражаться за свою честь и место в мире.

Заново приобретенная в 1813-м солдатская честь позволила народу одержать победу в освободительном восстании.

Пруссакки тогда стали народом солдат, тем самым превзойдя Наполеона, командовавшего народами, но не Народом!

Светало.

Огонь потух. Мы поглядели в сторону противника и услышали эхо становящихся все более многочисленными выстрелов.

«Только этого и надо, — заканчивал ты беседу, — в каждой народной армии будущего должна господствовать честь солдата. **Кроме всего прочего, это означает и то, что командир части не должен позволить воинственному инстинкту зачехнуть под бесконечной муштрой.** Его благоразумие познается в его способности найти и различить самых смелых. Он создаст из них армию, которая рвет в клочья всех своих врагов, устремляясь ввысь, к небу. Также необходимо поддерживать свободолюбивый дух фрайкоров в такой народной армии. Он будет воодушевлять лучших, сопровождать этих бестий на всем их пути к исполнению солдатского долга».

Мы взяли оружие в руки и двинулись навстречу сражению.

Нынче нам идти походом
В земли дальних вражьих стран.
И знамена наши новой
Станут Родиною нам.

ВТОРАЯ НОЧНАЯ СТРАЖА

О верности солдата

За нашими плечами осталась тяжелая борьба, и наши ряды сильно поредели. Получать снабжение не представлялось возможным, так как все пути, ведущие к Родине, оказались перерезаны, и палачи трусливого «государства» охотились на каждого истинного солдата, сердце которого приказывало отправиться к нам, как к преданному всеми, но последнему фронту.

Мы еще теснее пододвинулись друг к другу и пообещали себе, что чем больше будет нарастать ненависть вокруг нас, тем фанатичней мы будем удерживать наши позиции. Перед нами стоял враг, оснащенный оружием целого мира, ведомый самими фанатичными ненавистниками всего германского, поддержанный любовью и доверием выродившегося народа. Мы знали, что заново должны создавать себе Родину и что до тех пор мы будем в Германии в лучшем случае лишь гостями, а в худшем — незнакомцами и просто чужаками.

Давно у нас не было такой слабой надежды на спасение. Кто должен был прийти и спасти нас? И куда мы должны бежать спастись? Мы думали, что там, где сейчас наш боевой рубеж, лишь честь Германии еще жива. Там реяло наше боевое знамя, которое несло ее, еще живую, вдаль. То, что чудеса не падают с милостивого неба, мы как солдаты слишком хорошо знали. **Великие свершения прибывают из великих сердец, а не из безысходных молитв!**

Нам не оставалось никакого иного пути, кроме как пути непрерывного нападения, который предлагал нам своим упорством когда-нибудь добиться поразительного успеха. Это было большим приключением всей нашей борьбы, неким подобием игры, где большое напряжение сочеталось с возможностью получить большую прибыль.

По-странному мы торжествовали, осознавая долг, и возвышенно чувствовали себя из-за неповторимости нашего солдатского приключения, гордясь во время всеобщего падения, развала и опошления нести свое оружие, которое когда-нибудь приведет к свободе.

Мы сидели в низком помещении для торговли спиртным одной гостиницы в маленькой деревне. Оставалось недолго до полуночи.

Свеча, вставленная в горлышко бутылки, давала достаточно света, чтобы ты, мой приятель, мог спокойно листать томик Ницше, который ты всегда носил при себе. Однако вскоре ты отложил книгу и пристально начал смотреть на огонь. Мы говорили о минувшей атаке на Аннаберг, хотя незадолго до нее командиры дали на совете честное слово не атаковать его ни в коем случае.

Ты внезапно рассмеялся, так что напугал меня. «Знаешь ли ты, что в старом буржуазном мире был в ходу обет: «честное слово», следовать которому было для каждого делом чести, почти что святой обязанностью? И сегодня мы видим нашу задачу в низвержении этого обета, ибо так нужно для нашей освободительной войны». «У нашего повстанчества иные законы», — подтверждал я.

Ты кивал. «Я думаю о старом немецком высказывании, что вся честь познается в верности. Мы уже говорили, что являемся верными в момент вероломства. Нет никакого сомнения в этом. И мы подтверждаем нашу честь через исполнение долга верности, мы живем этим. Это знание оправдывает нашу борьбу, наше мужество, готовое к постоянной атаке. Когда германцы однажды восстанут, их будут травить как «бесчестных».

«Мы победили, — сказал я, — и это с лихвой оправдывает все нарушенные слова». Ты покачал головой. «Нет, победа не существенна. Наш натиск мог бы захлебнуться в огне. И что дальше? Мы тогда не оказались бы правыми? Нет, для оценки нашего поведения важен не результат, а ход мыслей. В любом случае мы должны гордиться этим нарушением слова. Мы служим более высокой верности, верности идее, верности нации. И ради этой верности можно принести любую жертву. Не готовы ли мы лишиться жизни? Не полны

ли мы решимости вычистить предательскую гниль из Германии? Кто знает, может быть, придет время, которое потребует от нас выполнить клятву Республике с заданием спасти оружие к новой освободительной борьбе. Тогда я был бы готов выполнить эту клятву, чтобы нарушить ее при первом удобном случае во имя преданности нашей высокой идее». Мне запомнилось мгновение, когда при этих словах ты положил мне руку на плечо.

«Я знаю, — продолжал ты, — наверное, это звучит жестоко. Но подумай, как легко мы могли воспользоваться этой возможностью и какие бы последствия это имело. **Подлое правительство легко связывает смелых и верных мужчин непосильной клятвой, увековечивая тем самым свое правление.** Но есть более возвышенная верность, клятва, принесенная нами на алтарь борьбы. Она превыше всех их клятв, вместе взятых. Предательское государство считает клятву себе непререкаемой. Но истинная верность освобождает нас от упреков в нарушении присяги, да, в определенные моменты она требует от нас попрания слова. Вспомни Йорка, нарушившего свое обещание. Подумай обо всех великих переменах в истории. Не происходили ли, по крайней мере, многие из них из-за нарушения обязательства, данного недостойным? Предательские и трусливые тираны пытаются посредством клятвы связать людей со своей ничтожностью. Разрыв этой клятвы проводит наверх лучшие силы, ростки нового порядка, не желающего покоряться лицемерию. Мелкие сердца разбиваются в таком конфликте, но солдаты в своих действиях поднимаются выше, навстречу последней одинокой горной вершине, где все сознательное и верное спаяно в единый кулак. Лишь сильные способны на такую неслыханную жертву. Их возмущение — это подъем из-под гнета рабских будней, их сопротивление — это со-

противление против сдвливающей несправедливости, принуждающей к покорности, их возвышение — это осознание подлинных понятий чести, их восстание — это штурм бастионов измены».

Некоторое время мы молчали, обдумывая наши мысли. Мое сердце при твоих словах билось сильнее. Определенно еще сегодня с нашими мыслями и действиями мы были мятежниками. А завтра могли быть уже субъектами права освобожденного Рейха. В конце концов мы вновь и вновь говорили себе, что только успех оживит картину, нарисованную нашим революционным воображением. Наша задача состояла в сохранении находящихся под угрозой солдатских ценностей. Мы чувствовали себя обязанными воинской идее, а эта идея принуждала нас объединяться и любой ценой противостоять разграблению Рейха.

«Нарушение слова, — так обобщал я, — случается, как правило, только тогда, когда солдат не видит иной возможности противостоять разрушению Рейха ни в чем, кроме как в восстании, которое праведным насилием ломает тех, кто хотел подкупить солдатскую службу. Для солдата их жизнь не стоит ничего. Он бросает вызов их глупости, трусости, очевидной продажности, силой отстраняет их от власти. Они, предавшие законы чести, в своей гордой уверенности надели на солдат оковы, заставляя их следовать слепым клятвам, чтобы намертво привязать их к себе и, следовательно, к своей гибели, которая неизбежно последует от тех же солдат — вечных исполнителей свободной воли нации. Потому это не изворотливость, если мы говорим, что **верность солдата в наше время напрямую требует нарушения слова, оно поможет ему поднять мятеж против гнилых систем**».

Свеча беспокойно мерцала. Ты взял маленькие ножницы и раскроил фитиль.

«Верность солдата — это самая великая вещь для порядочного и справедливого государства, осознающего свои обязанности, но также и самая жестокая угроза для каждого изменнического государства, порожденного трусостью и низостью. Неудивительно, что Веймарская республика враждебна солдату. Так как она гнилая, она должна считаться с нашим нарушением слова, и если мы и не отказывали в подчинении ей, то могли со спокойной душой в каждый миг вероломно предать ее».

Ты пристально остановил на мне свой взгляд. Затем ты продолжал:

«Вероятно, кто-нибудь захотел бы подразнить нас, упрекая в том, что мы устанавливаем философию солдатчины. При этом мы все же явно не малокровные догматики и теоретики. Но мы имеем право отмеривать в длину и в ширину наши действия, чтобы быть уверенными в нашем знании. Мы отличаемся от ландскнехтов, которые сегодня могли бороться за одно, а завтра за другое, прежде всего горячей заботой нашего сердца и тем, что мы не проходим мимо дороги настоящей верности. Ландскнехта связывал договор, заключенный им с его нанимателем. Выполнение условий договора — это его очень маленькая, поверхностная честь. И тот, кто полагает, что может привязать нас клятвами к недостойному поручению, желая принизить нас до ландскнехтов, пусть знает, что мы уполномочены убить его тем же самым оружием, которое он вручил нам, чтобы мы защищали его ценой нашей крови».

Мое дыхание учащалось, когда я слушал эти слова.

Ты барабанил пальцами по столу.

«Возможно, это учение звучит жестоко. Оно не такое. Оно справедливое. Оно революционно, потому что спихивает несправедливо установленный порядок. Солдаты всегда будут недремлющей совестью нации,

ибо их верность ищет своего подтверждения, и эти поиски разгоняют сон и безразличие. Унижение Германии продолжится бесконечно, если солдат на поле, на котором вершится история, вынужден будет отступить».

Я полностью с тобой соглашался.

«Я полагаю, что над Германией нависнет самая темная ночь, если мы свернем знамена, смягчимся или устанем. Даже если наш штурм останется безуспешным, наше присутствие все-таки важно, ибо так говорит нам честный, солдатский язык. Поэтому мы должны пережить горе, все разочарования, преодолеть отворачивание».

Я прервал самого себя. «Почему мы разговариваем об этом? Не само собой ли это очевидно?»

Ты покачал головой.

«Естественным является все и ничто. Кто знает, не вернутся ли бывшие роскошные и сытые времена, где люди забывают горе наряду с верностью. Тогда к нам придут и зададут вопросы. Хорошо, если мы уже сейчас знаем ответ на них и не должны рыться в сундуках воспоминаний».

Итак, мы вынесли приговор — верность солдата постоянно что-то преодолевает. Горы искушения громоздятся перед ним. Всеми доступными средствами гражданский мирок хочет убедить воина отказаться от опасного пути преодоления, тянущегося через пропасти ужаса, и поселиться в удобных защищенных низинах. Что же заставляет солдата отзываться на сигналы штурма его воинской судьбы и оставаться глухим и бессердечным к буржуазному «разуму»?

Великое действие, ожидающее своего свершения, посылает собственную силу, живительную бурю, и тем самым поддерживает сердца воинов в постоянном беспокоестве, позволяет им биться яростней и отгонять

тоску, указывает воинам путь к исполнению. Инстинкт солдата не только чувствует опасность, но и слышит призыв судьбоносного времени. Это загадка, как солдаты улавливают правильное мгновение, в которое судьба хочет оформиться в истории. И солдаты — это строители судьбы.

«Товарищество, — говорил ты, — это объединение солдат, принимающих опасную жизнь и видящих в исполнении обязанностей и требований этой опасной жизни свое судьбоносное призвание. **Соратником является тот, чья душа следует путем воинственной воли.** Не существует никаких товарищеских отношений между смелым и трусом. Не униформа является признаком солдата, а только готовое к действию, мужественное сердце. Униформа является лишь символом, предпосылкой дисциплины, в ней солдаты стоят при получении команды. Общее чувство обнаруживается, когда первые, кто смог побороть себя и ужас отчаяния, примыкают друг к другу. В опасностях и в постоянных трудностях исполнения долга выделяются из откомандированной толпы настоящие солдаты, и вот, наконец, они — одинокие, избранные стражники нации стоят на горе свободы и оберегают огонь воодушевления, освещающий ночь безразличия.

«Товарищество, — продолжал ты через некоторое время, — это общество верных, знающих о своей ответственности и умеющих откликаться на призыв своего времени. Эхо их сердца — действие без лишних рассуждений. **Только тот, чье знание соединено с действием, может вести жизнь, исполненную совершенной верности.**»

Я размышлял над твоими словами. И когда ты начал быстрыми шагами расхаживать по комнате, я продолжил твою мысль.

«Противоположностью бездеятельно наблюдающим за закатом гражданам называют активистов. Следовательно, активист является солдатской натурой, которая преодолевает никчемную повседневность своим бунтарским, целеустремленным поведением и очищает все вокруг. **Активизм — это следствие верности его сердца, которое велит ему сражаться за свободу**».

Ты растворил окно. Сладкий, тягостный аромат ночи проник в помещение, и легкий ветер колебал пламя сердец. Наши мысли уже давно не те. Мы обсуждали факт того, что война с ее ослепительным величием превосходит маленькое тщеславие и только настоящие добродетели она оценивает по заслугам. **Готовность к смерти слишком сильна, чтобы лезть и глупость продажного тщеславия могли ужиться с ней по соседству.** Почему ты не увидишь там блески пестрой, щегольской униформы парадных частей, и лишь солдаты, одетые в простой, земляной цвет, предстанут перед твоими глазами? **Сыновья земли, из которой они появились на свет, за которую они боролись, истекали кровью и умирали, снова стали солдатами.** Земля была не только полем брани, она давала ночлег и защиту в жизни и в смерти каждому своему сыну. Вся мишура опадала ниц, все, что мешало изначальному воинскому призванию, терялось в сотрясениях нешуточной и возвышенной борьбы до тех пор, пока не возникал очищенный, вечный воин, который, протягивая руку своим соратникам, упорно и искренне сражался, чтобы исполнить клятву своего сердца. Наша беседа подвела нас к вопросу о солдатской неизбежности. Все вместе, мы — люди фрайкоров, добровольцы. Мы знали, какую неприязнь питали к нам всякие трусливые глупцы, которые травили нас тем, что мы преднамеренно и без принуждения ставим на карту наши жизни. Теперь, пожалуй, все было правильно — мы не в состоянии этому противить-

ся, ибо солдат ведет игру за высокую цель. Этой целью является свобода, а средством — жизнь, потерять которую он должен решиться в каждое мгновение. Это абсолютно верно, что солдат играет со смертью за свою жизнь. И настоящий воин ощущает это непревзойденное обаяние опасности, и это также не следует оспаривать, ведь он любит ее. Но все же воин никоим образом не является самоубийцей. **Без потери жизни никогда не достичь последней цели нации, свободного развития ее воли к жизни. Нация требует от солдат жертвы своими мужественными жизнями, в которых предельная свобода их действий соединяется с воинственным долгом. Она требует этого, чтобы достичь вечности в этом мире.**

Ты одобрительно кивал на это. «Много лет прошло с тех пор, как канула в небытие воинская каста. Солдат нашего времени живет в сумерках будней, но долг в нужное мгновение призывает его к путешествию на вершину своей жизни. Империя его тоски скрыта до того момента, пока в опасный час эта империя не вспыхивает ярким огнем в смелых сердцах. Невидимый фронт образуется уже в будни. Этот фронт растет по воле сознающих свой долг солдат, не подчиняясь никаким приказам.

Ответственное государство знает, что не в силах скрывать от смелых их право на войну, без которой они, как граждане этого государства, тихо умирают или начинают возмущаться. Оно знает, что над обычной воинской повинностью стоит еще и обязанность служения. Каждый должен присоединиться к этому служению, обитающему в общности, несомому общностью. Без этого служения появились бы оторванные от единой общности одиночки, и сама общность очень быстро бы погибла в сражении всех против всех. Воинская повинность является только частью всеобщей

служебной обязанности. **В здоровом государстве каждому мужчине предоставляется возможность служением доказать свои способности.** Вместе с тем в таком государстве жизнь одиночек подвергается испытанию, позволяющему совершить отбор элиты и найти поистине волевых людей.

Усталое и больное государство, которое не делает служебную обязанность законом для своего народа из-за «комфорта» граждан, продолжает умирать, вместе с тем бросая на произвол судьбы и волю своих людей. Она отныне запрещается, что делает невозможным воспитание мужчины, который, таким образом, никогда не станет полезен.

Я признавал твою правоту. **«Посмотри на государства великих германских народов за границами нашего рейха. В их артериях течет та же кровь, что и в нас.** Но так как в их крови погасла воинственная страсть, так как заглохла и их воля к свободе, эти государства стали старыми и мирными. Только немногочисленные добровольцы из этих стран боролись в мировую войну на нашей стороне. В сердца же большинства призыв к битве за Север вообще не проник. Они чувствовали себя уверенными и счастливыми в своем миролюбии. Они не хотели ничего знать о том, как легко погибнет Север, если в Германию придет еврейский хаос. Их нейтралитет был не благоразумием, а только слабостью и близорукостью. Так как их инстинкт устал и оупел, они искали себе благо в так называемом нейтралитете, считая его неким преимуществом».

Ты улыбнулся.

«Есть ли вообще нейтралитет? Я полагаю, что это слово придумано торгашами. Воин не знает его. **Там, где ведутся войны, борются и идеи.** А идеи опять требуют инстинкта к борьбе. Один дух противостоит другому духу. Кто может быть «нейтральным», если речь идет

о правде и свободе, о гибели и рабстве? Близорукие и не имеющие чутя, нерешительные и трусливые выглядят наиболее прилично, находясь в состоянии этого «нейтралитета». Однако самую большую часть «нейтральных» составляют падальщики войны, мародеры и шакалы. Сначала эти «нейтральные» и впрямь не причиняют никому зла, но это продолжается вплоть до решительного часа. Если кости кинуты и уже очевидно, на чьей стороне победа, эти торговцы жизнями начнут наперебой нахваливать победителя как благородного и справедливого, вместе с этим давая моральный знак к тотальному ограблению трупов.

Таким образом, в большом мире политики и в тени маленьких серых будней все протекает одинаково. Посмотри на обывателей. С помощью своей религии и морали они подавляют воинственные инстинкты, чтобы постичь настоящую «житейскую мудрость». Но эта «мудрость» заключается в том, чтобы, идя одной дорогой с ненасытными волками, вовсю превознося любые их действия, при удобном случае сыграть роль невинной овечки, зарезанной на обед».

Твое лицо переменилось. Обида и отвращение читались во всех его чертах.

«Они хотят отнять у нашего народа воинственный инстинкт и готовность к беспрекословному исполнению долга, вместе с тем рассказывая ему, что право на защиту и обязанность служения — это остатки средневековья, недостойные «просвещенного» человечества. К черту же этих расчетливых ростовщиков!

К черту этих торговцев фокусами!

Кто верен своей крови, тот дышит ненавистью к «нейтралитету», тот презирает расчет. Воин не является мародером, победа выглядит для него слишком высокой, чтобы осквернять ее надеждой на обогащение.

Его триумф увенчивается честью, и жадность торговца никогда не посмеет затемнить ее».

Мы помнили, что также и жадность может поощрять людей к действию. Этим воины и отличаются от продажных типов, что они не останавливаются, чтобы лишний раз пограбить, не растрачивают время на обогащение и получение личных преимуществ, не удовлетворяют себя. Ибо удовлетворенные неспособны к дальнейшей борьбе. Есть военная хитрость, суть которой в том, чтобы вложить в руку противника как можно больше добычи и ждать, пока он удовлетворится, потеряет чуткость и впадет в глубокий сон. **Если воин подчиняется искушению, то его нетрудно убить после того, как им наскоро приобретена добыча.**

Победа — это одно из многих испытаний для верного.

Честь уберегает солдата от роскоши. Отказ от насыщения и самодовольной защищенности берет свое начало в возвышенном благоразумии, очищенном разуме.

Хитрость будней может, насмехаясь, довольствоваться имуществом, но воин знает, что и самое большое и надежное имущество рассыпается в прах, если люди исполняются блаженной усталости.

Мы долго сидели молча.

Промозглость сумерек заставляла нас дрожать.

Мы обрадовались, когда наконец прибыли наши товарищи.

Посмотрите, как мы мчимся,
Чтобы век тяжелый сбросить.
Чтобы кровью и железом
Снова властвовали мужи.
Потерявшим нас — учиться —
Сыновей тому мы просим.
Что из наших слов полезней:
Верным быть — вот все, что нужно.

И тогда б они узнали,
Коль пойдут дорогой нашей,
И края найдут такие,
Что стяжали мы ударом,
Как отцы их погибали,
Чтобы, если дети свяжут
Нас с собою, рядом с ними
Знать, что пали мы недаром.

ТРЕТЬЯ НОЧНАЯ СТРАЖА

Высокая любовь солдата

Мы не утаивали от себя, что испытывали ужас, когда думали о будущем, которое однажды отослало бы нас с полей сражений на гражданские профессии; ничто не смогло бы оторвать нас от нашего ремесла, нашей то-ски, нашей любви к опасной жизни, нашей ответственности перед судьбой.

Воистину Шиллер был прав: только солдат может зваться свободным мужчиной!

Маленькие страхи жизни, заботы профессии, второстепенные неприятности будней — в совокупности они образуют стену, полностью заслоняющую вид на свободное небо.

Но борьба воспитала в нас пренебрежение ко всей этой мелочной личной нужде. Она помогала нам находить самих себя в собственном сердце и соотносить наше значение с понятием долга. Мы вынесли приговор, кем мы являемся. Долг и действие стали полюсами нашего мышления.

И однажды все это пропадет?

Неужели однажды мы станем измерять все объемами пользы, которую отныне должны приносить будням и их учреждениям? Должны ли мы снова идти на поводу

у проворных и хитрых? Должны ли мы принимать участие в их гонке за сиюминутное преимущество? Борьба научила нас не судить о самих себе по чужим мнениям, мнениям тех, которые считаются жизнеспособными, пока в состоянии занять внешние, фальшивые местечки под солнцем. Мы же нашли наше богатство внутри нас. **Мы гордились собой и уверенно направлялись самими собой.** Высокое мужество воина, которое мы как ощущали, так и целиком жили в нем, не делает ничего с напыщенным высокомерием. **Но презирать мелочное, чтобы служить великому — вот правило, делавшее из нас аристократию.** Только исключительное и опасное приправляло нам пищу для существования.

В нашем мире не было ни скуки, ни беспомощности, скорее, он был наполнен особенным напряжением, возвышенным чувством постоянной готовности.

При всей бесперспективности наших добровольческих корпусов, которые, кажется, приближались к своему горькому концу, наше возвращение на Родину, к смирению, воспринималось как угрожающая участь. Мы могли понять нашего товарища, сражавшегося теперь с неслыханным ожесточением и с определенным облегчением принимающего свою пулю. Мы защищались от чувства страха перед миролюбивым, пацифистским будущим и при этом не хотели ничего знать о том, чтобы намеренно получить пулю. Но мы не могли разогнать мысли, шептавшие нам на ухо, что солдатская смерть была бы единственным гордым и желанным выходом.

Для того, кто однажды осознанно пережил свободу солдата, беспечная жизнь всегда будет выглядеть как нечто устрашающее. И в течение невыносимых лет этого усталого мира он ежечасно ждет старых сигналов к битве. Мирные дни сносны для него только при

надежде на то, что однажды утренняя заря опасности вновь принесет бурю.

Ночь была зловеще седой. Небо было хмуро от грозных туч, так что было невозможно разглядеть ни луну, ни звезды.

Мы стояли в полевом карауле, мой товарищ. Неподалеку от нас высился свежий холм, укрывший мертвое тело соратника, павшего днем раньше. И ветер шелестел вокруг могилы.

Время от времени мы опускали робкие взгляды. Сдержанными стали наши голоса. Не знаю, смягчил я свой голос до шепота из-за мертвеца или же из-за осторожности перед близким врагом.

«На тех, кто теперь погибает, Родина и бедствие не должны смотреть».

Ты недовольно тряхнул головой, заслышав мои слова.

«Смерть как выход — это трусость. Мы не должны ни звать, ни искать ее. Я ненавижу хорал святош: «приди, о сладкая смерть»! **Смерть должна достойно встречаться нами, не более.** Мы вынесем все испытания судьбы в полной мере, другого выбора просто не остается. **Мужество присутствует только там, где мы принимаем жизнь со всеми ее переплетениями и устраиваем ее по нашей воле, выносим ей наши приговоры.** Что ты знаешь о том, что ожидает нас в будущем? Что я знаю об этом? **Мы всегда должны быть готовы, и это все. Кроме того, это последняя житейская мудрость солдата».**

Я поднял воротник, так как дрожал от холода.

«Государство начнет на нас охоту, если мы повернем домой. Оно объявит нас вне закона и ударит во время самой глубокой нужды».

Ты пренебрежительно отмахнулся.

«Нужда появляется там, где человек разочаровывается в себе. Но бедность и гонения порождают мужское упорство, сопротивление сердца и вместе с этим и мобилизацию всех настоящих ценностей. Мы должны именно учиться создавать себе Родину посреди безродности».

Через некоторое время ты продолжил, товарищ.

«Наша Родина находится там, где наше сердце, и это Германия, существующая вопреки всему. Она, как окутанная облаками Луна, которая ожидает своего часа. Возвращаемся же мы не к ней, а к безнадежной иностранке, чуждой нам не менее какой-нибудь далекой страны. Поэтому нашу воинственность мы носим в этой близкой иностранке, точно свет. У нас есть наш образ мысли, как живое завещание, которое принуждает нас взывать до тех пор, пока иностранка вновь не станет Родиной. Мы должны сажать наши завоевания зародышем в германскую почву».

На сердце у меня было тяжело, и твои слова не могли придать мне твердости.

«Не зря ли все это в таком случае?»

Ты сурово отругал меня.

«Стыдись упадка духа. Знаешь ли ты, что для солдата нет ничего, что было бы зря? Трава не растет зря, ни один цветок не цветет зря, ни одно действие не происходит зря, ни одна мысль не обдумывается зря, и ни одно сердце не пылало когда-нибудь зря».

Затем твой голос снова затих.

«Мы выросли из размышлений о счастье, которым грезят обыватели в своей безопасности. Позвольте же другим спастись своей мечтой, так огорчающей нас. Для нас нет больше ничего, что могло бы называться счастливым: удовлетворение мы находим в провидении. Счастливое обретается в том, что мы служим на-

шей идее, можем выполнять наши обязанности перед этой идеей. Посреди всего разочарования будней торжественно вздымается знание о нашей высокой любви, о том, что мы — миннезингеры нашего тысячелетия. Мы поем глухим ушам нашего времени послание наступающего великолепия солдат. Не прекрасно ли это грядущее, которому под силу подавить всю нужду? **Мы ступаем сквозь пошатывающуюся современность с возгласом на устах: я счастлив, ибо я могу служить!** Это послание помогает держать голову выше, товарищ. Сияние глаз — это отражение мира гордости в наших сердцах. Это сияние представляется трусу демоническим. Но до тех пор, пока наши глаза еще светятся, остается гарантия того, что мы в состоянии вести жизнь, исполненную свободы, посреди всех боязливых особей. **Мы заботимся о том, чтобы не потерять это сияние».**

Мы говорили, что нашей задачей в будущем станет воспитание воинов в молодых людях. Нет, мы не хотели обучать их владению оружием. Пусть для этого потребуются другой учитель. Мы хотели вырвать их души из блужданий вокруг наслаждения, показать их сердцам дорогу в страну свободы и возвышенного долга.

Мы еще не догадывались, куда должны направлять наш шаг и где, в Германии или далеко за ее пределами, мы будем есть свой хлеб. Но с нами двигалось знание величия освободительного действия. Делиться этим знанием — должно было быть нашим поручением.

«Вероятно, — так говорил ты мне, — молодежь в Германии вновь в будущем поступит в казармы, чтобы учиться пользоваться оружием. В этой профессии им снова потребуется муштра. Я знаю, что в кайзеровской армии этого было вдоволь, и очень часто молодой солдат сначала получает страх перед оружием, да, сперва он замечает в оружии лишь гнет, который затем начи-

нает ненавидеть. Это заставляет его всерьез полагать, что только оно являлось целью воззвания. Страх перед оружием, правда, не настолько силен, чтобы задушить радость воинственности в солдатских сердцах, но достаточно могущественен, чтобы все-таки вселить страх перед врагом и опасностью, парализовать волю к ношению оружия. Учителя в казармах, конечно же, не могут во всех случаях пробудить или сформировать воинский инстинкт. Они часто должны будут довольствоваться достижением, посредством воспитания и инструктажа, состояния готовности, а также внедрением новых военных средств.

Но, сверх того, любовь к оружию, вырастающая из знания о факте, что оружие — это решающий инструмент победоносного ведения освободительной борьбы, которым сражаются избранные, является нашей необыкновенно знаменательной политической задачей.

Нам следует позаботиться о том, чтобы ничто не нарушило цепь воинственной воли к восстанию, видящей стальной приказ души в мече. **Мы, Одиночки, — это мост между боевой Пруссией вчерашнего и солдатской Германией завтрашнего дня.** Поэтому мы умираем не просто так. Поэтому наша борьба — больше, чем образец для подражания: она возвращает нации ее душевную жизнь!»

Я размышлял, и мне казалось, что над свежим могильным холмом поднялось сияние. Чем бы это стало для Германии, если бы из всех могил, в которых были захоронены тела павших за свободу, исходил блеск? Тогда бы ночь над Германией рассеялась, и темнота никогда больше не окутывала бы ее.

Но не было бы достаточно того, чтобы в темные времена воины обращались к юношам и зажигали огонь в их сердцах, так чтобы душа с ее самыми тонки-

ми колебаниями была бы в состоянии уловить блеск от могил?

Мы жили для этого, и я верил, что даю своим примером ясную цель будущему мужеству. И высокая любовь к оружию должна постоянно поддерживать инстинкт воинской готовности, это наивысшее проявление политики, храня его от всякого отклонения.

«Мы обязаны быть тем жалом беспокойства, — говорил я, — которое мучит тело нашего народа и государства в сытые и трусливые времена. **Мы должны препятствовать телу отдавать себя праздному спокойствию, позволяющему отмирать инстинкту и воле.** Мы будем вновь запевать ту старую песню любви к оружию:

В широком поле я б хотел
 позвать врага на брань,
 быть может, он — герой среди тех,
 кто честь и верность знал.
 Ну, что ж, пусть реет флаг!
 Под ним стоящий — благ!
 Тамбуры в отдаленье бьют:
 На брань, на брань зовут!

Возможно, нас примут за «нарушителей порядка», проклянут нас и рассмеются нам в лицо, ибо обречены никогда не понять того, что народ умрет, если потеряет воинскую честь, и что нация не сможет жить без солдатской свободы».

Ты кивал.

«Каждое сознательное государство из чувства ответственности перед нацией должно уметь создавать напряжение, так как только из напряжения возникает плодотворный поток идей. Воин живет в это время, дабы уравнивать это напряжение. То, что воин погибает при этом сам, является судьбой и его предназначением. Его величие — преобразовать своей высокой любовью поле брани, побеждать ужас и зло. Полюбуйся на мо-

лодежь нынешнего государства, которая не живет в напряжении: такая молодежь обречена гнить и скитаться от бедствия к бедствию. На всех полях сражений она бессмысленно истекает кровью, находясь в услужении у чужих народов. Но не молодежь виновата, если она попадает на опасную приманку этой авантюры. Вина лежит на государстве, которое стремится заточить солдатскую свободу в кабалу ландскнехта лишь для того, чтобы его миролюбивые граждане могли безмятежно проделывать свои делишки, основанные на обмане; так они скрывают истинное лицо этого мира. **Мы между тем боремся за честь воинственности, мы боремся за вечность народа, это гордость, которая велит нам атаковать все, что представляется нам недостойным, и одолевать.** Мы не поддаемся на искушения безмятежных в их будничной защищенности и на соблазны наслаждения; осознание этого возносит нас в те просторы солдатской свободы, жить в которых есть привилегия избранных. **Наша высокая любовь является этой усиленной жизнью, этим высотным полетом в неприкосновенную неизвестность светозарной уединенности».**

Во время нашей беседы грозовые облака, предвещающие ливень, были разорваны освежающим ветром. Ясно и холодно светила на небосклоне луна и погружала мир вокруг нас в бледный, зеленоватый свет.

Мы молчали и всматривались в противника на противоположной стороне.

А наши сердца искали дорогу в грядущее.

Пер. текста Ф. Попов

Пер. стихов Ф. Попов, Н. Носов

Библиография произведений Курта Эггера:

- Ананаберг.** Volkschaft Verlag, Berlin, 1933.
- Ульрих фон Гуттен (радиопьеса).** Volkschaft Verlag für Buch, Bühne und Film, Berlin, 1933.
- Пьеса о труде немца.** Volkschaft Verlag, Berlin, 1933.
- Великое странствие вечной немецкой судьбы.** Volkschaft Verlag, Berlin, 1934.
- Гуттен (роман одного немца).** Verlag Propyläen, Berlin, 1934.
- Германская поэзия.** Volkschaft Verlag, Berlin, 1934.
- Германское исповедание.** Widukind-Verlag, Berlin-Lichterfelde, 1934.
- Сигналы штурма. Революционные хоралы.** Verlag Arwed Strauch, 1934.
- Братья по судьбе: стихотворения и песни.** Deutsche Verlagsanstalt, Stuttgart-Berlin, 1935.
- Дневник одной веселой поездки.** Verlag Gustav Weise, Leipzig, 1935.
- Сердце на востоке (роман).** Verlags-Anstalt, Berlin, 1935.
- Крестьяне Мейсена.** Langen-Müller, 1936.
- Мужественная жизнь и смелая смерть.** Verlag Gerhard Stalling, Oldenburg, 1936.
- Рождение тысячелетия.** Verlag Schwarzhäupter, Leipzig, 1936.
- Стихотворения.** Verlag Georg Truckenmüller, Stuttgart, 1937.
- Германский демон. Новые стихотворения и песни.** Verlag Schwarzhäupter, Leipzig, 1937.
- Гора мятежников.** Verlag Schwarzhäupter, Leipzig, 1937.
- Выстрелы Круппа (пьеса).** Hanseatische Verlagsanstalt, Hamburg, 1937.
- Я рискую! Гуттен зовет Германию.** Widukind Verlag, Berlin-Lichterfelde, 1937.
- Крест свободы.** Verlag Schwarzhäupter, Leipzig, 1937.
- Молодой Гуттен.** Gustav Weise Verlag, Berlin, 1938.
- Торжественное собрание с поэтом Куртом Эггерсом.** Der Orden Aufsatz, 1938.
- Германская поэзия.** Verlag Volkschaft, Dortmund, 1938.
- Огонь над Германией.** Verlag Stalling, Oldenburg i. O. 1939.
- Письма мракобесов, из «Монашеской латыни».** Verlag Schwarzhäupter, Leipzig, 1941.
- Черед солдата. Стихотворение из статьи NSK,** 1939.
- Танец.** Erinnerungen Volkschaft Verlag, Dortmund, 1939.

- Ульрих фон Гуттен 1488—1523.** Verlag Schwarzhäupter, Leipzig, 1940.
- Германский демон.** Verlag Schwarzhäupter, Leipzig, 1940.
- Соратник — стихи одного солдата.** Verlag Schwarzhäupter, Leipzig, 1940.
- Дикая песня свободы. Ересь великих людей.** Verlag Volkschafts, Dortmund, 1940.
- Изречения Меча (из национал-социалистического ежемесячника).** Nationalsozialistische Monatshefte 1940 Heft 122, München, 1940.
- Только солдат — свободный мужчина.** Reprint Sammlungsergänzung Zwecke, Berlin, 1940.
- О свободе воина.** Nordland Verlag, Berlin, 1940.
- Война и борьба.** Verlag Sigrune, Erfurt, 1940.
- Письма мракобесов об Ульрихе фон Гуттене.** Verlag Schwarzhäupter, Leipzig, 1941.
- О вражде.** Verlag Volkschaft, Dortmund, 1941.
- Молитвенник еретика.** Volkschaft Verlag, Dortmund-Berlin, 1941.
- Воинская революция.** Eher Verlag, Berlin, 1941.
- Рим против Рейха. Глава из немецкой истории.** Nordland Verlag, 1941.
- Император римлян против короля иудеев.** Nordland Verlag, Berlin, 1941.
- Танец (биография).** Volkschaft Verlag, Dortmund, 1941.
- Соратник, судьбоносный час бьет. Походная песня Waffen-SS.**
- Песня немцев. «Красная земля».** 1941.
- Костер из слов великих еретиков.** Verlag Volkschafts-Verlag, Dortmund, 1942.
- Отец всего сущего. Книга о войне.** Franz Eher Verlag, Berlin, 1942.
- Молодые сердца. Испытание.** Verlag Eichblatt, Leipzig, 1942.
- Родина сильных.** Volkschaft Verlag, Dortmund-Berlin, 1942.
- Империя солдат.** Verlag Schwarzhäupter, Leipzig, 1942.
- Война всех германских войн.** Deutscher Verlag für Jugend und Volk, Wien, 1942.
- Из моих лет странствий.** Verlag Deutsche Volkbücher, Stuttgart 1942.
- Жизнеописание.** Verlag Georg D. W. Callwey, München, 1942.
- Вождю. Стихотворение.** Verlag Georg D. W. Callwey, München, 1942.
- На западном вале. Стихотворение.** Verlag Georg D. W. Callwey, München, 1942.

- У могилы фронтовика. Стихотворение.** Verlag Georg D. W. Callwey, München, 1942.
- Возрождение. Стихотворение.** Verlag Georg D. W. Callwey, München, 1942.
- То, что двигает нами.** Wilhelm Limpert Verlag, Berlin, 1943.
- Великолепие Рейха.** Dortmund: Volkschaft Verlag, 1943.
- Кульť суеверия.** Verlag Volkschaft, Dortmund, 1943.
- Об Отчизне и ее женщинах.** Verlag Sigrune Erfurt, 1943.
- Большое странствие. Радиопьеса о большом прорыве нации Рейха.** Rundfunk, Berlin; о. J.
- Гуттен. Драма свободы.** о. J.
- Огонь над Германией.** о. J.
- Рабочий, крестьянин, солдат. Собрание песен.** о. J.
- Революция Лютера (пьеса).** о. J.
- Дневник веселого города.** о. J.
- Революционер, поэт и солдат Курт Эггерс пал геройской смертью.** Статья в газете «Народный обозреватель», № 246 от 3.9.1943 München, 1943.
- Солдатский дух. Для европейских добровольцев.** Halbe, 1991.
- Железные стихи. Избранные стихотворения.** Kulturkreis, Dresden, 1999.
- Круг Курта Эггерса (круг друзей по истории).**
- Курт Эггерс — воспоминания. Памятный праздник, посвященный 95-й годовщине рождения Курта Эггерса, в Дрездене.** Dresden, 2000.
- Зов Севера. Поэтические произведения воина и философа Курта Эггерса.** Sol Invictus — Schriften für alte Mysterien, ganzheitliche Anschauungen, Brauchtum, Kunst und Kultur Folge, 6 Nebelung 1997.

Библиография подготовлена Ф. Поповым.

Биографическая справка

Курта Эггерса (Kurt Eggers) (1905—1943) часто, и не без основания, называют «военным пророком» Третьего рейха. Отличающиеся особой «нордической революционностью» произведения Эггерса, несомненно, входят в общее наследие Третьего рейха. Именно его

именем был назван реджимент военных корреспондентов SS. В своих стихах, эссе и философских работах выражал идею Севера, нордическую идею в ее наиболее радикальном прочтении. Сборники «Рождение тысячелетия», «Камерада» и «Немецкий демон» до сих пор распространены среди германских NS.

Несмотря на то что он родился в благополучном семействе банковского работника, им была выбрана другая дорога в жизни. Участвовал в подавлении спартаковского мятежа (в возрасте 14 лет), немецко-польской войне в Верхней Силезии и битве за Ананаберг (в возрасте 15 лет). Отказался от получения сельскохозяйственного и экономического образования, вместо этого поступив на службу в рейхсвере. Сразу после окончания службы поступил на философский, а также теологический факультет и проработал 18 месяцев помощником священника, прежде чем почувствовал литературное призвание. Автор множества националистических, антисемитских, антикатолических статей. Вошел в круг поэтов, организованный доктором Йозефом Геббельсом, вел национал-социалистические передачи на Лейпцигском радио. В 1936 г. вступил в SS, получив должность в Управлении расы и поселений. Редактор газеты Ваффен-СС «Das Schwarze Korps» (последнее не подтверждено).

Следует сказать, что особенным, можно даже сказать мистическим, поклонением у Эггера пользовался Ульрих фон Гутген — свободный рыцарь и близкий друг Лютера, возглавивший в первой половине XVI века германскую национально-освободительную борьбу против папизма. Личности Гутгена посвящено много его книг, именно в нем он видел образец для подражания в борьбе за свободу немецкого Рейха. Основной тематикой работ и стихотворений Курта было воспевание войны как основы нордического мировоззрения,

германского «демонического» бунтарства, критика буржуазного мира, материалистичных клерикалов и местечковых обывателей. Погиб в возрасте 37 лет, во время контрудара под Харьковом, где воевал в составе 5-й дивизии СС «Викинг». Отец четверых детей.

Похоронен в Кленовом, Харьковская область, Украина.

Рихард Вальтер Даррэ

КРОВЬ И ПОЧВА

Из государственного права, как оно до сих пор преподавалось, известен традиционный взгляд — государству принадлежат:

- 1) народ,
- 2) территория государства, на которой народ проживает,
- 3) государственная власть.

С давних пор известно, что эти три основных компонента государства — «народ», «территория» и «государственная власть» — не только являют собой внешние признаки государства, но также находятся во внутренней взаимосвязи. Именно эта внутренняя взаимосвязь народа с его территорией и с его государственным порядком составляет прежде всего самобытность государства и также придает ему живую запечатленность, т. е. организует его в полнокровный организм. Таким образом, не случайно то, какой именно народ обитает на своей почве и какая государственная власть этим народом учреждается на его территории. Уже из этого следует то, что государство — по крайней мере, с нашей точки зрения, — характеризуется не позицией неограниченной полноты власти над народом и над его территорией, а тем, что сила государства являет

определенный вид взаимодействия, при котором подчиненные закону жизни силы народа, облик его почвы, сила воли его вождя и вид государственной структуры становятся обоюдно пронизаны и ведут к единству объединенной замкнутости.

При этом не должно казаться, что государство также обуславливается тем, что вне его границ действуют всякого рода силы, и что оно также должно осуществлять свое утверждение против этого внешнего влияния посредством замкнутости.

Мы особенно склонны придерживаться того, что своеобразие нашего государства должны определять не иностранные территории, как это характерно для колониальных империй, и также не иностранные народы или государственный курс на их покорение, но чтобы наше государство имело сущностью *собственную жизнь и собственный народ* и на этой основе развивало свою государственную идею. Эта почва и этот народ становятся задачей нашего государства; вместе они представляют естественные силы, делающие возможным развертывание государственной мощи и формирующие ее вид. Особое отношение *народа* к государству всегда было предметом научного и государственно-правового рассмотрения и сегодня приобрело повышенное значение в совместной работе партии и органов власти, равно как и в разделении социального управления в государственном управлении и в самоуправлении возложенными задачами. В качестве примера такого самоуправления я приведу здесь только долгосрочное строительство национал-социалистического продовольственного комплекса. При нем рынки сельскохозяйственной продукции хотели упорядочить общественную нужду гарантируемых государством элементов продовольствия при помощи общественно-правовых сетей самоуправления.

В таком самоуправлении обнаруживается согласованность всего государственного в целом ради необходимой цели, а также государственных планов, с одной стороны, и упорядоченного самоуправления экономикой, с другой — практический пример взаимопроникновения сил народа и государства.

Такова же внутренняя связь между государственным строительством и народом в ощущении кровно обусловленной народной связности — особенно благодаря романтикам и философии германского идеализма — с тех пор как это было узнано и оценено. С этой духовной преемственностью национал-социализм может связывать свое восприятие *народа* и *государства*. В наше время связь *государства* и *территории* также научно разъяснена; я напому лишь о работе в области геополитики, исследовавшей влияние *пространства* на исторический процесс и многократно открывавшей связи, ценные для будущего в качестве гипотез, которые послужат накоплению знаний политическими деятелями.

Однако мне до сих пор кажется, что наука не обращала достаточного внимания на соотношение *народа* и *почвы*, по крайней мере, в смысле воздействия почвы на народ в соответствии с законом жизни и существующей между обоими, отвечающей закону жизни общности судьбы. Связь народа и почвы, на которой он обитает, исчерпывается не тем, что строение почвы, доход с земли и богатства недр оказывают естественное влияние на хозяйство и материальные предпосылки культуры этого народа. Научное изучение ранней истории и современная расология уже намекали на значение категории грунта и рельефа местности для истории поселений народа.

Однако мы имеем в виду общее влияние почвы на условия жизни расы и на определенную жизнь народа,

и если мы задаемся тем вопросом, как сам народ формирует свою взаимосвязь с почвой, в какой форме он владеет и управляет родной землей и почвой, то ответить на этот вопрос может только *земельное право*. Земельное право, кроме того, определяет, каким образом земля и почва упорядочивает соответствующие закону жизни силы народа. Вместе с тем земельное право практически обуславливает внутреннее устройство государства. Эту непреложную истину можно расширить до того, что становится возможным говорить о том, что земельное право неизбежно обуславливает также будущее государства. Я даже утверждаю, что не существует государства германского или индогерманского типа, которое перед концом своей истории не претерпевает изменений своего земельного права. Закат этого государства всегда происходит для него самого нередко бессознательно, и его историки очень редко принимали во внимание переворот в области его земельного права, которое сначала просто создает предпосылки к тому, чтобы привести к истощению жизненную силу своей политически зрелой и потенциальной крови. Это яснее всего проявляется в случае Спарты, где судьба созданных Ликургом наследственных крестьянских дворов спартиатов и судьба спартанского государства свершались абсолютно синхронно. Эта взаимосвязь в Спарте нам ясна так отчетливо потому, что, к сожалению, слишком рано умерший Бузольт подробно исследовал ее и осветил все возможности оценки. Схожих исследований о других государствах индогерманского и германского типа в нашем распоряжении имеется не столь много. Но это малое число исследований, тем не менее, уже недвусмысленно указывает на то, что только что высказанное мною утверждение о праве справедливо, равно как можно сперва подходить к проблеме подъема и заката государств индогерманской

и германской природы с точки зрения отношения их земельного права к их судьбе. Я считаю это отношение настолько решающим и важным, что оно, на мой взгляд, заслуживает учреждения кафедры в каждом германском университете.

Политическое воздействие имеющего силу права на землю и почву обусловливается в особенности тем, что почва и труд на ней с давних пор носят неизменный, устойчивый характер. Пахотная земля не забрасывается, как это бывает с пакетом акций во времена возрастающей экономической активности или с иными движимыми, легко наживными ценностями, пахотная земля требует постоянной заботы, обращенной к сущности почвы. Эта особенность земледелия всегда противилась быстро изменяющемуся праву владения и поощряла укрепление земельного права, будучи известна истории права под понятием превращения личного права владения в непереносимое право наследования почвы. Особенно собственно земледелие принуждает крестьянскую семью служить пашне и усадьбе и вследствие этого связывает ее в последующих поколениях с почвой так крепко, что подчинение семьи законам пашни воспринимается как естественное и как само собой разумеющееся требование. Отсюда снова вытекает обычай или закон, согласно которому только наследники по крови продолжают вести хозяйство в дальнейшем и благодаря этому не испытывает раздела закон усадьбы и пашни. Мы привязываемся к этому владению, которое требует от владельца определенного образа жизни и повседневного труда, в противоположность движимому капиталу, помещенному в банк; иначе говоря, такой движимый капитал не указывает курс для работы последующего поколения и не обязывает передавать навыки, как это происходит в случае владения крестьянской усадьбой. Поэтому для государства

пахотная земля — это гарантия традиции и устойчивости народных обычаев. Это придает земельному праву политическую перспективу. Ибо жизнеспособность любого государственного руководства обусловлена неминуемыми основными законами непрерывности, для чего необходимо развивать характерные свойства в основном или вовсе лишь в сельском населении, поскольку, в определенном смысле, хозяйственная экономическая активность направлена на население городов.

После этого понятно то, насколько важна историческая преемственность, насколько право на почву составляет коренной вопрос для возвышения и упадка государств и насколько, особенно в наше время, при революционных преобразованиях соседних территорий на востоке, в центре событий там стоят аграрные реформы. Я должен указать на то, что русское государство до последнего времени усматривало суть своего внутривосточного могущества в своем аграрном законодательстве. Поэтому должно быть предельно ясно, что для строительства Третьей империи одной из основополагающих необходимостей, определяющих будущее, стало аграрное законодательство. Вместо этого под угрозой влияния германского гражданского уложения¹ вся сельская устойчивость полностью падала под каток и вместе с этим доходила до противоположности тому, что представляет ценность сельского населения. Возможности ошибки и вместе с тем процентный гнет, равно как и зависимость от необъятного, неупорядоченного рынка, которым заправляло иностранное влияние, всегда приносили крестьянскому производству лишь господство иностранного кредит-

---

¹ В оригинале: BGB (Bürgerliches Gesetzbuch). Германский гражданский кодекс, действовавший с 1896 г. и неоднократно претерпевавший изменения (прим. пер.).

ного капитала. И в период германского гражданского уложения, хотя этот кредитный капитал и его заимодавцы продолжали охраняться по всему миру, слово «крестьянин» — это понятие всякого постоянства — все более входило в оборот, не говоря уже о том, что начиналась забота о крестьянском законодательстве. Для национал-социалистического законодательства отсюда вытекает задача снова создать твердое земельное право и через упорядоченные интервалы поставлять продукты крестьянского производства на рынок хозяйственных запасов.

Однако если мы желаем целиком осмыслить значение этого земельного права в сегодняшнем германском государстве, то мы должны заглянуть глубже и осведомиться, пытаюсь понять ценность постоянного твердого аграрного законодательства, что означает крестьянство для нашего народа. И здесь выявляется особенность национал-социалистической аграрной политики в отличие от сельскохозяйственной политики других государств. Для нас непреложно то, что носители права на почву твердо связаны с государственным строительством, следовательно, должно быть установлено политическое значение землевладения и поэтому мы объединили всех крестьян и фермеров персонально и административно в тесно связанную с государством и партией общественно-правовую организацию «Имперское земельное сословие». Также нашим дальнейшим долгом является создание экономических предпосылок к тому, чтобы не только поддерживать отечественное сельское хозяйство, но и чтобы наилучшим образом содействовать повышению производительности. Еще несколько лет назад можно было представить будущее германского сельского хозяйства по американскому образцу, т. е. строящимся на высочайшей прибыли, зависящей от экономической активности, и, согласно до-

ходу от биржевого капитала, решался характер экономики сельского хозяйства. Фермерство в Соединенных Штатах сегодня, как известно, разрушено. Если наше крестьянство действительно настроено на фермерство, то основные предприятия сегодня будут бездействовать, страна опустеет, и мы, скорее всего, будем биты даже без борьбы на производстве. Вместо этого исконно германская экономика зиждется сегодня в основном на производственном труде, чтобы возможность пропитания, т. е. минимальные потребности народа, обеспечивал собственный участок земли, вместе с тем разгружая баланс нашей внешней торговли и делая свободнее средний платеж для импорта индустриального сырья. Притом национал-социалистическая аграрная политика разделяет эту поставленную цель с политикой сельского хозяйства других стран, например с фашистской Италией. Особенность нашей деятельности основывается, однако, на том, что мы соотносим политико-экономические цели с нуждами населения и культурной политики, короче говоря, политика и экономика в гармонии оживляют концентрированную и господствующую идею национал-социализма. В национал-социалистической аграрной политике это происходит не только в области продовольственной экономики, но, наряду с этим, и в сохранении крестьянства как резервуара крови народа. И это последнее обстоятельство является весьма решающим и основополагающим. Поскольку впервые из фактов был сделан тот вывод, что в государстве германской сущности кровь сохраняется и умножается в поколениях лишь на земле, отказ от сельской жизни тем самым вызывает сильное изнашивание рода. Если приводить образное сравнение, то можно сказать, что кровь народа, живущего в крестьянских усадьбах, так сказать, непрерывно бьет животворным ключом, тогда как в городе она рано или поздно иссяка-

ет. Для народов исконно кочевого характера, к примеру для еврейского народа, этот закон ничего не значит, но он, безусловно, ценен для германской крови и без обиняков может быть назван железным законом судьбы для германского сообщества.

Национал-социалистическая аграрная политика определяет свою задачу, руководствуясь этой основной мыслью: путем тех же мер она пытается как обеспечить пропитание всего народа, так и гарантировать поддержание усадеб и крестьянских семейств в качестве резервуара народной крови.

Мы знаем, что рождаемость в сельской местности в соотношении к численности населения больше, чем в городах. В 1927 г. в среднем по Империи мы имели снижение рождаемости до 10 % от необходимой нормы: сельская местность, напротив, демонстрировала превышение рождаемости на 13 %! В 1933 г. коэффициент рождаемости на 1000 наличного населения составлял в общинах с менее чем 2000 жителей, т. е. в сельских общинах 18 новорожденных на 1000, в средних общинах с числом жителей от 2000 до 400 000 только 14, 5 на 1000 и в городских общинах лишь 11, 2 новорожденного на эту же 1000 жителей. Такое происходит, однако, не только с численной стабильностью нашего народа, но и с сохранением наследственности, которой мы обязаны всем трудолюбию и всеми достижениями нашего народа. Здесь представляет опасность одностороннее движение растущей силы из сельской местности в города в связи с развитием городской цивилизации. Шведский политический деятель по делам населения *Лундборг* из Упсалы однажды назвал города «падением», которое может привлечь носителя хорошей наследственности и спустя несколько поколений искоренить его наследственные свойства. Однажды следует отчетливо осознать все ужасное значение этого выво-

да. То благотворное, что когда-нибудь будет достигнуто в германском народе, будет достигнуто, вытекая из всех его наследственных признаков, баланс которых соотнесим с предложенными народу целями, которые следует достигнуть: это равно касается всех тех областей, вне зависимости от того, рассматриваем ли мы культуру, искусство, политику, экономику, технику, ремесла и т. д. Либерально-демократическое бредовое представление о том, что можно заменить даровитость дрессурой, сегодня разоблачено во всей своей пустоте. Ведь даровитость зависит от наследования, как нам известно. Если, однако, это так, то наш народ имеет лишь единственное абсолютное состояние, а именно наследственную ценность германской крови, которой он распоряжается и которую ему веками дарили еще вожди и изобретатели, и которой он пользуется, дабы можно было решать задачи тех столетий и утверждаться как народ среди других народов. Ни материальное процветание экономики, ни сокровища мира не обеспечат германскому народу его будущего так же, как ядро драгоценной наследственной массы, о которой сегодня заботятся. Сегодня мы создаем баланс и статистику касательно всех областей бытия нашего народа, но, к сожалению, пока еще не биологических основ жизни нашего народа. И еще сильнее мы отдалены от того, чтобы также однажды поставить в основу безупречного биологического баланса нашего народного организма биологический проект финансового бюджета. Как выскочки, разбогатевшие за ночь, мы еще не соответствуем тому, что сделало нас богатыми, и, как те растрачивают свои деньги, мы растрачиваем нашу драгоценную кровь. Хладнокровно наблюдаем мы за тем, как драгоценнейшая кровь остается в плачевном состоянии или прямо-таки чахнет, и поступаем в этом отношении как дураки, кидающие драгоценный камень в море, где так

глубоко, что ни одна человеческая душа не найдет его там когда-либо еще. В этой связи мне приходят на ум поистине революционные слова *Густава Френссена*, сказанные им однажды в «Чайках и мышах»: «Умный человек рассказал мне, что он, едуци в Тюрингию, увидел в поезде одного юношу, который всем своим обликом походил на Гете, и подумал, что, вероятно, в Тюрингии живут люди с кровью, как у Гете. Я согласился и сказал: «Жаль, что такого больше нет. Придет время, когда можно будет от лица религии и нравственности стерилизовать обремененных плохим наследием и требовать многочисленных детей от человека, похожего на Гете». Это *Френсен*! И если мы еще не полностью можем принять это предельно отвлеченное требование мыслителя вследствие его новизны, то мы останемся в дураках, коли не пожелаем воспрепятствовать тому, что из-за доныне действующих прав наш сельский резервуар крови иссякает и безрассудно растрачивается не в сельском секторе бытия нашего народа. И все это — после того как вся история доказывает, что наша культура обусловлена германской кровью, и жизнеспособность крови снова зависит от земельного права, при котором эта кровь вынуждена существовать.

Основанием для резкого оттока сельского населения в города в течение последнего столетия был дух либерального капитализма с его либеральным земельным правом. Либеральный капитализм побуждал человека стремиться лишь к выгоде, вследствие чего он принес с собой и со своим надвигающимся экономическим освоением мира высокие перспективы выгоды в городских промышленных профессиях. Крестьянина же он швырнул в неопределенность того, не иссякнет ли его доход со своей пашни и со своего труда и на какую шаткую цену может он рассчитывать. Земельное право либерализма оценивало владение усадьбой и пашней

не иначе как владение движимым, воплощенным на бумаге имуществом и предписывало для того и другого равного оформления правоотношений и равного права наследования. Германское гражданское уложение укрепило либерализм юридически и вместе с тем вынесло приговор всякому местному германскому крестьянскому населению, также осудив любое утверждение законов крови в германском народе. Этот опасный пробел в нашем законодательстве, которое сложилось в XIX столетии, сразу был верно распознан *Эрнстом Морицем Арндтом*, крестьянским сыном и ученым. Я привожу слова из его появившейся в 1820 г. статьи «О поддержании и сохранении лесных угодий и крестьянства в направлении высокого, т. е. человеческого законодательства»:

«Люди должны быть свободны, но когда палка и камень, леса и горы из одних рук переходят в другие, точно перья на ветру, когда сама устойчивость стала подвижной и рассеянной, тогда у людей больше не остается уверенности в том, что за законы неизбежно должны войти в образ мыслей. Однако оба положения, которые охраняет эта ядерная энергия народа самым простодушным и искренним образом, — это земля крестьян и город ремесленников. Между тем это утрачивает всю сохранявшуюся чистоту и всю нравственную манеру, если земельные наделы и крестьянские усадьбы становятся возможно сделать легко отчуждаемыми и обмениваемыми и если через упразднение цехов и введение хваленной общей свободы предпринимательства становится возможно прорвать последнюю старую строгость и порядочность. В ослепляющей головокружительной свободе шаткой эпохи недостаточно сказать, что не все то — свобода, что называется свободой и видится таковой».

И из другого места:

«Мало осмыслено то, что, когда всем дозволено оставаться свободными, никто не остается свободным, но непременно возникает состояние распада и необузданности, которое убивает свободу в ее зародыше. Секрет подлинной свободы в том, что человек сквозь материальные узы, сквозь обстановку, которая более относится к предметам вне его, а к нему лишь в третьей или четвертой степени, сохраняя порядочность, порядок и святое чувство постоянства, без всяких недоброжелателей смог остановиться, и остановился».

Это Эрнст Мориц Арндт.

Для национал-социалистической аграрной политики из осознания этого вытекают задачи: во-первых, нужно исключить из крестьянства либерально-капиталистический образ мыслей и создать взамен этого такие условия, чтобы вместо губительной конъюнктуры стали руководить крестьянин и его дети, снова гордясь собственной пахотой и оставаясь верными закону жизни крестьянства. Только при заботе о крестьянском образе мыслей мы можем надеяться, что ценные крестьянские дети наверняка останутся на своей земле в качестве крестьян, притом не только на старых, но и на новых населенных хуторах. Этим мы предотвратим уже непосредственное вымирание лучшей наследственности. Условия для этой смены образа мыслей у сельского населения исключались при капиталистической экономической конъюнктуре, равно как и создание естественных условий для земледелия, соответствующих устойчивому хозяйственному укладу. К иной задаче относится создание соответствующего крестьянскому закону жизни земельного права. Потому что крестьянский образ мыслей не может долго сохраняться, если земельное право отказывает ему в признании, т. е. в нашем случае, если из-за правового уравнивания па-

хотной земли и денежного владения противятся праву наследовать развитие и устойчивость крестьянского образа мыслей. Общим задачам, задаче коренного хозяйства и задаче отвечающего крестьянству земельного права, служит национал-социалистическое земельное законодательство. Система регулирования рынка создает твердые цены и обеспеченный сбыт всей сельскохозяйственной продукции. Она вместе с тем воссоздает коренной хозяйственный уклад для крестьянской деятельности, делая крестьянина независимым от влияния биржи и колеблющейся конъюнктуры и делая его свободным для обеспечения народного питания. Не стремление к временной выгоде через одностороннее увеличение той или другой отрасли производства, но стремление к всеобщему повышению дохода посредством наиболее многосторонней заботы всех сил крестьянской деятельности станет императивным требованием к крестьянину. Это также соответствует закону жизни усадеб и лучших традиций германского крестьянства.

Коренной хозяйственный уклад будет юридически обеспечен посредством соответствующего ему земельного права, которое точно так же связано с крестьянскими традициями Германии. Крестьянскому мышлению германского человека отвечает то, что усадьба и пашня существуют не для цели увеличения какого бы то ни было наличного капитала, но для наследования, которое от предков передается потомкам. Древнейшей германской правовой традицией является то, что земля и почва не считалась движимой. Живущее поколение наследует, чтобы управлять и содержать, а также для того, чтобы ваши нужды покрывались вашими доходами, которые вы тем самым приобретаете. Крестьянские обычаи проявляли понимание этого также в те времена, когда право стало чуждым крестьянскому мышле-

нию и владение крестьянина в порядке наследования точно так же рассматривалось как делимое, как сумма денег. В дальнейших сферах безраздельного наследования усадеб получил практическое применение обычай договора о передаче имущества. Однако из-за разлада между правовой возможностью оформления, допускающей раздел, и крестьянской традицией безраздельного наследования крестьянские обычаи и образ мыслей оказались под угрозой. Это проявляется, главным образом, в многочисленных земельно-правовых законах единонаследования крестьянских дворов XIX столетия. Хотя они направлены на переход усадьбы к *единственному* наследнику крестьянского двора, но подсчет возмещения убытков указывает на то, что главным в этих законах единонаследования крестьянских дворов является то, что они принципиально считают усадьбу подлежащей распродаже и с этой имущественной массы рассчитывают на головную часть права отдельных сонаследников; усадьба рассматривается здесь уже как капитал, ценность которого — хотя бы в том же отходе так называемой выделенной из наследства доли к единонаследнику — должна быть в размещении. Крестьянская традиция должна снова приготовиться к тому, что усадьба служит роду, служит будущим поколениям не менее, чем нынешним и предыдущим, так что усадьба определенно должна преодолеть это капиталистическое притязание на долю наследства или на возмещение убытков. Вследствие этого должен быть открыт путь закону о наследственных крестьянских дворах¹, соответствующему старым обычаям и старому праву, которое употребляет *доходы* усадеб на нужды

¹ В оригинале: (Reichs-) Erbhofrecht. (Имперский) закон о наследственных крестьянских дворах (Германия, 1933—1947). Наследственный крестьянский двор переходил от отца к старшему сыну и не подлежал разделу (прим. пер.)

живущего поколения, и это целевое назначение также само закрепляется в праве. Теперь потомки крестьян, которые оказались обделены наследством, по мере доходов снова получили право на обеспечение и профессиональную подготовку и, на крайний случай, право на убежище в родной усадьбе.

Таким образом, усадьба сохраняет права рода. Поэтому в сущности крестьянского двора до нас дошло новое, но вместе с тем очень старое германское правовое понятие собственности и вновь установилась связь между старым обычаем и действующим правом. Влияние обычаев и собственно сельского воззрения на форму права в отдельных случаях вследствие этого обуславливает то, что идеи закона о наследственных крестьянских дворах соответствуют самому крестьянскому и национал-социалистическому мышлению: крестьянский надел, достаточный для содержания семейства, способность крестьянствовать, крестьянская честь — вот условия для наследственных крестьянских дворов, переходящих от отца к старшему сыну и не подлежащих разделу. Обоснование и применение этих идей покоится в руках суда, в котором крестьяне принимают участие наряду с судьями. Поэтому, насколько юридически возможно, это гарантия гармонии между правом и обычаями, и это создает соответствующую крестьянскому мышлению его правовую основу. При этом может выглядеть менее ясным то, как старое крестьянское требование времен крестьянских войн получает свое полное соблюдение. Как народ при своих правах приходит к сознанию своих собственных ценностей, так при своих правах к самосознанию приходит и отдельное сословие. Поэтому право наследственных крестьянских дворов устанавливает основу для собственно крестьянского самосознания и вместе с тем

для укрепления и поддержания чистоты крестьянского представления о чести.

Я подчеркнул взаимосвязь, которая соединяет все меры национал-социалистической аграрной политики. Мы рассмотрели проблемы продовольственной экономики в их связи с проблемами крестьянства, и мы рассмотрели крестьянство одновременно как кормящее сословие и как источник крови народа. Единственное движение, сдвигающее хозяйственные, правовые и демографические задачи в *единое* поле зрения, коренится в национал-социалистическом воззрении касательно установленного законом жизни единства крестьянства и усадьбы, народа и пахотных земель.

Поэтому теперь я возвращаюсь к исходному пункту. Взаимосвязь нашего народа с его почвой есть не вопрос, выдвигаемый экономикой, не даже просто вопрос распределения силы в государстве. Взаимосвязь нашего народа с его почвой коренится в крестьянском характере нашего народа и в неразъемном жизненном единстве крестьянства с его пахотной землей в германско-немецком понимании. Пашня может приносить стабильный доход и давать возможность, насколько мы можем видеть, вечного продолжения роду, который за ней закреплен. Род, закрепленный за пашней, может добиться такого продолжения, если он получает в земледелии форму права и хозяйствования, соответствующую пашне и себе. Земельное законодательство не сделало ничего иного, как приобрело народно-хозяйственную значимость этому закону жизни крестьянства нашего народа при современных условиях и сохранило это в актуальных и сегодня формах. На этом зиждется национал-социалистическое земельное право и коренной характер экономики с ее системой регулирования рыночных отношений. На этом основываются демографические гарантии и обеспе-

ченность государства продовольственной экономикой. В этом смысле закон единства крови и почвы является основной идеей национал-социалистической государственной мысли. И эта государственная мысль о крови и почве принципиально отличается ото всех исключительно националистических государственных идей как раз тем, что она кровь, т. е. расу, делает стержнем своего мировоззрения и всех политических замыслов, тогда как чисто националистическая государственная мысль возможна и без идеи крови; в этой связи я напомним о враждебной крестьянству и отрицающей расу, но полностью националистической государственной идее Советов и о том, что сельское население хотя и имеет место, но вопросы крови отрицаются фашистской государственной идеей.

Было бы провальным желать выдернуть из единой и в своем роде единственной совокупности аграрного законодательства отдельные фрагменты и перенести на совершенно различные области без того, чтобы там были даны аналогичные, естественные и принципиальные условия. Это следует отклонить потому, что в полемике касаясь строительства промышленной экономики будут возникать остроты о «наследственных крестьянских дворах экономики». Ибо не создан наследственный крестьянский двор, чтобы в либерально-экономическом смысле стабилизировать некоторым образом нуждающийся в защите, но достойный поддержки характер экономики, именно крестьянский, на националистической основе. Однако наследственный крестьянский двор создается исключительно потому, чтобы в будущих столетиях сохранялась наша кровь. И эта кровь остается, судя по всему опыту нашей истории, только на крестьянской земле, проходя сквозь поколения не на городской почве. Кроме того, крестьянин также должен иметь экономическую защиту, поскольку

ку он всегда зависит от погодных и метеорологических факторов риска, которые в городе не значат почти ничего, ибо там можно оставаться хорошо защищенным и не зависимым от них. Поэтому для меня идея о «наследственных крестьянских дворах экономики» выглядит фальсификацией национал-социалистической крестьянской идеи и идеи крестьянских наследственных дворов в промышленной отрасли экономики. Если в промышленной отрасли экономики требуется деятельность, которая должна сохраняться от разрушения посредством порядка наследования, или, возможно, желает своего сохранения в *отдельной* семье исходя из основы здоровой политики, отражающей интересы среднего сословия, для этого будет достаточно единонаследия¹, которое обеспечит передачу деятельности детям.

Для этого, однако, не нужно, так сказать, ослаблять крестьянскую идею национал-социализма о наследственных дворах и извращать ее до той противоположности, что можно поставить на передний план не ее упомянутую собственную задачу — сохранение крови на долгие поколения, — а сохранение хозяйственной формы предприятия, достигая, таким образом, полностью извращенного представления о предметах.

Подобным образом обстоит и с идеей фидеикомиссов², которая снова и снова обсуждается в определенных кругах общественности. О себе заявляет наблюдаемая чисто законодательно, непринципиальная разница между старым фидеикомиссом и сегодняшним

¹ В оригинале: Anerbenrecht. Право единонаследия при переходе по наследству крестьянского двора (прим. пер.).

² В оригинале: Fideikommiss. Неделимая и неотчуждаемая имущественная масса, как правило, поместье, целиком переходящая по наследству члену семьи. Дворянское имение, целиком переходящее по наследству одному члену семьи (прим. пер.).

национал-социалистическим законом о наследственных дворах, даже не прямая: у обеих систем различны исключительно предпосылки, из которых они создаются, и постановка цели, которой они служат. В имперском законе о крестьянских дворах германский народ желает навечно обеспечить свое постоянство после полученного опыта того, что в крестьянстве обнаруживается источник народной крови. Германское крестьянство обеспечивает устойчивость народа сквозь столетия вплоть до сегодняшнего дня, и из осознания этого законодатели выдвинули логический вывод. В фидеикомиссе, напротив, предпочтительнее считается территориальное княжество и семейства, имеющие на то право, укрепляют свое господство, хотя в то же время эти семейства защищались от постоянно ощущимой будущей угрозы земле и почве вследствие расширившегося капитализма.

Обе эти системы также объединяет та основная мысль, что обе они, желая, таким образом, стабилизировать, оберегают от экономических неожиданностей те роды, которые являются источником крови. Во время имперского закона о наследственных дворах из народного духа все же было почерпнуто и полностью отнесено к поддержке германского народа, являясь, следовательно, социалистическим, предполагаемое идеями фидеикомисса территориальное княжество, к стабилизации которого будут привилегированны верные ему роды. Имперский закон о наследственных дворах имеет еще один тот социалистический признак, что право фидеикомисса предполагает возвращение территориально-княжеского феодализма. Сегодня достаточно только имперского закона о наследственных дворах для того, чтобы при большом землевладении ценные для германского народа семейства сами соединялись с родной землей так же, как раньше при

фидеикомиссе. Если, несмотря на это, снова и снова возникают вопросы, нельзя ли при имперском законе о наследственных дворах сохранить и право фидеикомисса, то должно быть ясно, что определенные круги все еще надеются занять в будущем особое положение в национал-социалистической Германии потому, что раньше они однажды уже занимали его при других государственных условиях. Такие круги полностью забыли, что для них ответ на эти вопросы будет найден только тогда, когда их заслуги перед национал-социалистическим государством будут настолько же исключительны, насколько были перед их более ранним территориальным управлением, и тогда они смогут стать также премного вознаграждены. На то, что национал-социалистическое государство готово к таким отношениям, указывает дело семейных имений, обоснованное *Гинденбургом*. Это также не секрет, если я выражу, что национал-социалистическое правительство совершенно готово шагать этим путем далее и высокие заслуги перед государством и народом не менее высоко вознаграждать. Вполне соответствует основному принципу национал-социализма то, что тот, кто на службе германскому народу принял на себя повышенные обязанности, может пользоваться и соответствующими привилегиями, однако бессмысленно желать сегодняшнему государству привилегий прошлых времен без оказания этому государству эквивалентных привилегиям важнейших на сегодня услуг. Особенно это ценится, если обратить внимание на то, что память германского народа не так слаба, чтобы забыть то, как катастрофический отказ его тогдашнего руководства в 1918 г. привел назад и то, что (это не менее важно) эти ответственные и привилегированные руководители, в особенности бывшие владельцы фидеикомиссов,

появляются не только со смертью освободительного движения *Адольфа Гитлера*, смертью, смывшей вашей кровью то бесчестие, которое в те дни все же принес с собой политический отказ ответственных. Кроме того, также следует учитывать, что только посредством жертвы сотен под знаменем *Адольфа Гитлера* стало возможным снова создавать правовые отношения, которые сегодня смогут обеспечить нам упорядоченное государственное право и уберечь нас от большевизма. Поэтому я не понимаю сегодняшней дискуссии о фидеикомиссах, в посредственных или полнокровных идеях которой при национал-социализме нет смысла. Имперский закон о наследственных дворах дает совершенную возможность также сделать крупное землевладение, так сказать, похожим на фидеикомисс, если оно удовлетворяет требованиям § 5. Конечно, это являлось бы свидетельством наследственной ценности поколения или значимости услуг, оказанных им сегодняшнему государству *Адольфа Гитлера*, так как определяется для нас качеством крови и ее сохранностью. В этом смысле мы также имеем число больших владений, которые соответствуют идеям закона о наследственных дворах, для того чтобы создать эти самые наследные дворы. Разумеется, на персон с еврейским ответвлением в родословной, которые все еще любят так прекрасно и громко стремятся создать себе доброе имя, закон о наследственных дворах не распространяется. Ибо это противоречило бы самому себе, так как закон о наследственных дворах нацелен сохранять германское будущее, источник крови германского народа, что означает также сохранять его *чистым*. К сожалению, практика показывает, что к сопротивлению закону о наследственных дворах со стороны отдельных крупных землевладельцев неоднократно станет снова приводить то,

что их семейства, испугавшись до сих пор тщательно скрывавшегося, обусловленного еврейской кровью изъяна в их родословных, притом оставаясь в праве на признание наследственного двора своим владением, вследствие этого станут выражать отказ от своих требований. Сегодня, основываясь на богатом опыте, я могу лишь посоветовать таким противникам имперского закона о наследственных дворах: во-первых, всегда добывать как можно больше сведений обо всех своих прародителях, прежде чем конструктивно воспринимать свою враждебность.

Здесь я должен заканчивать. Когда заместитель вождя, товарищ по партии Рудольф Гесс на имперском партийном съезде НСДАП в Нюрнберге в 1933 г. сказал, что национал-социализм означает не что иное, как практическое применение расового учения, тогда он одновременно с этим сказал, что для национал-социализма расовый вопрос является не только ключом к пониманию мировой истории, как это выразил в своем романе один остроумный еврей, кое-что смысливший в политике, но также и то, что расовый вопрос представляет ось всех политических соображений национал-социализма. Здесь, однако, нужно не только уважать государственную политику мировых масштабов в отношении тех территорий, на которых живет народ, но отсюда следует и то, что понятие «крови» и «почвы» станет решающей основной мыслью национал-социализма.

(Пер. с нем. Носова Н.Н.)

Приложение

Историю создавало германское крестьянство

Вспоминая сегодня борьбу штедингского крестьянства за свою свободу семьсот лет тому назад¹, мы должны прежде всего упомянуть факт, имеющий важное значение для всех немцев: нынешняя историография пытается представить «историю Германии» как столкновение интересов империалистических кругов — прежде всего духовного и территориального характера, не говоря ничего о «крестьянской истории». Это вызывает удивление, ибо как бы ни описывали историки королей и герцогов и их деяния, немецкий народ сохраняет в памяти все, происходившее с крестьянами и имевшее гораздо большее значение для судеб немцев, чем взлеты и падения их правителей.

Можно взять еще один пример более чем тысячелетней давности, когда жестокий Чарльз Саксонский устроил резню в Бердене на Аллере, в результате которой погибли тысячи саксонских крестьян. События эти остались в памяти жителей Нижней Саксонии, несмотря на попытки многих историков преднамеренно стереть их. А в драме Шиллера «Вильгельм Телль» описывается борьба швейцарских крестьян за свободу против надменных Габсбургов, побудивших немецкие племена выступить против своего правителя в Валлунге. К слову говоря, в определенных кругах ходили слухи, что Шиллер после опубликования «Вильгельма Телля» получил от масонской ложи предупреждение, так как она была недовольна прославлением свободолюби-

---

¹ Конрад Марбургский при поддержке Доминиканского ордена обвинил штедингское крестьянство в 1234 г. в ереси, преследуя цель лишить их всех прав и взять под собственный контроль. «Крестовый его поход» тогда удался (прим. авт.).

вого крестьянства. В интересах немецкого народа нам, историкам, следует объективно исследовать эти слухи на основе документов, вместо того чтобы понапрасну терять время и энергию в попытках оставить его в неведении или дать ему фальсифицированное представление о культурной жизни предков.

В действительности то, что мы называем народностью, никогда не интересовало германских императоров, духовных лиц и владетельных князьков. А ведь предпосылки народности связаны с существованием крестьянства еще до того периода времени, с которого современные историки начинают свой отсчет. Ни герцоги, ни церковь, ни даже города не создали германца как такового. Немцы произошли от крестьян, а герцоги, церковь и города только наложили на них определенный отпечаток. Германское крестьянство в далекие века представляло собой сырой материал и в то же время основу, определившую направление и характер дальнейшего развития. Мы, национал-социалисты, восстановившие старую истину, что кровь является формообразующим элементом культуры народа, абсолютно четко представляем себе суть вопроса. На любом этапе исторического развития кровь горожан пополнялась крестьянской кровью, что и определяло сохранение в целом германского духа.

Если сегодня проехать по нашей стране, то можно еще встретить среди крестьян обычаи, сохранившиеся в течение тысячелетий. Это как раз доказывает, что основу народности следует искать именно здесь, а не высасывать из пальца, сидя за письменным столом. Изучив документы и другие исторические источники, мы обнаружим к своему удивлению, что эти тысячелетние обычаи, бытовавшие среди крестьян, никогда не поддерживались церковью и владетельными феодалами. И даже наоборот, крестьянам приходилось за-

щищать их от нападок последних. И так обстояло дело в самых различных древних поселениях германских крестьян — будь то в Нижней Саксонии, Гессене, Тюрингии, Верхней Баварии или Франконии. Повсюду можно обнаружить древнейшие крестьянские обычаи. И это свидетельствует о том, что немецкое крестьянство знало свои традиции и умело охранять их от любых попыток ликвидации с разных сторон, в том числе и по линии церкви, а также от насаждения чужеродных порядков и законов.

Отрадно отметить, что многие ученые стали отходить от прежней оценки исторического развития нашего народа и уделяют достойное внимание роли крестьянства. Однако некоторые грамотеи все еще пытаются доказать, что германские племена, будучи кочевниками, стали оседать на землях и приобщаться к культуре именно благодаря «отеческой заботе» духовенства и князьков. Таким высказываниям я могу совершенно спокойно и объективно противопоставить следующее: задолго до появления науки в Германии крестьянство уже существовало, обеспечивая свое бытие и продолжение рода. Несмотря на тысячелетние попытки отвратить крестьянство от его сути, здравый смысл и чувство крови позволили ему сохранить потомственную преемственность — вопреки даже псевдонаучным приемам доказать обратное. Так что этим умникам следует сделать соответствующий вывод и прекратить свои измышления. То, что не удалось уничтожить за тысячи лет, изменить и тем более ликвидировать за ближайшие годы им не удастся.

Как раз наоборот, когда мы сегодня говорим о германских расовых корнях и уникальности немцев, обычно принято считать, что эти особенности тесно связаны с территориальным принципом, проявляющимся в наличии в стране отдельных регионов. Неко-

торые ученые утверждают, что в южных районах расселения германских племен это понимание благодаря национал-социализму начинает обретать силу и что пренебрегать учетом расовой уникальности их населения более нельзя.

Если взять Баварию, Вюртемберг и Баден, то их границы не являются границами расы и не имеют каких-либо принципиальных отличий в расовых корнях. Более того, их границы установлены Наполеоном, который не придавал никакого значения расовым вопросам и историческим традициям. Их пример показывает, что установленные на картах границы не повлияли на сохранение изначальных особенностей народа. И произошло это, следовательно, на основе совершенно иных законов, не имеющих ничего общего с нарезанными границами.

Можно утверждать, что носителем этих характеристик являлось крестьянство. Такой город, как Мюнхен, например, не имеет никаких чисто баварских особенностей, так как его монументы и другие характерные черты воздвигнуты теми же германскими племенами. Типично баварское явление — суть баварские крестьяне, живущие до сих пор так же, как и их предки несколько столетий тому назад, и посылающие в город своих сыновей. Такое положение характерно и для других германских племен. Что касается владения крестьянами землей, то в экономическом плане в большинстве случаев за последние пятьсот лет значительных изменений не произошло, нет изменений и в расовом плане. Поколения, жившие на этих землях, сохранили обычаи своих отцов, которые определяют и современную жизнь немцев в сельских местностях. Иное дело — города. Ни один из них не может представить доказательств, что люди, живущие за его стенами, сохранили кровь, текшую в жилах их предшественников

сотни лет назад. Так что основные расовые характеристики и уникальность народа сохранены в основном крестьянами. Поэтому тот, кто несколько недель тому назад сказал в Южной Германии, что закон о наследственном здоровье сможет в гораздо большей степени, чем региональный сепаратизм, гарантировать сохранение характерных расовых особенностей народа, был абсолютно прав. Можно сказать, что кровь людей течет из корней, ушедших глубоко в землю, на которой сидят крестьяне и из которой они продолжают черпать свои жизненные силы, определяющие их особенности и характер.

(Из речи министра сельского хозяйства Вальтера Даррэ, произнесенной им по случаю семисотлетнего юбилея борьбы штедингского крестьянства за свободу // Альтенш. 1934. 27 мая.)

(Цит. по: Моссе Дж. «Нацизм и культура». М., Центрполиграф, 2003.)

Справка

Рихард Вальтер Даррэ (1895—1953), рейхслайтер, руководитель Центрального управления сельскохозяйственной политики НСДАП. Родился 14 июля 1895 г. в Буэнос-Айресе, Аргентина. Учился в реальной школе в Гейдельберге и евангелистской школе в Бад-Годесберге. В 1911 г. по обмену студентами Даррэ был направлен в Уимблдон, Англия. Во время Первой мировой войны служил лейтенантом в полку полевой артиллерии.

После войны начал заниматься сельским хозяйством и по заданию нацистской партии приступил к созданию организации производителей сельхозпродукции. Вскоре после прихода Гитлера к власти, 4 апреля 1933 г. Даррэ было поручено возглавить «Союз кормильцев рейха». Гитлер назначил его рейхсбау-

эрнифюрером (руководителем имперского сельского хозяйства) и рейхсэрнерунгеминистром (имперским министром продовольствия). Будучи группенфюрером СС (генерал-лейтенантом), он был также шефом Центрального управления СС по вопросам расы и переселения. Даррэ являлся автором многочисленных трудов по вопросам расовой доктрины, марксизма и сельского хозяйства. Умер в Мюнхене в сентябре 1953 г. от расстройства печени.

(Цит. по: Воропаев С. «Энциклопедия Третьего рейха». М., Локид-миф, 1996.)

Научно-популярное издание

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ III РЕЙХА

ТАЙНЫ СС. «ЧЕРНЫЙ ОРДЕН» ГИТЛЕРА

Ответственный редактор *Н. Аничкин*

Редактор-составитель *Д. Жуков*

Художественный редактор *П. Волков*

Технический редактор *В. Кулагина*

Компьютерная верстка *Г. Ражикова*

Корректор *И. Федорова*

ООО «Яуза-пресс»

109115, г. Москва, Есенинский б-р, д. 15, корп. 4.

Тел. (495) 745-58-23, факс: 411-68-86-2253

Подписано в печать 18.01.2010.

Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Балтика».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.

Тираж 4000 экз. Зак. 20958.

Отпечатано по технологии CtP

в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

ISBN 978-5-9955-0125-1

9 785995 501251 >

Тайны СС

«Черный орден» Гитлера

СС (*Schutzstaffeln*) — охранные отряды НСДАП — не только самая зловещая, но и самая таинственная организация XX века. Многие ее преступления до сих пор скрыты под завесой секретности, мифов, домыслов и лжи. Ее история полна непроницаемых «черных пятен». Недаром сами эсэсовцы называли свою организацию «Черным орденом» (*Schwarz Orden*). СС контролировала все стороны духовной, научной, политической, экономической и военной жизнедеятельности Третьего Рейха — от самой мощной системы безопасности до загадочной организации «Аненербе», от иностранных дивизий добровольцев, сражавшихся на стороне Гитлера, до «штрафной» бригады Дирливангера, от выпуска фальшивой иностранной валюты до «окончательного решения еврейского вопроса». А после падения Третьего Рейха СС была единственной нацистской структурой, продолжавшей свою деятельность в глубоком подполье.

Эта книга проливает свет на самые запретные, самые тайные и закрытые страницы истории «Черного ордена» Гитлера.

ISBN 978-5-9955-0125-1

9 785995 501251 >